

О ПОДПИСКѢ НА „РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ“, „ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ“ И „ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ“ въ 1913 году.

(Циркуляръ Главнаго Штаба 1912 года № 194).

Въ 1913 году издаваемые съ Высочайшаго соизволенія газета «Русскій Инвалидъ» и журналъ «Военный Сборникъ» будутъ выходить по-прежнему: газета—ежедневно, кромѣ дней, слѣдующихъ за праздниками, журналъ—ежемѣсячно. При «Военномъ Сборникѣ» будутъ даны 4 книги «Военно-Историческаго Сборника».

Высочайше утвержденнымъ 23 сентября 1912 г. положеніемъ Военнаго Совѣта, объявленнымъ въ приказѣ по военному вѣдомству отъ 5 октября за № 552, установлено, что печатаемые въ газетѣ „Русскій Инвалидъ“ приказъ по военному вѣдомству и циркуляры Главнаго Штаба *принимаются къ руководству со времени полученія въ частяхъ и учрежденіяхъ названной газеты.*

«Русскій Инвалидъ» сообщаетъ главные officialныя извѣстія и слѣдить за многосторонними текущими событіями въ военномъ мірѣ, и также за всѣми явленіями, имѣющими интересъ для служащихъ военнаго и морскаго вѣдомствъ. «Военный Сборникъ» посвящаетъ свои страницы всесторонней разработкѣ военнаго дѣла. «Военно-Историческій Сборникъ» будетъ имѣть задачей давать матеріалъ по исторіи Русской Арміи.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи въ С.-Петербургѣ, Литейный, уголъ Пантелеймоновской, № 21. Телефонъ 672.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И:

На «Русскій Инвалидъ»:

Въ Россіи:		
На годъ	9 р. — к.	
„ 11 мѣсяцевъ	8 „ 50 „	
„ 10 „	8 „ — „	
„ 9 „	7 „ 50 „	
„ 8 „	7 „ — „	
„ 7 „	6 „ 50 „	
„ 6 „	5 „ 75 „	
„ 5 „	5 „ — „	
„ 4 „	4 „ 25 „	
„ 3 „	3 „ 25 „	
„ 2 „	2 „ 25 „	
„ 1 „	1 „ 25 „	

За границей:		
На годъ	15 р. — к.	
„ 11 мѣсяцевъ	14 „ — „	
„ 10 „	13 „ — „	
„ 9 „	12 „ — „	
„ 8 „	11 „ — „	
„ 7 „	10 „ — „	
„ 6 „	9 „ — „	
„ 5 „	8 „ — „	
„ 4 „	6 „ 50 „	
„ 3 „	5 „ — „	
„ 2 „	3 „ 50 „	
„ 1 „	2 „ — „	

Съ пересылкою.

Подъ годовой подпиской надлежитъ разумѣть подписку съ 1-го янв. по 1-е янв. слѣдующаго года. Подписка на сроки менѣе года принимается лишь на цѣлые мѣсяцы, съ 1-го числа каждаго мѣсяца, не далѣе конца года.

На «Военный Сборникъ» съ «Военно-Историческимъ Сборникомъ» принимается попрежнему *только годовая подписка*, съ тою же платою въ годъ: внутри Россіи 6 рублей съ пересылкою (въ С.-Петербургѣ съ доставкою на домъ), за границу 8 руб. съ пересылкою; *на срокъ менѣе года и отдѣльно на «Военно-Историческій Сборникъ» подписка не принимается.*

СРОКИ ВЗНОСА ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ:

Подписная плата вносится *полностью* при подпискѣ.

Но при подпискѣ на годъ *отдѣльныхъ* военно-служащихъ *допускается разсрочка платежа* по слѣдующему расчету:

На «Русскій Инвалидъ».		
не позже 1 января	4 р.	
„ „ 1 марта	1 „	
„ „ 1 мая	1 „	
„ „ 1 іюля	1 „	
„ „ 1 сентября	1 „	
„ „ 1 ноября	1 „	
Итого		9 р.

На «Военный Сборникъ».		
не позже 1 января	2 р.	
„ „ 1 марта	1 „	
„ „ 1 мая	1 „	
„ „ 1 іюля	1 „	
„ „ 1 сентября	1 „	
Итого		6 р.

См. далѣе на 3-й страницѣ обложки.

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

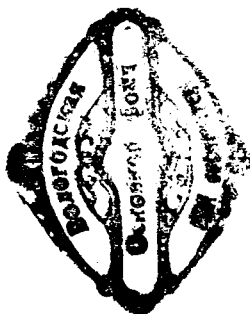
ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ.

ГОДЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ШЕСТОЙ

№ 6 I Ю Н Ь 1913

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1913.

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТОЙ КНИЖКИ.

I.

	СТРАН.
I. О дѣйствіяхъ авангарда по новому уставу полевой службы. Н. ЗАРИНЪ.	1
II. Атака и оборона населенныхъ пунктовъ. (Со схемами). Б. НИКУЛИЩЕВЪ.	7
III. Необходимость переработки положенія о пѣшихъ развѣдчикахъ. А. ШЕМАНСКІЙ.	21
IV. Стрѣлковый спортъ. А. СМІРНСКІЙ.	27
V. Боевая связь пѣхоты и артилеріи. (Окончаніе). Б. СЦИБОРОВСКІЙ.	31
VI. Наставленіе для обученія стрѣльбѣ артилеріи. В. ВОРОНЕЦКІЙ.	47
VII. Фантазія. (Стихотвореніе). Г. УСАЧЕВЪ.	52
VIII. Артилерійскій комитетъ, его прошлое, настоящее и будущее. А. МАРКЕВИЧЪ.	53
IX. Нѣсколько мыслей объ организаціи инженерныхъ войскъ. ВЯЧ. АТРОШЕНКО.	61
X. Кадетскіе корпуса, ихъ невзгоды и нужды. Н. ПОПОВЪ.	73
XI. Душевное состояніе воиновъ въ ожиданіи боя. (По наблюденіямъ врачей). Военно-психологическій этюдъ. Д-ръ Г. ШУМКОВЪ.	89
XII. Да, воинъ (рыцарь) безъ страха и упрека—достижимый идеаль. (Отвѣтъ г-ну Ш—ву). А. ДМИТРЕВСКІЙ.	95
XIII. Святые предстатели за землю русскую и русское воинство. (Данныя народныхъ картинъ и книгъ). (Окончаніе). (Съ рисункомъ). Л. ЕВДОКИМОВЪ.	101
XIV. Унтеръ-офицерство прусской арміи и прусскія унтеръ-офицерскія школы въ 1869 г. А. ВИТМЕРЪ.	131
XV. Письма изъ Сибири. Л. БѢЛКОВИЧЪ.	145
XVI. Въ низовьяхъ рѣки Кафернитана. (Очеркъ горной Бухары). Д. ЛОГОФЕТЪ.	161
XVII. Капитанъ Воиновъ. А. ЛАНГЪ.	189
XVIII. Спортъ за границей (Съ рисунками). ВРОНСКІЙ.	203

II.

I. БИБЛІОГРАФІЯ. Обзоръ иностранныхъ военныхъ журналовъ. А. СВѢЧИНЪ; В. Н.	209
II. ИНОСТРАННОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. М. Б.	225

Главный редакторъ журнала «Военный Сборникъ» и газеты «Русскій Инвалидъ»,
Генеральнаго Штаба Генераль-Маіоръ *Бѣляевъ*.

Помощникъ Главнаго редактора, Ген. Шт. Генераль-Маіоръ *Пруссанъ*.

О дѣйствіяхъ авангарда по новому уставу полевой службы.

Личный починъ, или проявленіе инициативы, является вѣнцомъ требованій, предъявляемыхъ военнотружущему вообще и находящемуся на старшихъ степеняхъ военной іерархіи—въ особенности. Безъ этихъ, можно сказать, краеугольныхъ свойствъ успешное веденіе современнаго боя является сомнительнымъ, а поэтому всѣ желанія въ арміи естественно направлены къ тому, чтобы видѣть въ своихъ рядахъ возможно большее число лицъ, обладающихъ столь важнымъ свойствомъ.

Особенно же этими отличительными качествами долженъ обладать начальникъ болѣе или менѣе значительнаго авангарда, отъ правильныхъ, энергичныхъ и цѣлесообразныхъ дѣйствій котораго подчасъ зависитъ успѣхъ или неудача всего отряда. Поэтому начальниками авангардовъ назначаютъ обыкновенно наиболѣе талантливыхъ, рѣшительныхъ и самостоятельныхъ людей, отъ которыхъ всегда является болѣе вѣроятнымъ ожидать проявленія ими той инициативы, которая такъ нужна при дѣйствіяхъ авангарда.

Но какъ бы ни былъ предприимчивъ и самостоятеленъ началь-

никъ авангарда, для него также необходимы извѣстные основные принципы, которымъ должны отвѣчать его дѣйствія и которыхъ онъ долженъ держаться, чтобы согласовать свои дѣйствія съ дѣйствіями главныхъ силъ своего отряда.

А для этого необходимо, чтобы эти принципы были установлены совершенно ясно и опредѣленно; тогда только каждый, проникнувшись ими, можетъ въ полной мѣрѣ и разумно проявить должную инициативу.

Между тѣмъ, новый полевой Уставъ, вводя, повидимому, совершенно новыя, по сравненію съ старымъ Уставомъ, понятія о дѣйствіяхъ авангарда, говоритъ объ этомъ очень ужъ кратко, какъ будто даже вскользь, такъ что невольно заставляетъ задуматься, такъ ли нужно понимать эту новую мысль Устава или иначе.

Дѣйствительно, если мы возьмемъ § 488 этого Устава, то прочитаемъ въ немъ слѣдующее:

«При наступленіи авангардъ (охраняющія части) стремится рѣшительными дѣйствіями обезпечить за собою обладаніе выгодною для наступленія главныхъ силъ мѣстностью; для этого онъ долженъ захватить мѣстные предметы (опорные пункты), облегчающіе развертываніе главныхъ силъ въ боевой порядокъ и дальнѣйшія ихъ дѣйствія».

Затѣмъ, нѣсколько выше, если мы развернемъ стр. 153-го же Устава, то въ концѣ 385 параграфа прочтемъ:

«...при этомъ боковые отряды должны, быстро выдвинувшись впередъ, охватить его (т. е. противника) фланги и вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдать фланги авангарда, пока не придутъ особо назначенныя для сего части».

Вотъ и все, что сказано въ Уставѣ о дѣйствіяхъ авангарда. Но, однако, и въ этихъ немногихъ строкахъ проводится совершенно новая мысль, на основаніи которой казалось бы, авангарду приходится оперировать совершенно иначе, чѣмъ онъ это дѣлалъ до сихъ поръ и къ чему привыкли всѣ въ арміи.

Дѣйствительно, теперь авангардъ долженъ «захватить опорные пункты, облегчающіе развертываніе главныхъ силъ въ боевой порядокъ».

Но вѣдь боевой порядокъ, скажемъ, дивизіи, согласно 452 параграфа того же Устава, займетъ по фронту около 3 верстъ; изъ этого можно заключить, что и авангардъ долженъ развить свои операціи на такомъ же протяженіи, т. е. захватить опорные пункты примѣрно на протяженіи 3 верстъ.

Отсюда слѣдуетъ, что боевой порядокъ авангарда долженъ зна-

чительно разниться отъ принятыхъ нормъ, какъ по своимъ размѣрамъ въ большую сторону, такъ и своими формами, такъ какъ очевидно, что при такомъ способѣ развертыванія получится прерывчатый боевой порядокъ, въ видѣ отдѣльныхъ участковъ (вѣрнѣе группъ), распределенныхъ по фронту въ зависимости отъ опорныхъ пунктовъ на мѣстности, и съ сильными прикрывающими частями (боковые отряды) уступомъ впереди фланговъ.

Вотъ въ какомъ видѣ представляется по духу новаго Устава развернутый авангардъ.

Изъ этого можно видѣть, что и дѣйствія его должны совершенно отличаться отъ обычныхъ пріемовъ, прочно усвоенныхъ въ арміи.

Конечно, быть можетъ, многіе и не обратили на эти немногочисленные, но многозначущія строки Устава должнаго вниманія, и авангарды будутъ себѣ продолжать развертываться такимъ же точно образомъ, какъ они это дѣлали и до настоящаго времени. Хотя казалось бы, что мысль Устава, хотя и кратко, но все же совершенно ясно изложена; да и сама по себѣ она очень много говорить за себя!

Дѣйствительно, вѣдь авангардъ, развернувшійся вышеуказаннымъ новымъ способомъ, *volens-nolens* употребитъ въ дѣло сильную огневую линію и не будетъ, какъ говорится, солить своихъ резервовъ. Такимъ образомъ, онъ сразу же заставитъ и противника развернуться большими частями, ослабитъ свои резервы и обнаружить свои силы. Все это въ свою очередь значительно облегчитъ задачу начальника отряда, болѣе оріентируя его въ создавшейся обстановкѣ и предоставляя ему болѣе простора при выборѣ направленія для атаки и пункта для производства главнаго удара.

Такимъ образомъ, подобный образъ дѣйствій авангарда предоставитъ очень выгодныя въ боевомъ отношеніи стороны. Тонкая же форма строя, которая естественно получится при этомъ, отрицательнаго значенія имѣть не можетъ, такъ какъ даже по духу тактики авангардъ при развертываніи, стремясь къ демонстративнымъ дѣйствіямъ, резервовъ можетъ и не имѣть вовсе, тѣмъ болѣе, когда, захвативъ опорные пункты, всѣ его части будутъ, конечно, находиться въ огневой связи между собою, что, при силѣ современнаго оружія, явится и безъ резервовъ вполнѣ надежнымъ обезпеченіемъ въ продолженіе того сравнительно короткаго промежутка времени, въ теченіе котораго авангарду приходится дѣйствовать самостоятельно, до подхода главныхъ силъ отряда.

Такимъ образомъ, вопросъ о разброскѣ силъ авангарда отпадаетъ самъ собою.

Но зато гораздо болѣе сложнымъ является вопросъ о перемѣшиваніи частей, которое, казалось бы, неминуемо должно произойти при развертываніи главныхъ силъ отряда, такъ какъ при этомъ, естественно, части послѣдняго должны перемѣшаться съ частями авангарда.

Вотъ вопросъ, способный устроить многихъ настолько, что уже ради одного этого заставить ихъ отказаться понимать дѣйствія авангарда такъ, какъ изложено выше.

Но является ли этотъ вопросъ и на самомъ дѣлѣ столь страшнымъ, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ? Не является ли эта опасность лишь кажущейся и способной быстро разсѣяться при ближайшемъ и болѣе внимательномъ изученіи этого вопроса? Постараемся освѣтить его съ этой стороны.

Дѣйствительно, развѣ возможно вообще устранить перемѣшиваніе частей во время боя? Вѣдь все равно, какъ только бой разовьется, питаніе боевыхъ частей на счетъ резервовъ является неизбѣжнымъ, а слѣдовательно и перемѣшиваніе частей—неминуемымъ.

Правда, при указанномъ способѣ дѣйствій авангарда, перемѣшиваніе произойдетъ сразу, тогда какъ при практиковавшемся до сихъ поръ способѣ въ началѣ боя этого перемѣшиванія не будетъ, такъ какъ каждая часть получитъ самостоятельный боевой участокъ.

Но на долго ли это? Вѣдь при первомъ же усиленіи боевыхъ частей начнется перемѣшиваніе, которое при этомъ будетъ происходить самымъ механическимъ, или вѣрнѣе даже случайнымъ, образомъ, благодаря чему перемѣшаются не только полки, но батальоны, роты и даже части ротъ, чего устранить, при всемъ желаніи, не представляется возможнымъ.

Между тѣмъ, какъ при новомъ способѣ дѣйствій авангарда перемѣшиваніе произойдетъ хотя и сразу, но зато болѣе упорядоченное и даже, можно сказать, стройное, такъ какъ вновь развертывающіяся части главныхъ силъ будутъ вливаться не въ боевые участки авангарда, обезпечивающіе извѣстные опорные пункты, а будутъ заполнять лишь промежутки между ними, превращая, такимъ образомъ, прерывчатый боевой порядокъ въ сплошной. И поэтому перемѣшиванія болѣе мелкихъ частей вначалѣ не произойдетъ вовсе, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ даже цѣлые бата-

ліоны получаютъ самостоятельныя участки, не смѣшиваясь съ частями авангарда.

Такимъ образомъ, хотя и произойдетъ, конечно, извѣстнаго рода перемѣшиваніе частей, но оно будетъ въ гораздо болѣе выгодныхъ условіяхъ, нежели обыкновенное перемѣшиваніе во время боя, когда о какой-либо правильности или организаціи не можетъ быть и рѣчи.

Но вѣдь во время боя не только усиливаютъ цѣпь, но и удлиняютъ ее и направляютъ извѣстную часть для дѣйствій во флангъ противнику.

И вотъ въ этомъ отношеніи широкія дѣйствія авангарда представляютъ уже прямо-таки неизмѣримыя преимущества, такъ какъ съ самаго начала боя обеспечивается длинная боевая линія и, слѣдовательно, естественный охватъ непріятельскаго фланга (§ 493 Устава). Но, кромѣ того, боковые отряды, удаленные отъ авангарда на 2—3 версты въ стороны (§ 356 Устава), сразу очутятся на флангахъ этой длинной боевой линіи и согласно § 385 Устава должны быстро выдвинуться впередъ, охватить фланги противника и вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдать фланги авангарда. Такимъ образомъ достигается не только полное обеспечиваніе фланговъ своего боевого порядка, но и гарантируется удобный обходъ фланговъ противника, такъ какъ выдѣляемымъ для этого частямъ, очевидно, уже не придется тратить времени для овладѣнія мѣстностью на флангахъ.

Изъ всего сказаннаго да позволено будетъ думать, что авангардъ долженъ теперь дѣйствовать не иначе, какъ именно по способу, изложенному выше, способу, имѣющему за собою огромныя положительныя стороны.

Но, такъ какъ эти дѣйствія будутъ сильно разниться отъ прежнихъ пріемовъ развертыванія авангарда, является логическая надобность въ проведеніи этихъ пріемовъ въ жизнь, иначе говоря, въ постановкѣ въ войскахъ практическаго обученія этимъ пріемамъ.

Но для этого прежде всего необходимо устранить возможное недоразумѣніе, такъ ли надо понимать новый Уставъ? Можетъ быть онъ и не желалъ провести вышеуказанную мысль о дѣйствіяхъ авангарда, которую, однако, все же можно прочесть на его страницахъ.

А если это такъ, то очевидно, что тотъ, кто пойметъ Уставъ въ указанномъ широкомъ смыслѣ и будетъ дѣйствовать сообразно этому, разойдется съ основными принципами, которыми руковод-

ствовались до сего времени, и тогда может случиться, что проявившій въ данномъ направленіи инициативу начальникъ авангарда собьетъ съ толку начальника отряда и породитъ совершенно нежелательныя недоразумѣнія.

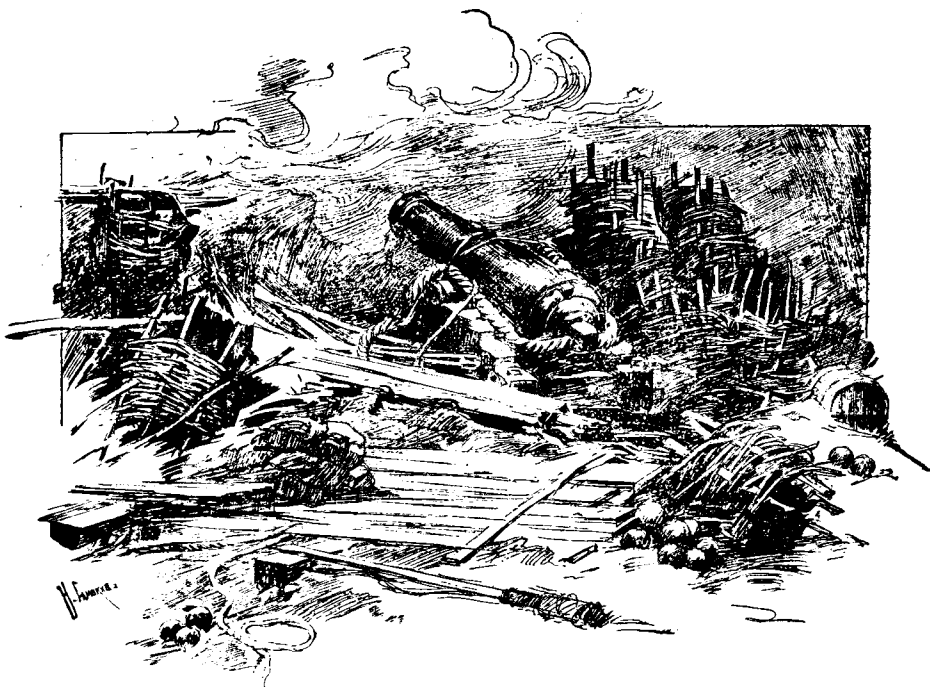
Поэтому казалось бы, что, въ интересахъ самаго дѣла, было бы необходимо выслушать сперва объясненіе составителей новаго Устава, такъ ли понята изложенная ими мысль, или же это толкованіе неправильное, и подобная мысль ими въ виду не имѣлась.

И лишь только по выясненіи этого вопроса явится возможность развить его далѣе въ смыслѣ изложенія практическихъ приѣмовъ при подобныхъ дѣйствіяхъ авангарда.

Поэтому подождемъ сперва—не откликнется ли на нашъ призывъ кто-либо изъ составителей новаго Устава полевой службы и не разъяснитъ ли должнымъ образомъ этого интереснаго и важнаго, но слишкомъ кратко изложеннаго въ Уставѣ, вопроса.

Ж. Заринъ.

АТАКА И ОБОРОНА НАСЕЛЕННЫХЪ ПУНКТОВЪ.

Современный бой, какъ показаль опытъ Шахейскихъ и Мукденскихъ боевъ въ войну 1904—1905 гг., едва только войска освобождаются отъ сковывающихъ ихъ путь позиціонной войны, немедленно же переходить въ борьбу за обладаніе мѣстными предметами, обращая открытыя мѣста въ такія же непроходимыя, какими въ эпоху линейной тактики признавались лѣса и деревни.

При повсемѣстной тенденціи современныхъ армій къ наступательному образу веденія войны, подобная ихъ дѣятельность на полѣ сраженія неминуемо выдвигаетъ на очередь весьма важный вопросъ объ умѣніи войскъ съ успѣхомъ атаковать и оборонять мѣстные предметы, а особенно населенные пункты, такъ какъ именно эти послѣдніе; по опыту послѣднихъ войнъ, и представляютъ чаще всего наибольшія трудности, являясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ключами къ обладанію тѣми или другими участками поля сраженія. Обращаясь къ военно-историческимъ даннымъ, мы видимъ, что 1-го сентября 1870 г., для взятія обороняемаго 64 пѣх.

линейнымъ французскимъ полкомъ, селенія Noisseville, нѣмцы сосредоточиваютъ подавляющую массу въ 114 (стрѣлявшихъ гранатами) орудій, которыя, въ теченіе часа разгромивъ это селеніе перекрестнымъ огнемъ съ дистанцій до 1.500 шаговъ, даютъ затѣмъ возможность атакующимъ его 44 ротамъ легко уже имъ овладѣть. Въ томъ же году, 18-го августа, при атакѣ селенія S. Marie aux chènes, обороняемаго также однимъ французскимъ пѣхотнымъ полкомъ, 88 саксонскихъ орудій, съ разстоянія 1.200—2.000 шаговъ отъ селенія, черезъ самое короткое время принуждаютъ французовъ къ отступленію; при атакѣ же, того же числа, сильно обороняемаго французами селенія St. Privat, охватывающая атака германцевъ удается лишь послѣ того, какъ это селеніе разгромяется огнемъ 144 германскихъ орудій, окружившихъ его съ трехъ сторонъ, съ разстояній отъ 1.000 до 1.500 шаговъ; причемъ (во всѣхъ этихъ примѣрахъ) нѣмцамъ приходится дѣйствовать противъ пѣхоты, поражающей изъ ружей «шаспо» цѣли до дистанцій 1.800 шаговъ, тогда какъ свои—дѣйствовали только на 400—600.

Наконецъ, извѣстное селеніе Простгейде въ Лейпцигской битвѣ, 6-го октября 1813 г., будучи обороняемо непосредственно лишь тремя баталіонами, съ фланговъ же защищаемо 200 орудіями, двумя пѣхотными и однимъ кавалерійскимъ корпусами, со старой гвардіей въ резервѣ,—разбиваетъ всѣ усилія союзниковъ къ овладѣнію имъ.

Въ Русско-японскую войну, 13-го января 1905 г., селеніе Сандепу оборонялось со стороны японцевъ лишь шестью спѣшенными эскадронами, тремя ротами резервной пѣхоты, шестью орудіями и нѣсколькими пулеметами; русскими же введено было въ дѣло не менѣе 24 баталіоновъ пѣхоты и 76 разнообразныхъ орудій (скорострѣльные, осадные, мортиры и поршневыя). Тѣмъ не менѣе, въ виду *далности разстоянія*, съ котораго стрѣляла наша артилерія (1.600—2.500 сажень), отсутствія развѣдки, *лишившей ее возможности видѣть* предметъ дѣйствій, *особенностей снаряда*—шрапнели, которымъ, большею частью, она была вооружена, и, наконецъ, особой ея *страсти къ закрытымъ позиціямъ* (не считаясь съ обстановкой), которой она была воодушевлена,—усилія ея оказались настолько слабыми, что не прекратили огня и единственной японской батареи, стрѣлявшей по нашимъ войскамъ до самаго вечера. Результатомъ была лишь крайняя ничтожность понесенныхъ артилеріею потерь. Потери ея въ VIII армейскомъ корпусѣ, во все время боевъ 12—17-го января 1905 г., до-

стигли *двухъ раненыхъ нижнихъ чиновъ*, тогда какъ потери пѣхоты равнялись 136 офицерамъ и 3.967 нижнимъ чинамъ. При подобнаго рода подготовкѣ (обыкновенно, однако, оправдываемой дѣйствительностью пѣхотнаго огня), *торопливая атака* пѣхоты, *въ густыхъ строяхъ* (пѣхоты, недостаточно подготовленной къ дѣйствіямъ въ лѣсахъ и въ деревняхъ), съ единственнымъ желаніемъ поскорѣе добраться до штыка—лобовой атакой и разновременно, *безъ содѣйствія саперъ и достаточнаго количества подрывныхъ матеріаловъ*,—безъ сомнѣнія, не могли увѣнчаться успѣхомъ. Многочисленность войскъ, атаковавшихъ деревню и, очутившихся въ совершенно незнакомой для нихъ обстановкѣ (въ коей штыкъ оказывался безсильнымъ), болѣе мѣшала дѣлу, чѣмъ облегчала его. Путь отступленія японцевъ изъ Сандепу не только не подвергался опасности во время атаки, но въ совокупности съ мѣрами, предпринятыми ими внѣ деревни (подкрѣпленія на флангахъ), отступленіе ихъ облегчалось еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что значительныя силы русскихъ втягивались, подобно губкѣ, въ кривые переулки селеній Баотайцзы, Сяосуцзы, Бейтайцзы, Сяотайцзы и Сандепу, освобождая тѣмъ отъ давленія ихъ фланги.

22-го февраля 1905 г., при атакѣ русскими селенія Юхуантунъ, ими введены были въ дѣло противъ шести японскихъ баталіоновъ и 18 орудій—32 баталіона пѣхоты и 48 орудій, дѣйствовавшихъ разновременно и, главнымъ образомъ, противъ артилеріи противника, съ закрытыхъ позицій, на разстояніяхъ до 2.000 сажень. Противъ юго-восточной окраины деревни, занятой японцами, только по прошествіи 10 часовъ боя, когда силы атакующихъ были уже до крайности истощены, руками пѣхоты были доставлены, для непосредственной подготовки атаки, *два орудія* 3 батареи 25 артилерійской бригады, въ то время, какъ сама батарея переѣзжала на новую позицію на двѣ версты далѣе, имѣя, попрежнему, въ виду непріятельскую артилерію. Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ дѣло шло о сотнѣ орудій, ограничивались всего двумя, притомъ, большею частью, еще и съ пѣхотной прислугой! Понятно, эта попытка окончилась неудачей и *не потому, что шрапнель являлась безсильной противъ толстыхъ глинобитныхъ стѣнъ селенія*, а единственно вслѣдствіе неискусства въ стрѣльбѣ и вслѣдствіе того, что двухъ орудій было недостаточно въ сферѣ сильнаго ружейнаго огня противника, съ ближнихъ дистанцій.

Подъ Линшинпу, послѣ шахейскихъ боевъ, неоднократно встрѣчались случаи, когда, по просьбѣ пѣхоты, скорострѣльная артиле-

рія, съ дистанціи 300 сажень, *разбивала шрапнелью глинобит-
ныя стѣны толщиною въ одинъ аршинъ*, вызывая неудержимый
восторгъ пѣхоты. Слѣдуетъ полагать, что подъ Юхуантунемъ
наши два орудія, по всей вѣроятности, стрѣляли со значительно-
большихъ дистанцій, при коихъ шрапнель, дѣйствительно, была не
въ состояніи пробить массивныя стѣны.

Въ свою очередь, борьба съ занятыми противникомъ фанзами,
безъ содѣйствія артилеріи, саперъ и подрывныхъ средствъ (о чемъ
вспомнили лишь, когда японцевъ болѣе не существовало), оказа-
лась и для пѣхоты непосильной; массы ея лишь напрасно запру-
жали улицы и, затрудняя управленіе, увеличивали собою безпо-
рядокъ и потери, не принося никакой пользы дѣлу. Путь отсту-
пленія японцевъ, если не считать обстрѣла его ружейнымъ огнемъ
съ дальняго разстоянія, оставался свободнымъ и можно съ увѣ-
ренностью сказать, что, при царившемъ тогда на нашей сторонѣ
безиорядкѣ, появленіе на нашемъ лѣвомъ флангѣ, подъ конецъ
боя, хотя одной свѣжей японской бригады, неминуемо доставило
бы японцамъ побѣду, а съ ней и обладаніе деревней.

Обладаніе селеніемъ *стоило намъ 143 офицеровъ и 5.266
нижнихъ чиновъ, изъ коихъ на долю артилеріи не выпало и одного
процента.*

20-го февраля 1905 г., при атакѣ русскими селенія Люцзя-
хуань, обороняемаго однимъ японскимъ баталіономъ, безъ под-
держки своей артилеріи, двѣ русскія батареи располагаются на
закрытыхъ позиціяхъ, *почти въ пяти верстахъ позади* атакую-
щихъ селеніе трехъ русскихъ полковъ. Лишенные дѣйствитель-
ной поддержки со стороны своей артилеріи, несмотря на незначи-
тельное количество японцевъ, русскіе были отбиты.

1-го октября 1904 г., японцы овладѣваютъ селеніемъ Лин-
шинпу, несмотря на оборону его четырьмя русскими полками и
24 орудіями, вслѣдствіе полной пассивности ихъ, неумѣнья дѣй-
ствовать въ деревняхъ и отсутствія поддержки со стороны арти-
леріи, расположенной на закрытыхъ позиціяхъ, *позади деревни,
въ двухъ верстахъ отъ нея*, а затѣмъ удалившейся отсюда и далѣе.

24-го февраля 1905 г., нѣсколько японскихъ ротъ, внезапной
ночной атакой, овладѣваютъ сѣверо-восточной частью деревни
Сантайцзы. Желая отбить ее обратно, русскіе вводятъ въ дѣло:
Модлинскій полкъ, 7 ротъ Александропольскаго, 4 роты Мокшан-
скаго и 2 роты Волинскаго полковъ, не считая еще позади рас-
положенныхъ многочисленныхъ резервовъ. Но, несмотря на всю

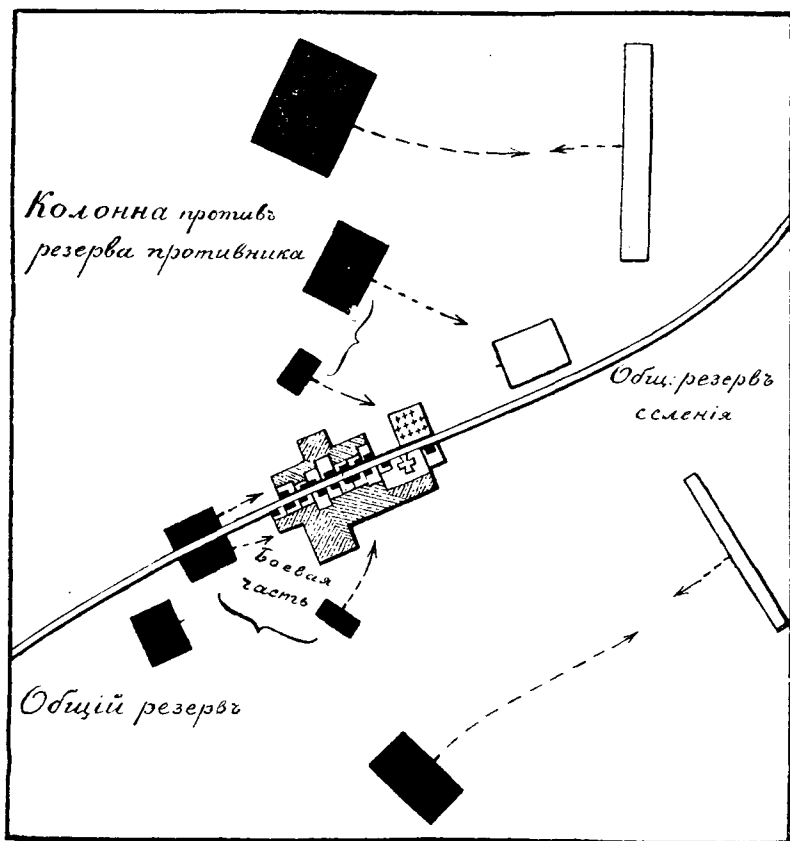
храбрость пѣхоты, бросающейся на «ура» съ *винтовками въ рукахъ* на массивныя глинобитныя фанзы селенія, *безъ содѣйствія саперъ и артилеріи*, она не въ состояніи овладѣть утраченной частью деревни и несетъ лишь напрасно большія потери.

Цѣлый рядъ другихъ боевъ въ ту же войну за обладаніе деревнями, какъ, напримѣръ: подъ Тхенитунемъ, Шоуялинцзы, Сяо-кѣишинпу, Ханчепу, Ламатунъ, Эндоуніулу, Шахепу, Цуанванче, Сухудяпу, Мадяпу, Инкоу и пр., былъ столь же неудаченъ для русскихъ, какъ и вышеприведенные бои. Вездѣ обнаруживалась наша неподготовленность къ дѣйствіямъ на закрытой мѣстности, особенно, тамъ, гдѣ дѣло касалось проявленія частной инициативы, личной ловкости, изворотливости, умѣнья дѣйствовать методично. Артилерія избирала почти всегда лишь одинъ сообразъ дѣйствія — закрытыя позиціи на дальнихъ разстояніяхъ, заботясь прежде всего не столько объ удобствѣ стрѣльбы, какъ о собственной скрытности и уменьшеніи своихъ потерь. Примѣры обратные сему являлись исключеніями! Вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ пѣхотѣ преобладала тенденція дѣйствій всегда по одному шаблону—будь это въ лѣсахъ, гао-лянѣ, деревняхъ или на открытой мѣстности, не считаясь ни съ какими особенностями. Противъ глинобитныхъ стѣнъ и фанзъ селенія предполагали дѣйствовать такимъ же образомъ, какъ и противъ врага, открыто стоящаго въ полѣ!

Какъ кажется, достаточно и этихъ примѣровъ, чтобы видѣть, въ какомъ направленіи должна слѣдовать дальнѣйшая наша тактическая подготовка. Обратимся же къ тѣмъ даннымъ, которыя, на основаніи опыта послѣднихъ войнъ, намѣчаютъ тотъ путь, къ которому слѣдуетъ стремиться.

Общія условія.

Цѣлый рядъ военно-историческихъ примѣровъ, новѣйшія изслѣдованія по вопросу объ атакѣ и оборонѣ селеній, съ неоспоримою очевидностью, доказываютъ, что на атакуемое селеніе слѣдуетъ смотрѣть лишь, какъ на отдѣльно выдвинутый бастионъ—*цитаду обороны*, прикрываясь которымъ, противникъ стремится нанести намъ ударъ во флангъ. Отсюда ясно, что всякая лобовая атака селенія значительными силами можетъ сыграть лишь въ руку противнику: она втянетъ наши силы въ извилистые изгибы селенія, въ дома, огороды и сады, лишитъ ихъ тамъ управленія, приведетъ въ безпорядокъ и, заставивъ шагъ за шагомъ, съ громадными жертвами, овладѣвать постепенно разными участками селенія,

подготовить противнику возможность нанести намъ ударъ во флангъ и въ тылъ—вънѣ этого селенія. Такимъ образомъ, *рѣшеніе участи деревни лежитъ не столько въ этой послѣдней, какъ внѣ ея—на флангахъ и въ полѣ.* Таковы дѣйствія Наполеона I въ сраженіи подъ Дрезденомъ, отчасти, подъ Малоярославцемъ и дѣйствія японцевъ подъ Сандепу послѣ того, какъ къ нимъ уже прибыли подкрѣпленія, а также дѣйствія ихъ же подъ Ляояномъ и Мукденомъ, если разсматривать здѣсь наши позиціи, какъ за цѣлые населенные и укрѣпленные пункты. Однако, не всегда обстановка складывается такимъ образомъ, чтобы легко было дѣйствовать съ фланговъ селенія. Рядъ селеній, приведенныхъ въ оборонительное состояніе, съ промежутками между ними въ нѣсколько верстъ, въ сферѣ дѣйствительности артилерійскаго огня, нерѣдко до-нельзя можетъ затруднить дѣйствія подобнаго рода. Въ такихъ случаяхъ, какъ это показалъ опытъ Японской войны, атакующій пользуется *ночью*, не пренебрегая, впрочемъ, и дѣйствіями на флангахъ, но для

обхода не одного какого-нибудь селенія, а всей оборонительной линіи деревень. Подобнаго рода мѣры были приняты японцами въ Мукденскомъ сраженіи, при атакѣ деревень Юхуантунъ, Сан-тайцзы, нѣмцами—подъ Гравелотомъ и Седаномъ и пр.

Угрозы флангу и тылу дѣйствуютъ на части, занимающія селенія, совершенно иначе, чѣмъ въ открытомъ полѣ. Матеріальныя данныя борьбы, оказывающія то или иное вліяніе на моральныя силы сторонъ, здѣсь дѣйствуютъ несравненно сильнѣе, чѣмъ на открытомъ просторѣ. Незнаніе о положеніи своихъ, кажущіеся успѣхи противника, близость его, убѣжденіе, что дома представляютъ лишь временное закрытіе, ожесточенность и свирѣпость самого боя, дѣйствуютъ на противниковъ угнетающе, особенно, если одинъ изъ нихъ видитъ противъ себя противника болѣе смѣлаго и искуснаго. Тѣмъ большее вліяніе должны оказывать на нихъ слухи объ отрѣзываніи отъ своихъ, объ обходѣ, если они оправдываются какими-нибудь данными, а также и непосредственная угроза обстрѣливанія артилерійскимъ огнемъ занятыхъ ими зданій. 28-го сентября 1904 года, одинъ слухъ объ обходѣ японцами занятаго нами селенія Эндоунилу заставилъ уже русскихъ очистить это селеніе. Тоже повторилось 1-го октября того же года, при оборонѣ русскими селеній Линшинпу, Ламатунъ и во многихъ другихъ случаяхъ. Замѣчательный примѣръ того же находимъ мы и въ сраженіи подъ Нордлингеномъ, 4-го августа 1645 года. Французская армія Конде считалась уже наполовину погибшей: ея правое крыло и центръ послѣдовательно потерпѣли неудачу у замка и деревни Аллергеймъ; правое крыло было даже разбито и оттѣснено почти за версту и, только на своемъ лѣвомъ флангѣ, гдѣ въ рядахъ французовъ сражался Тюреннъ, ей удалось оттѣснить стоящихъ тутъ австрійцевъ генерала Глейна. Въ это время Іоганнъ фонъ Вертъ, командующій лѣвымъ крыломъ союзныхъ войскъ, желая оказать помощь правому крылу своей арміи, прекративъ преслѣдованіе французовъ, рѣшился, отойдя со своими войсками назадъ, поддержать тѣснимыхъ австрійцевъ съ тыла. Движеніе его, однако, принято было защитниками д. Аллергеймъ за пораженіе. Предположивъ себя обойденными съ обоихъ фланговъ, они немедленно же положили оружіе, и сраженіе, считавшееся баварцами выиграннымъ, было потеряно ими безвозвратно.

При оборонѣ французами замка Гейсбергъ въ Вейсенбургскомъ сраженіи, 4-го августа 1870 года, только огонь выставленныхъ пруссаками 18 орудій заставилъ его сдаться.

Исходя изъ этого, слѣдуетъ признать, что, предпринимая атаку селенія, необходимо направить ударъ, не только сообразуясь съ одними подступами—съ фронта, *но и во флангъ и тылъ обороны.*

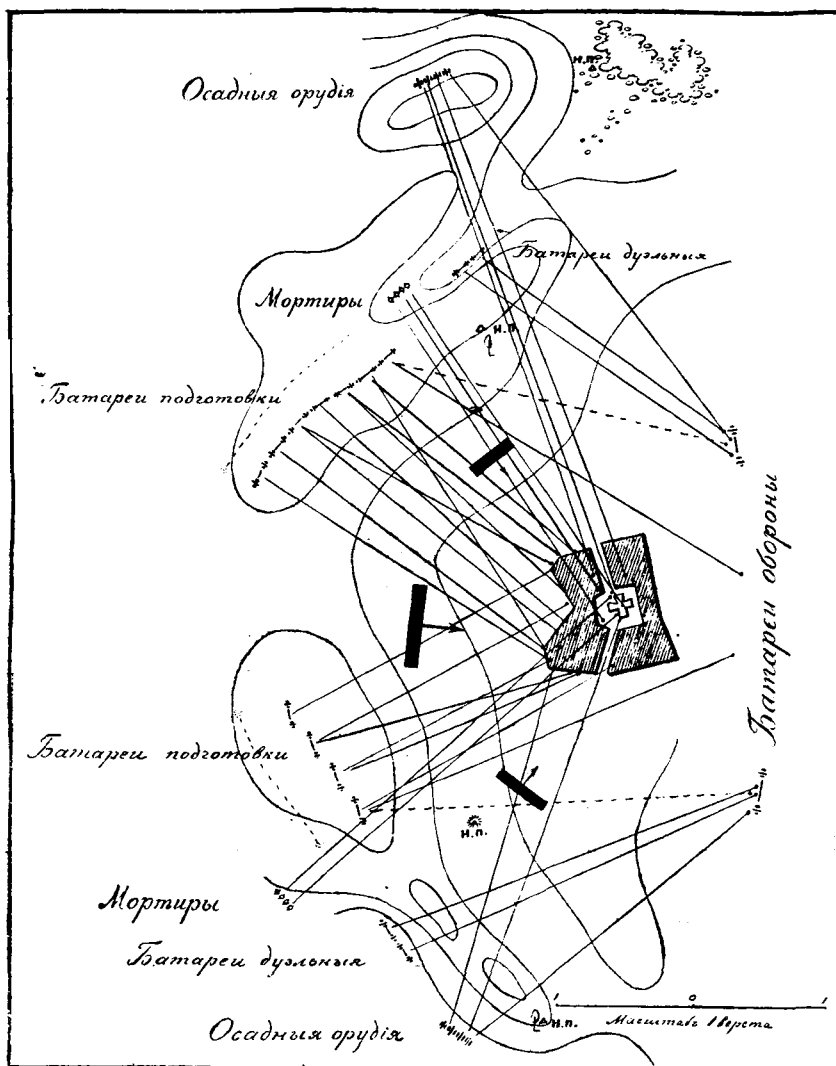
Артилерія.

Для успѣха атаки селенія необходимо заручиться содѣйствіемъ огня могущественной артилеріи. Количество артилеріи будетъ зависѣть: отъ размѣровъ деревни, ея обороноспособности, прочности ея построекъ, мѣстныхъ условій, противодѣйствія и силы непріятельской артилеріи, а также и отъ количества войскъ, занимающихъ селеніе ¹⁾). Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ признать за правило: *чѣмъ больше артилеріи, тѣмъ лучше, тѣмъ болѣе успѣхъ обезпеченъ.*

Въ противоположность весьма распространенному нынѣ взгляду, что для борьбы съ селеніями необходимы однѣ лишь мортиры и тяжелыя гаубицы, необходимо признать, что для этой цѣли пригодны всякаго рода орудія, лишь бы послѣднія располагались, сообразно своимъ свойствамъ и въ предѣлахъ возможности нанести вредъ. Съ этой точки зрѣнія, безусловно слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы *артилерія жертвовала собою для блага пѣхоты, не заботясь о своихъ потеряхъ, и искала защиты себѣ не въ дальности раздѣляющихъ ее разстояній, отъ противника и въ закрытыхъ позиціяхъ, а въ силъ собственнаго своего огня, на возможно ближайшихъ дистанціяхъ.* На основаніи этого, тяжелыя орудія могутъ быть расположены на дистанціяхъ не далѣе 4 верстъ отъ селенія, мортиры—до трехъ, скорострѣльные щитовыя орудія, стрѣляющія фугаснымъ снарядомъ—до двухъ и, наконецъ, дѣйствующія исключительно шрапнелью—въ предѣлахъ отъ 300 сажень до одной версты; то и другое, въ зависимости отъ прочности построекъ.

Артилерія, обстрѣливающая деревню, для единства своего управленія должна быть всегда подчинена одному лицу, по возможности, меньше разбросана и связана съ начальниками отряда и артилеріи телефономъ и другими средствами связи. Передъ началомъ дѣйствій, ей должны быть точно указаны: цѣль дѣйствій, задачи, участки, подлежащіе обстрѣлу и, наконецъ, позиціи. Съ этою цѣлью, артилерія можетъ быть распредѣлена по слѣдующимъ группамъ (находящимся во взаимной связи между собою): 1) батареи подготовки атаки, обстрѣливающія окраину селенія, обра-

¹⁾ Чѣмъ больше непріятельскихъ войскъ, тѣмъ требуется меньше артилеріи, такъ какъ тѣмъ дѣйствіе ея будетъ сильнѣе.

ценную къ атакующимъ войскамъ; 2) батареи, поражающія внутренность деревни и ея редюиты; 3) дуэльныя батареи, поражающія непріятельскую артилерію, и 4) батареи, обстрѣливающія подступы къ деревнѣ со стороны непріятельскихъ резервовъ, поражающія эти послѣдніе, какъ и всѣ прочія, внѣ селенія, войска непріятеля, такъ или иначе, содѣйствующія оборонѣ деревни. Такая группировка батарей ничуть, однако, не должна исключать возможности поддерживать, по мѣрѣ надобности, ту изъ отдѣльныхъ группъ, которая наиболѣе будетъ нуждаться въ поддержкѣ. Такимъ образомъ, батареи «подготовки», до начала атаки деревни, должны

содѣйствовать батареямъ, поражающимъ непріятельскую артилерію, что также сдѣлають и тяжелыя и мортирные батареи; въ свою очередь, при обстрѣливаніи окраины селенія, батареи «подготовки» будутъ поддержаны тяжелой артилеріей и т. д. Расположеніе и сила указанныхъ группъ будутъ постоянно измѣняться въ зависимости отъ прочности данной деревни, силы ея гарнизона, количества непріятельской артилеріи и мѣстности, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, возможность быстрого сосредоточенія огня на войска противника, внѣ самаго селенія расположенныя и содѣйствующія его оборонѣ.

Артилерія, за исключеніемъ тяжелой и мортирной, и батарей, назначенныхъ для пораженія непріятельской артилеріи, *ведетъ стрѣльбу всегда съ открытыхъ или полузакрытыхъ позицій, прямою наводкою.* Лишь въ то время, когда пѣхота не достигла еще среднихъ дистанцій до селенія, какъ исключеніе, можетъ быть допущена стрѣльба и съ закрытыхъ позицій. Наблюдательные пункты батарей, ведущихъ огонь съ закрытыхъ позицій, во всякомъ случаѣ, должны находиться въ ближайшемъ разстояніи отъ атакуемой деревни, — въ предѣлахъ зрѣнія, а не содѣйствія оптическихъ инструментовъ.

При достаточномъ времени, особенно же, въ случаѣ преднамѣренной атаки селеній, артилерійскій огонь всегда долженъ открываться съ разсвѣтомъ, въ виду чего и занятіе артилеріею позицій должно совершаться ночью или въ сумеркахъ, на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя были до того получены развѣдкой.

При случайной атакѣ селенія, сосредоточеніе батарей и расположеніе ихъ на открытыхъ позиціяхъ, помимо тщательной развѣдки подступовъ, должно производиться, подъ покровительствомъ огня орудій, расположенныхъ на закрытыхъ позиціяхъ (тяжелыя, мортирные и дуэльныя батареи), огонь которыхъ и обращается исключительно противъ непріятельскихъ батарей.

Вообще, дѣйствія артилеріи во многомъ будутъ зависѣть отъ тѣхъ мѣръ обороны, которыя предприметъ противникъ. Обыкновенно, *ранѣе, чѣмъ принять болѣе дѣятельное и непосредственное участіе въ подготовкѣ атаки селенія, артилеріи придется сначала связать свободу дѣйствій непріятельской артилеріи, для чего и сосредоточить всю силу своего огня на его батареяхъ.*

Успѣхъ этого огня можетъ считаться обезпеченнымъ, если непріятельскія батареи захвачены врасплохъ, потрясены или не въ состояніи отвѣчать въ должной мѣрѣ на дальнѣйшій огонь артиле-

ріи. По достиженіи этого, наблюденіе за ними и продолженіе обстрѣливанія ихъ предоставляется уже спеціальнымъ дуэльнымъ батареямъ, число которыхъ, для обезпеченія успѣха, должно хотя нѣсколько превосходить непріятельскія.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда непріятель не отваживается на артилерійское единоборство, сохраняя свои батареи исключительно для встрѣчи пѣхотной атаки, должно производиться наступленіе пѣхоты, между тѣмъ, какъ дуэльныя батареи должны обстрѣливать площадями тѣ мѣста непріятельскаго расположенія, въ коихъ можетъ быть заподозрѣно присутствіе его артилеріи, тогда какъ остальные батареи, обыкновеннымъ порядкомъ, будутъ готовить атаку селенія, дѣйствуя по войскамъ и резервамъ противника. При первомъ, однако, орудійномъ выстрѣлѣ непріятеля, *большая часть батарей наступающаго, прекративъ временно обстрѣливаніе селенія, немедленно же обрушивается на его артилерію*, доводя такимъ образомъ и здѣсь свою подготовку до указаннаго уже выше предѣла, между тѣмъ, какъ наступленіе пѣхоты въ это время замедляется или совершенно пріостанавливается, въ зависимости отъ данныхъ обстановки.

Батареи, назначенныя для противодѣйствія непріятельской артилеріи, стремятся поразить ее косопріцѣльнымъ огнемъ, въ зависимости отъ чего и располагаются на флангахъ линіи батарей, на удобныхъ для этого позиціяхъ. Располагаясь на закрытыхъ позиціяхъ, онѣ, во всякомъ случаѣ, ведутъ огонь съ рѣшительныхъ дистанцій, принимая за таковыя *разстоянія 1.200—1.500 сажень*.

Батареи «подготовки», какъ и батареи, поражающія внутреннія части деревни, должны располагаться на позиціяхъ, позволяющихъ обстрѣливать атакуемый предметъ дѣйствій *перекрестнымъ огнемъ, анфилировать улицы и фасы селенія*, имѣя въ виду, что и при перекидной стрѣльбѣ дѣйствія артилеріи достаточно губительны: эти батареи должны имѣть возможность *хорошо видѣть* противника, для чего нередъ началомъ стрѣльбы должны принять надлежащія для этого мѣры. Батареи, обстрѣливающія окраину селенія, распределяются такимъ образомъ, чтобы большею частью своихъ орудій поражать именно тѣ пункты окраины селенія, на которые направляется пѣхотная атака. Орудія, прямой наводкой, наводятся поочередно то въ крыши домовъ, то въ промежутки между окнами и въ верхнія части стѣнокъ. По мѣрѣ приближенія пѣхоты къ атакуемому селенію, артилерійскій огонь долженъ становиться все интенсивнѣе. Часть батарей переѣзжаетъ на новыя блпжайшія по-

зиціи, сопровождая атакующихъ и стремясь немедленно, по овладѣніи деревней, стать на ея флангахъ, чтобы составить опору пѣхотѣ и батареямъ, еще не присоединившимся къ пей. Артилерійскій огонь прекращается или переносится на другія цѣли только тогда, когда атакующая пѣхота приблизится къ селенію на 100—150 сажень. Центръ тяжести боя, а съ нимъ и артилерійскаго огня, тогда переносится *на фланги селенія*, къ чему артилерія и должна быть готова.

Конечно (въ случаѣ возможности), предварительное приведеніе въ разстройство резервовъ противника, огнемъ и атаками пѣхоты, можетъ оказать только пользу послѣдующимъ фазисамъ боя. Во время подготовительнаго періода боя, артилерія употребляетъ всѣ усилія *для разрушенія построекъ, фланкирующихъ подступы къ атакуемому пункту*, принимая всѣ мѣры (при помощи высылки наблюдательныхъ постовъ), чтобы своимъ огнемъ не поразить собственныхъ войскъ.

Для обстрѣливанія внутренней части селенія, отдѣльныхъ домовъ и редюитовъ, наиболѣе полезными окажутся мортиры и тяжелая артилерія. Однако, въ виду особенностей этого рода орудій, успѣхъ стрѣльбы (коихъ во многомъ зависитъ отъ степени видимости цѣлей, представлялось бы крайне желательнымъ занятіе этими батареями позицій на возвышенныхъ мѣстахъ, съ наиболѣе открытыхъ сторонъ атакующей деревни и съ фланговымъ, по отношенію къ своей пѣхотѣ, положеніемъ²⁾). Отдѣльные дома и редюиты должны обстрѣливаться сосредоточеннымъ артилерійскимъ огнемъ, улицы селенія, могущія служить мѣстомъ укрятія резервовъ, — продольнымъ, другія же прочныя постройки, сады и укрѣпленія — наѣснымъ огнемъ. Огонь тяжелой артилеріи прекращается въ моментъ овладѣнія окраиной селенія, мортирный же, по возможности, продолжается и далѣе, но только съ выѣздомъ мортирныхъ батарей на еще болѣе близкія дистанціи (около одной версты), ведясь не иначе, какъ по указанію пѣхоты. По прекращеніи огня тяжелой артилеріи по внутренности селенія, огонь ея переносится на фланги, резервы противника и его артилерію.

При оборонѣ деревни, вниманіе обороняющагося обращается на отраженіе пѣхотной атаки, особенно съ фланговъ, къ чему и приспособляется все расположеніе его батарей.

Съ цѣлью лучше обстрѣливать подступы къ деревнѣ, артилерія обороняющагося занимаетъ позиціи по флангамъ селенія, въ

²⁾ Высокая гора во время осады Портъ-Артура.

достаточномъ отъ него удаленіи, отнюдь не располагаясь при этомъ на значительномъ (свыше версты) разстояніи, уступомъ позади его. Для нея являются вполнѣ *примѣнимыми закрытыя позиціи* съ хорошимъ обстрѣломъ съ условіемъ, чтобы наблюдательные пункты батарей находились или *въ самомъ селеніи, на окраинѣ его*, или въ близкомъ отъ нея разстояніи ³⁾. Расположеніе батарей сзади селенія, едва ли не наиболѣе крупная и роковая тактическая ошибка со стороны артилеріи, которая можетъ быть ею допущена. Расположеніе это не только удаляетъ артилерію обороняющагося отъ наиболѣе опасныхъ для нея направлений непріятельской атаки, но лишая ее и возможности наблюдать за дѣйствіями на фронтѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, способствуетъ образованію передъ селеніемъ значительныхъ мертвыхъ пространствъ ⁴⁾. Оно допустимо лишь въ томъ единственномъ случаѣ, когда позиціями за деревнями пользуются въ качествѣ прикрытій, при обстрѣливаніи подступовъ къ смежнымъ, въ то же время, атакованнымъ деревнямъ, т. е. при оборонѣ цѣлаго ряда смежныхъ селеній. Во время атаки селенія *артилерія обороны стремится къ пораженію пѣхоты противника фланговымъ огнемъ съ ближнихъ, по возможности, дистанцій*. Такой огонь, какъ показали оныя послѣдней войны, на разстояніяхъ до двухъ верстъ, обыкновенно оставливаетъ уже атакующихъ, преграждая имъ дѣйствительнѣйшимъ образомъ доступъ къ атакуемой деревнѣ. Но необходимымъ условіемъ этого огня является *внезапность* его пораженія, почему и открывается онъ (въ случаѣ слабости своихъ батарей) не иначе, какъ по приказанію начальника отряда, и не ранѣе того, какъ пѣхота противника вступить въ полосу лучшаго его дѣйствія.

Обыкновенное веденіе стрѣльбы по площадямъ, примѣняемое батареями атаки для пораженія деревни, является уже значительно менѣе пригоднымъ для батарей обороны, главная сила которыхъ только и покоится на быстротѣ, внезапности и мѣткости шрапнельнаго огня. Обстрѣливаніе площадей артилеріею обороняющагося можетъ служить лишь однимъ изъ вѣрныхъ признаковъ слабости ея въ качественномъ отношеніи.

Тяжелыя батареи, необходимыя оборонѣ столь же, какъ и атакѣ, съ нѣкоторою лишь разницею боевого своего употребленія, располагаются на флангахъ обороняемаго селенія, позади полевыхъ ба-

³⁾ Бой у д. Сяокійшинцу. 22-го февраля 1905 г.

⁴⁾ Пользуясь силой своей артилеріи, пруссаки при оборонѣ с. Сервиньи, 31-го августа 1870 г., выдвинули всю артилерію даже передъ фронтъ этого селенія.

тарей, имѣя цѣлью *единоборство съ артилеріею противника*. Успѣхъ огня этихъ батарей во многомъ будетъ зависѣть отъ удачнаго выбора ими *закрытыхъ и маскированныхъ позицій*, обстрѣла, способовъ ихъ употребленія и тѣхъ дистанцій, которыя будутъ отдалять ихъ отъ атакующихъ батарей. Лучшими позиціями ихъ слѣдуетъ признать тѣ, которыя препятствуютъ непріятелю взять атакуемое селеніе подъ перекрестный огонь, а вмѣстѣ съ тѣмъ не дозволяютъ и его тяжелой артилеріи обстрѣливать это селеніе продольно.

Тактика огня этихъ батарей будетъ заключаться въ подавленіи каждой попытки противника взять обороняемое селеніе подъ перекрестный огонь, въ единоборствѣ съ тяжелой артилеріей и въ обстрѣливаніи косопріцѣльнымъ огнемъ его батарей «подготовки». Однако, имѣя дѣло съ многочисленной артилеріей противника, иногда придется довольствоваться и ураганообразными, внезапными вспышками огня по наиболѣе опаснымъ для нея батареямъ.

При равенствѣ силъ обоихъ противниковъ, а тѣмъ болѣе при превосходствѣ въ артилеріи со стороны обороняющагося, указанное раздѣленіе ея на двѣ группы—на часть, дѣйствующую противъ артилеріи, и на часть, противодѣйствующую пѣхотной атакѣ,—конечно, будетъ уже не у мѣста. Обороняющійся, располагая такими данными, безъ сомнѣнія, направить сначала всю силу своего огня на непріятельскую артилерію, а затѣмъ и на пѣхоту противника съ цѣлью уничтоженія ея ранѣ подхода къ селенію.

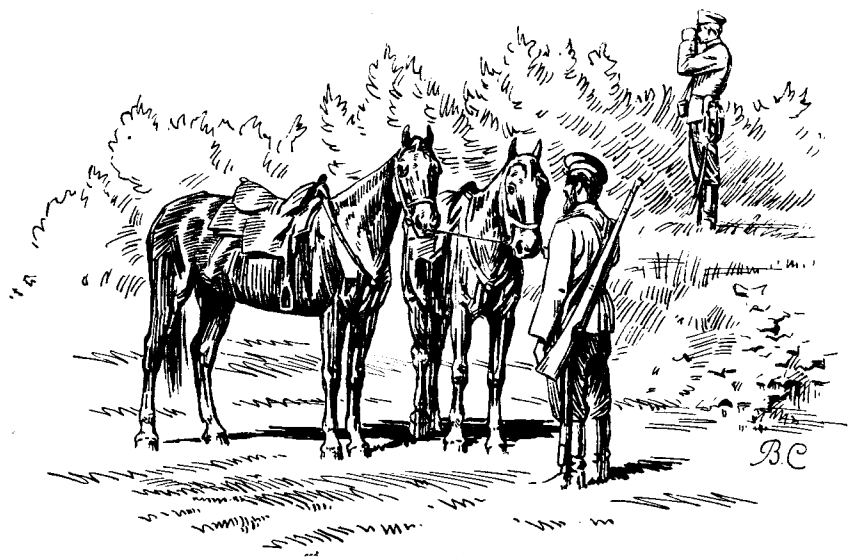
Если противникъ ворвется въ деревню, всѣ усилія артилеріи обороняющагося устремляются на резервы противника, колонны его, наступающія по флангамъ деревни, и на части его войскъ, дебуширующія изъ деревни или стремящіяся утвердиться на выходной ея окраинѣ. Положеніе противниковъ почти совершенно перемѣняется. Артилерія атаки постепенно начинаетъ примѣняться къ дѣйствіямъ обороны, артилерія же послѣдней къ дѣйствіямъ атаки, впредь до новаго измѣненія обстановки.

Никакія геройскія усилія не спасутъ, по большей части, деревни отъ захвата противникомъ, если артилерія обороны будетъ неудачно дѣйствовать и, въ свою очередь, никакая атака не удался, если артилерія ея окажется хуже непріятельской.

Б. Жукулицевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Необходимость переработки Положенія о пѣшихъ развѣдчикахъ.

Существующее у насъ съ 1910 г. «Положеніе о командахъ развѣдчиковъ въ пѣхотѣ и о командахъ конныхъ ординарцевъ при частяхъ пѣхоты» совершенно не отвѣчаетъ своему назначенію. Это, во-первыхъ, потому, что ординарцы составляютъ теперь, по новымъ штатамъ, составную часть не «команды развѣдчиковъ», а «команды связи», а, во-вторыхъ, какъ объяснено на самой обложкѣ «Положенія», оно есть механическое собраніе въ одной обложкѣ всѣхъ приказовъ по военному вѣдомству и циркуляровъ главнаго штаба съ 21-го октября 1886 г. и по 20-е сентября 1910 г.

Въ-третьихъ, настоящее положеніе есть механическій переносъ на новое установленіе «развѣдчиковъ» — законоположеній, касавшихся прежняго установленія «охотниковъ». А задачи организаци и тѣхъ и другихъ столь различны, что законоположенія объ «охотникахъ» совершенно непримѣнимы къ порядку комплектованія, обученія и самой службы «развѣдчиковъ». Такимъ образомъ, если приказъ по военному вѣдомству № 182, отъ 17-го апрѣля 1908 г., нашелъ нужнымъ «присвоить охотничьимъ командамъ въ

пѣхотѣ наименованіе командъ развѣдчиковъ», какъ «болѣе отвѣчающее ихъ назначенію и службѣ въ военное время», то вырастаетъ и необходимость пересмотрѣть всѣ законоположенія объ «охотникахъ», дабы дать имъ смыслъ, «болѣе отвѣчающій новому назначенію командъ и службѣ ихъ въ военное время».

Несоотвѣтствіе законовъ объ «охотникахъ» для «развѣдчиковъ» совершенно ясно на практикѣ и состоитъ въ слѣдующемъ.

«Охотники» предназначались для поисковъ, т. е. для отдѣльных мелкихъ боевыхъ порученій, малой и партизанской войны, въ составѣ особыхъ летучихъ отрядовъ, командъ, партій и въ одиночку. Въ приказѣ по военному вѣдомству № 260, отъ 21-го октября 1886 г., которымъ заведены «охотничьи» команды, ничего не говорится о предназначеніи ихъ для развѣдки; задача «поиска» поставлена тамъ, напротивъ, на первое мѣсто: 1) «имѣть нѣкоторое число людей, заблаговременно подготовленныхъ соотвѣтствующими упражненіями къ исполненію въ военное время отдѣльныхъ порученій, соединенныхъ съ особою опасностью и требующихъ личной находчивости»; 2) «главная цѣль воспитанія этихъ людей—пріученіе ихъ къ выполненію особо опасныхъ и трудныхъ личныхъ порученій въ военное время». Вотъ почему приказъ говорилъ, что «предметомъ занятій командъ должны служить по преимуществу—охота на хищныхъ звѣрей, псовая охота верхомъ».... и только добавляетъ, что «занятія эти по возможности (только по возможности, не болѣе!) должны быть соединяемы съ задачами по развѣдкѣ мѣстности и по изученію мѣстности».

Конечно, скажутъ намъ, ближняя иѣшая развѣдка, сфера которой—самая близость къ противнику, въ большинствѣ случаевъ, немыслима безъ боевыхъ столкновеній партизанскаго характера, что эта развѣдка всегда, стало-быть, будетъ носить характеръ «усиленной», т. е. боевой развѣдки, или развѣдки посредствомъ лихого одиночнаго или партіоннаго боя. Все же, возразимъ на это мы, если задачей поиска является удача въ любомъ боевомъ приключеніи, въ ловкомъ выходѣ изъ всякой боевой стычки, то развѣдка только можетъ пристегиваться сюда, какъ и всякая другая задача (связь, налетъ для тревоженія противника, для прорыва, для помощи кавалеріи, для захвата переправы, дефиле до подхода нашихъ силъ, для порчи сообщеній, для истребленія непріятельскихъ развѣдчиковъ, для засадъ, для конвоированія рекогносцеровъ, для поимки непріятельскихъ бандъ, и. т. д.). Задачей же развѣдки является не бой, который, напротивъ, всегда избѣгается, пока къ

нему не принудить крайность; задачей развѣдки является всегда скрытное наблюденіе за противникомъ.

Итакъ, задачей «охотниковъ» является партизанская война во всемъ разнообразіи ея видовъ, а задачей «развѣдчиковъ» является лишь выслѣживаніе противника, только иногда осложняющееся боемъ, только иногда опирающееся на поискъ.

Отсюда вытекаетъ и разность подбора и образованія «охотниковъ» и «развѣдчиковъ».

Для развѣдки нужно умѣть наблюдать, скрытно прокрадываться къ противнику, хорошо разбираться въ формахъ походныхъ, строевыхъ, боевыхъ, сторожевыхъ, развѣдочныхъ порядковъ противника, знать его внѣшность и отличія; надо умѣть записать, зарисовать свои наблюденія и дѣлать все это безъ потери времени.

Для партизанскихъ же предпріятій надо прежде всего высокую одиночную боевую тренировку и отборныя боевыя природныя качества.

Исходя изъ послѣднихъ требованій, законы, собранныя нынѣ въ «Положеніе», устанавливали слѣдующія условія для подбора «охотниковъ», совершенно не годящіяся для подбора «развѣдчиковъ»:

А) Грамотность не только не считалась нужной, но всякое обученіе «охотника» письму и черченію считалось помѣхой для должной подготовки «охотника», отнимающей только драгоценное время у этой подготовки. Надѣюсь, что нынѣ умѣнье чертить и писать всякій сочтетъ за качества драгоценныя для развѣдчика и что нынѣ всѣ мѣропріятія начальства клонятся къ тому, чтобы не допускать къ производству въ унтеръ-офицеры - развѣдчики не окончившихъ полковую учебную команду, и прежняя своеобразная «охотничья» привилегія — попадать въ унтеръ-офицеры команды безъ прохожденія учебной команды — доживаетъ, очевидно, послѣдніе дни, и въ команду развѣдчиковъ уже направляется всюду излишекъ кончившихъ учебную команду. Поэтому опасеніе «охотничьяго» закона (циркуляръ главнаго штаба № 202, 1891, § 2: «Точно также не должно назначать въ охотники окончившихъ учебную команду, чтобы не отвлекать ихъ отъ прямого назначенія») не имѣетъ теперь уже резонновъ и должно быть вычеркнуто изъ «Положенія».

Точно также подлежатъ передѣлкѣ строки «Положенія»: 1) «въ нѣкоторыхъ частяхъ продолжаютъ придавать излишнее значеніе грамотности и назначаютъ въ составъ командъ преимущественно

нижнихъ чиновъ, умѣющихъ читать и писать, а также удѣляютъ много времени на занятія грамотностью даже съ охотниками»; 2) «въ особенности не ставить пренятствіемъ избраніе въ охотники незнаніе грамоты» (и намъ кажется излишнимъ опасеніе, тутъ же высказываемое упомянутымъ циркуляромъ, что выборъ грамотныхъ «устранилъ бы изъ состава команды нерѣдко встрѣчающихся среди крестьянъ людей съ природной смѣткой, энергичныхъ, ловкихъ, которые именно и составляютъ прекрасный матеріалъ для образованія охотничьихъ командъ»); 3) «теоретическое обученіе допускается лишь въ предѣлахъ самой крайней необходимости. Въ виду этого, занятія черченіемъ плановъ, крокировкой, а также съемками маршрутовъ и участковъ мѣстности должны быть совершенно исключены изъ предметовъ обученія охотниковъ. Всѣ требованія въ этомъ отношеніи слѣдуетъ ограничить умѣньемъ читать планъ (обязательно только для грамотныхъ, легко выучиваются и неграмотные) и развитіемъ способности запоминать пройденную мѣстность. Не слѣдуетъ также увлекаться обученіемъ грамотѣ».... Теперь же не остается сомнѣній, что умѣнье читать планъ есть азбука, начатки обученія каждаго развѣдчика, почему все вышензложенное (изъ циркуляровъ 1891 и 1893 гг. №№ 202 и 193) должно подвергнуться капитальному измѣненію и въ «Положеніи».

Б) «Охотничье» положеніе совѣтовало, имѣя въ виду только работу партизана, выбирать въ команду людей, у которыхъ культурная жизнь не расшатала еще нервовъ, т. е. людей цѣльныхъ; по-этому оно отдавало предпочтеніе «не горожанамъ», предпочитало сохраненіе въ человѣкѣ инстинктовъ, выдающихся физическихъ качествъ—энергія, силы, ловкости, личной находчивости, принадлежности къ первому разряду по гимнастикѣ, съ хорошимъ зрѣніемъ, слухомъ; качествамъ ума, предпочитались качества духа и характера: «съ твердымъ характеромъ и рѣшительнымъ»—«выбирать людей, не обращая вниманія на тѣ стороны ихъ характера, которыя наиболѣе необходимы для «охотника», какъ-то: смѣлость, твердость, рѣшительность, смѣтливость, при физическомъ здоровьѣ»... Для «развѣдчика» этого мало; духовныя и физическія качества всюду желательны, но не одни они складываютъ технику «развѣдческой» специальности...—они могутъ служить только фономъ для нея. Но въ этомъ фонѣ для развѣдчика не хватаетъ болѣе важной для его специальности данной: повышеннаго развитія ума, хотя бы нѣкоторой культурности. Въ угоду имъ можно поступиться высотой физическаго развитія, характера и природнаго инстинкта.

В) Въ погонѣ за рѣдкими природными качествами, годными для

охотника, «Положеніе» (§ 2, цирк. главнаго штаба № 202—1891) разрѣшало въ команду брать совершенно еще «сырыхъ» людей: «выборомъ нѣкотораго числа изъ новобранцевъ (правда, какъ исключеніе), «если новобранецъ вполне извѣстенъ или сразу поражаетъ своею ловкостью, бойкостью и т. п. качествами». Для выбора въ развѣдчики пришлось бы только перемѣнить масштабъ тѣхъ качествъ, которыми слѣдуетъ поражаться.

Съ переходомъ отъ «охотниковъ» къ «развѣдчикамъ» придется не только измѣнить: а) взглядъ на ихъ задачи (не поискъ, а развѣдка), б) не только придется перемѣнить условія выбора людей, но и в) внести перемѣны въ планъ самой тренировки людей.

Охота должна остаться, какъ средство тренирующее, и для развѣдчиковъ, но изъ главнаго оно должно перейти во вспомогательное.

Въ виду сказаннаго, управленіе челнокомъ, гребля веслами, управленіе парусами... и для развѣдчиковъ составить частицу тренировки.

Совершеніе большихъ и быстрыхъ переходовъ, столь важное въ партизанскихъ налетахъ, не играетъ другой роли въ подготовкѣ развѣдчика, кромѣ приученія къ выносливости и потому болѣе второстепенно для него.

Бѣгъ на лыжахъ, пластунское ползаніе, напротивъ, весьма важны развѣдчику и едва ли не важнѣе, чѣмъ охотнику.

Бѣзда же на самокатѣ скорѣе важна для чиновъ команды связи, чѣмъ для развѣдчика и для охотника, потому что путь ихъ профессіи лежитъ чаще внѣ дорогъ, цѣлиной, гдѣ даже самый портативный (складной) самокатъ можетъ явиться обузой.

Изслѣдованіе же пограничныхъ и крѣпостныхъ раіоновъ и окрестностей штабъ-квартиръ должно составить главную задачу развѣдческихъ экскурсій; здѣсь не изслѣдованіе мѣстности должно вкрапливаться въ охоты, а, напротивъ, охоты могутъ, въ видѣ отдыха, прерывать сплошныя занятія по изученію и изслѣдованію обширныхъ пространствъ вѣроятнаго театра войны. Это упражненіе должно разростись въ цѣлый курсъ, въ цѣлую систему образованія развѣдчика. Тѣмъ болѣе, что команды развѣдчиковъ, какъ показываетъ опытъ постоянной войсковой практики, служатъ отличнымъ пособіемъ въ умѣлыхъ рукахъ, для быстрого и детальнаго обозрѣнія значительныхъ пространствъ мѣстности съ той или другою цѣлью: исправленіе картъ, подновленіе или исправленіе описаній мѣстности, составленіе схемъ засѣянныхъ пространствъ для соображенія учебныхъ маневровъ, испытаніе на опытѣ проходимости болотистыхъ пространствъ и т. д.

Изъ полевого инженернаго дѣла развѣдчикамъ понадобится знать не столько быстрое устройство массовыхъ переправъ, сколько устройствъ масокъ, окоповъ, укрытій и вышекъ для полевыхъ наблюдательныхъ станцій, ибо, пока не заведутся у насъ въ полкахъ особыя команды полевыхъ наблюдателей, до тѣхъ поръ развѣдчики будутъ обслуживать у насъ полевые наблюдательныя станціи при командныхъ пунктахъ.

Стрѣлковое дѣло, фехтованіе, гимнастика—займутъ въ программѣ обученія развѣдчика. безспорно, болѣе скромное мѣсто, ибо его тактика—избѣгать боя, прибѣгать къ оружію для самообороны и въ другихъ крайностяхъ.

Наблюденіе, глазомѣрное и дальномѣрное опредѣленіе разстояній, дозорная служба вмѣстѣ съ изученіемъ облика и тактики чужой арміи—составятъ ядро, фундаментъ обученія развѣдчика.

Напротивъ, служба сторожевая займетъ мѣсто послѣ патрульной. Льготы въ караульной службѣ, учрежденныя для «охотниковъ» (§ 4, цирк. главнаго штаба № 202), нужны и для развѣдчиковъ, такъ какъ онѣ имѣютъ цѣлью сбереженіе времени для специальныхъ занятій и уменьшеніе общей тягости службы вслѣдствіе «усиленныхъ трудовъ по специальности». Но, если «охотниковъ» было приказано ставить изрѣдка «на болѣе отвѣтственные и трудные посты», исходя изъ особыхъ задачъ ихъ подготовки, то для развѣдчиковъ скорѣе годится привилегія, но въ «наиболѣе отвѣтственные и трудные» дозоры.

Непремѣнно долженъ измѣниться взглядъ и на употребленіе командъ. Если команды, тренированныя для партизанской службы, съ легкимъ сердцемъ отрывали отъ ихъ колоннъ (дивизій), то развѣдчиковъ будутъ чаще оставлять при своихъ частяхъ, такъ какъ, если поискъ вводный эпизодъ въ боевой операціи, то развѣдка должна вестись непрерывно и при своей части.

Что касается specialнаго охотничьяго снаряженія, то и здѣсь неминуемы реформы. Кинжалъ, ножъ...—имѣвшіе въ работѣ охотника на охотахъ за опаснымъ звѣремъ и во время партизанскихъ налетовъ такое значеніе, уступятъ теперь мѣсто сумкѣ съ наборомъ чертежныхъ принадлежностей и биноклю.

Вотъ краткій очеркъ той эволюціи, которой обязательно должно подвергнуться «Положеніе» 1910 г., чтобы оно «болѣе отвѣчало новому назначенію» командъ, переименованныхъ изъ «охотниковъ» въ «развѣдчиковъ».

А. Шеманскій.

СТРѢЛКОВЫЙ СПОРТЪ.

Въ августѣ мѣсяцѣ этого года, на Всероссийской выставкѣ въ Кіевѣ состоится «Россійская олимпиада», которая будетъ выполнена по международной программѣ. Что особенно важно для русскихъ спортсменовъ и заслуживаетъ вниманія, такъ это то обстоятельство, что подобныя Россійскія олимпиады будутъ повторяться ежегодно, служа подготовкой нашихъ спортсменовъ къ очереднымъ Олимпійскимъ играмъ въ 1916 г. въ Берлинѣ.

Судя по газетнымъ извѣстіямъ, многія спортивные общества шлютъ своихъ представителей въ Кіевъ на состязанія; въ числѣ таковыхъ, надо полагать, командируютъ своихъ стрѣлковъ и стрѣлковыя общества.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что подобное серьезное состязаніе въ Россіи будетъ происходить впервые и отъ этихъ состязаній зависить нашъ успѣхъ или провалъ на международныхъ играхъ въ Берлинѣ, почему организацію по подготовкѣ къ кіевскимъ состязаніямъ

заніямъ надо вести особенно тщательно, имѣя въ виду, что всѣ предыдущія организаціи различныхъ стрѣлковыхъ состязаній совершенно не выдерживали критики. Хотя б кіевскихъ состязаніяхъ и поставленъ въ извѣстность нашъ Россійскій Олимпійскій комитетъ, однако, какой-либо дѣятельности по организаціи состязаній пока еще нѣтъ. Времени до состязаній осталось два съ небольшимъ мѣсяца, а о состязаніяхъ извѣстно только въ Петербургѣ и въ Кіевѣ, между тѣмъ какъ не только надо какъ можно скорѣе извѣстить всѣхъ стрѣлковъ Россіи, но и поставить ихъ въ извѣстность относительно условій или программы состязаній. Въ виду же того, что до сихъ поръ никакого officialнаго извѣщенія относительно какихъ-либо предварительныхъ состязаній военные округа не получали, есть данныя предполагать, что стрѣлки изъ провинціи и отдаленныхъ округовъ не будутъ вызываться для состязаній, а будутъ предоставлены сами себѣ—хочешь, поѣзжай на свои средства въ Кіевъ, а не желаешь, такъ твое отсутствіе не будетъ замѣчено.

Жаль, очень жаль, если Кіевская олимпиада будетъ имѣть характеръ праздника для избранныхъ.

Переходя теперь къ русскому стрѣлковому спорту вообще, долженъ остановиться на дороговизнѣ названнаго спорта. Въ этомъ отношеніи мы—русскіе стрѣлки—находимся далеко не въ одинаковыхъ условіяхъ съ иностранцами. Насколько за границей дешево оружіе и патроны, настолько у насъ за такое надо уплачивать громадныя деньги. Главной причиной дороговизны служитъ то обстоятельство, что все цѣлевое оружіе и патроны намъ приходится выписывать изъ-за границы. Съ дороговизной оружія еще можно мириться, такъ какъ оружіе требуетъ затраты только разъ, а вотъ дороговизна патроновъ можетъ ввести прямо въ тоску русскаго стрѣлка. Выписывая, на примѣръ, патроны изъ-за границы, стоимость которыхъ на мѣстѣ около 50 рублей, за пошлину ихъ надо уплачивать 106 рублей. Если принять во вниманіе, что стрѣлокъ работаетъ и тренируется на различныхъ оружіяхъ (на примѣръ, малокалиберная винтовка и пистолетъ), то ему въ годъ надо расходовать 10.000—15.000 патроновъ, что требуетъ громадныхъ средствъ.

Пользоваться русскими патронами, по ихъ качеству, совершенно не имѣетъ смысла, такъ какъ это все равно, что выбросить деньги на вѣтеръ.

Насколько мнѣ извѣстно, раньше, на основаніи особыхъ зако-

ноположеній, военно-учебное вѣдомство имѣло право безпошлинно выписывать изъ-за границы гимнастическіе снаряды, оружіе и патроны для учебныхъ цѣлей, въ настоящее же время это законоположеніе измѣнено и безъ пошлины изъ-за границы военно-учебныя заведенія ничего выписывать не могутъ. Мотивомъ подобнаго измѣненія законоположенія служить цѣль «поднятія отечественной промышленности». Прежде всего долженъ оговорить, что эта отечественная промышленность, т. е. частные патронные заводы почти всѣ сплошь находятся въ рукахъ иностранцевъ, а «поднятіе отечественной промышленности» сводится къ тому, что всѣ иностранцы-фабриканты наши стараются не улучшить качество своего производства, а стараются какъ можно лучше поддѣлать подъ заграничный видъ внѣшность укупорки, въ чемъ весьма преуспѣваютъ и вводятъ въ заблужденіе не только покупателя, но подчасъ и оружейные магазины. Такимъ образомъ выходитъ, что для дѣйствительнаго поднятія отечественной промышленности, въ смыслѣ патроннаго производства, надлежитъ совершенно отмѣнить пошлину и это заставитъ заводы и фабрики конкурировать съ заграничными патронами не однимъ видомъ укупорки, а и качествомъ ихъ.

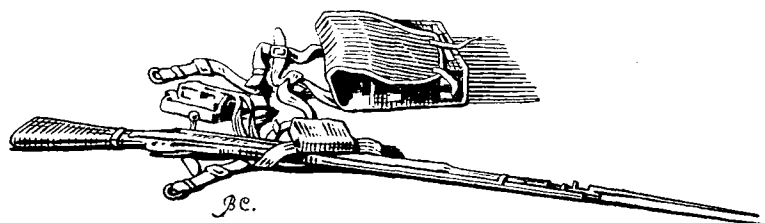
На основаніи изложеннаго весьма желательно было бы, чтобы хотя тотъ же Россійскій Олимпійскій комитетъ возбудилъ ходатайство о безпошлинномъ провозѣ заграничныхъ патроновъ для русскихъ стрѣлковъ.

Въ дѣйствительности такъ или иначе, по ни одинъ русскій стрѣлокъ съ патронами сомнительнаго качества не станетъ работать, а тѣмъ болѣе не станетъ выступать съ ними на серьезномъ состязаніи; слѣдовательно расходъ патроновъ русскаго производства будетъ одинъ и тотъ же, что съ существованіемъ пошлины и безъ таковой. Между тѣмъ экономія на патронахъ дастъ возможность имѣть болѣе хорошее и разнообразное оружіе.

Сравнительно недавно опубликована программа будущихъ Олимпійскихъ игръ въ Берлинѣ. Въ сущности программа стрѣлковыхъ состязаній осталась та же самая, что была въ 1912 г.; измѣнено только упражненіе на винтовкахъ, состоящихъ на вооруженіи арміи, по дистанціи—стрѣлба будетъ происходить только на 200 и 300 метровъ и, кромѣ того, вмѣсто произвольной винтовки на 300 метровъ вставлена стрѣлба на ту же дистанцію изъ германской винтовки. Къ чести нѣмцевъ слѣдуетъ замѣтить, что опубликованіе именно теперь программы игръ весьма своевременно и значительно облегчаетъ работу стрѣлковъ и прочихъ спортсменовъ,

изъ коихъ каждый наканѣ можетъ тренировать себя по желаемому отдѣлу; по этому поводу слѣдуетъ замѣтить, что программу прошлыхъ Олимпійскихъ игръ шведы опубликовали только за годъ до состязаній.

А. Смирнскій.

БОЕВАЯ СВЯЗЬ ПѢХОТЫ И АРТИЛЕРІИ.

(Окончаніе).¹⁾

такъ, мы кратко разсмотрѣли, какъ должна дѣйствовать въ бою полевая артилерія въ связи съ пѣхотой. Посмотримъ теперь, какія существуютъ *средства для поддержанія этой связи*, безъ которой взаимодѣйствіе обоихъ родовъ войскъ немыслимо.

Во-первыхъ, артилерійскіе начальники должны точно знать *боевую обстановку*: имъ должны быть извѣстны цѣль наступленія (обороны), сила и распредѣленіе назначенныхъ для наступленія войскъ, задача каждой части и имѣющіяся свѣдѣнія о противникѣ. При знаніи этихъ данныхъ облегчается *проявленіе частнаго разумнаго почина*.

При современныхъ условіяхъ веденія боя, когда обстановка создаетъ самыя разнообразныя и непредвидѣнныя заранѣе положенія, а управленіе боемъ настолько затруднено, что приказанія свыше часто будетъ ждать некогда и подчасъ неоткуда, — артилеристу нельзя оставаться узкимъ исполнителемъ первоначально поставленной ему задачи и не избирать самому цѣлей для стрѣльбы.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ», 1913 г., № 5.

Артилерійскій начальникъ, какъ и всякій другой, обязанъ проявлять починъ и принять самостоятельное рѣшеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется немедленная помощь сосѣднимъ войскамъ, или когда обстановка боя быстро измѣнилась, а новыхъ приказаній не получено.

Въ артилеріи проявленіе частнаго разумаго почина, при неполученіи приказаній, имѣетъ не меньшее значеніе, чѣмъ въ другихъ войскахъ, такъ какъ случаи выгоднаго дѣйствія батарей представляются минутами, а свойства огня полевой артилеріи позволяютъ наносить пораженія въ самый короткій срокъ. Поэтому, несмотря на всю желательность объединенія тактическаго управленія огнемъ артилеріи въ рукахъ старшихъ начальниковъ, необходимо допустить инициативу въ выборѣ цѣлей и для командировъ батарей. По этому поводу въ нашемъ «Наставленіи» находимъ слѣдующее: «Командиры батарей могутъ, подъ своей отвѣтственностью, самостоятельно перенести огонь для использованія выгодныхъ важныхъ и въ то же время скоропроходящихъ моментовъ боя».

При выборѣ цѣлей для стрѣльбы по личному почину необходимо руководствоваться прежде всего долгомъ взаимной поддержки и выручки, памятуя, что *«въ бою усилія вѣсѣхъ войскъ должны быть направлены къ одной общей цѣли»*. Для боя нельзя дать правилъ, пригодныхъ на всѣ случаи, по той же причинѣ не можетъ быть неизмѣнныхъ, опредѣленныхъ правилъ выбора цѣлей для стрѣльбы артилеріи въ бою. Вѣрнѣйшимъ залогомъ правильнаго выбора цѣлей для стрѣльбы артилеріи служить высокая тактическая подготовка артилерійскихъ начальниковъ и способность ихъ безбоязненно принимать рѣшенія для достиженія общей задачи боя, не ожидая приказаній свыше.

Если въ бою артилерійскій начальникъ, будь то командиръ дивизіона или батареи, видитъ, благодаря условіямъ мѣстности, наступленіе и дѣйствія пѣхоты, то тутъ устанавливается такъ называемая «видимая связь», которую французы называютъ *«liaison par la vue»*. «Видимая связь» особенно примѣнима во встрѣчномъ бою, когда явленія боя быстротечны и когда ждать приказаній некогда. Примѣнима она и въ томъ случаѣ, когда обстановка потребуетъ немедленнаго открытія огня по той или другой цѣли; напримѣръ, если будетъ замѣчено, что обороняющійся противникъ перешелъ на извѣстномъ участкѣ въ наступленіе, что нача-

лась наша частная контръ-атака или штурмъ извѣстной части непріятельской позиціи и т. д.

Но одной «видимой связи» недостаточно. Въ самомъ дѣлѣ, что въ большинствѣ случаевъ будетъ видѣть артилерійскій начальникъ, даже при благопріятной для наблюденія мѣстности, находясь въ 1 верстѣ и болѣе отъ наступающей пѣхоты? То тамъ, то здѣсь онъ будетъ видѣть небольшія группы перебѣгающихъ людей, затѣмъ скрывающихся на болѣе или менѣе продолжительное время и снова продолжающихъ перебѣжку. О томъ же, гдѣ пѣхотныя части будутъ испытывать затрудненія въ своемъ движеніи и нуждаться въ поддержкѣ, ему извѣстно не будетъ.

Такимъ образомъ, кромѣ связи «видимой», необходимо установить еще такую связь, при помощи которой артиллеристы знали бы точно, что происходитъ въ передовыхъ частяхъ пѣхоты, знали бы когда и гдѣ необходимо оказать пѣхотѣ поддержку. Эта связь, которую французы называютъ «liaison par le bas», должна идти отъ передовыхъ частей пѣхоты къ артилеріи. Посмотримъ, какимъ образомъ установить эту связь.

Пѣхота боевой линіи, наблюдающая за противникомъ съ болѣе близкаго разстоянія, чѣмъ командиры батарей, должна въ собственныхъ своихъ интересахъ сообщать артилеріи все замѣченное ею. Пѣхота будетъ имѣть возможность наблюдать за разрывами снарядовъ своей артилеріи и окажетъ ей большую услугу сообщеніемъ результатовъ огня. Такимъ образомъ, на пѣхотныхъ начальникахъ лежитъ обязанность освѣдомлять артилерію о перипетіяхъ боя въ передовой линіи, а также сообщать артилеріи о всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда помощь ея становится для пѣхоты необходимой.

Теперь является вопросъ, кто же изъ пѣхотныхъ начальниковъ передовой линіи, въ крупныхъ отрядахъ, долженъ давать свѣдѣнія артилеріи, просить ея помощи, указывать пункты и части непріятельской позиціи, которые необходимо обстрѣлывать.

Казалось бы, что въ данномъ случаѣ это долженъ быть начальникъ не ниже командира полка.

Командиръ полка, будучи начальникомъ крупной боевой единицы, находясь позади, въ болѣе или менѣе значительномъ удаленіи отъ огневой линіи, не увлеченный боемъ передовыхъ ротъ, сподручнѣе и яснѣе оцѣниваетъ боевую обстановку. Наблюдая же за боевыми дѣйствіями всего полка и получая свѣдѣнія отъ командировъ баталіоновъ, онъ въ состояніи болѣе вѣрно опредѣлить, гдѣ и

когда потребуется поддержка артилеріи; кромѣ того, въ распоряженіи командира полка будетъ болѣе средствъ, чтобы связаться съ артилеріей.

Средствами связи будутъ: телефонъ и цѣпь постовъ. При благопріятныхъ обстоятельствахъ, конечно, телефонъ является наиболѣе удобнымъ средствомъ для связи, но средство это, какъ извѣстно, ненадежное и легко можетъ дать отказъ. Такимъ образомъ, связь при помощи цѣпи постовъ является необходимой. Передачу свѣдѣній черезъ посты можно будетъ производить или при помощи полевыхъ записокъ или, если мѣстность окажется благопріятной, при помощи сигнализациі. Словесная передача исключается.

Весьма желательно, чтобы командиръ полка и артилерійскіе начальники имѣли схематическіе кроки впередилежащей мѣстности съ обозначеніемъ участковъ непріятельской позиціи, рубежей, ориентировочныхъ пунктовъ и т. д., которые лучше всего обозначить литерами или номерами. Въ этомъ случаѣ передача различныхъ свѣдѣній значительно облегчается: напримѣръ, командиръ полка можетъ сообщить на батарею такимъ образомъ: «усильте огонь по пункту А» или «вашъ огонь по пункту Б становится опаснымъ для пѣхоты» и т. д. Означенный способъ указыванія цѣлей рекомендуется и нашимъ «Наставленіемъ» (§§ 94 и 96).

Говорятъ, что передача свѣдѣній черезъ цѣпь постовъ будетъ очень медленна, но и боевыя дѣйствія, особенно въ крупныхъ отрядахъ, развиваются въ настоящее время также очень медленно и наступленіе пѣхоты будетъ происходить въ теченіе многихъ часовъ. Въ этомъ случаѣ потеря 20—30—40 минутъ, необходимыхъ для передачи свѣдѣній черезъ цѣпь постовъ, не будетъ имѣть никакого значенія. Конечно, связь черезъ цѣпь постовъ не можетъ быть примѣнима въ томъ случаѣ, если потребуется *немедленная* помощь артилеріи на томъ или другомъ пунктѣ.

Остается упомянуть еще объ одномъ средствѣ связи, а именно — высылкѣ артилерійскихъ наблюдателей, по возможности офицеровъ, впередъ, поближе къ стрѣлковымъ цѣпямъ. Эти наблюдатели, связанные телефономъ или цѣпью постовъ со своей артилеріей, будутъ передавать на батареи, какъ полученные отъ пѣхотныхъ начальниковъ свѣдѣнія, такъ и свои собственныя наблюденія. О необходимости высылки означенныхъ наблюдателей говорится и въ нашемъ «Наставленіи» (§§ 44 и 80).

Въ свою очередь артилерійскій офицеръ, находящійся на арти-

лерійскомъ наблюдательномъ пунктѣ, обыкновенно командующемъ надъ мѣстностью, имѣя въ рукахъ хорошій бинокль и пользуясь относительно безопасностью, можетъ замѣтить передвиженія, совершаемыя непріятельскими войсками, находящимися въ значительномъ удаленіи, напримѣръ, резервы, походныя колонны и пр. Эти свѣдѣнія должны быть сообщены находящейся впереди пѣхотѣ, для которой указанныя передвиженія останутся очень часто незамѣтными.

Въ нашихъ Пол. уставѣ (461) и «Наставленіи» (§ 45) говорится, что связь устанавливается отъ артилеріи къ пѣхотѣ. Казалось бы, что въ дополненіе къ этому установленіе связи отъ пѣхотныхъ начальниковъ къ артилеріи не будетъ лишнимъ; наоборотъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта связь будетъ даже необходимой, особенно, когда пѣхотныя части продвинутся далеко впередъ, когда средствъ связи у артилеріи можетъ не хватить. Что касается телефонной связи, то, при наличіи въ пѣхотномъ полку 10 верстъ кабеля, который должны обслуживать исключительно нужды полка, командиръ полка всегда въ состояніи связаться телефономъ съ дѣйствующей рядомъ съ нимъ артилеріей.

Непрерывная и прочная связь—дѣло нелегкое, не допускающее импровизаціи въ военное время и трудно выполнимое въ мирное время, вслѣдствіе скоротечности маневровъ. Именно трудность поддержанія связи и вызываетъ нерѣдко сомнѣнія въ ея необходимости и пользѣ.

Управленіе войсками вообще, а въ частности объединеніе дѣйствій пѣхоты и артилеріи, встрѣчаетъ препятствія въ разнаго рода треніяхъ, несогласіяхъ и проволочкахъ. Но всѣ эти затрудненія значительно уменьшаются, если пѣхотныя части сами постараются установить скорую и прочную связь съ тактически принадлежавшей имъ артилеріей. Это необходимо хотя бы потому, что общій ихъ начальникъ, въ большинствѣ случаевъ начальникъ дивизіи, не всегда можетъ своевременно указать задачи артилеріи и въ частности пунктъ и часъ огневой атаки. Только при систематическомъ изученіи и практикѣ въ службѣ связи достигается необходимый навыкъ въ «связи снизу» («liaison par le bas»). Къ занятіямъ службой связи можно и не привлекать цѣлыя части войскъ; можно производить эти занятія и съ обозначенными войсками, во всякое время года, избѣгая, такимъ образомъ, потопокъ. Эти занятія полезны и въ другомъ отношеніи: они развиваютъ войска тактически.

Стрѣльба черезъ головы. Артилеріи для поддержки своей пѣхоты, въ большинствѣ случаевъ, придется стрѣлять черезъ ея головы.

Изъ широкаго опыта послѣдней нашей кампаніи, какъ у насъ, такъ и въ другихъ арміяхъ, пришли къ выводамъ, что стрѣльба артилеріи черезъ головы своихъ войскъ является способомъ стрѣльбы *нормальнымъ*.

Стрѣльба черезъ головы своихъ войскъ даетъ возможность успѣшно использовать могущество огня артилеріи; расширяетъ районъ для выбора артилерійскихъ позицій; гарантируетъ поддержку пѣхоты во всѣхъ фазисахъ боя и отраженіе всякихъ случайностей; наконецъ, не стѣсняетъ маневры пѣхоты на всемъ фронтѣ ея боевого участка. Отказъ отъ стрѣльбы черезъ головы пѣхоты привелъ бы къ необходимости оставлять впереди артилеріи свободные интервалы, что обусловило бы собой чрезмѣрную растянутость боевыхъ порядковъ; при этомъ все-таки во многихъ случаяхъ приходилось бы отказываться отъ идеи сосредоточенія огня значительнаго числа батарей по одной цѣли.

Наше прежнее «Наставленіе для дѣйствія въ бою отрядовъ изъ всѣхъ родовъ войскъ» (Полевой уставъ 1904 г.) совѣтовало избѣгать стрѣльбы черезъ головы своихъ, допуская эту стрѣльбу лишь въ извѣстныхъ случаяхъ (§ 48), но новый Полевой уставъ 1912 г. и «Наставленіе для дѣйствія полевой артилеріи въ бою» указываютъ на этотъ способъ стрѣльбы, какъ на *нормальный*. По этому поводу въ § 80 «Наставленія» находимъ слѣдующее указаніе: *«Въ видъ общаго правила, артилерія стрѣляетъ, не стѣсняясь нахожденіемъ своихъ войскъ подъ траекторіями ея снарядовъ»*. Конечно, это не должно касаться тѣхъ случаевъ, когда пораженіе артилеріей своей же пѣхоты является дѣломъ не случайнымъ, а неизбѣжнымъ.

Въ дѣйствительности, стрѣльба черезъ головы своихъ войскъ не вызываетъ неудобствъ при соблюденіи слѣдующей предосторожности: не стрѣлять черезъ головы войскъ, находящихся въ непосредственной близости отъ батарей или же въ слишкомъ близкомъ разстояніи отъ обстрѣливаемой цѣли.

На дистанціяхъ ближе 1 ½ верстъ стрѣльба артилеріи черезъ головы своей пѣхоты недопустима, такъ какъ въ данномъ случаѣ траекторія проходитъ слишкомъ низко; слѣдовательно стрѣльба черезъ головы можетъ производиться, начиная только съ дистанціи

1½ верстѣ. Впереди батарей пѣхота можетъ расположиться въ разстояніи не ближе 300 сажень; это разстояніе достаточно для устранения возможности пораженія своихъ войскъ отъ преждевременныхъ разрывовъ, происходящихъ въ моментъ вылета.

Но до какого разстоянія отъ цѣли пѣхота можетъ двигаться, не рискуя попасть подъ свои снаряды? Въ иностранныхъ уставахъ находимъ указанія, что артилерія можетъ продолжать стрѣльбу, пока пѣхота не подойдетъ къ цѣли: въ Германіи на 420 шаговъ и во Франціи на 700 шаговъ.

Приведенныя нормы рассчитаны на нормальныя условія и, конечно, будутъ измѣняться въ зависимости отъ обстановки: мѣстности, видимости цѣли и своей пѣхоты, точности пристрѣлки, расположенія стрѣляющихъ батарей и т. д.

Конечно, стрѣльбу желательно продолжать какъ можно дольше; это подчеркнуто и въ § 80 нашего «Наставленія», такъ какъ съ прекращеніемъ артилерійскаго огня пѣхота обѣихъ сторонъ становится въ равныя условія. Есть даже сторонники продолженія артилерійскаго огня по атакуемому непріятелю вплоть до момента удара въ штыки. Но какъ бы ни являлось желательнымъ и заманчивымъ обстрѣливать непріятеля вплоть до штыкового удара, все же, при приближеніи пѣхоты на извѣстную дистанцію къ атакуемому пункту, артилеріи придется прекратить, свой огонь по этому пункту. Дальнѣйшее продолженіе огня при явной и неизбѣжной опасности пораженія своей пѣхоты явилось бы *крупной ошибкой*.

Существуетъ мнѣніе, что пусть лучше своя пѣхота получитъ пару дружескихъ снарядовъ въ спину, нежели встрѣтитъ жесточайшій ближній огонь противника. Что снаряды будутъ дружескіе; то это отнюдь не облегчаетъ пѣхотѣ тяжести ея матеріальнаго и моральнаго положенія, а, наоборотъ, подѣйствуетъ на пѣхоту крайне подавляюще. По разсказамъ и описаніямъ участниковъ послѣдней войны даже самыя незначительныя потери въ пѣхотѣ отъ огня своей артилеріи производятъ сильное, подавляющее и деморализующее впечатлѣніе на пѣхоту и возбуждаютъ въ средѣ ея прямо враждебное отношеніе къ причинившимъ ей потери артилерійскимъ частямъ. Что же будетъ, когда эти случайныя и рѣдкія явленія обратятся въ нѣчто частое и постоянное?

Но какимъ же образомъ артилерія можетъ узнать, что ея атакующая пѣхота приблизилась къ непріятелю на такое разстояніе, что дальнѣйшее содѣйствіе своей артилеріи дѣлается уже опас-

нымъ? Съ удаленной на 3—4 версты отъ непріятеля позиціи совершенно невозможно будетъ опредѣлить, находится ли наша пѣхота въ 150 или 300 саженьяхъ отъ атакуемаго противника. Въмѣстѣ съ тѣмъ, излишне раннее прекращеніе артилеріей своего огня можетъ лишь скомпрометировать успѣхъ атаки. Этотъ вопросъ японцы рѣшали очень практично и просто: атакуя русскія позиціи и входя въ сферу пораженія собственнаго артилерійскаго огня, японцы выкидывали флаги, появленіе которыхъ заставляло смолкать японскія батареи. Эта мѣра указана въ настоящее время и въ нашемъ «Наставленіи» (§ 80).

Сопровожденіе артилеріей пѣхоты. Пѣхота, только что овладѣвшая, послѣ горячаго боя, непріятельской позиціей, не можетъ оказать упорнаго сопротивленія попыткѣ противника произвести контръ-атаку, если только не получить своевременной поддержки резервомъ и артилеріей.

Если артилерія можетъ въ данномъ случаѣ помочь пѣхотѣ, оставаясь на позиціи, съ которой она подготовляла атаку, то вопросъ о поддержкѣ не представитъ большихъ затрудненій. Но въ большинствѣ случаевъ, послѣ атаки, пѣхота удалится отъ своей артилеріи на весьма значительное разстояніе и въ сплу физическихъ условій легко можетъ потерять съ ней связь не только духовную, но даже и чисто механическую. Такимъ образомъ, является вопросъ о сопровожденіи пѣхоты артилеріей.

Въ уставахъ всѣхъ армій, въ томъ числѣ и въ нашихъ «Наставленіи» (§ 146) и Полевомъ уставѣ (§ 469), есть указаніе, что при атакѣ артилерія должна сопровождать пѣхоту, что прибытіе хотя бы нѣсколькихъ орудій на занятую позицію представитъ не только весьма существенную поддержку матеріальную, но и нравственную, такъ какъ звукъ орудійныхъ выстрѣловъ, какъ для своихъ, такъ и для непріятеля, явится подтвержденіемъ твердой рѣшимости сохранить за собой отвоеванное пространство. Итакъ, *всюду признается необходимость сопровожденія пѣхоты артилеріей.*

Разберемъ этотъ вопросъ нѣсколько подробнѣе.

Если мѣстность благопріятствуетъ продвинутому впередъ скрытно, то въ этомъ случаѣ рѣшеніе вопроса о «сопровожденіи» не представитъ затрудненій, но иначе будетъ обстоять дѣло на мѣстности открытой, обстрѣливаемой ружейнымъ или артилерійскимъ огнемъ противника.

Въ то время, какъ пѣхота для движенія впередъ въ сферѣ дѣй-

ствительнаго огня можетъ передвигаться звеньями или даже накатываться по одному человѣку, артилерія должна двигаться въ видѣ длинной колонны въ 14 лошадей (орудіе и ящикъ). Въ то время, какъ въ пѣхотѣ выбитіе изъ строя одного рядового, звена, отдѣленія и даже взвода еще не останавливаетъ движенія впередъ остальной массы, въ артилеріи пораженіе одной только лошади останавливаетъ сразу цѣлую боевую единицу—орудіе и можетъ служить причиною остановки и другихъ орудій. А разъ артилерія остановилась, то переходъ ея изъ цѣли подвижной въ неподвижную дѣлаетъ возможнымъ пораженіе ея въ весьма короткій промежутокъ времени.

Но вѣдь служба въ артилеріи не есть особый видъ страхованія жизни. Чтожъ такое, что артилерія понесетъ большія потери! При атакѣ бываетъ, что изъ баталіона остается одна рота. Все это, конечно, вѣрно, но въ артилеріи принципъ неизбежности жертвъ слѣдуетъ примѣнять съ осторожностью, имѣя хотя какую-нибудь надежду, что путемъ этихъ жертвъ получится польза для другихъ родовъ войскъ, а не дѣлать изъ этого благороднаго принципа простаго пункта программы, выполняемаго добросовѣстно даже тогда, когда не предвидится никакихъ пныхъ послѣдствій, кромѣ гибели артилеріи.

Если же въ принципѣ «сопровожденіе» является, несмотря на это, желательнымъ главнымъ образомъ въ видахъ *моральной* поддержки пѣхоты, то выѣзжающая подъ огнемъ артилерія можетъ произвести только удручающее впечатлѣніе на пѣхоту своею гибелью или своимъ дальнѣйшимъ бездѣйствіемъ.

Существуетъ мнѣніе, что въ моментъ наибольшаго напряженія стрѣлковаго боя цѣпи такъ заняты другъ другомъ, что для нихъ ничто кругомъ не существуетъ, кромѣ впереди стрѣляющаго въ нихъ врага. Въ эти моменты выѣзды артилеріи могутъ быть открытымъ, и часто даже будутъ безъ потерь и незамѣченными. Конечно, такіе случаи возможны, но, какъ исключеніе, и вводить ихъ, какъ общее правило, нельзя.

Такимъ образомъ, является вопросъ: не требуется ли отказаться отъ принципа сопровожденія артилеріею пѣхоты по фактической невозможности его выполненія на дѣлѣ? На это можно смѣло отвѣтить: «Нѣтъ». Отказаться отъ принципа сопровожденія артилеріею пѣхоты при атакѣ значило бы навсегда установить глубокую пропасть между пѣхотой и артилеріей, значило бы — признать поле-

вую артилерію позиціонной, могущею дѣйствовать только съ дальнихъ дистанцій, вдали отъ пѣхоты.

Употребленіе въ данномъ случаѣ *горной, т. е. вьючной артилеріи*, разрѣшаетъ этотъ сложный вопросъ.

Примѣненіе горной артилеріи не ограничивается гористой мѣстностью; вьюки могутъ пройти всегда тамъ, гдѣ можетъ пройти пѣхотный солдатъ. Такимъ образомъ, *горныя батареи вполне пригодны для дѣйствія съ пѣхотой на мѣстности, представляющей затрудненія для движенія артилеріи колесной*. Вьюки могутъ быть укрыты складками мѣстности, хлѣбами на корню, кустарникомъ и т. д., когда эти предметы маскируютъ человѣка, стоящаго во весь ростъ. Такимъ образомъ, горныя батареи часто будутъ способны двигаться впередъ на полѣ сраженія, *не привлекая вниманія*, по такимъ мѣстамъ, гдѣ колесная артилерія не могла бы пройти незамѣченной.

Горныя батареи обладаютъ въ высокой степени способностью дѣйствовать и двигаться въ широко растянутомъ порядкѣ, а потому имѣютъ больше шансовъ, чѣмъ самая подвижная колесная артилерія, благополучно проходить пространства, которыя противникъ держитъ подъ огнемъ. При движеніи вьюками выводъ изъ строя вьючнаго животнаго еще не влечетъ за собой остановки орудія и, если потеря не можетъ быть возмѣщена постановкой запаснаго вьючнаго животнаго, то почти всегда будетъ возможно доставить на рукахъ часть вьючнаго груза, оставшагося позади.

Наше «Наставленіе для дѣйствій полевой артилеріи въ бою» указываетъ, что *при наличности горныхъ батарей ближнее сопровожденіе пѣхоты возлагается на нихъ* (§§ 146 и 170).

Не лишнее будетъ привести здѣсь слова англійскаго артилерійскаго устава: «Нѣтъ границъ той пользы, которую можетъ оказать горная артилерія *при поддержкѣ пѣхотной атаки*, во время движенія по пересѣченной мѣстности, на временныхъ передовыхъ позиціяхъ, занимаемыхъ при оборонѣ и при контръ-атакахъ или арьергардныхъ операціяхъ. Артилерія, которая независима отъ дорогъ и чрезвычайно подвижна, часто способна оказать весьма цѣнныя услуги».

У насъ въ Европейской Россіи далеко не всѣ артилерійскія бригады имѣютъ горныя дивизіоны. Казалось бы, что включеніе горныхъ батарей въ составъ каждой бригады было бы правильнымъ рѣшеніемъ вопроса.

Итакъ, сопровожденіе пѣхоты артилеріею можно вкратцѣ резюмировать слѣдующимъ образомъ:

Съ движеніемъ пѣхоты впередъ отдѣльныя батареи или взводы должны сопровождать пѣхоту до ближайшихъ къ противнику дистанцій. Въ сферѣ рѣшительнаго шрапнельнаго, а тѣмъ болѣе дѣйствительнаго ружейнаго огня, при отсутствіи благопріятной мѣстности, движеніе легкой артилеріи сопряжено съ большимъ рискомъ, почему въ большинствѣ случаевъ эту задачу придется возлагать на горныя батареи и взводы.

Прикрытіе артилеріи. Разсмотрѣвъ размѣръ помощи, которую извлекаетъ пѣхота отъ артилеріи, посмотримъ теперь, какую помощь должна оказывать пѣхота артилеріи.

На походѣ артилерія беззащитна, почему прикрытіе длинныхъ колоннъ изъ орудій и зарядныхъ ящиковъ возлагается на пѣхоту. При расположеніи на отдыхѣ, бивакомъ или по квартирамъ, артилерія не принимаетъ участія въ службѣ охраненія и охраняется другими войсками. Въ этихъ положеніяхъ высшее командованіе предусмотрѣть всего не можетъ; поэтому артилерія должна сама обращаться къ пѣхотѣ за содѣйствіемъ, каковое ей должно всегда оказываться съ полной готовностью. Слѣдовательно, и здѣсь необходима полная связь между пѣхотой и артилеріей.

Въ бою артилерія не можетъ обезпечить собственную безопасность. Если ея могущество можетъ проявиться въ полной мѣрѣ по отношенію къ противнику, находящемуся на большомъ разстояніи впереди ея фронта, то пѣхотный огонь съ разстоянія уже 2.000 шаговъ является для нея весьма опаснымъ. Съ фланговъ и тыла артилерія беззащитна, также беззащитны передки и зарядные ящики. Выѣздъ артилеріи на позицію подъ пѣхотнымъ огнемъ почти невозможенъ; при наличіи такового огня чрезвычайно затрудняется подача передковъ къ орудіямъ при перемѣнѣ позиціи.

Слѣдовательно, пѣхота, охраняя артилерію, возмѣщаетъ ей за ту услугу, которую артилерія оказываетъ пѣхотѣ своимъ огнемъ.

Наше «Наставленіе» (§ 118) такъ же, какъ и уставы всѣхъ армій, указываетъ въ видѣ принципа, что ближайшія къ расположенію артилеріи пѣхотныя части должны принимать мѣры къ прикрытію послѣдней, не ожидая на это особыхъ распоряженій свѣше. Но эти части не должны также впадать въ другую крайность и пренебрегать ради этой цѣли своими непосредственными задачами. Обезпеченіе артилеріи должно достигаться съ наименьшимъ расходомъ войскъ.

Для того, чтобы противникъ не имѣлъ возможности расположиться на такихъ пунктахъ, обстрѣль съ которыхъ для нашей артилеріи могъ бы быть опаснымъ, слѣдуетъ выдвигать пѣхотныя части на разстояніе не менѣе 1.000 шаговъ впереди фронта батарей, а если имѣются широкіе промежутки между флангами артилеріи и другими частями, то необходимо выдвинуть пѣхотныя части и передъ фланги артилеріи. Передки и эшелоны зарядныхъ ящиковъ также требуютъ расположенія близкихъ поддержекъ для отраженія могущихъ быть атакъ непріятельской кавалеріи.

Несмотря на эти требованія, спеціальныя войска для прикрытія артилеріи будутъ назначаться лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ, во избѣжаніе вредной разброски войскъ. Чаще всего прикрытіе артилеріи будетъ достигаться ея расположеніемъ въ общемъ боевомъ порядкѣ между другими частями: впереди ея будутъ находиться батальоны первой линіи, а фланги батарей и эшелоновъ зарядныхъ ящиковъ будутъ обезпечены резервами, стоящими позади.

Но всѣ эти войска по существу своему подвижны; расположеніе ихъ постоянно мѣняется, а вниманіе ихъ начальниковъ сосредоточено на выполненіи возложенныхъ на нихъ задачъ. Пѣхотные начальники, при всемъ своемъ желаніи обезпечить артилерію, исполнять это только въ томъ случаѣ, если будутъ знать, гдѣ расположены всѣ составные элементы артилеріи. Съ своей стороны артилерійское начальство должно назначать толковыхъ фейерверкеровъ для наблюденія за передвиженіями ближайшихъ пѣхотныхъ частей съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ нужды, просить у нихъ временной поддержки до прибытія новыхъ частей, а также предупреждать подходящія пѣхотныя части о мѣстахъ расположенія батарей и зарядныхъ ящиковъ. Указанная связь необходима для обезпеченія безопасности артилеріи.

Вообще, въ крупныхъ единицахъ, обрамленныхъ другими частями, прикрытіе артилеріи, при извѣстномъ единодушіи ея съ пѣхотой, не встрѣтитъ особыхъ затрудненій. Иначе будетъ обстоять дѣло въ частяхъ, расположенныхъ на флангахъ, въ авангардѣ, арьергардѣ и т. п. Здѣсь уже обезпеченіе артилеріи становится дѣломъ болѣе сложнымъ и требуетъ особаго вниманія отъ высшаго командованія. Въ данномъ случаѣ артилерія будетъ нуждаться въ спеціальному прикрытіи. Нашъ уставъ полевой службы (§ 449) опредѣляетъ въ прикрытіе артилеріи примѣрно по одной ротѣ на дивизионъ. При оборонѣ для обезпеченія фланговъ артилеріи

часто придется устраивать опорные пункты съ особымъ гарнизономъ.

Заключение. Мы стремились выяснить необходимость тѣсной связи между пѣхотой и артилеріей. Но осуществленія этой идеи нельзя достигнуть одними сообщеніями и печатными брошюрами. Необходимо постоянное *соприкосновеніе* между офицерами этихъ двухъ родовъ войскъ, нужно всѣми мѣрами содѣйствовать ихъ *сближенію* и обмѣну между ними мыслей и взглядовъ.

Артилерійскіе офицеры должны вполне освоиться съ боевыми приѣмами пѣхоты, пѣхотные же офицеры должны имѣть ясное представление о томъ, что собственно изъ себя представляетъ огонь современной артилеріи и каково его могущество.

Для пѣхотинцевъ нѣтъ необходимости въ знаніи техническихъ приѣмовъ производства и веденія артилерійскаго огня. Для нихъ необходимо лишь общее знакомство съ основными положеніями, какъ-то: 1) предѣлы артилерійскаго огня; 2) пользованіе закрытыми артилерійскими позиціями; 3) сосредоточеніе огня; 4) веденіе огня при нахожденіи начальника въ сторонѣ отъ позиціи; 5) производство огня черезъ голову пѣхоты; 6) устройство и дѣйствіе снарядовъ; 7) ширина и глубина зоны пораженія снарядовъ, и 8) способы пристрѣлки.

Въ свою очередь, артиллеристы должны быть ознакомлены съ дѣйствіями и приѣмами пѣхоты въ бою: 1) знать, какова скорость ея движенія; 2) походные и боевые порядки; 3) какое время требуется для построенія боевого порядка; 4) знать примѣты, по которымъ можно судить о приближеніи непріятеля; 5) знать дѣйствительность ружейнаго огня.

Офицерскій составъ долженъ всесторонне изучить природу современного боя во всѣхъ его фазисахъ и, въ примѣненіи своихъ познаній на практикѣ, вынести убѣжденіе, что нѣтъ отдѣльнаго боя пѣхоты или артилеріи, а существуетъ лишь *«совмѣстный бой этихъ родовъ войскъ»*, что въ зависимости отъ этого обученіе пѣхоты и артилеріи въ мирное время должно быть тѣсно связано и идти рука объ руку.

Совмѣстные занятія въ теченіе общихъ сборовъ и маневровъ представляютъ превосходное средство для ознакомленія различныхъ родовъ войскъ между собою, но періодъ, въ теченіе котораго происходятъ эти занятія, слишкомъ коротокъ. Прикомандированія офицеровъ къ другимъ родамъ войскъ, какъ это существуетъ въ

иностранных арміяхъ, приносятъ большую пользу, притомъ не только самимъ прикомандированнымъ, но и офицерамъ тѣхъ частей, въ которыхъ первые отбываютъ свой цензъ, ибо при этомъ цензовики могутъ также являться проводниками идей, господствующихъ въ ихъ коренномъ родѣ войскъ. Конечно, такую пользу отъ командирруемыхъ офицеровъ можно ожидать лишь въ томъ случаѣ, если они являются способными не только къ воспріятію чужой науки, но и къ преподанію, въ свою очередь, своихъ познаній другимъ.

Но ничто не можетъ дать лучшаго представленія объ огнѣ артилеріи, какъ присутствованіе на ея стрѣльбѣ и наблюденіе за дѣйствіемъ снарядовъ по цѣли, особенно, если стать сбоку послѣдней на одной съ ней высотѣ. *Поэтому весьма желательно установить командированіе офицеровъ не артиллеристовъ для присутствованія на полигонныхъ стрѣльбахъ.*

Еще лучше было бы посылать для присутствованія на артиллерійскихъ стрѣльбахъ цѣлыя войсковыя части. Но желательные результаты при этомъ получаются только въ томъ случаѣ, если представляющееся взорамъ присутствующихъ войскъ будетъ сопровождаться соответствующими разъясненіями.

Дабы эти зрѣлища не подѣйствовали на духъ войскъ понижающимъ образомъ, необходимо разъяснить имъ, что видимые ими результаты огня представляютъ изъ себя тотъ максимумъ пораженія, который въ бою можно получить только по войскамъ пассивнымъ, малоподвижнымъ, неловко подставившимся подъ огонь и въ то же время не пользующимся поддержкой своей собственной артилеріи.

Надо умѣло понизить въ глазахъ людей оцѣнку матеріальнаго дѣйствія огня, указавъ, напримѣръ, на то, что шрапнельная пуля падаетъ круче, чѣмъ ружейная, и что при попаданіи въ кучку земли, доску, или лопату шрапнельная пуля становится безвредной для человѣка.

Войскамъ должно быть разъяснено, что подъ руководствомъ умѣлыхъ начальниковъ рискъ для нихъ будетъ вовсе не такъ великъ, а также, что подъ прикрытіемъ ураганнаго огня своей артилеріи они могутъ наступать и маневрировать почти безнаказанно. Подобныя упражненія въ значительной степени усилятъ способность войскъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ и разовьютъ въ нихъ сознательное отношеніе къ маневрированію.

Всему этому необходимо обучать въ мирное время, такъ какъ на войнѣ, когда вблизи начинаютъ свистѣть пули, самое обыкновенное явленіе кажется значительно серьезнѣе.

Но организовать подобныя показныя стрѣльбы не всегда возможно; ихъ будетъ во всякомъ случаѣ немного и ограничиться только этими уроками нельзя.

Пѣхотные начальники при подготовкѣ къ бою ввѣренныхъ имъ частей должны всегда вводить предположенія о присутствіи артилеріи, непріятельской или своей, и соотвѣтственно съ этимъ сообразовать свои дѣйствія. Какъ организовать такія ученія, дабы при наличныхъ средствахъ достигалась возможно большая правдоподобность и поучительность, зависитъ воцнѣ отъ умѣнья и изобрѣтательности обучающихся и преподавать въ этомъ отношеніи какія-либо правила нельзя.

Для обозначенія мѣста артилеріи, непріятельской или своей, можно пользоваться указками. Чтобы обозначить огонь артилеріи, можно махать указками или же зажигать пучки соломы. Для показанія артилерійскихъ урагановъ и обозначенія разрыва снарядовъ можно употреблять вспышки и въ крайнемъ случаѣ махать флажками или указками непосредственно передъ фронтомъ части.

На маневрахъ и ученіяхъ болѣе крупныхъ частей посредники и штабы должны придти въ этомъ отношеніи на помощь своими рѣшеніями и указаніями.

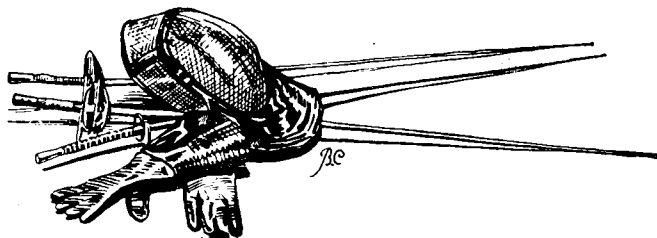
Но всѣ эти приемы принесутъ пользу лишь въ томъ случаѣ, если руководящій занятіями офицеръ будетъ знать способности дѣйствія артилеріи, а всѣ унтеръ-офицеры и даже рядовые будутъ обучены оцѣнивать значеніе подаваемыхъ сигналовъ.

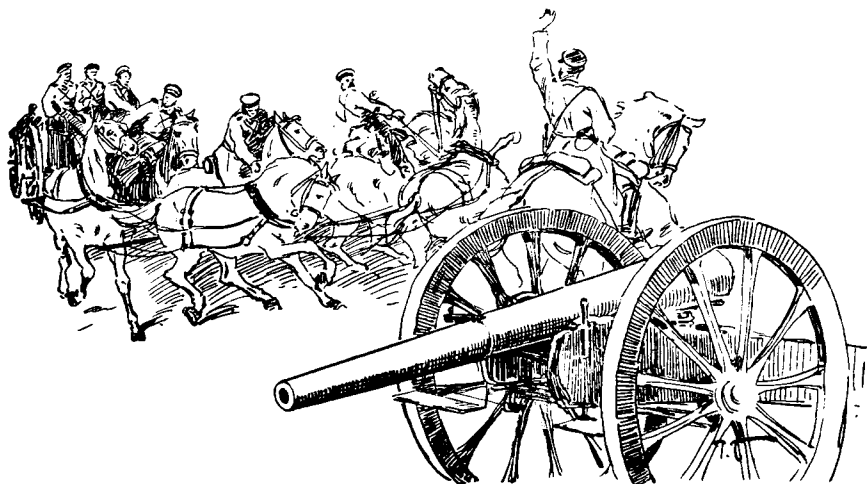
Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что въ настоящее время прогрессъ техники—устройство связи съ линіей огня, расширеніе наблюденія даже закрытыхъ цѣлей посредствомъ летательныхъ аппаратовъ—въ значительной степени облегчаетъ управленіе и веденіе артилерійскаго боя, но принесетъ пользу только той арміи, начальники которой сумѣютъ правильно использовать свою артилерію и въ которой артилерійскіе начальники будутъ хорошо подготовлены въ тактическомъ отношеніи.

Только сознательное и разумное объединеніе совмѣстныхъ усилій можетъ создать успѣхъ. Мы должны твердо проникнуться этимъ

убѣжденіемъ и почерпнуть въ совмѣстной работѣ чувство взаимнаго уваженія, довѣрія и увѣренности въ томъ, что въ трудную минуту всегда найдемъ поддержку со стороны нашихъ сотоварищей.

Б. Сциборовскій.

Наставленіе для обученія стрѣльбѣ артилеріи.

Во сравненію съ пѣхотою, дѣло обученія стрѣльбѣ артилеріи нѣсколько затруднено отсутствіемъ соотвѣтственнаго «Наставленія», въ которомъ бы, подобно тому, какъ въ «Наставленіи для обученія стрѣльбѣ изъ винтовокъ», были бы систематизированы и даны вполне опредѣленные указанія по стрѣлковому артилерійскому дѣлу.

Потребность въ подобномъ «Наставленіи» осязается тѣмъ болѣе, что вся дѣятельность артилеріи въ бою выражается, главнымъ образомъ, стрѣльбой, а между тѣмъ ни въ одномъ изъ другихъ родовъ войскъ, для болѣе разносторонней боевой ихъ подготовки, не имѣется такой массы самыхъ разнообразныхъ и не согласованныхъ между собою уставовъ, наставленій и циркуляровъ, какъ въ артилеріи.

Для характеристики достаточно поинтересоваться тою массою источниковъ, какою должны пользоваться артилерійскіе офицеры для освѣженія въ своей памяти, хотя бы такихъ же не-

обходимыхъ свѣдѣній по стрѣльбѣ, какія имѣются всего лишь на 58 страницахъ части I «Наставленія» для стрѣльбы изъ винтовокъ.

Въ 1912 году г. С. Лашковымъ, примѣнительно къ приказу по артилеріи 1905 г. за № 109, составлена подробная, весьма полезная программа повѣрки знаній офицеровъ полевой артилеріи. Если взять указанныя въ этомъ изданіи пособія для офицеровъ и вспомнить объемъ указаній, даваемыхъ частью I Наставленія для обученія стрѣльбѣ изъ винтовокъ, то, для полученія свѣдѣній въ объемѣ *только этой части* Наставленія, артилерійскимъ офицерамъ необходимо имѣть всегда подъ рукою для справокъ — Правила стрѣльбы, изд. 1911 г., Таблицы стрѣльбы, изд. 1907 г., Уставъ орудійнаго ученія, изд. 1904 г., Уставъ батарейнаго ученія, изд. 1912 г., Свѣдѣнія о стрѣльбѣ полевой артилеріи, изд. школы 1912 г., Подготовка къ стрѣльбѣ пушки образца 1902 г., составлено И. Орловымъ, Наставленіе для дѣйствія полевой артилеріи въ бою, изд. 1912 г., Пособіе по стрѣльбѣ и т. д. и т. д.

Словомъ, всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя по отношенію стрѣльбы изъ винтовокъ сгруппированы всего на всего въ одной I части небольшого «Наставленія», разбросаны для артилерійскаго дѣла по различнымъ официальнымъ и неофициальнымъ пособіямъ.

Обстоятельство весьма печальное и вызывающее сѣтованія со стороны самихъ же артилеристовъ. Въ своихъ примѣчаніяхъ къ переводу на русскій языкъ «Устава французской артилеріи» переводчикъ В. Смысловскій вполне справедливо отмѣчаетъ, что *«нельзя не позавидовать французскимъ артилеристамъ»*. А почему? А потому, что тамъ все требуемое для артилеристовъ изложено всего на всего въ 4 небольшихъ книжечкахъ и занимаетъ только 580 страницъ. У насъ же для артилеріи имѣется до 28 кнпжекъ всевозможныхъ размѣровъ, въ общемъ объемѣ обнимающихъ до 1.600 страницъ (?!), притомъ разработанныхъ въ самое разнообразное время и самыми разнообразными комиссіями.

При такихъ условіяхъ, конечно, можно стать *«снисходительные»* и къ тѣмъ недочетамъ, которые зачастую обнаруживаютъ на полигонахъ и руководители и исполнители въ отношеніи выполненія артилерійскихъ стрѣльбъ и о чемъ я позволилъ себѣ высказаться уже на страницахъ «Военнаго Сборника» 1912 г., №№ 10, 11 и 12, и въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1913 г., № 26.

Однако, для надлежащей боевой подготовки артилеріи намъ нужно быть не снисходительными къ недочетамъ, а, наоборотъ,

стремиться къ возможно большему устраненію всякихъ недочетовъ.

Однимъ изъ средствъ на этомъ пути является выработка «Наставленія для обученія стрѣльбѣ артилеріи», обнимающаго собою главнѣйшую и почти единственную отрасль боевой дѣятельности полевой артилеріи, а именно ея стрѣлковое дѣло.

Потребность въ такомъ «Наставленіи» осязается въ настоящее время тѣмъ болѣе сильно, что въ этой-то самой главной области по подготовкѣ къ бою артилеріи нынѣ, среди самихъ же артиллеристовъ, существуетъ полный разладъ во взглядахъ.

Одни твердятъ, что для должнаго обученія стрѣльбѣ необходимо дать самое широкое развитіе, такъ называемымъ, техническимъ стрѣлбамъ «огневыми» единицами; другіе—отдаютъ предпочтеніе стрѣлбамъ «нераздѣльными» дивизіонами. Одни говорятъ, что «огневою» единицею должны считаться 4 орудія, а другіе, что 8 орудій. Одни обучаютъ артилерію стрѣльбѣ по ясно обозначеннымъ мишенямъ, другіе—наоборотъ. Одни убѣждаютъ, что чѣмъ лучше изучена и чѣмъ шаблоннѣе мѣстность полигона, тѣмъ болѣе стрѣлба поучительна для обучаемыхъ, могущихъ и безъ контрольных наблюдательныхъ приборовъ видѣть свои ошибки, а другіе, наоборотъ, признаютъ производство всѣхъ артилерійскихъ стрѣльбъ только на возможно болѣе разнообразной, мало знакомой, мѣстности. Одни считаютъ, что ежегодно должны имѣть практику въ стрѣльбѣ не только всѣ офицеры, но даже и фейерверкеры, а другіе признаютъ, что достаточно ограничиться подготовкой къ стрѣльбѣ только командировъ и ихъ ближайшихъ замѣстителей. Одни признаютъ стрѣлбу на пораженіе; другіе отрицаютъ необходимость такихъ стрѣльбъ. Одни обозначаютъ мишени чуть ли не цѣлыми заборами, а другіе ограничиваются обозначеніемъ вспышками, зеркалами, звуковыми приборами и проч. только мѣста, а не самыхъ мишеней. Одни повѣрку успѣшности обученія стрѣльбѣ производятъ по-батареино съ точнымъ учетомъ результатовъ, другіе вызываютъ для смотровъ чуть ли не цѣлыя бригады и въ ураганѣ слуховыхъ эффектовъ ищутъ критеріума для оцѣнки. И такъ далѣе, и такъ далѣе.

Вотъ вспомнивъ все это, да посмотрѣвъ на окружающую дѣйствительность, приходимъ невольно къ убѣжденію о необходимости изданія объединяющаго, единаго для всей нашей артилеріи, «Наставленія» по обученію стрѣльбѣ.

Въ такомъ «Наставленіи» подобно тому, какъ и въ пѣхотномъ,

могли бы быть сведены, систематизированы и помѣщены примѣрно слѣдующія свѣдѣнія.

Въ части *первой*—теоретическія свѣдѣнія о стрѣльбѣ изъ орудій съ таблицами стрѣльбы, общія указанія по управленію огнемъ, организація службы и приемы наблюденій за результатами выстрѣловъ, приборы для наблюденій, правила стрѣльбы по войскамъ, по летательнымъ машинамъ, по укрѣпленіямъ или постройкамъ, по загражденіямъ и различные виды ночной стрѣльбы, т. е. съ изгот.товкой засвѣтло и въ темнотѣ. Приборы для подготовки и веденія ночной стрѣльбы. Признаки успѣшной стрѣльбы.

Въ части *второй*—изготовка орудія и батареи къ открытію огня (общія указанія, расчетъ и обязанности личнаго состава, дѣйствія при орудіяхъ, команды). Классификація позицій. Выборъ и подготовка различныхъ позицій. Выборъ и оборудованіе наблюдательныхъ пунктовъ. Развѣдка и служба связи. Обязанности нижнихъ чиновъ спеціальныхъ командъ. Обязанности команднаго состава. Управление огнемъ въ бою. Расходование и пополненіе боевыхъ припасовъ. Пополненіе потерь.

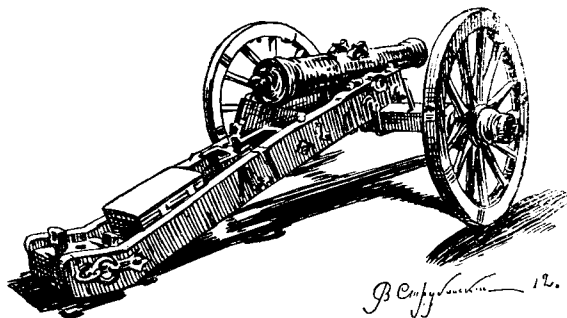
Въ части *третьей*—обученіе стрѣльбѣ въ мирное время. Свѣдѣнія обязательныя для усвоенія молодыми солдатами, учениками учебныхъ командъ, нижними чинами спеціальныхъ командъ (въ приложеніи подробныя программы). Постепенность въ слаживаніи орудійнаго расчета, занятія по слаживанію одного только команднаго состава въ батареяхъ и дивизіонахъ въ зимнее и лѣтнее время. Программы занятій съ офицерами и отдѣльно съ фейерверкерами въ зимнее время по рѣшенію стрѣлковыхъ задачъ на мѣстности и на планахъ. Расчлененіе стрѣльбы на учебныя и боевыя. Первыя—вънець занятій по слаживанію орудійнаго расчета, вторыя—для практики батарейныхъ командировъ и ближайшихъ ихъ замѣстителей. Стрѣльбы дневныя и ночныя, съ учетомъ и безъ учета поражений, съ открытыхъ и закрытыхъ позицій. Количество обязательныхъ практикъ и распредѣленіе между послѣдними патроновъ. Порядокъ, соблюдаемый при выполненіи стрѣльбы. Отчетность о порядкѣ производства смотровъ стрѣльбы, отпускъ патроновъ, оцѣнка результатовъ. Состязательныя стрѣльбы. Мѣры къ поощренію успѣховъ въ стрѣльбѣ, въ службѣ развѣдыванія, наблюденій и связи. Стрѣлковыя упражненія по слаживанію въ полномъ составѣ дивизіоновъ, бригадъ и болѣе крупныхъ частей.

Въ части *четвертой*—организація полигонной службы. Обязанности начальника полигона, предсѣдателя и чиновъ мишеннаго

комитета. Организація командъ для полигонной службы. Служба телефонистовъ и наблюдателей полигонной команды. Служба по оцѣплению полигона. Оборудованіе полигона. Устройство наблюдательныхъ блиндажей и вышекъ. Условныя полигонныя обозначенія флагами или другими знаками. Родъ цѣлей. Описаніе и устройство неподвижныхъ, подъемно-спускныхъ и подвижныхъ мишеней. Устройство различныхъ вспышечныхъ, звуковыхъ и движущихся приборовъ для обозначенія мѣста нахождения и фронта (глубины) цѣлей. Устройство цѣлей, обозначающихъ летательныя машины. Оріентирные пункты. Порядокъ составленія заданийъ для стрѣльбы и соотвѣтственно этому — мишенной обстановки; схемы. Общія указанія для руководителей стрѣльбами; обязанности дежурнаго по полю стрѣльбы.

Я вовсе не претендую на непогрѣшимость приведенной программы. Моя цѣль — только намѣтить общую идею того «Наставленія», которое, по-моему, могло бы явиться *однимъ* изъ средствъ, могущихъ поднять па еще болѣе высокую степень стрѣлковую подготовку нашей могучей артилеріи.

В. Воронежскій.

ФАНТАЗІЯ.

Почему на душѣ тяжело и темно?
Почему этотъ дождикъ стучится въ окно,
Словно слезы о чемъ то далекомъ быломъ,
Затерявшемся въ шумъ людскомъ?

Пусть бы радость была, пусть была бы печаль,
Пусть бы мнѣ было прошлаго жаль!
Но вѣдь нѣтъ ничего, лишь мелькаютъ одни
Безъ порыва и страсти прожитые дни...

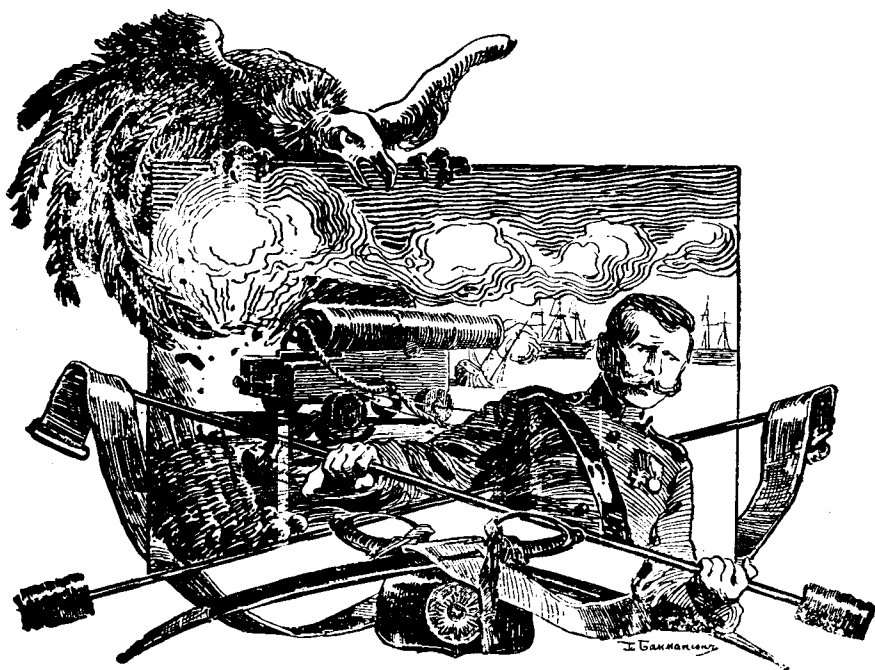
Ускákatь, улетѣть... Вѣрный конь удалой,
Словно вѣтеръ степной, полетитъ подо мной!
Только сзади поднимется легкая пыль,
Да внизу зашуршитъ серебристый ковыль.

Все отбросить, забыть, въ вихрѣ скачки лихой,
Гдѣ я самъ, и что было и будетъ со мной.
Чтобы въ этомъ разгулѣ широкомъ степномъ
Позабыть все бывшее, не знать ни о чемъ!

Чтобы, вмѣсто житейскихъ опошленныхъ словъ,
Слышалъ крикъ я могучій залетныхъ орловъ,
И бездоннаго неба синѣющій сводъ
Звалъ меня безотчетно и властно впередъ.

Г. Усачевъ.

Артилерійскій комитетъ, его прошлое, настоящее и будущее.

Въ послѣднее время среди нападокъ на артилерійское вѣдомство особенно часто упоминается артилерійскій комитетъ. Это, до сихъ поръ мало извѣстное, учрежденіе привлекаетъ особенное вниманіе общества. Онъ представляется главнымъ тормозомъ движенія нашей артилеріи, причиною ея будто бы отсталости, ея будто бы дурного состоянія. Онъ губить де всякую живую идею, убиваетъ въ зародышѣ всякое изобрѣтеніе и т. д., и т. д. Его собираются реформировать на совершенно новыхъ началахъ, правда, довольно смутныхъ. При всемъ томъ, самое лицо этого, повидимому, столь важнаго учрежденія, его жизнь и роль въ общемъ организмѣ военного министерства остаются совершенно неясными. Намъ казалось, поэтому, очень важнымъ именно въ настоящее время дать возможность обществу нѣсколько ближе познакомиться съ этимъ учрежденіемъ.

Образованіе Артилерійскаго комитета относится къ 1804 г.

Директоръ Олонецкаго и Луганскаго заводовъ Гаскойнъ внесъ проектъ «Объ уменьшеніи пропорціи чугунныхъ орудій гарнизонной артилеріи» (т. е. объ измѣненіи ихъ калибра и вѣса). Тогдашній министръ военно-сухопутныхъ силъ генераль Вязьмитиновъ поручилъ въ январѣ 1804 г. инспектору всей артилеріи: «составивъ изъ особъ находящагося здѣсь артилерійскаго генералитета, и кого еще за приличное пригласить разсудите, временный комитетъ, приступить къ изслѣдованію пользы и выгодъ предлагаемаго Гаскойномъ преобразованія орудій». На основаніи этого, ордеромъ инспектора всей артилеріи графа Аракчеева отъ 24-го февраля 1804 г., по Высочайшей Его Императорскаго Величества волѣ, какъ сказано въ ордерѣ, былъ учрежденъ *Временный артилерійскій комитетъ*. Членами его назначены генераль-маіоры: Берхъ и Касперовскій, 2-го кадетскаго корпуса подполковникъ Маркевичъ, 6-го артилерійскаго полка маіоръ баронъ Плотто, управляющій чертежнымъ архивомъ артилерійской экспедиціи надворный совѣтникъ Заворотковъ и той же экспедиціи переводчикъ титулярный совѣтникъ Астафьевъ.

Но съ первыхъ же шаговъ Временнаго артилерійскаго комитета сфера дѣятельности его расширяется. Въ 1805 г. онъ занимается разсмотрѣніемъ и другихъ проектовъ, относящихся до артилеріи, а въ 1808 г. на него же возлагается производство экзаменовъ юнкерамъ, представляемымъ къ производству въ артилерійскіе офицеры.

Въ 1807 г. Высочайшимъ указомъ отъ 7-го декабря при немъ повелѣно было открыть небольшую типографію, въ штатѣ которой значится, между прочимъ, издатель «Артилерійскаго Журнала».

Въ 1808 г. Временный артилерійскій комитетъ былъ переименованъ въ постоянное учрежденіе «Ученый комитетъ по артилерійской части». Комитетъ этотъ находился подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ генераль-инспектора всей артилеріи и имѣлъ цѣлью «изысканіе всѣхъ способовъ къ доведенію до возможнаго усовершенствованія всѣхъ относящихся до артилерійскаго искусства предметовъ какъ со стороны теоріи, такъ и практики». На обязанность его возлагалось:

1) Разсматривать чертежи орудій, снарядовъ и прочихъ артилерійскихъ принадлежностей, рассылаемыхъ по арсеналамъ и заводамъ, донося генераль-инспектору о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя признаетъ нужнымъ сдѣлать.

2) Разсматривать журналы практическихъ занятій артиллерійскихъ ротъ и свои замѣчанія представлять какъ генераль-инспектору, такъ и помѣщать въ издаваемомъ журналѣ.

3) Разсматривать всѣ проекты по артиллеріи и дѣлать по нимъ опыты, представляя свои заключенія генераль-инспектору.

4) Производить экзамены юнкерамъ и фейерверкерамъ, представляемымъ къ производству.

5) Издавать «Артиллерійскій Журналъ» полезнаго и занимательнаго для артиллерійскихъ офицеровъ содержанія.

Кромѣ того, генераль-инспектору предоставлялось назначать для комитета еще и другіе предметы занятій.

Комитетъ обязанъ былъ разсматривать дѣла «безъ всякаго пристрастія» и излагать свои заключенія въ журналѣ за подписью всѣхъ участвовавшихъ; заключенія составлялись по большинству голосовъ, но съ приложеніемъ отдѣльныхъ мнѣній, въ случаѣ разногласія членовъ, и затѣмъ представлялись генераль-инспектору всей артиллеріи.

Въ 1812 г. изъ Ученаго комитета по артиллерійской части былъ образованъ Военно-ученый комитетъ, подчиненный непосредственно военному министру. Онъ состоялъ изъ предсѣдателя и 6 членовъ, по два отъ инженернаго, артиллерійскаго и квартирмейстерскаго вѣдомствъ и имѣлъ общею задачею усовершенствованіе ученой части военного искусства и распространеніе военно-научныхъ свѣдѣній въ войскахъ.

Однако, отсутствіе въ артиллерійскомъ вѣдомствѣ соотвѣтственнаго органа дало себя очень скоро чувствовать и вызвало періодическое возникновеніе разныхъ вспомогательныхъ комитетовъ.

Такъ, въ 1816 г. по Высочайшему повелѣнію учреждается «Комитетъ для лучшаго усовершенствованія артиллеріи» подъ предсѣдательствомъ инспектора всей артиллеріи для рѣшенія нѣсколькихъ существенныхъ вопросовъ, закрывшійся въ томъ же году по окончаніи своего порученія. Такіе же временные комитеты появляются въ 1825 г. и 1836 г., а въ 1827 г. появляется въ артиллерійскомъ вѣдомствѣ новое самостоятельное учрежденіе подъ названіемъ «Комитета по артиллерійской части», которое, не имѣя ни опредѣленнаго положенія, ни штата, просуществовало, однако, 16 лѣтъ параллельно съ Военно-ученымъ комитетомъ.

Въ 1819 г. въ организаціи Военно-ученаго комитета сдѣлано существенное измѣненіе: онъ былъ раздѣленъ на 3 отдѣленія—по артиллерійской, инженерной и квартирмейстерской части, причемъ

артилерійское отдѣленіе было поставлено въ прямую связь съ инспекторомъ всей артилеріи.

Тѣмъ не менѣ дѣятельность Военно-ученаго комитета, въ особенности по артилерійской части, далеко не удовлетворяла потребности. Отдѣленіе это, несмотря на самую напряженную работу, несмотря на нѣкоторое усиленіе штата, все же не могло справляться съ выпадавшей на его долю работой; состояніе же его въ Военно-ученомъ комитетѣ вызывало еще увеличеніе переписки и труда приблизительно на 1.000 номеровъ въ годъ. Въ то же время обнаружилось, что дѣятельность трехъ отдѣленій комитета совершенно различна какъ по объему, такъ и по характеру и степени важности ихъ трудовъ. Въ пятидесятихъ годахъ въ теченіе года бывало среднимъ числомъ рассмотрѣнныхъ дѣлъ: въ артилерійскомъ отдѣленіи—330, въ инженерномъ—12 и генеральнаго штаба—3. Въ то время, какъ въ артилерійскомъ отдѣленіи производились обширные опыты, въ остальныхъ никакихъ опытовъ не дѣлалось. Дѣлъ, подлежащихъ общему рассмотрѣнію двухъ отдѣленій, встрѣчалось не болѣе одного въ теченіе 10 лѣтъ, подлежащихъ же обсужденію всѣхъ трехъ отдѣленій не встрѣчалось вовсе.

Въ 1857 г. окончательно созрѣла мысль о раздѣленіи Военно-ученаго комитета на три независимые комитета, подчиненные каждый главному начальнику своего вѣдомства.

Въ 1859 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о реорганизациіи военно-ученаго комитета, причемъ изъ его артилерійскаго отдѣленія образованъ вновь временный артилерійскій комитетъ, который въ 1867 г. переобразованъ въ постоянный техническій комитетъ при Главномъ артилерійскомъ управленіи. Этотъ послѣдній въ 1869 г. переименованъ въ Артилерійскій комитетъ и съ тѣхъ поръ подвергался лишь небольшимъ измѣненіямъ въ 1886 и 1910 гг., но задачи, возложенныя на Артилерійскій комитетъ, остаются все тѣ же, какъ и въ 1808 г.

Въ настоящее время Артилерійскій комитетъ состоитъ изъ 8 отдѣловъ.

1) По разработкѣ конструкціи орудій и снарядовъ, по рассмотрѣнію проектовъ различныхъ системъ орудій и снарядовъ и по составленію таблицъ стрѣльбы.

2) По разработкѣ конструкціи лафетовъ, установокъ, повозокъ и артилерійской принадлежности.

3) По примѣненію къ артилеріи механики и электротехники.

4) По изготовленію матеріальной части артилеріи.

- 5) По пороховой, лабораторной, трубочной и ракетной частямъ.
- 6) По организаціи и вооруженію артилеріи.
- 7) По употребленію артилеріи въ бою, по практическимъ занятіямъ и по артиллерійскому образованію вообще.
- 8) По ручному огнестрѣльному и холодному оружію.

Въ каждомъ отдѣлѣ состоитъ по постоянному члену и одному или нѣсколько дѣлопроизводителей. Въ 3, 7 и 8 отдѣлахъ насчитывается по два постоянныхъ члена комитета.

Въ составъ 5 отдѣла входитъ еще комиссія по примѣненію взрывчатыхъ веществъ къ снаряженію снарядовъ, состоящая изъ предсѣдателя, двухъ дѣлопроизводителей, двухъ химиковъ, офицера для производства опытовъ, 2 лаборантовъ и 1 класснаго оберъ-фейерверкера. Предсѣдатель комиссіи и старшій химикъ пользуются тоже правами постоянныхъ членовъ комитета.

Наконецъ, къ отдѣламъ причисляются также совѣщательные члены по своимъ специальностямъ, хотя практически содѣйствіе ихъ работъ комитета выражается, главнымъ образомъ, въ общихъ засѣданіяхъ комитета.

При комитетѣ состоятъ еще канцелярія комитета и чертежная, находящіяся въ вѣдѣніи управляющаго дѣлами комитета.

Всѣ вопросы, подлежащіе рѣшенію комитета, разрабатываются въ отдѣлахъ и затѣмъ всѣ, кромѣ второстепенныхъ, докладываются въ общемъ засѣданіи.

Заключенія комитета излагаются въ формѣ журналовъ съ приведеніемъ соображеній, послужившихъ къ такому заключенію, и съ приложеніемъ отдѣльныхъ мнѣній лицъ, несогласныхъ съ заключеніемъ большинства. Такимъ образомъ, и по способу изложенія результатовъ своихъ работъ приходится нынѣ придерживаться того же порядка, какъ было при Аракчеевѣ, сто лѣтъ тому назадъ.

Подборъ соотвѣтственнаго личнаго состава издавна составлялъ главную заботу начальства. Для характеристики этого состава достаточно упомянуть, что въ числѣ членовъ комитета за прошлое время имѣлись такія имена, какъ: Вышнеградскій, Менделѣевъ, Гадолинъ, Маіевскій и Энгельгардтъ, что за послѣднее время въ числѣ дѣятелей комитета можно указать пользующихся извѣстностью въ Европѣ генераловъ: Шкляревича, Забудскаго 1-го, Дурлахера, Крылова, Бѣляева, Маниковского, Смысловскаго.

По дѣйствующему положенію постоянные члены назначаются изъ лицъ, имѣющихъ за собою труды, относящіеся къ специальности соотвѣтствующаго отдѣла комитета. Для дѣлопроизводителей

особаго ценза не установлено, но опытъ привелъ къ заключенію, что лица, не имѣющія высшаго артилерійскаго образованія или соотвѣтственнаго отдѣлу, хотя бы выбранныя изъ выдающихся по службѣ офицеровъ, не могутъ справляться съ комитетской работою. Въ дѣйствительности, въ дѣлопроизводители комитета поступаютъ офицеры изъ числа оканчивающихъ лучшими академію или академисты, засвидѣтельствовавшіе свои дарованія на службѣ въ техническихъ заведеніяхъ, либо въ строю.

Должно, однако, сказать, что въ послѣднее время замѣчается отливъ силъ изъ комитета, а замѣна выбывающихъ новыми встрѣчаетъ все большія и большія трудности. Причинами этого является хорошо извѣстное чрезвычайное обремененіе работою всѣхъ чиновъ комитета.

Скромныя рамки настоящей замѣтки не позволяютъ остановиться на особенностяхъ работы въ Артилерійскомъ комитетѣ, но, чтобы дать все-таки хоть нѣкоторое понятіе о дѣятельности комитета приведемъ нѣкоторые окончательные ея итоги.

Какъ во всякой человѣческой дѣятельности, тутъ могутъ быть свои неудачи и ошибки, но вотъ факты.

Послѣ войны 1877 — 1878 г. въ нашей и иностранной артилеріяхъ установилась почти однородная матеріальная часть съ тѣмъ отличіемъ, что у насъ были введены еще орудія навѣснаго дѣйствія—полевая 6-дм. (мортиры), чего почти нигдѣ не было.

Въ 1895 г. мы первые вводимъ полевая орудія ускореннаго дѣйствія съ пружиннымъ сошникомъ у хобота, съ вынесенною впередъ прицѣльною линіей, съ передвиженіемъ станинъ по оси. Въ результатъ получаемъ въ минуту 4 выстрѣла изъ орудія, вмѣсто прежнихъ 1¹/₃ выстрѣла. Основныя черты этого типа быстро распространяются по всей Европѣ. Нѣчто сходное принимаютъ нѣмцы въ 1897 г. (обр. 1896 г.) и продолжаютъ сохранять вплоть до 1906 года. У австрійцевъ подобная матеріальная часть существуетъ частью еще и понынѣ.

Въ 1900 г. мы вводимъ уже скорострѣльную артилерію и устанавливаемъ окончательный образецъ въ 1902 г. Нѣмцы переходятъ къ такой артилеріи въ 1906 г., а австрійцы въ 1907 г. Затѣмъ, въ 1904 г. принимаемъ на вооруженіе первый скорострѣльный образецъ горной пушки, а потомъ 48-лин. гаубицы. Войну съ Японіей мы встрѣтили съ ручнымъ оружіемъ, отнюдь не уступающимъ японскому; матеріальная же часть нашей артилеріи, по общему признанію, была ощутительно выше.

Годы послѣ войны до сего времени были снова годами самой напряженной систематической работы комитета.

Результаты этой работы только начинаютъ обнаруживаться и потому объ нихъ говорить преждевременно. Будемъ надѣяться, что наступитъ время и наступитъ скоро, когда они выступятъ со всею яркостью и покажутъ воочію, насколько несправедливо и тенденціозно было поднятое въ печати осужденіе современнаго Артиллерійскаго комитета.

Въ ожиданіи же этого желаннаго времени постараемся сдѣлать нѣкоторые выводы изъ изложенной выше вкратцѣ исторіи этого учрежденія.

Прежде всего бросается въ глаза, что задачи Артиллерійскаго комитета сто лѣтъ тому назадъ, при Аракчеевѣ, и теперь формулируются почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ: 1) разработка и разсмотрѣніе проектовъ всякихъ предметовъ матеріальной части артилеріи, 2) разсмотрѣніе и критика способовъ употребленія артилеріи, 3) постановка всякихъ опытовъ по артиллерійской части и 4) распространеніе артиллерійскихъ знаній среди офицеровъ:

Въ 1812 г. съ образованіемъ Военно-ученаго комитета задача была нѣсколько измѣнена; его назначеніемъ указано: усовершенствованіе ученой части военного искусства и распространеніе военно-научныхъ свѣдѣній въ войскахъ. И что же? Практика заставила прежде всего подраздѣлить комитетъ на отдѣленія по спеціальностямъ: артиллерійское, инженерное и квартирмейстерское, а затѣмъ силою вещей артиллерійскому отдѣленію пришлось взять на себя всѣ задачи прежняго Ученаго комитета по артиллерійской части.

Вторую особенность Артиллерійскаго комитета за все столѣтнее его существованіе составляетъ его чисто совѣщательный характеръ. Онъ ничего не рѣшаетъ; онъ даетъ лишь заключеніе, вся цѣнность котораго заключается въ аргументировкѣ и возможно полномъ освѣщеніи вопроса. На эту сторону и обращается особое вниманіе еще Аракчеевскимъ положеніемъ: требуется, чтобы заключеніе было изложено въ видѣ подробно мотивированнаго журнала согласно мнѣнія большинства, но, не довольствуясь этимъ, положеніе обязываетъ прилагать къ журналу отдѣльныя мнѣнія членовъ, несогласныхъ съ большинствомъ. Рѣшающій голосъ принадлежитъ исключительно старшему начальнику, при которомъ комитетъ состоитъ.

Короткій предшествующій историческій очеркъ уже позволяетъ

замѣтить, какъ первоначально смѣшанныя функціи членовъ комитета постепенно все болѣе и болѣе специализируются, приводя къ раздѣленію комитета на спеціальныя отдѣлы.

Наконецъ, необходимо отмѣтить постоянную заботу, ярко подчеркнутую съ перваго момента образованія комитета, о снабженіи его возможно мощными интеллектуальными силами.

Обращаясь къ настоящему моменту, представляется существеннымъ выяснить, въ чемъ же измѣнились условія для работы комитета и какія измѣненія они могли бы внести.

Если прежде для разсмотрѣнія и разработки проектовъ матеріальной части требовалось коллегіальное учрежденіе изъ специалистовъ, то въ настоящее время, когда каждый изъ предметовъ—орудіе, снарядъ, лафетъ и т. д. сдѣлался неизмѣримо болѣе сложными механизмами, когда взаимозависимость ихъ между собою и связь съ способами употребленія стала еще тѣснѣе, необходимость разносторонней оцѣнки ихъ съ точки зрѣнія различныхъ специальностей становится еще настоятельнѣе. Такимъ образомъ, задачи, ставившіяся до сихъ поръ Артилерійскому комитету, остаются въ полной силѣ и для рѣшенія ихъ необходимъ коллегіальный органъ—Артилерійскій комитетъ.

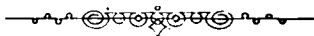
Но коллегія имѣетъ лишь одинъ способъ рѣшенія вопросовъ—миѣніе большинства, при которомъ рѣшеніе чаще всего отличается особенной осторожностью, что исключаетъ возможность рѣшительныхъ дѣйствій, а отвѣтственность коллегій, въ особенности при рѣшеніи большинствомъ, всегда будетъ носить смутный характеръ.

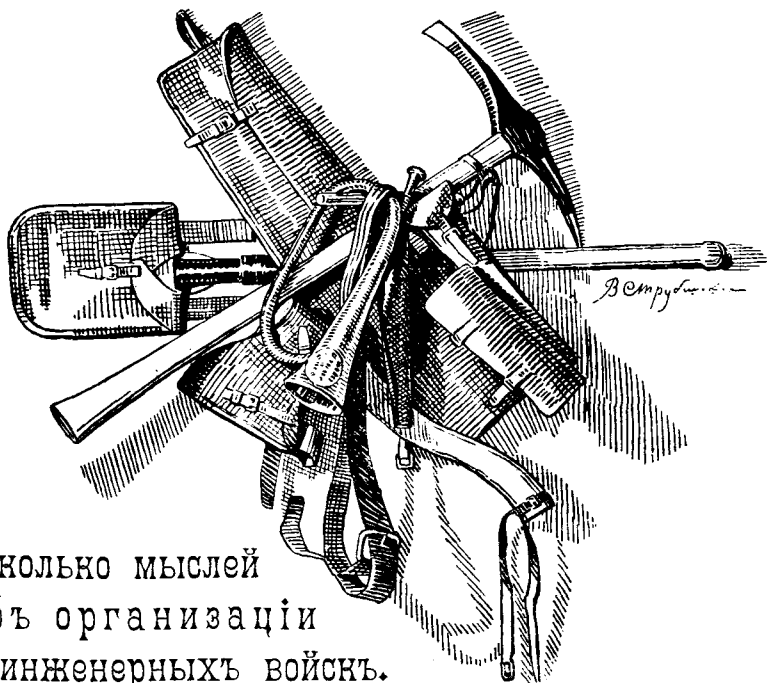
Поэтому, лучшее, повидимому, рѣшеніе заключается именно въ чисто совѣщательномъ характерѣ Артилерійскаго комитета: отвѣтственность лежитъ на одномъ лицѣ, комитетъ же даетъ лишь возможно полное освѣщеніе вопросамъ, поставленнымъ на обсужденіе именно этимъ лицомъ.

Наконецъ, едва ли можно предложить какой-нибудь другой порядокъ пополненія личнаго состава, чѣмъ нынѣ принятый.

Все это приводитъ къ заключенію, что, если и требуется реформированіе Артилерійскаго комитета, то не въ смыслѣ внесенія новыхъ началъ, а лишь въ организаціи, способствующей болѣе полному проявленію основныхъ идей.

А. Маркевичъ.

Нѣсколько мыслей объ организаціи инженерныхъ войскъ.

Вторъ статьи «Инженерный полкъ», помѣщенной въ февральской книжкѣ «Военнаго Сборника», предлагаетъ своеобразную идею новой организаціи полевыхъ инженерныхъ войскъ, по его мнѣнію, «полнѣе и надежнѣе обеспечивающую войска корпуса во всѣхъ его потребностяхъ и пуждахъ по части военно-инженерной техники», хотя въ сосѣднихъ съ приведенными строками и заявляетъ, что не предполагаетъ рѣшать этого вопроса математически, а высказываетъ лишь самыя общія мысли и даже допускаетъ, что его «общія предположенія и пожеланія, при детальной разработкѣ, могутъ получить весьма отличное, другое рѣшеніе»...

Идея новой организаціи, предлагаемая авторомъ вниманію широкаго круга читающей военной публики, является настолько импровизированною и необоснованною ни на боевомъ опытѣ, ни на соображеніяхъ мирнаго характера, что нуждается во всестороннемъ изслѣдованіи и надлежащемъ освѣщеніи.

Этимъ, насколько позволятъ рамки журнальной статьи, въ дальнѣйшемъ и займемся.

Идея новой организаціи полевыхъ инженерныхъ войскъ въ статьѣ «Инженерный полкъ» построена на двухъ основаніяхъ:

1) На упрядненіи полевыхъ саперныхъ частей и передачѣ обслуживаемыхъ ими отраслей инженерной техники частью въ войска прямого боевого назначенія, а частью въ проектируемыя инженерныя роты и

2) На образованіи при корпусахъ инженерныхъ полковъ, которые обслуживали бы ихъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Инженерные полки должны возникнуть путемъ переформирования всѣхъ существующихъ въ настоящее время инженерныхъ частей различныхъ специальностей. Они будутъ состоять изъ нѣсколькихъ баталіоновъ, въ которые войдутъ роты—телефонная, искровая, свѣтовая, самокатная, самолетная, дорожная, мостовая, понтонная и ремонтная.

Осадно-крѣпостное дѣло изымлется изъ предметовъ обслуживания полевыхъ инженерныхъ войскъ и передается въ особые осадные инженерные полки. Организаціи и службы послѣднихъ статья касается лишь вскользь. Повидимому предполагается, что части эти будутъ обслуживать только осадныя и минныя работы; всѣ же прочія отрасли инженерной техники останутся за упомянутыми выше полевыми инженерными полками.

Такова въ общемъ основная мысль автора.

Разберемся въ каждой части ея особо.

Первое условіе, поставленное въ основаніе предлагаемой организаціи, въ сущности не представляетъ изъ себя ничего новаго.

Одно время, около 30 лѣтъ тому назадъ, въ нашей арміи пропагандировалась мысль объ упрядненіи саперъ, на томъ яко бы основаніи, что специальность ихъ, не трудная для изученія, легко можетъ быть обслужена самими войсками.

Мысль эта, имѣвшая не мало сторонниковъ и среди высшаго команднаго состава, къ благу нашихъ вооруженныхъ силъ, осуществлена не была. Напротивъ, съ развертываніемъ арміи, постепенно формировались новыя части и, къ началу послѣдней кампаніи, всѣ дѣйствовавшіе корпуса имѣли въ своемъ составѣ саперъ.

Первыя же боевыя испытанія блестяще доказали полную несостоятельность приведенной выше тенденціи.

Выяснилось, что саперы очень нужны, старыя мысли были оставлены, а очень высокіе военные авторитеты стали ратовать теперь не за уничтоженіе, а за увеличеніе саперныхъ частей чуть ли не вдвое.

И это правильно.

Усложнившаяся, въ зависимости отъ состоянія современнаго оружія, обстановка боевыхъ столкновеній заставляеть въ широкихъ размѣрахъ пользоваться услугами саперъ.

А такъ какъ орудія вооруженной борьбы день-ото-дня совершенствуются, то и способы противодѣйствія ихъ смертоносному влиянію должны умножаться и видоизмѣняться.

Проще говоря, на ряду съ техникой вообще, саперное дѣло, очень пренебрежительно называемое авторомъ «землекопною частью», должно прогрессировать.

Передать его въ исключительное вѣдѣніе пѣхоты, поглощенной своей прямой боевой работой, зачастую мѣняющей въ теченіе одной кампаніи по нѣсколько составовъ офицеровъ, а временами почти исключительно остающейся въ рукахъ малоразвитыхъ, полуграмотныхъ сверхсрочнослужащихъ и, ничего общаго съ военнымъ дѣломъ не имѣвшихъ, офицеровъ запаса, было бы крайне рискованно.

Въ такихъ, далеко не рѣдкихъ, случаяхъ отсутствіе саперъ въ арміи явилось бы непоправимой ошибкой.

Нѣтъ словъ, что войска прямого боевого назначенія должны умѣть справиться съ простѣйшими работами самостоятельно. Но и только. Передать же позиціонное дѣло исключительно въ руки пѣхоты или наоборотъ, какъ это имѣло мѣсто въ минувшую кампанію, всѣцѣло въ вѣдѣніе саперъ было бы не рационально и даже вредно.

Въ первомъ случаѣ изученіе позиціоннаго дѣла, въ полномъ его объемѣ, отниметь не мало времени, столь нужнаго пѣхотѣ для усовершенствованія ея боевой подготовки. Несомнѣнно, послѣдняя, благодаря этому, можетъ только понизиться.

Нехороша и вторая крайность, такъ какъ она несомнѣнно понизитъ производительную работу саперъ, не давъ сколько-нибудь ощутительныхъ преимуществъ для войскъ прямого боевого назначенія.

Эти обстоятельства очевидно и легли въ основаніе разработаннаго недавно наставленія, очень мудро разграничившаго сферы инженерной дѣятельности различныхъ войскъ.

Казалось бы приведенныхъ здѣсь доводовъ достаточно для того, чтобы установить право саперъ на дальнѣйшее существованіе въ средѣ прочихъ инженерно-техническихъ органовъ арміи.

Неубѣжденному же или скептически настроенному читателю можно въдобавокъ къ сказанному порекомендовать поглубже ознакомиться съ деталями службы саперъ въ полѣ.

Послѣднее, нужно полагать, окончательно разсѣть туманъ, навѣянный «Инженернымъ полкомъ».

Дѣйствительно, достаточно взглянуть въ любой моментъ боевой дѣятельности саперъ, чтобы придти къ діаметрально противоположнымъ, съ высказываемымъ въ разбираемой статьѣ, взглядамъ. Возьмемъ, на примѣръ, чисто боевую обстановку въ томъ періодѣ ея, когда войска, послѣ многихъ усилій, сломили, наконецъ, упорство противника и стали тѣснить его.

Неужели же въ такіе моменты, когда дорогъ каждый боецъ, военачальникъ станетъ ослаблять свои силы для того, чтобы, пользуясь услугами фортификаціи, закрѣпить за собою пріобрѣтенное цѣною обильныхъ потоковъ крови?!...

Въ настоящее время подобныя работы составляютъ прямую обязанность саперъ и, при достаточномъ количествѣ ихъ въ арміи и правильной организаціи, важное значеніе этого вспомогательнаго органа для общаго успѣха несомнѣнно.

Какъ же быть въ такихъ случаяхъ, если принять предложеніе автора «Инженернаго полка»?

Отказаться отъ услугъ «землекопной части», признать ее излишней роскошью нельзя. Условія современныхъ боевыхъ столкновений, напротивъ, все болѣе и болѣе настойчиво требуютъ примѣненія на поляхъ сраженій тѣхъ или иныхъ фортификаціонныхъ формъ.

Не отказывается отъ этого и авторъ.

Повидимому, съ упраздненіемъ саперъ создается два выхода.

Первый, отмѣченный выше, это исполненіе фортификаціонныхъ работъ путемъ отвлеченія извѣстной части войсковыхъ массъ отъ прямой боевой работы.

Второй, худшій, пріостановка для указанной цѣли поступательнаго движенія вообще.

Нужно ли говорить, что результаты и того и другого могутъ быть только отрицательные?

И въ самомъ дѣлѣ. Въ первомъ случаѣ ослабленной живой массѣ станетъ не подъ силу дальнѣйшее выполненіе задачи и вѣрный успѣхъ, при благоприятныхъ даже условіяхъ, сведется къ нулю. Во второмъ — подъемъ духа бойцовъ, вызванный упоеніемъ побѣды, прекратится; порывъ пройдетъ, настанетъ реакція, инициатива перейдетъ въ руки противника... Все это вмѣстѣ взятое приведетъ къ пораженію.

Третьяго выхода пзъ положенія, созданнаго изгнаніемъ изъ арміи саперъ, быть не можетъ.

Поручить, напримѣръ, выполненіе фортификаціонныхъ задачъ глубокимъ резервамъ было бы равносильно отказу отъ маневрированія, рѣшающаго каждый современный бой. Наконецъ, резервовъ можетъ и не быть вблизи каждаго даннаго пункта, или назначеніе ихъ по обстановкѣ боя можетъ явиться невозможнымъ.

Какъ же быть?

Неужели вернуться къ тенденціямъ минувшей войны и въ угоду фортификаціи, изъ однихъ только экономическихъ цѣлей, заранѣе обречь себя на пораженія и въ будущемъ?!

Теперь возьмемъ другой примѣръ по обстановкѣ болѣе мирнаго характера.

Предположимъ, что въ теченіе кампаніи, при отсутствіи боевыхъ условій, наемнымъ трудомъ производится инженерная подготовка театра.

И по смыслу логики, и на основаніи опыта, достовѣрно извѣстно, что почти безъ исключенія всякая фортификаціонная работа можетъ быть успѣшно и правильно выполняема только при условіи нахожденія въ рабочей массѣ специалистовъ, заранѣе обученныхъ этому. До настоящаго времени таковыми были саперы. Услугами ихъ въ минувшую кампанію производители тыловыхъ работъ пользовались очень широко. Не рѣдки были случаи, что въ боевыхъ линіяхъ въ саперахъ ощущался недостатокъ даже при томъ условіи, что въ армію было вызвано, специально для указанной цѣли, нѣсколько лишнихъ баталіоновъ.

На кого же упадутъ эти работы съ упраздненіемъ саперъ? На пѣхоту?!

Кого въ такомъ случаѣ будутъ брать для работъ—отдѣльныхъ ли болѣе свѣдущихъ нижнихъ чиновъ, каковыми, безъ сомнѣнія, въ подавляющемъ большинствѣ явятся унтеръ-офицеры, роты ли, баталіоны, полки?.. Кто будетъ руководить работами? Пѣхотные ли офицеры или офицеры инженерныхъ войскъ, которымъ съ подобной реформой станетъ чуждымъ не только позиціонное, но и вообще полевое дѣло?... Или вернемся опять къ импровизаціи 1904—1905 гг. и вручимъ «землекопную часть» людямъ съ высшимъ военно-техническимъ образованіемъ?!

Къ сожалѣнію, ни на одинъ изъ неречисленныхъ на послѣднихъ двухъ, трехъ страницахъ вопросовъ, вопросовъ, глубоко интересныхъ и жизненныхъ, авторъ «Инженернаго полка» не обмолвился ни однимъ словомъ.

Напротивъ, единымъ почеркомъ пера, основываясь исключи-

тельно на собственномъ «я такъ хочу», онъ пытается опрокинуть принятые всюду принципы инженернаго обслуживанія современныхъ полей сраженій.

Вѣдь тѣми немногими, отрывочными, облеченными въ категорическую, безапелляціонную форму доводами, которые приводитъ авторъ въ защиту своего мнѣнія, удовлетвориться нельзя.

И это потому, что они не обусловлены логическими выводами и, мало того, мѣстами даже не соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

Таковы, между прочимъ, голословное заявленіе о навязываніи войскамъ совершенно ненужныхъ имъ знаній, непонятное умаленіе техническихъ средствъ сапернаго баталіона, умолчаніе о нѣкоторыхъ, обслуживаемыхъ саперами, отрасляхъ военно-инженерной техники, объемѣ спеціальной ихъ подготовки и проч., и проч.

Перечислять и разбирать эти и другія, неуказанныя здѣсь, обстоятельства, нѣтъ никакой надобности. Тенденціозность ихъ очевидна и оцѣнка не затруднить никого, мало-мальски знакомаго съ дѣятельностью и организаціею саперъ.

Остановимся лучше на болѣе интересномъ, а именно на томъ, къ чему привели автора поиски новыхъ организаціонныхъ формъ.

Результатъ ихъ выразился, ни болѣе ни менѣе, какъ отрицаніемъ прогресса фортификаціи.

«Не будетъ большимъ преувеличеніемъ сказать», заключаетъ свои доводы авторъ, «что военно-техническое дѣло въ саперныхъ баталіонахъ почти остановилось въ своемъ развитіи: со временъ Петра Великаго и Полтавскихъ редутовъ въ саперныхъ баталіонахъ прибавилась одна новинка. дѣйствительно техническая, съ современнымъ двигателемъ, динамо-машиной, электрическимъ свѣтомъ—это прожекторъ»...

И далѣе:

«Весь центръ тяжести въ саперномъ баталіонѣ естественно находится въ саперномъ же дѣлѣ; окопы, редуты, параллели, сапы, осадныя батареи, минныя галлерей, вѣнчаніе гласиса и т. д., одна только земля, которая ежегодно громадными объемами въ спеціальномъ «инженерномъ» лагерномъ сборѣ поднимается снизу наверхъ, и это называется инженернымъ дѣломъ, когда это всего только ничтожная часть его и самая простая, а именно землекопная».

Да, если проникнуться мыслями, приведенными въ этомъ отрывкѣ «Инженернаго полка», и согласиться, что техника—это нѣчто связанное съ динамо-машиной и электрическимъ свѣтомъ, не трудно

дойти и до признанія, что вся полевая фортификація ничего общаго съ инженернымъ дѣломъ не имѣетъ.

Но такъ ли это?... Да, наконецъ, въ названіяхъ ли и терминахъ ли суть?..

Не правильнѣ ли говорить о дѣлѣ не существу, со стороны той пользы, которую приноситъ землекопная техника современному бойцу, и на основаніи логическаго вывода, а не голословныхъ заявленій, оставить за ней почетное мѣсто, по праву занятое въ ряду прочихъ отраслей военно-инженернаго дѣла?

Не все ли равно, напримѣръ, обрушится ли отъ огня противника, возведенный изъ камня, желѣза и бетона, казематъ или по той же причинѣ, гдѣ-нибудь въ полевомъ укрѣпленіи, обвалятся блиндажи?

Явленія эти одинаково уменьшаютъ сопротивленіе гарнизона, а слѣдовательно понизятъ и шансы на конечный успѣхъ.

Въ такихъ-то случаяхъ гонимая авторомъ техника и скажетъ свое слово. Надлежаще организованная, и здѣсь и тамъ, она одинаково придетъ на помощь живой силѣ и, если не выполнѣ, то въ значительной степени, возстановитъ утраченное равновѣсіе. Въ подтвержденіи сказанное не нуждается. Эпическая оборона Портъ-Артура, протекшая, главнымъ образомъ, въ борьбѣ за полевые укрѣпленныя позиціи, даетъ этому массу примѣровъ.

Та же Русско-японская война много разъ доказала, какъ важно, чтобы фортификаціонныя формы находились въ соотвѣтствіи съ современнымъ состояніемъ орудій борьбы и съ принципами веденія боя.

Вспомнимъ, дѣйствительно, какія измѣненія внесъ послѣдній боевой опытъ въ наши наставленія. Вѣдь нѣкоторые фортификаціонные образцы совершенно перемѣнили свою физиономію, не мало появилось и новыхъ, до этого времени неизвѣстныхъ... Всѣмъ этимъ и выражается прогрессъ позиціоннаго дѣла.

Для этой-то цѣли, а именно — поддержанія полевого инженернаго дѣла на высотѣ современныхъ боевыхъ требованій, для распространенія познаній этого рода въ арміи и, наконецъ, для исполненія болѣе сложныхъ работъ или руководства ими и существуетъ самостоятельный органъ, именуемый саперами.

Работа саперъ, не видная въ мирное время, не бьетъ на эффектъ и въ военное. Нѣтъ ничего поэтому удивительнаго, что малознакомому съ дѣломъ наблюдателю она покажется и неосмысленнымъ переваливаніемъ земли.

«Масса инженерныхъ офицеровъ—саперъ и понтонеръ», восклицаетъ авторъ, «числомъ около одной тысячи томится, сидя на земляныхъ сапныхъ (?) работахъ или на плотничныхъ соединеніяхъ, обучая этому около 30.000 развитыхъ, дорогихъ солдатъ!»

Нѣтъ, это не такъ!

Некогда этой массѣ интеллигентныхъ работниковъ томится и прозябать въ бездѣтельности. Работа ихъ необходима для общаго преуспѣянія арміи. Уродливое, не сообразованное съ требованіями науки о боѣ, пользованіе услугами фортификаціи не можетъ привести къ побѣдѣ.

Мало того, шансы на успѣхъ понижаетъ въ частности каждое неправильное примѣненіе фортификаціонныхъ формъ. Для того, чтобы избѣжать этого, нужно учить и учиться, нужно прогрессировать. Этимъ во всей совокупности сказаннаго и занять въ мирное время корпусъ саперныхъ офицеровъ.

Нужно ли говорить, что специальность ихъ очень широкая и объемлетъ почти всѣ отдѣлы боевой науки?

Нѣтъ, не упразднить нужно саперъ, не выбрасывать, какъ излишній балластъ изъ арміи!.. Напротивъ, слѣдуетъ организовать ихъ въ гибкія и сильныя единицы и, придавъ войскамъ, разъ навсегда отречься отъ кошмарныхъ импровизацій прошлой кампаніи.

Поставленная въ такія условія позиціонная техника не будетъ больше чѣмъ-то самостоятельнымъ, независимымъ, а вмѣстѣ съ этимъ и наши поля сраженій перестанутъ быть заблаговременно подготовленной могилой для арміи. Наоборотъ, реформированное полевое инженерное дѣло станетъ съ этого времени постояннымъ, дѣйствительнымъ и могучимъ подспорьемъ живой силѣ въ тяжелой обстановкѣ современнаго боя и приведетъ ее къ побѣдѣ.

Покончивъ на этомъ съ неправильными, въ своей основѣ, идеями автора «Инженернаго полка» относительно саперъ, перейдемъ къ мыслямъ его о реорганизаціи прочихъ инженерныхъ войскъ.

«Армейскій корпусъ войскъ, говоритъ онъ, настолько большой и самостоятельный боевой организмъ, что онъ внутри себя долженъ имѣть все необходимое для увѣреннаго исполненія всякаго рода боевыхъ задачъ».

Основываясь на сказанномъ и признавая существующую организацію разрозненною, безсистемною и случайною, авторъ считаетъ необходимымъ перейти къ образованію въ корпусахъ трехбаталіонныхъ полковъ, состава, указаннаго въ началѣ настоящей статьи.

Новыя формы, предлагаемыя имъ, настолько самобытны, выводы, на основаніи которыхъ онѣ построены, зачастую такъ своеобразны, что въ нихъ стоитъ разобраться поподробнѣе.

Начнемъ съ общаго, съ административнаго устройства проектируемаго инженернаго полка.

Полкъ раздѣляется на три баталіона: первый—электрическій (въ составѣ ротъ телефонной, искровой и свѣтовой), второй—двигательный (роты—самокатная, самолетная и дорожная) и третій—переправочный (роты—мостовая, понтонная и ремонтная).

Даже самое внимательное изученіе организаціи подраздѣленій полка не даетъ возможности опредѣленно рѣшить, на чемъ зиждется административная идея автора. Во всякомъ случаѣ въ основаніе ея не легли ни принципы объединенія управленія, ни требованія общности обученія.

Почему, напримѣръ, въ первый баталіонъ включена свѣтовая рота, а не самокатная? Почему соединены такія, ничего общаго не имѣющія между собою, спеціальности, какъ дорожная и воздухоплавательная?

Кажется, было бы правильнѣе изъ тѣхъ же ротъ образовать баталіоны: первый, напримѣръ,—для связи, второй—развѣдывательный, третій — путей сообщенія. Такая комбинація, какъ основанная на соединеніи подъ однимъ управленіемъ родственныхъ отраслей военно-инженерной техники, при извѣстныхъ условіяхъ, пожалуй, могла бы оказаться и пригодной.

Въ томъ же видѣ, въ какомъ представлена на судъ читателей организація инженернаго полка, она кажется намъ не болѣе, какъ плодомъ отвлеченныхъ размышленій.

Въ конечномъ результатѣ, какъ увидимъ ниже, она родила нѣчто громоздкое, не жизненное и, въ интересахъ организаціоннаго дѣла, безусловно неприемлемое.

Чтобы подобное утвержденіе не показалось голословнымъ, обсудимъ предложенія и предположенія автора детально и взвѣсимъ всѣ «за и противъ» для cadaго изъ новоявленныхъ инженерно-техническихъ органовъ въ отдѣльности.

I.—*Телефонныя роты.*

«Въ войскахъ довольно и безъ телефоновъ своего прямого военнаго дѣла, необходимо снять съ плечъ пѣхоты эту обузу», говоритъ авторъ «Инженернаго полка» и, основываясь на

этомъ, предлагаетъ полковыя телефонныя команды корпуса свести въ особую инженерную роту.

Сюда должны быть переданы изъ существующихъ нынѣ телеграфныхъ ротъ всѣ приборы для оптическаго телеграфированія и, кромѣ того, надо полагать, богатые телефонныя средства, какъ упомянутыхъ ротъ, такъ и упраздняемыхъ саперныхъ.

Такая телефонная, а вѣрнѣе, оптическо-телеграфная и телефонная рота, соотвѣтственно количеству различныхъ штабовъ, управленій и войсковыхъ частей, должна раздѣляться на извѣстное число командъ.

Во время войны команды эти распредѣляются между перечисленными учрежденіями и войсками и обслуживаетъ каждая свой районъ. Границы фониической связи обозначаются ставкой штаба корпуса съ одной стороны и мѣстонахожденіемъ въ бою командировъ баталіоновъ пѣхоты—съ другой. Связь съ сосѣдями, а также функціи оптическаго телеграфа авторъ не предусматриваетъ.

Основной доводъ, вложенный въ идею новаго формированія, пожалуй, правиленъ.

Стремленіе къ освобожденію войскъ боевого назначенія отъ всего, что тормозитъ ихъ прямое дѣло и уменьшаетъ число штыковъ или сабель, очень понятно и имѣетъ свои серьезныя основанія. Однако, чрезмѣрное увлеченіе въ этомъ случаѣ особенно не допустимо.

Посыльные, ординарцы, сигнализанія флагами, фонарями и проч. являются средствами, насущно необходимыми для внутренней связи частей войскъ во всѣхъ случаяхъ ихъ боевой жизни.

Зачѣмъ же лишать пѣхоту болѣе совершеннаго изъ нихъ—телефона?

Не правильнѣе ли не отнимать, а, наоборотъ, озаботиться снабженіемъ этого рода войскъ матеріальною частью возможно простой въ обращеніи и портативной?

И тогда фониическая связь станетъ средствомъ дѣйствительнымъ и постояннымъ и обслужить въ нужныя минуты пѣхоту, не только кончая командирами баталіоновъ, но и далѣе до сторожевого охраненія включительно.

То же, что предлагаетъ авторъ, ставить внутривойсковую связь въ условія случайныя, а потому и нежелательныя.

Такое заключеніе необходимо сдѣлать относительно его основной мысли.

Что же касается службы телефонныхъ частей, то нужно при-

знать, что функціи ихъ въ сущности почти не отличаются отъ существующихъ телеграфныхъ. Въ этомъ не трудно убѣдиться, взглядывшись въ боевую дѣятельность телеграфныхъ ротъ.

Въ административномъ отношеніи новыя части эти являются даже неротами, организованными сообразно съ требованіями строевой и технической службы. Это скорѣе сборныя телефонныя команды, которыя съ началомъ кампаніи разсыпаются по частямъ корпуса и окончательно теряютъ между собою связь.

Техническія средства ихъ, благодаря отсутствію въ статьѣ болѣе или менѣе опредѣленныхъ указаній, установить очень трудно. Одно несомнѣнно, что лишенные лучшаго и самаго надежнаго средства связи, проводного телеграфированія, проектируемыя телефонныя роты и въ этомъ отношеніи являются отсталыми отъ родственныхъ имъ телеграфныхъ. Насколько восполнится указанный недостатокъ искровымъ телеграфомъ, увидимъ ниже.

Въ отношеніи управленія техническою службою связи авторъ также дѣлаетъ шагъ назадъ.

Напрасно онъ увѣряетъ, что «при такой организаціи телефонное сообщеніе въ войскахъ корпуса будетъ дѣйствовать согласованно, благодаря общему руководству и направленію отъ одного лица—командира телефонной роты, вполне отвѣстнаго за всякую неисправность въ телефонномъ сообщеніи».

Подобныя заключенія изъ всего сказаннаго въ статьѣ объ организаціи телефонныхъ ротъ не вытекаютъ. Наоборотъ, нужно думать, что надежды автора и совсѣмъ не оправдаются.

Дѣйствительно, можно ли обобщать руководство тѣмъ дѣломъ, которое преднамѣренно разрознено?

Возможно ли одному лицу направлять работу подвѣдомственныхъ органовъ, подчиненныхъ ему лишь фиктивно и разбросанныхъ на очень значительномъ протяженіи?

Своевременны ли, наконецъ, будутъ даваемые имъ указанія, когда предварительно онъ самъ долженъ получить директивы ни болѣе, ни менѣе, какъ отъ трехъ послѣдовательныхъ инстанцій?

И, несмотря на такія очевидныя препятствія, авторъ считаетъ естественнымъ возложить на командира телефонной роты полную отвѣтственность за исправность службы связи цѣлаго корпуса!

Конечно, возложить не воспрещается... Но будетъ ли что-нибудь этимъ достигнуто?

Итакъ, «сборъ въ одну роту всѣхъ нынѣ разсѣянныхъ по полкамъ пѣхотныхъ телефонистовъ» не представляетъ никакой необ-

ходимости; зачисленіе же ея на основаніяхъ, предлагаемыхъ авторомъ, въ составъ инженернаго полка совершенно бесполезно и можетъ только повредить дѣлу.

Уничтожить же дефекты существующей въ настоящее время службы связи представляется возможнымъ, измѣнивъ систему обслуживанія по такой примѣрно схемѣ:

а) внутривойсковую связь оставить на попеченіи самихъ частей;

б) образовать дивизионные органы, которые связывали бы полки со штабами дивизій и эти послѣдніе, какъ между собою, такъ и со штабами корпусовъ;

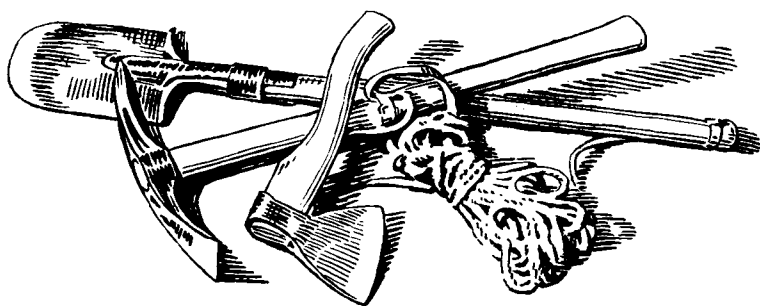
в) образовать корпусные органы для соединенія штаба корпуса со своими учрежденіями, штабомъ арміи и сосѣдными корпусами;

г) образовать армейскіе органы для обслуживанія штабовъ армій и ихъ учрежденій, а также для связи съ сосѣдными арміями и со ставкой главнокомандующаго.

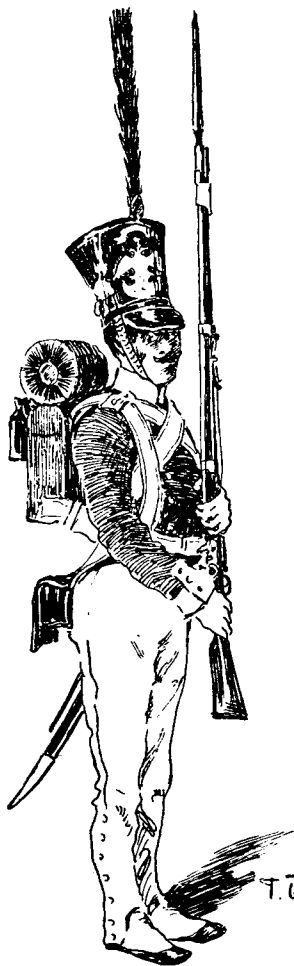
Казалось бы, при подобныхъ условіяхъ, а также при самостоятельности каждаго изъ перечисленныхъ органовъ и подчиненіи ихъ соотвѣтствующимъ начальникамъ, только и возможно полное и цѣлесообразное использованіе этой отрасли военно-инженерной техники.

Вяч. Атрошенко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Вс.

Кадетскіе корпуса, ихъ невзгоды и нужды.

I.

Въ послѣдніе годы сталъ оживать интересъ къ крѣпко наболѣвшему вопросу о жизни средней школы. Вопросъ этотъ долженъ привлекать пристальное вниманіе, такъ какъ несомнѣнно, что неурядица въ средне-учебныхъ заведеніяхъ будетъ имѣть на судьбу юныхъ поколѣній еще болѣе рѣшающее вліяніе, чѣмъ разстроенное дѣло безпорядочнаго воспитанія въ пошатнувшейся и бродящей современной семьѣ. Мошь націи и государства создается чрезъ воспитаніе и ученіе юношества, и та быстрота, съ которою отражается на жизни народа вліяніе этихъ условій, во всѣ глаза глядитъ на насъ съ бранныхъ полей Ближняго Востока, гдѣ преобразенная Болгарія куетъ свое историческое будущее съ такою же быстротою, съ какою она въ четверть вѣка выковала силу и жизненность своего молодого поколѣнія.

Школами нашими у насъ недовольны рѣшительно всѣ. Бранимъ мы ихъ и въ домашнемъ кругу, и въ печати, и даже въ строкахъ официальной переписки. Особенно яростнымъ нападкамъ подвергаются теперь кадетскіе корпуса: жизнь ихъ и результаты ихъ работы многимъ кажутся изъ рукъ вонъ плохими; въ газетахъ появляются то коротенькія замѣтки, то пространныя обличительныя рѣчи, нерѣдко увѣчающія правду дѣйствительности. Въ большинствѣ такіа филоппики дышатъ страстностью, и часто въ нихъ сквозятъ глу-

бокое незнакомство авторовъ съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ и сердитая предубѣжденность противъ среднихъ военныхъ школъ. Между тѣмъ, нигдѣ такъ не необходима осторожность и хладнокровіе, какъ въ процессѣ суда надъ школой. Школа это плоть отъ плоти нашей и кость отъ нашихъ костей: дошкольное воспитаніе, полученное дѣтьми въ семьяхъ, жизнь общества съ ея современными печальными особенностями ¹⁾, отражаются на работѣ школы самымъ рѣшительнымъ образомъ и своимъ неотвратимымъ вліяніемъ въ значительной мѣрѣ предрѣшаютъ конечный итогъ этой работы: съ другой стороны, постановка ученія и воспитанія, зависящая, конечно, не отъ школы, кладетъ на ея трудъ свою жесткую руку. Стоитъ поэтому пожалѣть, что въ печати рѣдко попадаются отклики заинтересованнаго вѣдомства на выступленія противъ кадетскихъ корпусовъ: общество не можетъ отторгнуть своего вниманія отъ вопроса, даетъ ли дѣятельность корпусовъ результаты, отвѣчающіе цѣлямъ ихъ важнаго назначенія, рѣчи же критиковъ корпуснаго воспитанія и ученія таковы, что способны нарушить спокойствіе не однихъ только родителей кадетъ.

Вотъ сжатый смыслъ оцѣнки дѣятельности кадетскихъ корпусовъ, являющейся, какъ утверждаютъ, мнѣніемъ, сложившимся въ широкихъ кругахъ военнаго общества: кадетскіе корпуса обнаружили свою несостоятельность въ дѣлѣ воспитанія и обученія военнаго юношества, такъ что въ выпускаемыхъ ими, по окончаніи полного курса, молодыхъ людяхъ военныя училища не находятъ контингента, подготовленнаго къ сознательному и успѣшному прохожденію военно-образовательнаго курса; оканчивающіе кадеты не приобрѣтаютъ ни скромности въ потребностяхъ, ни выносливости, ни твердой воли, ни рѣшительности, ни даже любви къ своему будущему предназначенію; корпуса не вырабатываютъ въ нихъ ни надлежащаго общаго развитія, ни работоспособности, ни любви къ знаніямъ и не даютъ имъ удовлетворительнаго общаго образованія; значительное число кадетъ въ послѣдніе годы отказывается отъ перевода въ военныя училища и идетъ въ высшія учебныя заведенія гражданскаго вѣдомства.

Корпуса сами знаютъ, что въ смыслѣ спеціальной военной воспитанности, знакомства съ военною службою и жизненною обстановкою войскъ кадеты не находятъ въ воспитывающей ихъ школѣ слишкомъ богатагоклада; что приспособленность кадетъ къ умствен-

¹⁾ См. брошюру «Какъ мы воспитываемъ дома и не воспитываемъ въ семьѣ», 1913 г. Н. П. Попова.

ному труду, общее ихъ развитіе и познанія оставляютъ мѣсто для благихъ пожеланій; добросовѣстно трудясь, корпуса тѣмъ не менѣе видятъ, что имъ не удастся оказать своимъ питомцамъ всей полноты педагогической услужливости и жаждаютъ выхода изъ этого заколдованнаго круга. Корпусамъ нужны не упреки, а помощь. Рѣшеніе вопроса о томъ, въ чемъ она должна выразиться, и составляетъ главную цѣль настоящаго очерка, являющагося выводомъ изъ непосредственнаго нашего знакомства съ жизнью кадетскихъ корпусовъ.

Вотъ тѣ препятствія, которыя мѣшаютъ корпусамъ добиться искомымъ результатовъ своей работы: чрезмѣрность предъявляемыхъ къ нимъ требованій; ошибочность установившагося взгляда на общее образованіе; плотность учебныхъ программъ; излишества пріемныхъ требованій; исключительная роль въ учебномъ курсѣ математическихъ предметовъ; недостатокъ у кадетъ времени для самостоятельныхъ занятій; отсутствіе времени для воспитательскихъ бесѣдъ; двойственность руководства воспитаніемъ; отчужденность корпусовъ отъ арміи; чрезмѣрность работъ и прямыхъ обязанностей директора; отсутствіе служебныхъ преимуществъ у военныхъ педагоговъ и друг.

Постараемся послѣдовательно вникнуть въ сущность приведенныхъ причинъ и оцѣнить ихъ значеніе, такъ какъ только послѣ этого явится возможность намѣтить необходимыя преобразованія, назрѣвшія въ жизни кадетскихъ корпусовъ.

Чрезмѣрность требованій. Отъ корпусовъ требуютъ, чтобы въ своихъ выпускныхъ воспитанникахъ они приготовили юношей религіозныхъ, до самопожертвованія преданныхъ Царю и Родинѣ и сознающихъ свой долгъ передъ ними, воспитанныхъ въ любви къ военной службѣ, какъ почетнѣйшему изъ призваній гражданина, сильныхъ тѣломъ и духомъ, физически здоровыхъ, съ твердой волей, смѣлымъ, рѣшительнымъ характеромъ, скромныхъ въ своихъ потребностяхъ, обладающихъ прочно усвоеннымъ знаніемъ пройденнаго курса и способныхъ къ самостоятельности и упорному труду.

Религіозное воспитаніе кадетъ составляетъ предметъ тщательныхъ заботъ средней военной школы. Обладаетъ ли, однако, корпусъ силою такого воспитательнаго творчества, чтобы ему можно было вмѣнить въ обязанность создать религіозность въ каждой кадетской душѣ? Искренняя религіозность, къ несчастію, иногда не дается даже душѣ, жаждущей ея и скорбящей по ней; значить ожи-

даніе, что она вѣдрится въ любомъ сердцѣ по постороннему зову, встрѣтитъ мало удачи. Если дѣти, приходя въ корпусъ, имѣютъ уже то горячее чувство вѣры, которое вселяется въ душу ребенка только искренно-религіознымъ материнскимъ сердцемъ, корпусъ оживить и углубить его. Если же дитя не принесло съ собой этого драгоцѣннаго вклада, самый заботливый религіозно-просвѣтительный трудъ школы не принесетъ пользы.

Во всѣхъ ли, однако, семьяхъ ребенокъ изъ устъ матери съ младенчества слышитъ о Богѣ и вмѣстѣ съ ея нѣжной лаской воспринимаетъ религіозное настроеніе? Не бываетъ ли и такъ, что первымъ наставникомъ въ вѣрѣ для мальчика оказался готовившій его къ экзамену юноша-репетиторъ, можетъ быть, иловѣрецъ, даже не христіанинъ? А кощунственные поговорки, тощее остроуміе анекдотовъ на сюжеты изъ области религіи—развѣ въ семьяхъ дѣти всегда лишены возможности слышать ихъ?

Намъ припоминается эпизодъ, служащій иллюстраціей сказанному. Вскорѣ послѣ осенняго пріема малолѣтнихъ, новички были въ церкви корпуса за обѣдней. Одинъ изъ мальчиковъ неудержимо старался уйти съ своего мѣста въ ряду, чтобы стать противъ царскихъ вратъ. На вопросъ воспитателя—зачѣмъ вы бродите, не слѣдуетъ тревожить товарищей во время молитвы—дитя простодушно отвѣтило: я хочу посмотреть, что онъ тамъ дѣлаетъ. Онъ—это священникъ и дѣлаетъ то, о чемъ мальчикъ не имѣлъ понятія. У воспитателя невольно явилась мысль, сколько изъ новичковъ было такихъ, которые подавили въ себѣ подобное желаніе и остались на своихъ мѣстахъ. Религіозный индифферентизмъ это одинъ изъ прогрессирующихъ современныхъ признаковъ, и требовать отъ школы, чтобы всѣ ея питомцы были излечены ею отъ недуга, прививаемаго иногда родной семьей, значить преувеличивать достижимое.

Преданность Царю и Родинѣ—основная черта въ достоинствахъ будущаго офицера; къ счастью, корпуса не слышатъ упрековъ этой сторонѣ своего воспитательнаго воздѣйствія. Все же при оцѣнкѣ работы корпусовъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что дѣятельное патріотическое чувство не можетъ сформироваться окончательно уже въ юношескомъ сердцѣ; оно устанавливается съ возрастомъ и только въ зрѣломъ мужчинѣ, по общему складу его убѣжденій и поступкамъ, можетъ быть оцѣнено по достоинству. Захватывающій душу патріотизмъ зарождается непременно на почвѣ широкаго знакомства съ родной страной, съ жизнью своего народа и его историческими подвигами, иллюстрированными сказаніями о дѣятельности

его великихъ сыновъ. Учебный курсъ школы долженъ подчиняться такому соображенію и обезпечивать педагогическому составу необходимое время для плѣняющихъ юныя сердца бесѣдъ съ учениками. До сихъ поръ корпуса не были поставлены въ такія благоприятныя условія и только съ окончательнымъ осуществленіемъ постепенно вводимыхъ программъ 1911 года, положеніе, можетъ быть, измѣнится нѣсколько въ лучшую сторону. Но и въ этомъ случаѣ не будетъ многое достигнуто: элементарный курсъ русской исторіи попрежнему будетъ медлить съ рѣшимостью привлечь на себя вниманіе кадетъ и предлагать имъ свои услуги съ запозданіемъ до третьяго класса.

II.

Однимъ изъ наиболѣе преувеличенныхъ представляется требованіе, указывающее корпусамъ вселить въ всѣхъ воспитанникамъ такую приверженность къ военной службѣ, которая сдѣлала бы невозможными отказы нѣкоторыхъ выпускныхъ кадетъ отъ перевода въ военныя училища и поселила бы въ юношахъ твердое убѣжденіе, что служба въ войскахъ — почетнѣйшее призваніе гражданина.

Сознательную любовь къ службѣ можетъ пріобрѣсти не мальчикъ-школьникъ, а дѣятель и то лишь послѣ обнаруженія гармоніи служебныхъ цѣлей, средствъ и обстановки со всѣмъ личнымъ складомъ служащаго. Между тѣмъ кадеты, живя въ корпусахъ, не только не причастны къ военной службѣ, но и изолированы отъ арміи, являющейся сферой военной дѣятельности, и потому могутъ пріобрѣсти о ней лишь смутное представленіе; сама же армія не имѣетъ ни обязанности, ни самостоятельнаго желанія знакомить съ собою молодежь средней военной школы. Остаются, такимъ образомъ, отвлеченныя повѣствованія, которыми корпусные воспитатели могутъ располагать для созданія въ своихъ питомцахъ требуемаго признака. Однако, въ нынѣшній вѣкъ надо остерегаться возлагать большія надежды на силу слова; нѣтъ спора, бываютъ рѣчи, которыя способны достигать глубины человѣческаго сердца, но ихъ не удастся слышать на каждомъ шагу, а обыкновенныя слова остаются только словами. Намъ не удивляетъ поэтому, что не всѣ выпускные кадеты сродняются съ исключительнымъ взглядомъ на военную службу, тѣмъ болѣе, что слова, которыя они слышатъ о ней у себя въ корпусѣ, не заслоняютъ отъ нихъ очевиднаго смысла тѣхъ случаевъ, когда офицеры, сложившіе съ себя высокое званіе воина и пере-

шедшіе на гражданскую службу, пользуются на ней положеніемъ, болѣе почетнымъ и значащимъ, чѣмъ ихъ бывшіе товарищи, войсковые начальники.

Мы вмѣстѣ съ тѣмъ не видимъ основанія осуждать корпуса за то, что часть ихъ лучшихъ выпускныхъ воспитанниковъ переходитъ въ высшія гражданскія школы. Такое явленіе надо признать естественнымъ, подтвержденіемъ чему служить, между прочимъ, и тотъ на первый взглядъ неожиданный фактъ, что, среди этой порицаемой категоріи молодыхъ людей, мы припоминаемъ даже сына одного изъ бывшихъ выдающихся военныхъ начальниковъ, ставившаго въ большой упрекъ корпусамъ отказъ выпускныхъ кадетъ отъ перевода въ военныя училища. Кадетскіе корпуса не могутъ же разсчитывать поставить свой авторитетъ въ глазахъ воспитанниковъ выше авторитета и желаній ихъ родителей; и если юноши, отказываясь даже отъ влекущей нѣкоторыхъ изъ нихъ военной карьеры, подчиняются указанію семьи и мѣняють кадетскую куртку на студенческую тужурку, корпуса не должны краснѣть отъ стыда.

Очень условною и гадательною является мѣра возможности для корпусовъ удовлетворить требованію, чтобы всѣ выпускные кадеты представляли собою юношей, сильныхъ тѣломъ и физически здоровыхъ. Едва ли въ Россіи найдется много семей и, конечно, не найдется ни одной школы, которая бы такъ тщательно и успѣшно заботилась о здоровьѣ и физическомъ развитіи юношества, какъ это дѣлають кадетскіе корпуса; но не забудемъ, что они посвящаютъ эти свои заботы дѣтямъ, попадающимъ на ихъ попеченіе въ возрастѣ 10—12 лѣтъ. Органическіе задатки, которые получены мальчиками отъ родителей, и отраженія дошкольнаго физическаго воспитанія въ семьѣ не остаются при этомъ безмолвными свидѣтелями, но оказываютъ свое вѣское, а иногда и рѣшающее вліяніе на результатъ попеченій школы. Кому приходилось поглядѣть на мальчиковъ, собравшихся въ корпусъ для вступительнаго экзамена, тотъ надолго сохранить испытанное впечатлѣніе. Какими рѣдкими оазисами являются розовыя щеки, широкая грудь и достаточно упитанное тѣло въ этой дѣтской толпѣ худобы, малокровія, блѣдныхъ, зеленоватыхъ лицъ съ темными кругами около лишенныхъ блеска глазъ, съ выдающимися между узкихъ плечъ ключицами и т. п. И какъ рѣшительно эта картина физической слабости и нездоровыхъ наслѣдій грозитъ несообразнымъ упованіямъ непременно найти крѣпкое здоровье въ сильномъ тѣлѣ каждаго выпускного кадета, — можно освѣдомиться у корпусныхъ врачей.

Надо признать, что и при такой невыгодной обстановкѣ начала физическаго воспитанія корпуса нерѣдко достигаютъ очень хорошихъ окончательныхъ результатовъ, которые до нѣкоторой степени объясняютъ обращенную къ нимъ чрезмѣрную искательность.

Иное приходится сказать по поводу категорической опредѣленности требованія, повелѣвающаго выпускному кадету быть сильнымъ духомъ, обладать твердой волей, смѣлымъ, рѣшительнымъ характеромъ и проч. Другими словами, окончившій курсъ корпуса кадетъ долженъ оказаться совершенно зрѣлымъ мужчиной, съ твердоустановившимися взглядами и прочно сложившимся характеромъ воина.

Мечты, мечты! Въ дѣлѣ воспитанія вообще непримѣнимы категорическія предрѣшенія ожидаемыхъ результатовъ; въ томъ же случаѣ, когда процессъ воспитанія ограниченъ, какъ въ корпусахъ, началомъ періода юношества, такія загадыванія еще менѣе уместны. Формированіе воли и характера совершается подѣ множествомъ вліяній, иногда случайныхъ и далеко не всегда подчиненныхъ власти воспитателя; и потому даже родной отецъ, посвятившій себя воспитанію сына, не говоря уже о школьномъ наставникѣ, не можетъ убѣжденно предсказать результатовъ своего труда. Но, если бы на самомъ дѣлѣ руководителю воспитанія и принадлежала рѣшающая роль, и тогда приведенныя требованія не могутъ найти оправданія. Неужели не очевидно, что 17—18-лѣтніе выпускные кадеты еще не взрослые люди, а неуспѣвшая завершить ни физическаго, ни духовнаго формированія зеленая юность, которой предстоитъ отъ многого освободиться, выработать житейскую уступчивость, примириться со многимъ, противъ чего сейчасъ еще возстаетъ ея полудѣтская душа?

Возрастъ выпускного кадета, конечно, не тотъ срокъ, когда духовный обликъ человѣка окончательно отливается въ опредѣленную форму; время еще будетъ работать своимъ рѣзцомъ, и изваяніе въ этомъ восковомъ періодѣ подчинится его острію. Нельзя заковать воспитательную работу корпусовъ обязательными нормами успѣха, тѣмъ болѣе, что и работа эта обставлена далеко не соотвѣтственно съ взыскательной требовательностью, о чемъ рѣчь будетъ впереди.

Тѣмъ, кто слишкомъ щедро расточаетъ упреки кадетскимъ корпусамъ, слѣдуетъ вспомнить, что еще дивный И. А. Крыловъ указывалъ, какъ мы любимъ разсматривать спины въ чужомъ глазу и

не видѣть бревенъ въ собственныхъ очахъ. Развѣ не на насъ, взрослыхъ, лежитъ вина въ томъ, что мы упрямо ищемъ въ дѣтяхъ того, чего въ нихъ быть не можетъ? Намъ хочется, чтобы выпускные 17—18-лѣтніе кадеты представляли собой зрѣлыхъ и специализированныхъ людей, которымъ достаточно принять присягу, чтобы оказаться взрослыми и, пробывши два года въ военномъ училищѣ, окончательно превратиться въ мужей-воиновъ. Упрямясь въ такомъ заблужденіи, мы уже не заботимся о продолженіи общаго воспитанія бывшихъ кадетъ, послѣ выхода изъ корпусовъ: удаливши изъ курса военныхъ училищъ обще-образовательные предметы, мы торопливо фаршируемъ юнкеровъ кутерьмой свѣдѣній изъ области военныхъ знаній, втискиваемъ имъ правила различныхъ уставовъ и, давши испытать на дѣлѣ преимущественно острые концы воинской дисциплины, покрываемъ ихъ плечи офицерскими погонами и посылаемъ въ строевыя части. Тутъ уже никто не думаетъ о воспитательномъ уходѣ за молодежью.

Да не посѣтуютъ на насъ нѣкоторые г.г. командиры и старшіе офицеры, если мы вспомнимъ, что холодновата бываетъ ихъ встрѣча съ вновь испеченными товарищами, и если послѣдніе испытываютъ привѣтливость, то значительную ея долю составляетъ помощь въ ихъ борьбѣ съ юношеской робостью передъ грознымъ видомъ баталіона спиртныхъ напитковъ и манящимъ просторомъ зеленыхъ столовъ.

Для трудной и отвѣтственной роли офицера, воспитателя и учителя солдатъ, мы считаемъ готовыми едва знакомыхъ съ жизнью юношей 19—20 лѣтъ; почему же на роли солдатскія мы признаемъ минимальнымъ возрастъ 21 годъ и притомъ, въ людяхъ, призванныхъ изъ массы населенія, прошедшихъ юность не въ четырехъ стѣнахъ закрытой военной школы, а на суровомъ просторѣ жизни, подъ шлифующимъ и закаляющимъ ея воздѣйствіемъ?

Намъ, взрослымъ, очень нравится пренебрегать въ своей служебной работѣ участливой услужливостью и замѣнять ее взыскательной требовательностью. Пора бросить эту дурную манеру, пора примириться съ тѣмъ, что корпуса могутъ дать только юношей, подвергшихся начальной прививкѣ признаковъ, необходимыхъ хорошему офицеру, что военнымъ училищамъ надлежитъ тщательно выращивать эти прививки, продолжая общее воспитаніе своихъ юнкеровъ, которые завершатъ его только въ войсковыхъ частяхъ, опираясь на дружелюбную помощь старшихъ сослуживцевъ.

III.

Пороги корпуснаго ученія. Неумѣренность, отличающая нормы ожидаемыхъ результатовъ кадетскаго воспитанія, составляетъ особенность и учебныхъ требованій; между тѣмъ, корпусъ есть среднее учебное заведеніе, и этимъ совершенно опредѣляется его учебная роль. Средняя школа должна дать оканчивающему ее ученику, во-первыхъ, формальное развитіе, т. е. научить его «быстро и вѣрно усваивать отвлеченныя понятія, разбираться въ сложныхъ задачахъ мышленія, умѣть самостоятельно составить вѣрное и дѣльное сужденіе, выработать ясную, убѣдительную рѣчь и умѣние логично и литературно излагать мысли»; другая часть образовательной услуги средней школы выражается въ снабженіи ученика развитіемъ либо реальнымъ, состоящимъ въ умѣніи ориентироваться и рѣшать вопросы, преимущественно практическіе, либо же гуманистическимъ, заключающимся въ умѣніи понимать и правильно оцѣнивать вопросы духовно-историческаго міра. Суть ученія, разумѣется, въ работѣ мысли, а не въ накопленіи голыхъ знаній, значительная доля которыхъ имѣетъ только служебное значеніе.

Задача общаго образованія настолько сложна, что можетъ быть по силамъ только нормальному въ физическомъ и духовномъ смыслѣ субъекту, обладающему по крайней мѣрѣ средними умственными способностями. Но и такой юноша можетъ съ пользою пройти курсъ средней школы лишь при условіи, если учебный матеріалъ не загроможденъ, а ученикъ располагаетъ необходимымъ досугомъ для самостоятельной работы надъ изученіемъ знаній, притомъ еще отвѣчающихъ его индивидуальнымъ склонностямъ.

Постановка учебнаго дѣла въ кадетскихъ корпусахъ далека отъ этого идеала. Главная причина тому заключается въ укоренившемся у насъ уродливомъ взглядѣ на общее образованіе. Требуется, чтобы человѣкъ, получившій его, могъ участвовать въ бесѣдахъ на любыя темы и не казаться неучемъ; поэтому оно должно захватывать все, что было и что происходитъ въ мірѣ и въ исторіи человѣчества; забываютъ, что образованіе не заканчивается въ школѣ и жизнь продолжаетъ его. Подчиняясь такому требованію, корпусный курсъ оснастили 20 учебными предметами, дали кадетамъ на самостоятельную подготовку совершенно недостаточный запасъ времени и заставляютъ воспитанника днемъ, въ теченіе пяти часовъ, отдавать непрерывное вниманіе на пяти урокахъ различнымъ предметамъ, а вечеромъ долбить заданное на завтра.

Не надо думать, чтобы между проходимыми въ корпусахъ учебными предметами были главные и второстепенные: все важно, надо все усвоить. И чтобы интересъ ко всему не могъ ослабѣть, указано давать кадетамъ обязательныя практическія занятія по естественной исторіи, природовѣдѣнію, физикѣ, химіи, космографіи, географіи, назначать задачи по математикѣ, указывать для изученія литературныя образцы и проч.

Все это приводитъ ученика къ необходимости хватать верхушки самыхъ разнообразныхъ знаній, торопливо укладывать мало, а иногда и вовсе непродуманный балластъ въ памяти и стараться закрѣпить его въ ней съ такою прочностью, чтобы имѣть наготовѣ отвѣты на всѣ вопросы, какіе могутъ быть ему предложены учителями. Тотъ ученикъ, который съ одинаковымъ стараніемъ и совершеннымъ безразличіемъ готовъ накопить полную сумму отвѣтовъ на вопросы преподавателей всѣхъ предметовъ, считается наилучшимъ. Въ корпусномъ ученіи царитъ атмосфера непрерывной спѣшности, нервности и лицемѣрія, оставляющая въ туманѣ забвенія истинное значеніе средней школы и ея долгъ.

Какое же просвѣтительное воздѣйствіе окажетъ такой курсъ на учениковъ? «Немудрено, что я въ школѣ питалъ отвращеніе къ наукамъ», каялся одинъ англичанинъ, испытавшій на себѣ вліяніе подобнаго общеобразовательнаго курса, существовавшаго въ англійскихъ колледжахъ въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія. «Вспомни, какъ тамъ насъ учили. Вѣдь наши педагоги пичкали насъ всякимъ нужнымъ и ненужнымъ хламомъ. Подобно акціонерной кампаніи Кука, которая гонитъ партію туристовъ черезъ цѣлый рядъ интересныхъ и неинтересныхъ музеевъ, картинныхъ галлерей и паноптикумовъ, гнали насъ по пути образованія не съ тою цѣлью, чтобы мы чему-нибудь научились, чтобы сдѣлались развитыми и интеллигентными людьми, но чтобы мы могли съ гордостью сказать, что тому-то и тому-то насъ учили въ школѣ. Насъ откармливали всякими знаніями, какъ пасхальнаго гуся» ²⁾). Такъ еще и теперь принуждены поступать наши кадетскіе корпуса.

Тягость кадетскаго ученія давно вызываетъ стоны и учащихся, и учащихся, но въ отвѣтъ появились новыя загроможденія курса; для примѣра укажу, что, преподаваніе химіи и механики изъ военныхъ училищъ нашли нужнымъ передать въ корпуса. Оба эти предмета пользовались въ училищахъ ненавистью учащихся и на-

²⁾ Джеромъ К. Джеромъ. «Поль Кольверъ».

всегда маскированной неблагосклонностью многихъ начальствовавшихъ; съ трудомъ постигая крошки химіи и обрывки изъ механики, юнкера звали ихъ сугубыми предметами. Разумѣется, такое обстоятельство не могло быть сколько-нибудь похожимъ на основаніе для передачи отягощавшаго юнкерскія силы учебнаго матеріала на согнутыя спины кадетъ, но передача совершилась; предстояло только создать время для преподаванія въ 7-мъ классѣ корпуса новыхъ знаній.

Вопросъ рѣшенъ былъ просто: отняли по часу урочнаго времени отъ преподаванія двухъ иностранныхъ языковъ, а, чтобы и послѣднихъ не обидѣть, указано кадетамъ развить свою работу по языкамъ въ свободное время. Такой оптичскій способъ, надо думать, кого-то удовлетворилъ, но отсюда, конечно, не возникаетъ основанія искать въ немъ другихъ достоинствъ.

Плотность программъ. Легко вымолвить—общее образованіе должно сказать обо всемъ; достигнуть же этого можно только уплотненіемъ программъ. Если даже и очень обширную программу можно изложить коротко, то нельзя этого достигнуть, преобразая ее въ руководство; не можетъ вѣдь учебникъ представлять собою голый перечень мыслей и фактовъ, необходимы объясненія, доказательства, иллюстраціи. Это скользкій путь, неизбѣжно приводящій къ пространности, и, чтобы судить о ея размѣрахъ, достаточно сказать, что одинъ изъ учебниковъ по Закону Божію, назначенный для учениковъ 1-го класса, заключаетъ въ себѣ 266 страницъ большого формата; правда, большая часть ихъ содержитъ двоякій текстъ—русскій и славянскій.

Въ 1911 г. Главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній составлены новыя учебныя программы корпуснаго курса. Составители имѣли въ виду очищеніе курса отъ излишествъ, раціональное распредѣленіе учебнаго матеріала и другія улучшенія; при осуществленіи этихъ предположеній не было, однако, отказано въ гостепріимствѣ и солиднымъ добавленіямъ, каковы, главнымъ образомъ, свѣдѣнія, относящіяся къ анализу безконечно малыхъ величинъ. Эта постепенно осуществляемая реформа не принесетъ облегченія кадетской работѣ и времени для ея исполненія не прибавитъ.

Другимъ невыгоднымъ слѣдствіемъ нестроты и объемистости учебнаго курса является обширность требованій отъ поступающихъ въ 1-й классъ корпусовъ. Требования эти новыми программами не только не сокращены, но даже расширены включеніемъ знаній по французскому языку приблизительно въ размѣрѣ прежняго курса 1-го класса.

6*

Наростаніе общаго курса создавалось путемъ нагроможденій въ старшихъ классахъ; отсюда вытекало переселеніе въ низшіе классы того, что не умѣщалось въ старшихъ, и такъ послѣдовательно очередь дошла до дѣтей, которыя стоятъ еще у входныхъ дверей корпуса.

Нагружая плечи кадетъ, разрастающіяся программы увеличиваютъ заботы и отвѣтственность корпусовъ и самого центральнаго вѣдомства, добавка же къ требованіямъ отъ поступающихъ не включаетъ къ себѣ этихъ непріятностей, и къ ней легче склоняется сердце составителя программы. Все же такую мѣру нельзя не упрекнуть въ недостаткѣ предусмотрительности.

Приготовить мальчика къ экзамену въ 1-й классъ является, какъ мы указывали въ другомъ мѣстѣ, непосильнымъ дѣломъ для большинства семей. Всадить въ голову девятилѣтняго ребенка четыре правила ариметики (дѣленіе цѣлыхъ чиселъ!), ознакомить съ нѣкоторыми свѣдѣніями изъ русской грамматики, не упустивъ при этомъ внѣдрить въ душу ребенка потребность ставить букву ѣ въ сравнительной степени, добиться отъ дитяти бѣглаго и выразительнаго чтенія съ умѣніемъ пересказать прочитанное, дать нѣкоторыя знанія по французскому языку и систематизировать накопленныя свѣдѣнія изъ области религіи—это ужъ не такая легкая задача. Семьи вынуждаются звать для этого на помощь диллетантовъ-педагоговъ, въ рукахъ которыхъ нѣжный умственный аппаратъ ребенка грубо уродуется съ первыхъ шаговъ ученія, становящагося для мальчика постылымъ еще до вступленія въ школу.

Сказывающійся здѣсь недостатокъ участливости корпусовъ къ своимъ будущимъ воспитанникамъ ложится бременемъ и на работу учебнаго заведенія, такъ какъ оно, принимаясь за продолженіе испорченнаго ученія, вынуждено внести необходимыя исправленія и бороться съ боязливой непріязненностью, съ которой дитя встрѣчаетъ ея учебную услугу. Рациональнѣе было бы понизить вступительныя требованія; еще же лучше, не дѣлая такой уступки, создать при корпусахъ подготовительные классы, которые, конечно, исполнили бы подготовку дѣтей разумно и бережно.

IV.

Преобладаніе математики. Самую тяжеловѣсную причину общей неуспѣшности кадетскаго ученія составляетъ исключительная роль, предоставленная въ курсѣ кадетскихъ корпусовъ мате-

математическимъ предметамъ. Кадеты наши — это предопредѣленные реалисты, а они непремѣнно должны прослѣдить за курсомъ, въ которомъ математическимъ знаніямъ отведено широчайшее мѣсто. Нельзя спорить противъ того, что математика можетъ служить прекрасной основой для достиженія общаго и реального развитія; но, если учебный курсъ корпуса обреченъ быть курсомъ реальной школы, въ немъ должно оставаться больше простора для гуманистическихъ предметовъ. На дѣлѣ выходитъ иное, такъ какъ искаженное представленіе объ общемъ образованіи тискаетъ въ корпусныя программы разнообразнѣйшія знанія; получается невозможная картина, которую легко себѣ представить, взглянувши на общій списокъ проходимыхъ въ корпусахъ учебныхъ предметовъ. Мы отнюдь не возстаемъ противъ включенія въ корпусный курсъ математическихъ дисциплинъ, но горячо ратуемъ противъ увлеченія ими.

Развѣ могутъ быть найдены доказательства тому, что только одна математика открываетъ торный путь къ формальному развитію? Гуманистическія знанія обладаютъ въ этомъ отношеніи равносильнымъ значеніемъ, а въ смыслѣ воспитательномъ на ихъ сторонѣ окажутся несомнѣнные преимущества. Достаточно указать на то соображеніе, что суть школьнаго вліянія на учениковъ сосредоточивается въ силѣ воздѣйствія хорошаго учителя; предметы же гуманистическіе несравненно болѣе, чѣмъ математическіе, даютъ даровитому педагогу средствъ развить въ этомъ смыслѣ свой благотворный трудъ. Изученіе родного языка, произведеній его литературы работа съ богатствами историческихъ знаній — неужели-же всему этому остается только стушеваться передъ учебнымъ трудомъ въ математической сферѣ?

Непотому считаемъ мы необходимымъ возражать противъ исключительной роли математики въ кадетскомъ ученіи, что она трудна для большинства учениковъ. Намъ знакома элементарная истина, что «извѣстныя учебныя трудности, требующія напряженія и затраты духовной энергіи, непремѣнно должны сопровождать усвоеніе знаній, и ученіе является воспитательнымъ только тогда, когда оно на ряду съ увеличеніемъ знанія способствуетъ развитію воли и укороненію стойкости въ характерѣ человѣка». Мы настаиваемъ лишь на томъ, что школьныя трудности должны быть избраны изъ области, которая родственна душѣ ученика и отвѣчаетъ складу его способностей; только такія трудности возбуждаютъ дѣятельную мысль, пріохочиваютъ къ познанію, а не убиваютъ влеченія къ нему и не приводятъ въ ужасъ.

Корпусъ, давая кадетамъ общее образованіе, долженъ согласовать его съ запросами предстоящей имъ спеціальной дѣятельности. Но почему бы изъ этого слѣдовало, что всѣмъ кадетамъ необходима самая широкая математическая подготовка? Развѣ всѣ они — будущіе военные инженеры, геодезисты или артиллеристы-техники? Не предстоитъ ли большинству изъ нихъ имѣть дѣло съ живымъ человѣкомъ, а не составлять проекты построекъ, орудій, снарядовъ и проч.? Смѣемъ думать, что въ области военного дѣла духовный элементъ занимаетъ обширное мѣсто, но въ сферѣ духа функціональныя связи пока еще не поддались никакимъ количественнымъ сопряженіямъ, и потому при рѣшеніи относящихся сюда задачъ даже и анализъ безконечно-малыхъ величинъ не окажетъ услуги, которой, наоборотъ, можно ожидать со стороны гуманистическихъ знаній.

Немало горя влечетъ за собой необъяснимая гегемонія математики. Многіе мальчики, успѣшно справлявшіеся въ младшихъ классахъ съ учебной работой, дойдя до 3-го класса, обнаруживаютъ, что математика не ихъ стихія, что по недостатку нѣкоторыхъ спеціальныхъ особенностей духа они изнемогутъ въ борьбѣ съ встрѣчаемыми въ ней затрудненіями. Въ 4-мъ классѣ, гдѣ систематическіе курсы алгебры и геометріи отвлекаютъ львиную долю вечернихъ занятій, эти недавно хорошіе ученики ощущаютъ все большій недочетъ времени для приготовленія уроковъ, извѣриваются въ достаточности своихъ силъ и способностей, начинаютъ бояться математики и вскорѣ получаютъ къ ней злобное отвращеніе.

На этой почвѣ создается анатія, мысль о бесплодности учебного труда, классная скука и лѣнь, прогрессирующая неудержимо. Для этихъ учениковъ и ихъ учителей складываются тяжелыя условія, влекущія за собою рядъ компромиссовъ и нарушеніе послѣдовательной и воспитывающей требовательности. Плохіе по математикѣ ученики начинаютъ засиживаться въ классахъ, постепенно становятся, по выраженію нѣмцевъ, *altfaul*, приобрѣтаютъ обидное опредѣленіе лѣнтяя, которое, въ сущности, не можетъ быть поставлено имъ въ упрекъ. Многіе изъ нихъ вскорѣ оказываются принужденными покинуть корпусъ; если же, благодаря счастливому стеченію случайностей, и доплетутся съ ничтожнымъ результатомъ духовнаго прогресса до выпускныхъ экзаменовъ, то на окончательныхъ испытаніяхъ преподаватели математики примѣняютъ къ горемыкамъ безграничную снисходительность, подрывающую достоинство ученія и уваженіе къ нему воспитанниковъ.

Чтобы дать понятіе о трудности, какую представляет курсъ математики большинству кадетъ, мы приведемъ здѣсь свидѣтельство одного весьма опытнаго преподавателя, не только пользовавшагося большимъ расположеніемъ воспитанниковъ, но и имѣвшаго сильное вліяніе на слушателей. «Воспоминанія, которыми дѣлились со мною бывшіе мои ученики, всегда служили мнѣ указателями необходимыхъ корректуръ моего педагогическаго труда; но одна сторона этихъ воспоминаній заставила меня особенно задуматься. Вотъ, что мнѣ пришлось услышать: когда вы, бывало, объясняли урокъ и иллюстрировали его такъ интересовавшими насъ примѣрами изъ жизни, душа сочувствовала вашему слову, и умъ, казалось, улавливалъ точную правду разсужденій. Но уходили вы, и все заволакивалось туманомъ, содержаніе и убѣдительность вашихъ рѣчей куда-то уплывали, и бодрое чувство удовлетворенія отъ сознанія одержанной разумомъ побѣды таяло. А вечеромъ, когда приходилось вчитываться въ строки учебника, тѣ самыя мысли, которыя въ вашемъ присутствіи казались уже родными, становились холодными, неприступными, чужими. Такъ бывало всегда: мы съ удовольствіемъ ожидали вашего урока и съ жадностью внимали вашему слову, но жуткое чувство опасенія за непрочность хорошихъ впечатлѣній бывало неотступно съ нами».

Математическая основа ученія вполне отвѣчаетъ средствамъ и интересамъ сильныхъ и одаренныхъ специальными способностями воспитанниковъ; они настолько овладѣваютъ ею, что, продолжая образованіе въ артилерійскихъ и инженерномъ училищахъ, не слышать упрековъ въ недостаткѣ подготовленности, а тѣ изъ нихъ, кто по окончаніи корпуса направляется въ высшія гражданскія школы, на суровомъ вступительномъ конкурсѣ въ большинствѣ случаевъ одерживаютъ побѣду. Выводъ отсюда ясный: корпусный курсъ посиленъ только даровитымъ юношамъ и неодолимъ для среднихъ и слабыхъ. Въ этомъ безусловный порокъ, напрасно навязанный средней военной школѣ и дѣлающій ее безцѣльно неучастливой и жестокой. Грѣхъ творятъ тѣ, кто забываетъ, что «лучше сдѣлать школьныя требованія слишкомъ легкими для отличныхъ учениковъ, чѣмъ недоступными для средняго уровня».

Бѣднаго вопроса о преобладаніи математики въ курсѣ кадетскихъ корпусовъ намъ пришлось коснуться еще на воспитательскомъ съѣздѣ въ 1908 году³⁾. Сочувствіе многихъ участниковъ собранія къ вы-

³⁾ Труды перваго съѣзда офицеровъ-воспитателей. Стр. 108, 109.

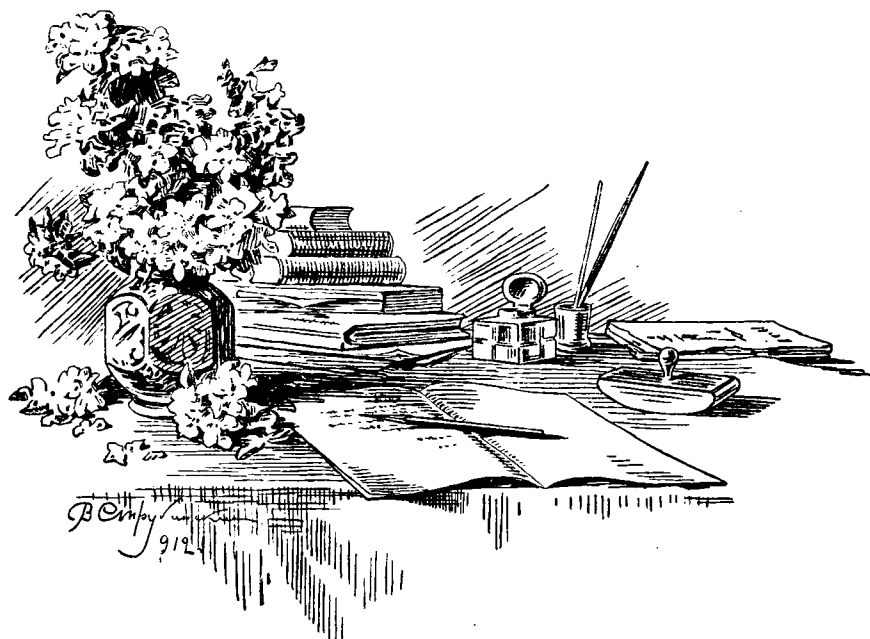
сказанному нами взгляду давало намъ надежду на возможность нѣ-
котораго смягченія неограниченности власти господствующей
группы учебныхъ предметовъ. Однако, надеждѣ нашей суждено было
потерпѣть крушеніе съ изданіемъ новыхъ программъ 1911 года; вотъ,
какія строки мы читаемъ въ ихъ общихъ замѣчаніяхъ: «г.г. препо-
давателямъ слѣдуетъ проникнуться тѣмъ, всѣми въ настоящее время
признаннымъ, положеніемъ, что общеобразовательный курсъ мате-
матики вполнѣ соотвѣтствуетъ силамъ средняго ученика и что такъ
называемые неспособные къ математикѣ представляютъ крайне рѣд-
кое исключеніе». Отдавая должное авторитету составителей помя-
нутыхъ программъ, мы, однако, не согласимся съ такимъ взглядомъ
и принуждены присоединиться къ мнѣнію такого мірового автори-
тета, какъ А. Пуанкаре, недавно умершій членъ французской Ака-
деміи Наукъ. Вотъ, что онъ говорилъ: «Прежде всего мы должны
были бы удивляться, если бы это не явилось для насъ столь обы-
деннымъ: какимъ образомъ могутъ существовать люди, неспособ-
ные къ математикѣ? Почему же существуетъ такъ много людей,
совершенно неспособныхъ къ ней?» «Послѣ нѣкоторыхъ размыш-
леній кажется изумительнымъ, что не всѣ могутъ понимать мате-
матическія доказательства въ моментъ ихъ изложенія. А между
тѣмъ большинство людей въ состояніи лишь съ трудомъ слѣдить за
этими доказательствами; это неоспоримо, и опытъ преподавателей
среднихъ школъ, конечно, не будетъ противорѣчить этому». Да-
вая объясненіе этимъ фактамъ, А. Пуанкаре указываетъ, что осо-
бое чувство «интуиція математическаго порядка, которая заста-
вляетъ отгадывать гармонію и скрытыя соотношенія, не можетъ быть
общимъ достояніемъ. Одни, и такихъ огромное большинство, не
владеютъ ни указаннымъ тонкимъ, трудно опредѣлимымъ, чувствомъ,
ни выдающеюся силой памяти и вниманія и потому неспособны
вовсе понимать математику, хотя немного возвышенную» ⁴⁾. Ду-
мается, что въ этихъ словахъ великаго мыслителя ясно формули-
рованъ заслуженный приговоръ чрезмѣрнымъ претензіямъ мате-
матической программы корпуснаго ученія и преобладанія матема-
тики въ курсѣ средней военной школы.

Н. Поповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

⁴⁾ Анри Пуанкаре. Математическое творчество. 1909 г. Юрьевъ.

Душевное состояніе воиновъ въ ожиданіи боя.

(По наблюденіямъ врачей).

Военно-психологическій этюдъ.

Въ предыдущей своей статьѣ подъ тѣмъ же названіемъ (№ 5 «Военнаго Сборника») я привелъ характеристику душевнаго состоянія воиновъ въ ожиданіи боя по наблюденіямъ офицеровъ.

Въ настоящей работѣ я касаюсь того же состоянія по наблюденіямъ врачей, дабы имѣть возможность сравнить эти наблюденія для общихъ выводовъ.

Подобно наблюденіямъ офицеровъ и данныя наблюденія врачей я позволилъ себѣ объединить для удобства читающихъ эти строки въ одинъ болѣе или менѣе связный рассказъ, сохраняя, по возможности, порядокъ и стиль рѣчи изслѣдуемыхъ.

Мнѣ приходилось много разъ бывать съ полкомъ въ резервѣ, когда мы ждали всякую минуту «вотъ-вотъ придетъ приказъ о выступленіи», передавалъ полковой врачъ. Въ то время, когда находишься въ ожиданіи, трудно наблюдать надъ собою, вѣрнѣе, и не

желаешь. Зачѣмъ наблюдать? Быть можетъ, это послѣднія минуты, думаешь въ своихъ мысляхъ. Но, когда пройдутъ тяжелыя минуты ожиданія, когда отдохнешь на свободѣ и придешь въ норму, тогда начинаешь вспоминать, чѣмъ разнится *душевное состояніе при ожиданіи* отъ душевнаго состоянія въ покоѣ.

Я много разъ подвергался ожиданію. И вотъ что хорошо помню.

Мысли. Со стороны умственной дѣятельности замѣчается потокъ мыслей, которыя, какъ весенній ручей, льютъ воды и *удержать ихъ сосредоточенно на чемъ-либо нѣтъ возможности.*

Тутъ вспоминается и хорошее, вспоминается и тяжелое въ жизни.

Но изъ этого ничто не останавливается надолго въ умѣ, а стремится впередъ безостановочно. Мысли смѣняются, какъ картины синематографа.

Письмо, какъ выраженіе мыслей и движенія руки.

Въ это время я иногда писалъ письма своей женѣ. И на другой день, уже въ состояніи покоя, перечитывалъ ихъ. Я находилъ пропущенными цѣлыя слова. Часто не находилъ связи между выраженными мыслями. Мнѣ казалось даже дикимъ, неужели я могъ написать такую чепуху.

Въ спокойномъ состояніи я пишу красиво и изящно съ мягкими закругленіями и завитками. На письмахъ же женѣ во время ожиданія я не узнавалъ своего почерка; онъ былъ какъ будто не мой. Отличался отъ прежняго своей рѣзкой палочкообразностью, *отсутствіемъ мягкихъ закругленій*, иногда *неравномѣрностью буквъ и почерка* и замѣною закругленій острыми углами.

Даже, потомъ, по однимъ письмамъ, по ихъ почерку, я узнавалъ, когда были писаны эти письма.

Ослабленіе вниманія или способности къ сосредоточенію. Я не могъ *сосредоточить мысль на одномъ чемъ-либо крупномъ или важномъ.*

Помимо моей воли она убѣгала въ сторону и останавливалась на чемъ-нибудь мелкомъ и неважномъ: платокъ, ремень, ножичекъ, хорошо ли одѣтъ, не жметъ ли ногу, не болитъ ли что и т. д.

Я, какъ врачъ, имѣлъ у себя большія деньги отъ офицеровъ, идущихъ въ бой и завѣщающихъ свои сбереженія при случаѣ отъправитъ на родину. Казалось, первая забота—не потерять крупныхъ суммъ, а между тѣмъ надоѣдливо лѣзетъ въ голову, кому я долженъ пятачекъ, куда его потратилъ; вспоминалъ расходъ въ

2—3 коп. и меньше. О большихъ суммахъ почти не вспоминалъ, одинъ же разъ даже потерялъ.

Если мысль уносилась далеко на родину, то въ умѣ всплывали дѣтскія забавы, дѣтскія развлеченія, школьныя исторіи, событія юности; словомъ, опять та же мелочь, про которую, казалось, я со-всѣмъ забылъ.

Настроеніе. На душу тяжело; чувствуется томленіе и тяжесть на сердцѣ; раздражительность и капризность. Однако, настроеніе не всегда одинаковое; оно соотвѣтствуетъ и какъ бы повторить тѣмъ мыслямъ, которыя пробѣгаютъ въ головѣ.

Если мысли пріятно-радостны, то и настроеніе повышенно-веселое; если грустныя и тяжелыя, то и настроеніе грустное и подавленное. Отмѣчается быстрота перехода отъ грустнаго къ веселому и обратно.

Къ окружающимъ лицамъ становишься какъ бы безразличнымъ.

Любви и преданности къ товарищамъ не чувствуешь. И только, глядя на молодыхъ офицеровъ, красивыхъ и румяныхъ, жалѣешь ихъ молодости. Къ старикамъ же не чувствуешь и этой жалости. Въ головѣ пролетаетъ мысль; они пожили, имъ довольно.

Къ своимъ роднымъ въ это время чувствуешь особенную нѣжность и стараешься проявить мягкость.

Берясь за перо и дѣлаясь въ письмѣ своими чувствами, называешь родныхъ самыми нѣжными именами. При этомъ вспоминаются пріятныя минуты прежней жизни и, опять-таки странно, вспоминаются мелочи.

Вспоминается о томъ, что жена подарила на рубашку; вышила рубашку; когда-то поднесла цвѣтокъ. А никогда не дѣзетъ въ голову мысль о самопожертвованіи, о глубокой привязанности и другихъ подвигахъ.

Поведеніе и работа. Глядя на идущихъ или ожидающихъ боя, видишь, что одни суетливы, другіе болѣе сдержанны и наличность излишнихъ движеній проявляется лишь по временамъ; третьи какъ будто совершенно спокойны и только молчатъ. Лежать и молчатъ.

Я принадлежу къ суетливымъ. Бѣгаю взадъ и впередъ; поправляюсь, ложусь, встаю, опять ложусь, встаю и т. д.

Работа, требующая тонкости, мелкихъ и легкихъ движеній, выполняется съ трудомъ. Почеркъ въ это время рѣзко мѣняется, какъ было уже разсмотрѣно выше. Самый процессъ письма затрудняется и почеркъ изъ мягкаго съ привычными завитками дѣлается неровнымъ и грубо-палочкообразнымъ.

Тоже наблюдается и во всякой другой работѣ. Напримѣръ, при куреніи: *при скручиваніи папирасы* замѣчается какая-то *поспѣлость и грубость пальцевъ рукъ*. *Табакъ* часто *разсыпается* и рвется курительная бумага, особенно тонкая. При закуриваніи папирасы, взявъ спичку, трешь ее о коробку грубо и неловко. Неловкими, грубыми движеніями срывается кусками зажигательная бумага съ коробки; *нерѣдко и спички въ рукахъ ломаются* по нѣсколько штукъ кряду.

Внутренніе органы, въ здоровомъ состояніи и при обычномъ образѣ жизни нами не ощущаемые, начинаютъ заявлять о себѣ.

Сердце. Больше всего меня беспокоило сердце. Я невольно хватался за сердце и думалъ, что съ нимъ? Чувство жара наполняло сердечную область; сердце казалось горячимъ настолько, что я, прикладывая руку къ сердцу, чувствовалъ этотъ жаръ рукой. Такое явленіе непостоянно. Въ инныя минуты сердце казалось остывшимъ и нечувствительнымъ. Я невольно хватался за сердце и за пульсъ, желая узнать, не остановилось ли оно?

Пульсъ, который я считалъ въ эти минуты, достигалъ отъ 112 до 125 ударовъ въ одну минуту (въ нормѣ 72 въ минуту).

Дыханіе сравнительно съ нормой (18 колебаній въ минуту) учащается до 30 колебаній въ минуту и даже больше, но это увеличеніе непостоянно. Иногда дыханіе становится рѣже, но зато болѣе глубокимъ. Отмѣчается неравномѣрность дыханія: то человекъ дышитъ, какъ обычно, то вдругъ глубоко и тяжело. Иногда, какъ бы подъ вліяніемъ тяжелыхъ думъ, дыханіе на короткій срокъ останавливается, но зато послѣ остановки дыханіе становится особенно глубокимъ, всей грудью.

Получается впечатлѣніе, что дыханіе въ періоды ожиданія боя подобно дыханію человека, поднимающагося на высокую гору.

Жажда. Жажда прямо-таки мучаетъ. *Во рту* постоянно *сушитъ; въ горлѣ пересыхаетъ*. Является постоянное желаніе пить и пить... Лучшимъ напиткомъ является холодный чай; къ нему я прибѣгалъ очень часто. Но слѣдуетъ замѣтить, что эта жажда отличается отъ обычной нашей жажды. Если тамъ, въ ожиданіи, пить много, то получается отяжелѣніе желудка, но желаніе пить не уменьшается. Жажда получается не вслѣдствіе потребности организма пополнить недостающую жидкость организма, а лишь вслѣдствіе быстрого высыханія ротовой и глоточной полости. По этому питье чая маленькими глотками или питье теплой воды удовлетворяютъ появляющуюся отъ ожиданія жажду лучше въ сравненіи съ другими напитками.

Позывы на низъ. Появляются *ощущенія ложныхъ позывовъ.* Сравнительно съ нормой они значительно учащаются. Проходитъ какихъ-либо 10 мин.—нозываетъ; черезъ 10—15—новый позывъ и т. д. Тоже замѣчается и у солдата въ подобномъ же состояніи. Ходятъ по этой нуждѣ иногда цѣлыми группами и учащенно.

Кожные покровы. Знать точно, повышается ли температура тѣла, какъ при лихорадочныхъ болѣзняхъ, мнѣ не удалось. Мнѣ не привелось измѣрить свою температуру градусникомъ; но по сопутствующимъ явленіямъ я сужу, что она поднимается и довольно значительно.

Если принять повышеніе пульса на 15 ударовъ въ минуту выше нормы за градусъ повышенія температуры тѣла, какъ это иногда и учитываютъ медики, то при 115—125 ударахъ въ мин. (вмѣсто 72), что мною и наблюдалось, температура тѣла должна быть около 39° (вмѣсто нормы 36,6°).

Кожа на ощупь всегда горяча, какъ у лихорадочнаго. Въ рукахъ и ногахъ чувствуется жаръ. Будучи чувствительнымъ къ холоду, въ это время я сбрасывалъ верхнюю одежду, даже въ морозное время.

На основаніи приведенныхъ наблюденій врачей, переходя къ характеристикѣ душевнаго состоянія воиновъ въ ожиданіи боя и сравнивая его съ данными, полученными отъ офицеровъ, приходится установить прежде всего удивительное совпаденіе психологическихъ чертъ, какъ у офицеровъ, такъ и у врачей.

Здѣсь, какъ и тамъ, отмѣчается *со стороны психики* ускореніе теченія мыслей, яркость воображенія въ области ожидаемаго, какъ бы прикованность вниманія къ области ожидаемыхъ событій, и ослабленіе процесса сосредоточенія на предметахъ внѣ ожидаемыхъ событій. Настроеніе то же тяжелое, томительное, съ непріятными ощущеніями со стороны сердца; причемъ настроеніе, также неустойчиво. Будучи тяжелымъ, оно легко можетъ перейти въ радостно-веселое и изъ этого состоянія вновь въ прежнее—тяжелое.

Забота о себѣ, личные интересы преобладаютъ. Въ письмахъ проявляется особенная нѣжность къ своимъ роднымъ.

Речь также торопливая, поспѣшная съ пропусками словъ. И *письмо*, какъ выраженіе мыслей и рѣчи, являлось измѣненнымъ; находятся пропуски буквъ, иногда словъ, нерѣдко отсутствіе связи между мыслями.

Движенія торопливы и поспѣшны.

Работа, требующая тонкости, мелкихъ и легкихъ движеній, выполняется съ трудомъ—грубо; почеркъ изъ мягкаго съ закругле-

ніями дѣлается палочкообразнымъ съ острыми углами; при скручиваніи папирсъ отъ грубыхъ движеній рвется бумага, рассыпается табакъ и даже при добываніи огня ломаются спички и сдирается бумажка съ коробки.

Со стороны *внутреннихъ органовъ*: тѣ же ощущенія, идущія отъ сердца, дыханія, кишечника, а также явленія со стороны потребностей къ питью и отправленіямъ, отмѣчаются и врачами; но лишь болѣе подробно и обстоятельно, какъ лицами, привыкшими къ подобнаго рода наблюденіямъ.

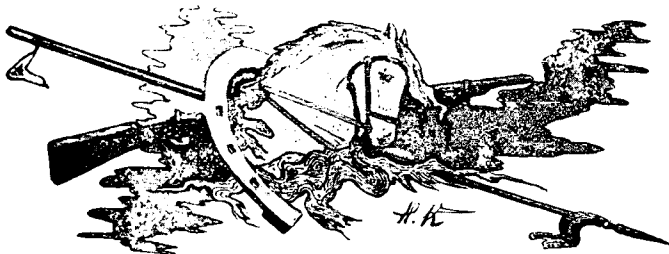
Общее разсмотрѣніе психологическихъ данныхъ, полученныхъ отъ офицеровъ и отъ врачей, приводитъ насъ къ признанію, что въ этихъ наблюденіяхъ мы имѣемъ однородное психо-физическое состояніе съ опредѣленными чертами или признаками со стороны психической и физической. Нѣкоторые пробѣлы въ наблюденіяхъ офицеровъ встрѣчаются, но они большею частью касаются физиологическихъ отправленій; повидимому, не обращалось вниманія на эти отклоненія; съ другой стороны наблюденія врачей, рисуя съ большой подробностью физиологическія отклоненія, меньше оставляютъ вниманія на психическихъ отклоненіяхъ отъ нормы, какъ, напримѣръ, явленія внушаемости, нетерпѣливости къ ожидаемому, появленіе «сомнѣній и нерѣшительности».

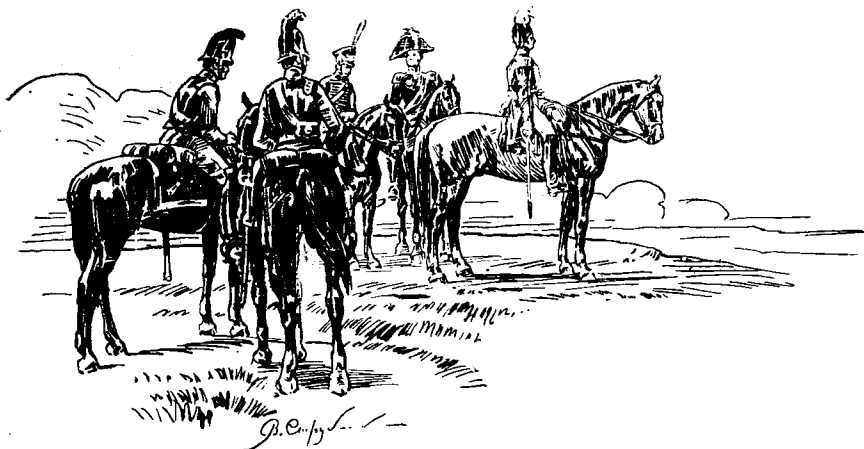
Но, въ виду общихъ психологическихъ чертъ и ихъ общей согласованности, данныя наблюденій могутъ быть объединены въ одну общую схѣму, рисующую душевное состояніе воиновъ въ ожиданіи боя болѣе полно, какъ со стороны психической, такъ и физической.

Какъ уже было отмѣчено и раньше, по приведенной психо-физиологической картинѣ, душевное состояніе воиновъ въ ожиданіи боя есть состояніе *тревожнаго ожиданія*.

Въ обыденной жизни «тревожное ожиданіе» очень часто смѣшиваются со «страхомъ», но въ цѣляхъ научныхъ и военно-практическихъ такое смѣшеніе не должно быть допускаемо.

Д-ръ Т. Умковъ.

Да, воинъ (рыцарь) безъ страха и упрека—
достижимый идеалъ.

(Отвѣтъ г-ну Ш—ву).

Д привыкъ почитать г-на Ш—а, какъ много потрудивша-
гося по выясненію вопросовъ военной психологіи и во-
обще, какъ, такъ сказать, миссіонера этой величайшаго
значенія для военнаго дѣла и жизни науки.

Это чувство глубокаго уваженія и преклоненія передъ жре-
цомъ науки, ревностнымъ поклонникомъ которой я считаю и
себя, является ручательствомъ того, что мои возраженія г-ну
Ш—у имѣютъ единственную цѣль, единственное побужденіе—по
возможности научно выяснить вопросъ о страхѣ.

Считаю этотъ вопросъ отчасти своей спеціальностью и уже
пробую предложить вниманію читателей свое изслѣдованіе «страха
и борьбы съ нимъ» черезъ общество ревнителей военныхъ знаній.
Это обстоятельство можетъ тоже служить ручательствомъ внима-
тельнаго съ моей стороны отношенія ко всякому указанію по этому
вопросу, ко всякому случаю, ко всякому опыту; данный вопросъ
разъясняющему.

Тѣмъ не менѣе мнѣ кажется, что военные психо-патологическіе этюды, приведенные г-номъ Ш—вымъ въ № 3 «Военнаго Сборника», въ высшей степени интересны, но только какъ патологическія извращенія, т. е. *ненормальности*; интересны для науки *патологии*, т. е. для науки о болѣзняхъ, науки о патологическихъ уклоненіяхъ отъ нормальнаго состоянія животнаго организма.

Но всѣ патологическія явленія, всѣ извращенія, всѣ ненормальности не могутъ служить положительными примѣрами для науки, изслѣдующей явленія нормальнаго духа. Тѣмъ болѣе, что про патологическія явленія можно сказать только то, что они характеризуютъ уклоненія отъ нормальнаго, а не само нормальное, почему на уклоненіяхъ, на ненормальностяхъ, нельзя учиться нормальному порядку явленій.

Если же приведенные г-номъ Ш—вымъ патологическіе этюды и могутъ служить доказательствомъ, то именно они ндуть противъ положеній и выводовъ г-на Ш—а и въ подтвержденіе выводовъ моихъ, какъ въ возраженіи ему въ № 11, 1912 г. «Военнаго Сборника», такъ и въ «Страхъ и борьбѣ съ нимъ». Вѣдь всѣ приведенные г-номъ Ш—вымъ военные психо-патологическіе этюды, т. е. душевныя разстройства, являются послѣдствіемъ именно развитія страха, послѣдствіемъ безсилія съ нимъ справиться, а никакъ не послѣдствіемъ потери его.

Всѣ изображенные субъекты г-на Ш—а согласно и отчетливо, сознательно или безсознательно, показываютъ, что они *не справились со страхомъ*, съ волненіемъ, съ раздраженіемъ.

Страхъ вѣдь определяется психологійей, какъ ожиданіе опасности, зла, боли, бѣды, и вотъ самъ г-нъ Ш—въ невольно, помимо желанія, дѣлаетъ выводъ, что всѣ приведенные имъ случаи разстройства и ненормальностей, а также и «исканія смерти», имѣютъ общей причиной наличіе страха, а не отсутствіе его. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ подлинныя слова г-на Ш—а на стр. 116:

«Какъ на общую причину, доводящую психику бойцовъ до подобнаго состоянія «исканія смерти», подвергавшіеся этому состоянію воины указываютъ на чисто психическій факторъ «тревожно-томительное ожиданіе» (вотъ это-то и называется страхомъ), «при безцѣльныхъ стояніяхъ по нѣсколько мѣсяцевъ. Каждую минуту ожиданіе, ожиданіе...», т. е. каждую минуту все страхъ, страхъ, все большее развитіе страха, оканчивающееся, какъ во всѣхъ случаяхъ страха,—парализаціей всѣхъ своихъ силъ и желаніемъ уйти отъ этого положенія, покончить съ нимъ хоть смертью. Страхъ

измучилъ ихъ и разстроилъ нервную систему. Не было бы причины къ разстройству.

Тамъ приводится не потеря страха, т. е. не потеря ожиданія опасности, а именно высшее напряженіе этого ожиданія, высшая точка страха, какъ извѣстно часто оканчивающагося или смертью, или именно душевнымъ разстройствомъ.

Душевные разстройства не могли бы имѣть мѣста при отсутствіи страха, т. е. при отсутствіи этого «ожиданія», ожиданія опасности, боли, бѣды, зла. Они являются именно у тѣхъ, у кого, благодаря свободному развитію страха, волненія, раздраженія, не хватаетъ силъ справиться съ этимъ страхомъ (ожиданіемъ опасности, бѣды, зла), но въ то же время чувство долга настолько развито, что заставляетъ бороться со страхомъ (развѣ мыслимо отрицать эту борьбу страха съ чувствомъ долга и др. высшими чувствами, «вышимъ психизмомъ» на войнѣ, да и вездѣ), отъ каковой борьбы и появляется безсиліе, разстройство.

Еще въ одномъ мѣстѣ г-нъ Ш—въ вопреки своему заявленію, что «въ корнѣ не согласенъ» со мной относительно того, что *воинъ безъ страха былъ бы идеаломъ* (но, конечно, какъ я и говорилъ, только безъ страха, безъ волненій, безъ раздраженія, а не безъ ума, безъ воли, безъ высшихъ чувствъ, вообще безъ «высшаго психизма»), оказывается въ корнѣ со мной согласнымъ. Онъ говоритъ: «Когда же мы имѣемъ налицо потерю низшихъ чувствованій (въ томъ числѣ подразумѣвается по предыдущему и страхъ), то высшія чувства являются уже потерянными...». Раньше этого онъ говоритъ: «согласуется съ законами психики человѣка, гдѣ при процессахъ утраты психическихъ способностей всегда утрачиваются сначала психическія пріобрѣтенія болѣе поздняго времени, позже всего утрачиваются чувства низшаго порядка—страхъ, гнѣвъ и др.»...

То есть: душевные разстройства приведенныхъ патологическихъ субъектовъ безусловно явились послѣдствіемъ потери высшихъ чувствъ—чувства долга и др. обязанностей. Низшія же чувствованія, страхъ и др., какъ мы видѣли раньше, только дошли до своего предѣла, не будучи сдерживаемы ослабѣвшимъ или ранѣе потерянными высшимъ психизмомъ (умомъ, чувствомъ долга)...

Если мы съ г-номъ Ш—вымъ въ чемъ не согласны въ корнѣ, такъ это въ томъ, что я смотрю на страхъ, какъ на слабость духа и даже ужаснѣйшую болѣзнь духа, вѣрнѣе—какъ на недостаточное развитіе высшаго психизма въ человѣкѣ (объ этомъ подробнѣе сказано въ «Страхъ и борьба съ нимъ»), а г-нъ Ш—въ смотритъ на страхъ, какъ на «норму психическихъ явленій».

Я считаю, что страхъ, какъ эмоція, тѣсно связанная съ инстинктомъ (самосохраненія), является совершенно излишнимъ съ развитіемъ разума, или, вѣрнѣе,—съ замѣной инстинкта—разумомъ. Вообще развитіе разума и высшихъ чувствъ (совѣсти, чувства долга), высшаго психизма, обязательно обратно пропорціонально развитію страха: чѣмъ разумнѣе человѣкъ, тѣмъ меньше у него «страховъ»; чѣмъ выше материнская любовь, тѣмъ она *самоотверженнѣе*, т. е. тѣмъ больше презрѣнія къ опасности, тѣмъ меньше *ожиданія* близкой опасности, бѣды, боли, т. е. страха; чѣмъ выше даже у всѣхъ животныхъ инстинктъ сохраненія рода, тѣмъ меньше страхъ (инстинктъ самосохраненія); чѣмъ выше религіозное, патріотическое чувство, чѣмъ выше любовь къ ближнему, тѣмъ меньше страхъ, боязнь опасности, ожиданіе опасности, бѣды, боли...

Благодаря разуму, высшимъ чувствамъ и волѣ, *страхъ* перерождается въ *осторожность*, въ *осмотрительность*. Только осторожность, осмотрительность—что можно назвать разумнымъ страхомъ—и совмѣстимы съ высшимъ психизмомъ, не враждуютъ съ нимъ, а потому только присутствіе осторожности, осмотрительности не дѣлаетъ субъекта патологическимъ, какъ это, однако, дѣлаетъ страхъ (что было видно изъ приведенныхъ примѣровъ у г-на Ш—ва).

Г-нъ Ш—въ полагаетъ, что «такого состоянія психики воина, гдѣ бы съ одной стороны имѣлось «отсутствіе чувства *самосохраненія*», причемъ, теряя это относящееся къ низшему психизму чувство, съ другой стороны, этимъ самымъ усиливалось бы высшее чувство человѣка—чувство долга и совѣсти, быть не можетъ».

Не только «можетъ», но это сущая аксіома; это мы наблюдали и наблюдаемъ на всѣхъ и вся; и наблюдаемъ не только на людяхъ, но даже на животныхъ. Чѣмъ больше теряетъ воинъ чувство самосохраненія, тѣмъ онъ самоотверженнѣе (противоположно самосохраненію) защищаетъ Царя, родину, ближнихъ. Чѣмъ больше собака любитъ (высшее чувство) хозяина, тѣмъ выше у ней какъ бы *чувство долга*,—тѣмъ самоотверженнѣе защищаетъ его.

Если бы высшія чувства человѣка—чувство долга и любовь къ Царю и родинѣ—не усиливались съ потерей чувства самосохраненія, то и не могло бы быть того, что сдѣлалъ Сусанинъ и другіе, ему подобные. Не могло бы быть безъ высшаго религіознаго чувства и того, что дѣлали мученики и подвижники. А вѣдь мученики и подвижники буквально теряли чувство самосохраненія, теряли всякій страхъ смерти и мученій.

Однако, никто не рѣшится сказать, что эти мученики «патологическіе субъекты» и что у нихъ прежде, чѣмъ утратились чувства низшаго порядка—страхъ, гнѣвъ, сначала были утрачены психическія пріобрѣтенія высшаго порядка—чувства долга и обязанностей, какъ пріобрѣтенія болѣе поздняго времени...

Того же нельзя сказать и про Муція Сцеволу, положившаго руку въ огонь.

«Рыцарю безъ страха» (чувство низшаго психизма) оказывается нисколько не мѣшало быть и «безъ упрека» (высшее достоинство по исполненію вѣлѣній чувства долга, совѣсти, воинской доблести, рыцарства).

На всѣхъ примѣрахъ всемірной исторіи, да и на собственномъ опытѣ, можно убѣдиться, что развитіе ума, воли, высшихъ чувствъ человѣка (чувства долга, совѣсти, любви къ ближнимъ, къ Царю и родинѣ и отсюда—воинская доблесть и самоотверженіе при защитѣ ихъ) всегда связано съ побѣдой надъ страхомъ, надъ чувствомъ самосохраненія и постепенность этого развитія, можно сказать, почти пропорціональна потерѣ чувства страха.

И дѣйствительно, чѣмъ выше интеллектъ, умственный уровень, тѣмъ меньше суевѣрныхъ страховъ, да и всякихъ. Понемногу разсѣиваются страхи темноты, страхъ грома, подземелій, «загробнаго міра», стихій, боли, болѣзней и всякихъ иныхъ страховъ. Умъ только, какъ я говорилъ уже, допускаетъ въ нужныхъ случаяхъ имъ дрессированный страхъ, т. е. разумный страхъ, а именно—осторожность, осмотрительность.

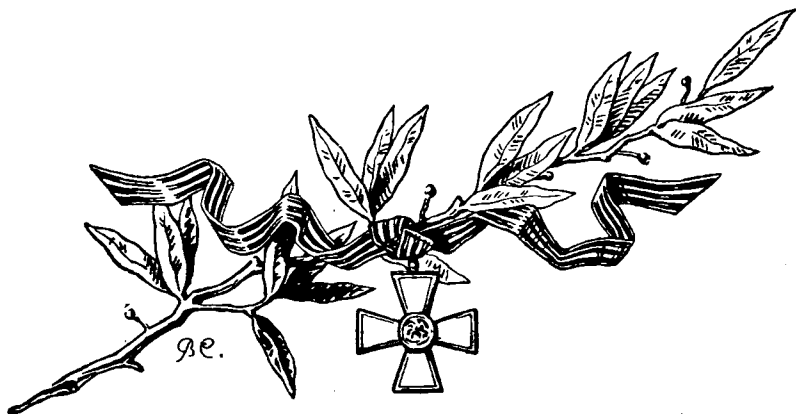
Рельефный примѣръ потери страха съ развитіемъ ума и вообще высшаго психизма—купаніе въ холодной водѣ: у ребенка страхъ къ купанью въ холодной водѣ непреодолимо великъ и ребенокъ не въ состояніи преодолѣть его. Съ развитіемъ разума и съ упражненіями этотъ страхъ теряется, хотя безъ упражненій нѣкоторые все еще «боятся»: впускаютъ ногу въ воду и отдернуть, но все-таки умъ пристыдить за это и побудить волю исполнить свое рѣшеніе, доказывая неосновательность или постыдность страха, т. е. ожиданія опасности, боли, бѣды... Тамъ, гдѣ высшій психизмъ не развивается, а остается инстинктъ, какъ напр., у животныхъ, этотъ страхъ къ холодному купанію никогда не преодолевается.

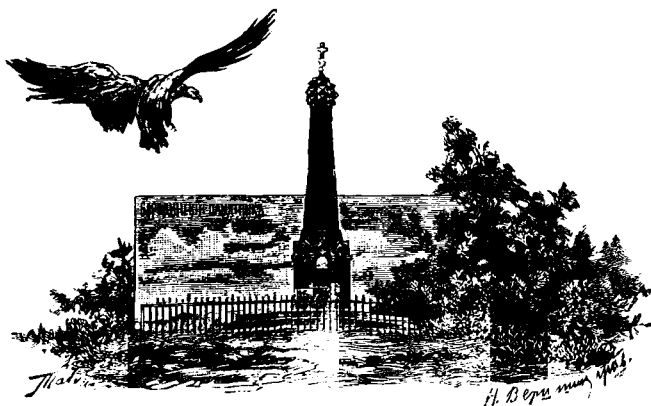
Если бы и на войнѣ разумомъ, высшими чувствами и волей, а до войны постепенными упражненіями побуждалось также это «ожиданіе опасности», т. е. страхъ, доказывались бы постыдность и вредъ его, то какъ возможны были бы приведенные г-номъ Ш—вымъ

патологическіе этюды, причина которыхъ по заявленію всѣхъ и самого г-на Ш—ва именно и есть «ожиданіе» опасности, т. е. страхъ. Какъ бы тогда при отсутствіи этого разстраивающаго весь психизмъ «ожиданія», т. е. страха, и наличіи чувства долга возможно было самоубійство или безразличіе къ тѣмъ, по любви къ которымъ пошли на ихъ защиту?

Ужели и теперь, во имя науки, во имя цѣлей воспитанія братьевъ родной страны, г-нъ Ш—въ не согласится, что не отсутствіе страха, а развитіе его создало показанныхъ имъ патологическихъ субъектовъ, и что воинъ долженъ заранѣе постараться побѣждать страхъ до полной его нейтрализаціи, до идеала «воина безъ страха. А чѣмъ бороться со страхомъ—есть въ «Страхъ и борьба съ нимъ».

А. Дмитревскій.

Святые Предстатели за землю Русскую и русское воинство ¹⁾).

(Данныя народныхъ картинъ и книгъ).

II. Святые не изъ русскихъ людей.

Среди многихъ святыхъ не изъ русскихъ людей русскіе Церковь и народъ особо чтутъ, какъ *предстателей за Россію и воинство*, святого Великомученика и Побѣдоносца Георгія, святого Николая Чудотворца архіепископа Мврликійскаго и святого Іоанна Воина.

Память святыхъ Георгія Побѣдоносца и Николая Чудотворца почитается у насъ со времени принятія христіанской вѣры; почти весь міръ чтитъ этихъ святыхъ и даже магометане; послѣдніе считаютъ, что св. Георгій былъ мусульманиномъ ²⁾.

Св. Великомученикъ Георгій († 303 г.) именуется *побѣдоносцемъ* не только потому, что онъ никогда и никѣмъ не былъ побѣжденъ въ бояхъ, какъ римскій военачальникъ, но и потому, что онъ мужественно «побѣдилъ» всѣ страшныя мученія, которымъ подвергъ его гонитель христіанъ, императоръ Діоклетіанъ (284—305 гг.), открыто исповѣдая свою ревность о вѣрѣ Христовой. По-

¹⁾ См. начало—«Военный Сборникъ» с. г., № 4.

²⁾ Профессоръ Н. Катановъ.—«Краткій обзоръ татарскихъ историческихъ книгъ» («Изв. Общества Археол., Ист. и Этногр. при Имп. Казанскомъ универ.» 1912 г., т. XXVШ).

всемѣстно распространены повѣрья о томъ, что св. Георгій являетъ свое покровительство и помощь воинствамъ, встающимъ на защиту своихъ царствъ и государей. Обычно святой является при томъ на бѣломъ конѣ.

Наша Церковь, въ своихъ пѣснопѣніяхъ, величаетъ св. Георгія, какъ: «плѣнныхъ — свободителя, нищихъ — защитителя, немощствующихъ — врача и Царей — поборника».

Молебное пѣніе святому, въ изданіи Святѣйшаго Синода, озаглавлено: «Молебное пѣніе святому славному великомученику, побѣдоносцу и чудотворцу Георгію».

Великій князь Ярославъ Мудрый, во святомъ крещеніи — Георгій, въ 1036 г., построилъ первый на Руси, въ Кіевѣ, храмъ во имя св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія и съ того же времени установлено празднованіе этого дня освященія храма — на землѣ русской — 26-го ноября ³⁾, но память св. Георгія — 23-го апрѣля.

Слѣдуетъ замѣтить, что храмовъ во имя св. Георгія строилось у насъ очень много, особенно, въ первые вѣка христіанства. Такъ до настоящаго времени, съ XIII вѣка (1234 г.), въ Юрьевѣ-Подольскомъ (Владимірской губ.) сохранился соборъ, построенный княземъ Святославомъ III Всеволодовичемъ; князь «созда церковь чудно зѣло, вельми украси ю разнымъ каменіемъ отъ подошвы и до верху — святыхъ лики и праздники». Храмъ изобилуетъ символическими изображеніями, которыми покрыты стѣны, пояса и порталы; снаружи — стѣны украшены высѣченными (sic) по бѣлому камню изображеніями (ангелы, лики святыхъ, сирены, грифы, звѣри и дивная орнаментика) ⁴⁾. Замѣчательны также фрески старолadoжскаго Георгіевскаго монастыря.

Въ древнихъ иконописныхъ *лицевыхъ* подлинникахъ (образахъ) греческаго происхожденія сохранилось описаніе наружности святого: «Св. Георгій возрастомъ младъ, подобіемъ темнорусъ, лицомъ прекрасенъ вельми, власы русы изъ-черна, кудреваты, округлены, яко бы подстрижены».

Православная Церковь почтила его изображеніями въ трехъ видахъ: 1) въ видѣ всадника или съ мечомъ, или поражающаго

³⁾ Въ народѣ — это «осенній» *Юрьевъ* день.

⁴⁾ По выраженію академика Кондакова: эта удивительная церковь должна бы стоять подъ стекляннымъ колпакомъ, а, между тѣмъ, она «изуродована позднѣйшими пристройками». Храмъ этотъ остается неизученнымъ по своимъ художественнымъ (и изображительнымъ) даннымъ.

копьемъ змѣя и спасающаго царевну Аи ⁵⁾; 2) въ видѣ стоящаго воина въ полномъ вооруженіи, и 3) въ видѣ поясного изображенія съ мечомъ и безъ меча, съ греческою повязкою на главѣ ⁶⁾.

Въ народныхъ картинахъ изображенія святого большею частью перваго типа, но въ литографіяхъ 1870—80 гг.—«нростовикъ» встрѣчаются изображенія и втораго типа. На картинахъ «двухлистовыхъ» (большаго формата) представляется все житіе и чудеса святого.

Въ нѣкоторыхъ храмахъ, какъ, на примѣръ, въ Москвѣ въ Успенскомъ соборѣ, въ Вознесенскомъ монастырѣ и др., сохраняются изваянія св. Георгія по вышеупомянутому *первому* типу изображеній святого ⁷⁾.

Въ Успенскомъ соборѣ изваяніе св. Георгія находится надъ гробницею святителя Θεогноста. Храмоздатель Великій Князь Іоаннъ III Васильевичъ помѣстилъ его здѣсь въ 1479 году. Изваяніе это римскаго происхожденія.

Изваяніе въ Вознесенскомъ монастырѣ русской работы XV вѣка и оно, по повелѣнію того же Великаго Князя, было установлено на возвышенномъ мѣстѣ у Фроловскихъ (нынѣ Спасскихъ) воротъ. При Великомъ Князѣ Василии Іоанновичѣ оно было перенесено въ 1527 году въ храмъ св. Георгія, сооруженный около Фроловскихъ воротъ, а въ XVII вѣкѣ, по упраздненіи этого храма, изваяніе святого Георгія было перенесено въ Вознесенскій монастырь и находится въ трапезной церкви св. Михаила Малеина.

Изображенія св. Георгія помѣщались многими великими и удѣльными князьями на доспѣхахъ, оружіи, печатяхъ, деньгахъ (*Ярославле сребро*) и ратныхъ знаменахъ. Нерѣдки были изображенія святого и на домашней княжеской и царской утвари (тарелкахъ, ковшахъ и т. п.).

Имя и почитаніе святого Великомученика и Побѣдоносца Георгія съ 1497 года неразрывно на вѣки связаны съ русской государственностью усвоеніемъ, по повелѣнію Великаго Князя Іоанна III Васильевича, нашему *государственному гербу* изображенія этого святого на конѣ, поражающаго змѣя—въ щитѣ на груди двуглаваго орла, какъ великокняжескаго Московскаго герба.

⁵⁾ Это изображеніе событія въ Филиппійской странѣ: святой Георгій умертвилъ огромнаго змѣя, пожиравшаго людей, и это чудо обратило всѣхъ жителей ко Христу.

⁶⁾ «Записки о русскихъ гербахъ. I. Московскій гербъ», стр. 17. Спб. 1856.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 19—21.

Память о святомъ Георгіи, съ вѣрою въ его чудодѣйственное предстательство о Русскомъ государствѣ—Руси православной, запечатлѣна въ *духовномъ народномъ стихѣ* о Егоріи Храбромъ.

Сумѣлъ Егорій постоять за себя у «царища Діоклетіанища, бусурманища», не сбылась приговорка Діоклетіанина: «.... не бывать Егорью на святой Руси»:

По Божьему повелѣнію
По Егорія храбраго моленію
Отъ свята града Іерусалима
Поднимались вѣтры буйные....
Выходили Егорій на святую Русь:
Завидѣлъ Егорій свѣту бѣлаго,
Услышалъ звону колокольнаго,
Обогрѣло его солнце красное.
И пошелъ Егорій по святой Руси,
По святой Руси, по сырой землѣ....

Испросилъ Егорій у государыни своей матушки—«святой премудрой Софіи»⁸⁾—«благословеніе»: ѣхать ему «по всей землѣ свѣтло-Русской—утвердить вѣру христіанскую» и отплатить злomu царю Діоклетіанищу.... «дружбу прежнюю».

И поѣхалъ Егорій храбрый на конѣ богатырскомъ «со вострымъ копьемъ со булатнымъ, и со книгою со Евангеліемъ» и сталъ «рубить» (строить) церкви соборныя-богомольныя для службы Господней «по всей землѣ свѣтло-Русскіей» и доѣхалъ «ко городу Кіеву», побывалъ у бусурманища:

Очистилъ землю христіанскую.
Утвердилъ вѣру самому Христу,
Самому Христу, Царю Небесному,
Владычицѣ Богородицѣ,
Святой Троицѣ нераздѣлимыхъ.

Знаменательно заключеніе «стиха»:

Велико его претерпѣніе:
Претерпѣлъ муки разноличныя
Все за наши души многорѣшныя.
Поемъ славу свята Егорія,
Свята Егорія, свѣтъ, хоробраго.
Во вѣки его слава не минуется,
И во вѣки вѣковъ, аминь⁹⁾.

⁸⁾ Это эпическая вольность—уиодобленіе византійскаго храма св. Софіи Премудрой въ Царьградѣ—«матушкѣ» св. Георгія (В. Д. Смирновъ, «Турецкія легенды о св. Софіи», Спб. 1898).

⁹⁾ По народному повѣрью, св. Георгій—покровитель стадъ и пастуховъ и въ «весенній» *Юрьевъ день*—23-го апрѣля (память святого) обычно совершается молебствіе: скотъ окропляется святой водою и впервые послѣ зимы выгоняется на поля.

26-го ноября 1796 г. Императрица Екатерина II установила орденъ св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія—въ награду подвиговъ воинскихъ мужества и храбрости.

Имѣются указанія, что еще Царь Оеодоръ Иоанновичъ раздавалъ воинамъ за *храбрость* монеты-медали съ изображеніемъ св. Георгія и воины носили эти знаки на шапкѣ или рукавѣ одежды.

Мощи св. Георгія покоятся въ г. Лиддѣ, гдѣ выстроенъ храмъ во имя его при императорѣ Юстиніанѣ.

Святитель и Чудотворецъ Николай Мѣрликійскій († 341 г.), какъ было сказано, чтится на Руси издревле. «Тому угоднику Божію Николаю» еще молился передъ Куликовской (sic) битвой «старъ казакъ Илья Муромецъ».

О безчисленномъ множествѣ чудесъ его свидѣтельствуешь церковно-акаоистная пѣснь святому: «никто же можетъ я исчести, аще бы и многіе языки имѣлъ и глаголати восхотѣлъ». Особенно извѣстна часто проявляющаяся помощь св. Николая «по морю плавающимъ» и всѣмъ путешествующимъ, онъ же «защититель отъ нашествія супостатъ».

Многіе случаи чудесъ по молитвамъ святому и оказательства имъ неоднократной помощи русскому воинству ¹⁰⁾ послужили основаніемъ къ сложенію народомъ духовной пѣсни:

Никола—имя знаменито,
Побѣдѣ тезоименито ¹¹⁾;
Побѣждаетъ агаряны,
Утѣшаетъ христіаны.

Сохраняется преданіе, что въ отвѣтъ на молитву жителей г. Можайска, осажденнаго однажды (въ X—XI в.в.) непріателемъ (?), предъ мѣстною иконою св. Николая, въ одной изъ церквей города, послѣдовало чудесное его видѣніе надъ храмомъ—съ мечомъ въ одной рукѣ и съ храмомъ въ другой въ знаменіе того, что св. угодникъ «побораешь» за городъ и за свой храмъ.

Воодушевленные этимъ видѣніемъ можайцы отбили врага и затѣмъ въ благодарность святому защитнику-поборнику установили икону—изображеніе св. Николая, подобіемъ его видѣнія, явленія надъ городомъ. Сооруженная икона—рѣзная, извѣстна въ народѣ подъ именованіемъ «Можайской»; она является одною

¹⁰⁾ Напримѣръ, случай, указанный выше въ гл. I (стр. 148—149), («Воен. Сборн.» с. г., № 4).

¹¹⁾ Съ греческаго языка имя Николай означаетъ «побѣдитель».

изъ самыхъ распространенныхъ въ Россіи—какъ иконописная ¹²⁾).

Въ смутное время эта икона, по преданію, при одномъ изъ нашествій поляковъ на Москву, была захвачена ими въ Можайскѣ съ другими церковными драгоценностями. Остановившись на ночлегъ на Купвалѣ Бору при р. Маршевкѣ, поляки, установя икону близъ коновязи, кощунственно сказали, чтобы св. Николай стерегъ ихъ лошадей. На утро люди увидѣли, что князь ихъ ослѣпъ, а кони всѣ попадали, кромѣ двухъ княжескихъ. Одинъ изъ воиновъ отсѣкъ у изображенія (рѣзного) св. Николая ухо и тогда совершилось чудо: отъ главы потекла кровь. Князь-полководецъ поклялся возвратить икону въ Можайскъ и просилъ св. угодника возвратить ему зрѣніе. На утро было проявлено отъ иконы новое чудо: ухо отъ изображенія святого приросло на своемъ мѣстѣ, а на мечѣ въ рукѣ святого начерталось русскимъ письмомъ: «Азъ есмь Великій Николай Чудотворецъ». Икона была возвращена поляками въ Можайскъ ¹³⁾.

Чудотворенія и общее почитаніе этой иконы вызывали посѣщенія г. Можайска съ цѣлю поклоненія иконѣ со стороны нанихъ князей и царей (Іоаннъ Грозный, Ѳеодоръ Іоанновичъ, Алексѣй Михайловичъ, Ѳеодоръ Алексѣевичъ, Александръ II [въ 1837 г.—Наслѣдникомъ Цесаревичемъ]). Въ 1892 г. Можайскъ посѣтили Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Сергѣй Александровичъ и Великая Княгиня Елизавета Ѳеодоровна.

Въ Новгородѣ уже въ XI вѣкѣ существовалъ храмъ во имя Николая Чудотворца Можайскаго и въ немъ имѣлась тоже рѣзная икона, на которой святитель былъ изображенъ съ мечомъ въ правой рукѣ.

Живо преданіе о видѣніи св. Николая въ числѣ сподобниковъ православному нашему воинству при покореніи Казани.

Въ Троицкомъ мужскомъ монастырѣ въ г. Бѣлгородѣ (Курской губ.) сохраняется чудотворная икона св. Николая, именуемая Ратная. Во время татарскаго ига, эта икона, изъ Киренской пустыни взятая крестнымъ ходомъ противъ татаръ, привела враговъ въ замѣшательство и они бѣжали въ степи, оставивъ бѣлгородскіе предѣлы ¹⁴⁾.

¹²⁾ «Мѣсяцесловъ православнаго христіюбиваго воина» стр. 127—129.

¹³⁾ Народный листъ «Страшное Божіе наказаніе за насмѣшку надъ иконой Николая Угодника», Москва. Кн. маг. Максимова (книгонародн. изд-во).

¹⁴⁾ Н. П. *Сенаторскій*, описаніе упомянутаго монастыря, стр. 80, (изд. 2, Курскъ, 1911).

Въ народныхъ картинахъ и листахъ безчисленное множество изображеній св. Николая Чудотворца отъ малаго до самаго большаго двухлистоваго формата (16×22 верш.) — поясныхъ и во весь ростъ. Изображенія большаго размѣра заключаютъ и показанія чудесъ святого.

Изображеніе св. угодника *безъ митры*—зывается *Никола вешній*, а *съ митрой*—Никола зимній.

Къ сожалѣнію, иконныя изображенія св. Николая да и многихъ другихъ святыхъ для русскихъ народныхъ массъ получаютъ отчасти *изъ-за границы*, написанныя не по православному иконописному подлиннику (*Berlin—Winckelmann; Prag—Maulini; Neu-Ruppin—Oschmigke* и др. ¹⁵). Не лучше и «ченстоховскія» изданія, складъ коихъ имѣется и въ Кіевѣ...

Благодаря народнымъ листамъ, распространяются по землѣ русской многія молитвы «Святителю Христову Николаю» изъ числа не общезвѣстныхъ.

Такъ, напримѣръ, въ одномъ московскомъ «листѣ» (лит. М. Т. Соловьевъ, 1892 г.) помѣщены, между прочимъ, молитвы (in brevi).

«... Сохрани святую обитель сію (или храмъ сей), всякій градъ. и весь, и всякую страну христіанскую, и люди живуція отъ всякаго озлобленія помощію твоею... Ты насъ соблюди. яко бодрый и добрый пастырь, отъ всякихъ враговъ, губительства, труса, града, глада, потопа, огня, меча, нашествія иноплемениковъ и во всѣхъ бѣдахъ и скорбехъ нашихъ подавай намъ руку помощи...».

Въ слѣдующей молитвѣ приведены нѣкоторыя особыя прошенія:

«... и всякую страну христіанскую огради и сохрани святыми твоими молитвами отъ мірскаго мятежа, нашествія иноплемениковъ и междуусобныя брани...» ¹⁶).

Чрезвычайной рѣдкости новгородская народная картина—изображеніе «образа св. Николая Чудотворца иже въ Великомъ Новѣ-городѣ на Ярославлѣ дворѣ».

Образъ «обретенъ на езере Ильмене у острова зовамаго Липно, отстоятъ отъ Великаго Нова града за седмъ поприщъ въ лѣто отъ сотворенія міра 6621...» (6621 — 5508 = 1113 г.), «при благоверномъ великомъ князе Мстиславе Святославича и тогожъ лѣта

¹⁵) Народно-картинное издательство въ Ней-Руппинѣ издаетъ изображеніе св. Николая Чудотворца посреди св. Савватія и Зосимы.

¹⁶) Находится въ нашей коллекціи дубковъ.

великій онъ князь съ бабою своею благоверною княгинею Анною въ память обретенія онаго образа и въ ознаменованіи своего благодаренія за полученное отъ него исцелѣніе отъ лютой и тяжелой болѣзни на островѣ Липно создаша Никололипенскій монастырь...», а затѣмъ въ Новгородѣ былъ сооруженъ въ честь чудотворной иконы Николаевскій Дворецкій соборъ. Явленному образу въ текущемъ году исполнилось 800 лѣтъ.

Высокое почтаніе св. Николая Чудотворца знаменуется въ Россіи множествомъ храмовъ въ честь его и отдѣльных придѣловъ въ другихъ храмахъ. Въ одной Москвѣ насчитываютъ 24 храма имени святого и 21 придѣлъ въ честь его же въ иныхъ храмахъ. Число же его иконъ прямо неисчислимо и между ними многія прославлены, какъ чудотворныя.

Изъ числа изображеній церквей во имя св. Николая Чудотворца или церквей, имѣющихъ придѣлы во имя его, нельзя не указать двѣ народныя картинки, издаваемые съ цѣлью сбора пожертвованій, со слѣдующими подписями:

I. «Видъ общежительной Екатерининской пустыни отъ Москвы по Серпуховскому шоссе въ 27, а по Курской желѣзной дорогѣ отъ станціи Бутовой въ 6 верстахъ. Въ оной Пустыни находится Чудотворная икона Св. Великомученицы Екатерины—по преданію даръ Царя Алексія Михайловича... Въ соборѣ — придѣлъ Св. Николая Чудотворца... На томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ монастырь, былъ царскій звѣринецъ, въ который нѣкогда соизволилъ Царь Алексій Михайловичъ пріѣхать для увеселенія своего и обнощевать тамъ въ своихъ станцахъ. Въ ту же ночь явился ему во снѣ Святая Великомученица Екатерина и рече ему: «Царю Алексіе! Въ сію ночь Богъ даровалъ тебѣ дочь Екатерину для наслѣдія рода Вашего Царскаго».Наутро: «прибѣжалъ гонецъ изъ Москвы и объявилъ Государю, что Богъ даровалъ ему дочь Екатерину Алексѣевну. Услыхавъ это благочестивый Самодержецъ во первыхъ благодарилъ Бога и явившуюся ему во снѣ Святую Великомученицу Екатерину; во вторыхъ же въ знакъ вѣчной достопамятности повелѣлъ заложить на ономъ мѣстѣ сначала деревянную часовню, а впослѣдствіи каменную церковь во имя Св. Великомученицы Екатерины и опредѣлилъ, чтобы въ ономъ мѣстѣ была Дворцовая Его Царскаго Величества домовая церковь»...

Важно, что вся приведенная подъ картинкой подпись, своего рода историческое свидѣтельство и документъ, взята «изъ подписи подъ портретомъ (едва ли кому вѣдомымъ) Царя Алексія Михайловича, хранящимся въ Екатерининской пустыни.

II. «Близъ г. Шуи, въ селѣ Зименкахъ холодная церковь во имя Иліи Пророка, съ придѣломъ Николая Чудотворца, выстроена

ная послѣ пожара въ 1814 г. и теплая во имя Божьей Матери Спорушницы грѣшныхъ, съ придѣломъ Преподобнаго Павла иже въ Патре: *закладка была 29 мая 1856 г., достопамятнаго прекращеніемъ Севастопольскаго кровопролитія и всерадостнѣйшимъ Коронованіемъ Ихъ Императорскихъ Величествъ*, освящена же по окончаніи сооруженія въ первое число октября 1860 г. *При сѣхъ церквахъ учреждена общественная Безмездная библіотека, осчастливленная щедротами Ихъ Императорскихъ Величествъ* ¹⁷⁾.

Едва ли, значить, это не первая въ Россіи общественная, точнѣе народная—бесплатная библіотека и въ періодъ до освобожденія крестьянъ.

Среди народныхъ «листовокъ»—сѣро-бумажныхъ книжекъ по копѣйкѣ—имѣется и такая: «Чудеса Святителя и Чудотворца Николая въ наши дни» (Москва. 1905); между многими современными намъ чудесами указано чудесное сохраненіе иконъ св. угодника и командъ казенныхъ пароходовъ «Сунгари» и «Селенга» отъ японцевъ въ минувшую войну 1904—05 гг.

Память св. Николая Чудотворца празднуется: 6-го декабря и 9-го мая (перенесеніе мощей святого изъ Муръ-Ликійскихъ въ г. Баръ, въ Италіи, въ 1087 г.).

9-го мая настоящаго года состоялось въ Баръ-градѣ (г. Бари на южномъ побережьи Адриатическаго моря) торжественная закладка *православнаго русскаго храма* во имя св. Николая Чудотворца и приюта въ Баръ-градѣ для русскихъ богомольцевъ. Русское паломничество въ Бари весьма развито, но до послѣдняго времени паломники наши, «удивляя міръ своею великою любовью къ св. Николаю», были «наиболѣе одиноки въ Бари и безпомощны», не находя здѣсь не только православнаго храма, но даже часовни; здѣсь нѣтъ ни русскаго священника, ни русской больницы, ни русскаго странноприимнаго дома.

Постройка сооружается на средства Императорскаго Палестинскаго общества подъ наблюденіемъ Высочайше утвержденного по волѣ Государя Императора особаго комитета подъ предѣлательствомъ князя А. А. Ширинскаго-Шихматова; проектъ храма художника-архитектора А. Б. Щусева («Нов. Вр.» № 13346).

Святой мученикъ Іоаннъ Воинъ (IV в.), благочестивый греческій воевода, за особое покровительство гонимымъ христіа-

¹⁷⁾ Курсивъ и разрядка въ подписи—наши. Листъ безъ обозначенія мѣста и времени изданія.

намъ претерпѣлъ темничное заключеніе и мученія; искони на Руси святой почитается, какъ особый покровитель Христолюбиваго воинства и споспѣшникъ въ пораженіи вражескихъ нападеній, а также, какъ «защитникъ обидимыхъ отъ всѣхъ напастей»; считается обличителемъ воровъ и открываетъ похищенное. Память его 30-го іюля.

Мощи святого положены въ Константинополѣ, въ храмѣ св. Іоанна Богослова, близъ храма св. Софіи—Премудрости Божіей.

Какъ воинъ, Іоаннъ «отличался безнорочностью жизни, строгимъ исполненіемъ служебныхъ обязанностей, справедливостью къ своимъ подчиненнымъ, а потому пользовался, какъ ихъ преданностью, такъ и всеобщимъ уваженіемъ къ себѣ и довѣріемъ своего повелителя»—императора Юліана. До времени исповѣданіе христіанства Іоаннъ принужденъ былъ скрывать, такъ какъ то была пора гоненія христіанъ.

Въ житіи «Небеснаго Покровителя Христолюбиваго воинства Цареградскаго Іоанна воина» ¹⁸⁾ даны слѣдующія указанія.

«Живое содѣйствіе въ заступленіи преславнаго Чудотворца испытывается особенно тѣми изъ истинно-православныхъ христіанъ, которые имѣютъ у себя святое его изображеніе въ древнегреческомъ воинскомъ одѣяніи, съ оружіемъ. Имъ достовѣрно извѣстно, какъ быстро является помощь и избавленіе отъ лихой бѣды и нечаянной напасти, когда призывается его имя въ постигающей ихъ скорби, обидѣ, нападеніи, пропажѣ и потерѣ.

Особенно заступаетъ Св. Іоаннъ Воинъ земныхъ собратій своихъ по оружію, истинно-христолюбивыхъ воиновъ, въ страхѣ Божіемъ и съ мужественнымъ самоотверженіемъ исполняющихъ священный долгъ обороны и охраны своего отечества. Таковыхъ честныхъ воиновъ, призывающихъ своего Небеснаго предстателя въ помощь, не постигнетъ, на пути къ сраженію и на самомъ полѣ брани, ни внезапная лютая смерть, ни горькій плѣнъ; не окалѣчитъ ихъ безопадно и вражескій мечъ, подъ несокрушимымъ щитомъ невидимаго Охранителя» (стр. 5—6).

По церковному писанію Св. Іоаннъ именуется «вопнственникомъ».

Въ народныхъ картинныхъ иконныхъ изображеніяхъ св. Іоанна Воина преимущественно встрѣчаются изображенія святого во весь

¹⁸⁾ Слб., изданіе редакціи журнала «Чтеніе для солдатъ», со снимкомъ съ иконы св. Іоанна-воина.

рость, именно—«въ древне-греческомъ воинскомъ одѣяніи, съ оружіемъ»; но есть изображенія святого въ воинскихъ доспѣхахъ, при оружіи—на конѣ. Изрѣдка встрѣчаются совмѣстные изображенія: св. Архистратига Михаила, св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія, св. Димитрія Солунскаго и св. Іоанна Воина,—въ четырехъ медаліонахъ въ одной рамкѣ.

Въ народныхъ «листахъ» распространена не встрѣчающаяся въ житіи и въ особой положенной святому службѣ церковной молитва; въ этой молитвѣ прошенія начинаются съ обращеній: «О великомучениче Христовъ Іоанне воинственниче! Храбрый еси во бранѣхъ и враговъ прогонитель...; о великій заступниче и угодниче Христовъ, Іоанне воинственниче....; о великій поборниче, Іоанне воинственниче....»¹⁹⁾.

Какъ выше сказано, св. Іоанну Воину положена особая служба. Въ стихирахъ поются хваленія святому, какъ «храброму воину»,... «благовѣрнымъ представителю»..., «въ воинствѣ ратоборцу»..., «на бранѣхъ воинамъ способнику, злотекущихъ удержателю, всякихъ печалей утѣшителю»....

Въ тропарѣ празднику святого читается: «...укрѣпляеши воины въ ратѣхъ (сраженіяхъ), отъ враговъ (вражескаго) плѣненія, ранъ же и внезапныхъ смертей и отъ бѣдъ лютыхъ изимаеши».

Тропарь (гласъ Ѧ) ему же, великомученику Іоанну Стратилату Воину Христову, заключаетъ стихъ: «Воинствословіемъ, истиннымъ страстотерпче Небеснаго Царя воевода предобрый былъ еси Іоанне, оружіями бо вѣры ополчился еси мудроно и побѣдилъ еси демоновъ полки и побѣдоносный явился еси страдалецъ. Тѣмъ же ты вѣрою присно ублажаемъ». Этотъ тропарь печатается подъ изображеніемъ св. Іоанна Воина и четырехъ его чудесъ на одной изъ народныхъ картинокъ.

Въ акаѳистѣ святому чудотворцу—Іоаннѣ Воинѣ прославляется, между прочимъ, какъ «хранитель и наставникъ юныхъ отроковъ и наставникъ родителей»; славится святой, какъ «воине Христовъ, непобѣдимый» и ..«яко воинскому званію образъ добраго воина въ себѣ показуеши», и, наконецъ, какъ «Императора нашего заступниче». Замѣчателенъ глубокою отечестволюбія кондакъ 12:

«Благодать дана тебѣ отъ Бога во еже руководствовати ко спасенію и сохранять отъ бѣдъ чтущихъ память твою: сего ради молитвами тво-

¹⁹⁾ Изданіе типо-хромолит. Д. Плющевъ (Одесса. 1905) и др. Видимо, эта молитва сокращеніе «Молитвы ко святому Іоанну воину»—Синодальнаго изданія.

ими огради отъ всякаго зла Церковь и Царство Россійское, укрѣпляя Императора нашего на враги, здравіе и долгоденствіе Ему и дому Его, подавая, вѣрные же вся въ добродѣтеляхъ преуспѣвати сотвори, да воспоимъ вси Богу: Аллилуіа» ²⁰⁾.

Храмовъ и часовенъ во имя св. мученика Іоанна Воина и св. иконъ его въ Россіи очень много; не мало ихъ въ Москвѣ и Петербургѣ и все по усердію людей, получавшихъ у прославленнаго св. угодника явную и скорую помощь.

Въ Москвѣ, въ Страстномъ монастырѣ, въ соборной церкви, находится икона святого стариннаго письма и всѣ посѣщающіе храмъ Пресвятой Богородицы молятся и у названной иконы; всегда здѣсь теплятся сотни свѣчей. Въ Замоскворѣчьи есть отдѣльная церковь св. Іоанна Воина; въ нее нерѣдко издалека, по обѣщанію, приходятъ поклониться чудотворцу.

Въ Петербургѣ, въ церкви Вознесенія Господня (на Вознесенскомъ проспектѣ) есть особый (лѣвый) придѣлъ имени святого при старинной иконѣ, славящейся многими чудотвореніями. Знаетъ ли Петербургскій гарнизонъ объ этой святынѣ?

Въ особо установленной молитвѣ св. Іоанну Воину читается прошеніе:

«....Благочестивѣйшему Самодержавнѣйшему Великому Государю нашему Императору Николаю Александровичу на враги побѣду даруй, во бранѣхъ воинство его укрѣпляя: яко да твоею помощію и крѣпкимъ предстательствомъ и поборствомъ посрамятся вси являющіи Ему и намъ злая!...»

По всей Православной Руси чествуется и славится святой мученикъ Іоаннъ Воинъ, но.... *въ Москвѣ* нашлось издательство народныхъ книгъ и брошюръ «Посредникъ» ²¹⁾, издавшее книжечку (in 32°) *Ек. С. Некрасовой*—«Іоаннъ Воинъ» (разсказъ изъ временъ первыхъ христіанъ), въ коей *ни единымъ словомъ* не помянуто, что это святой, признаваемый Православной церковью и особенно чтимый русскимъ народомъ.

И ко всему—книга не чужда выпадовъ противъ военной службы.

«Мѣсяцесловъ православнаго Христолюбиваго воина» указываетъ еще другого св. Іоанна воина, египетскаго подвижника VII вѣка (память 12-го іюня).

²⁰⁾ «Акаенствъ» (изд. 5-е). Спб. 1905. (Синод. тиз.).

²¹⁾ См. нашу статью «Литература скрытыхъ тенденцій», «Русскій Инвалидъ» 1911 г., №№ 52 и 53.

СВ. ІОАННЪ-ВОИНЪ.

Снимокъ съ чудотворной иконы, находящейся въ Вознесенской церкви
въ С.-Петербургѣ.

Къ слову замѣтить, какъ этотъ «Мѣсяцесловъ», такъ и «Войсковые святцы» заключаютъ весьма краткія данныя къ исторіи и почитанію перваго—св. мученика Іоанна Воина, «споборника Россійскаго воинства».

III. Силы Небесныя и Богоматерь.

Военачальникъ безплотныхъ силъ Архистратигъ Михаилъ есть вождь Небесныхъ силъ, иначе онъ «князь великій», «ангельскихъ ликовъ чиноначальникъ», и почитается на Руси отъ начала у насъ христіанства, какъ почитается почти во всемъ мірѣ.

«Едва ли есть еще какое-либо священное лицо, изображеніе котораго имѣло бы такое распространеніе и приложеніе въ отношеніи ко всякаго рода предметамъ, какъ изображеніе Архистратига Михаила. Горы и города, иноческія обители и храмы, иконы и церковная утварь, кресты, знамена и гербы, оружія и вооруженія (доспѣхи), предметы убранства и вещи домашняго обихода и многіе, многіе другіе предметы—то носятъ на себѣ имя, то имѣютъ изображеніе Архистратига» ²²⁾.

Вся иконографія—лицевое образное изображеніе—Архистратига Михаила представляетъ его, какъ побѣдителя змѣя—дьявола, какъ громовержца, повелителя стихій—воды и огня, повелителя въ воздушномъ пространствѣ и въ преисподней; въ общемъ, Архистратигъ представляется силою міровою, внутреннею и внѣшнею—высшею духовною, но въ натуралистическомъ обликѣ—воина въ доспѣхахъ и съ мечомъ и очень часто на конѣ.

По низверженіи Перуна въ Кіевѣ, Великій Князь Владиміръ, понимая, что одни храмы еще не смогутъ вытѣснить въ народѣ самую мысль о богѣ-громовержцѣ, по указаніямъ митрополитовъ-византійцевъ, остановилъ вниманіе на установленіи почитанія на Руси Архистратига Михаила, какъ единственнаго лица въ христіанскомъ культѣ, которое могло замѣнить въ народномъ (натуралистическомъ) представленіи всецѣло бога—Перуна въ соотношеніи съ стихійными его дѣйствіями въ природѣ и вліяніемъ на

²²⁾ *Троицкій, Ник. Ив.* «Архистратигъ Михаилъ—по памятникамъ иконографіи, религіозной письменности и церковнаго зодчества» (рефератъ на XI Археол. Съѣздѣ 1899 г.), Тула. 1902.

человѣка ²³⁾. И вотъ въ Кіевѣ начались постройки храмовъ во имя Архистратига Михаила ²⁴⁾.

Гербъ древнѣйшаго и священнѣйшаго нашего города—Кіева воспринялъ изстари и удерживаетъ донинѣ изображеніе Архистратига Михаила, Святого покровителя-стража Русской земли.

Знаменательны *изображенія Архистратига*, между прочими, на слѣдующихъ предметахъ: на шлемѣ 1216 года Великаго Князя Ярославъ (въ св. крещеніи Θεодора) Всеволодовича, съ надписью: «*Великій Архистратигже Господень Михаиле, помози рабу своему Θεодору*» и на рукояткѣ-эфесѣ сабли офицера-ополченца времени Крымской кампаніи—гравированныя изображенія Богородицы и Архистратига Михаила, съ подписью: «*На показъ врагамъ, что Русь святую спасаетъ Скорбящая Божія Матерь и Архистратигъ Михаилъ*» ²⁵⁾.

Народныхъ картинъ и «листовъ» съ изображеніями Архистратига Михаила, одного и съ изображеніями вокругъ его чудесъ, масса. Среди картинъ цикла «чудесъ» встрѣчаются указанія на чудеса, явленные Архистратигомъ въ Смутное на Руси время.

Такъ, напримѣръ, на картинѣ «Изображеніе Св. Архистратига Михаила и его чудесъ» (Москва. 16-е ноября 1900 г. Изд. литогр. П. В. Пурецкаго. Большой листъ) въ правомъ нижнемъ углу изображеніе, изъясняемое подписью:

«Во время осады Троице-Сергіевой лавры въ 1610 году полчищами поляковъ, Св. Арх. Михаилъ въ за вечеріи явился архимандриту Юсафу съ сіяющимъ ликомъ и со скипетромъ въ рукѣ ободрилъ упавшихъ духомъ защитниковъ св. лавры».

Подобныя картины нѣкоторыхъ другихъ издателей имѣютъ заглавіе «Небесныхъ воинствъ Архистратигъ Михаилъ».

Въ народныхъ листахъ печатаются краткія исторіи о чудесахъ Архистратига или молитвы ему—«грознаму воеводѣ», или величанія изъ акаѳиста, или стихосложенныя молитвы—пѣсни похвалы:

²³⁾ Тамъ же, стр. 12.

²⁴⁾ Въ Кіевѣ на мѣстѣ, гдѣ по преданію былъ совершенъ обрядъ крещенія народа при Св. Владимірѣ въ 988 году, 15-го сентября 1802 г. «усердіемъ Кіевского гражданства» открытъ памятникъ Императору Александру I—«за утвержденія правъ древнія сея столицы».

²⁵⁾ «Арх. Михаилъ», стр. 2.—Графъ Ѳ. В. Растопчинъ въ своемъ первомъ посланіи къ жителямъ Москвы въ 1812 году указалъ: «за насъ передъ Богомъ заступники Божія Матерь и Московскіе Чудотворцы, передъ свѣтомъ—Милосердный Государь нашъ Александръ Павловичъ, а передъ супостаты—Христіолюбивое воинство».

Тебѣ молюсь я въ сокрушеніи,
Безплотныхъ силъ Архистратигъ:
Меня храни Ты отъ паденья
Вездѣ, во всѣхъ путяхъ моихъ;
Блуди меня, Ты отъ порока,
Криломъ хранительнымъ Твоимъ,
И какъ лучъ вѣчнаго востока,
Здѣсь будь свѣтильникомъ моимъ! ²⁶⁾.

Въ акаѳистѣ Св. Архистратигу Михаилу читаются прошенія:
«...И буди щить несокрушимъ и забрало твердо святѣй Церкви и православному отечеству нашему, ограждая ихъ молніеноснымъ мечемъ твоимъ отъ всѣхъ врагъ, видимыхъ и невидимыхъ. Буди Ангелъ Хранитель, премудръ совѣтодатель и споспѣшникъ Благочестивѣйшему Императору нашему, износя Ему отъ престола, Царя царствующихъ просвѣщеніе и силу, радость, миръ и утѣшеніе. Буди вожь и соратай непобѣдимъ Христіюбивому воинству нашему, вѣнчая его славою и побѣдами надъ супостаты, да познають вси противляющіися намъ яко съ нами Богъ и святіи Ангели Его...».

Достаточно-ли, знакомо наше воинство съ дивными молитвампособой службы и акаѳиста Архистратигу Михаилу? Указанные нами «Мѣсяцесловъ православнаго воина» и «Военные святцы» не приводятъ ни молитвъ, ни акаѳиста Архангелу.

Умилительно, трогательно указаніе въ описаніи недавно образованнаго Музея памяти Его Императорскаго Высочества Великаго князя М и х а и л а Н и к о л а е в и ч а, доблестнѣйшаго Августѣйшаго фельдмаршала русской арміи, что при одномъ изъ Евангелій (изд. 1822 г.), бывавшемъ въ чтеніи Великаго Князя, имѣется конвертикъ, въ которомъ «помѣщены написанныя на бумагѣ молитвы *Іоанну Воину* (съ отмѣткою 1855 г. января 8. Харьковъ. Маріана К.), *исаломъ 96-й* (съ отмѣткою «переписала для Дяди Миши Евгенія, 28 сентября 1854 года) и молитва *Михаилу Архангелу* (съ отмѣткою: «отъ старца Іерусалимскаго 8-го ноября 1854 года. Гатчина»).

Въ народномъ «духовномъ стихѣ» о Михаилѣ-Архангелѣ грѣшныя наставляются имъ къ путямъ спасенія и во грѣхъ ставится всѣмъ, кто:

Ко Божьей церкви не прихаживали,
Страху Господня не послушивали,
Писанію Божію не вѣровали,
Раннія заутрени просыпывали,

²⁶⁾ Листъ № 59—типогр. Е. А. Фесенко въ Одессѣ.

Священныя обѣдни прогуливали,
За смирную вечернею не ставали,
Со слезами Богу не маливались,
Земныхъ поклоновъ не кладывали,
Отъ бѣлаго лица до сырой земли.

День памяти Архистратига 8-е ноября—Кавалерскій праздникъ всѣхъ Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ.

Пресвятая Богородица почитается святымъ покровомъ Русскаго Государства и народъ памятуетъ многочисленные и многообразные случаи всесильнаго, всеблагаго предстательства Богоматери за Русь и всемилостиваго ея благопоспѣшенія христолюбивому нашему воинству.

Иконографія Богоматери заключаетъ до 700 изображеній различающихся по именованиямъ святыхъ ея иконъ. И вотъ народныя изображенія этихъ иконъ—лика Божія Матери составляютъ особо любимыя народомъ картины, нерѣдко отождествляемыя съ значеніемъ самыхъ иконъ.

Весьма многія подобныя картины большого формата заключаютъ совокупныя изображенія разныхъ иконъ Божіей Матери—числомъ до двухсотъ на одномъ листѣ.

Большинство иконъ почитается чудотворными.

Въ соотвѣтствіе съ темой настоящей нашей статьи насчитывается 18 иконъ Богоматери и мы приводимъ свѣдѣнія о нихъ въ порядкѣ памятованія иконъ въ теченіе года, по мѣсяцамъ—съ января²⁷⁾.

11-е января.—Елецкая икона Божьей Матери (въ г. Черниговѣ); во время войны съ Баторіемъ (1579—1582 г.г.) она была взята въ Москву, а въ 1687 году была при войскѣ въ Крымскомъ походѣ.

25-е января.—Икона Божіей Матери «Утоли моя печали»; принесена въ Москву казаками при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

12-е февраля.—Иверская икона Божіей Матери въ Москвѣ у Воскресенскихъ воротъ; древній снимокъ иконы Иверской на Аѳонѣ, сохранявшей чудеснымъ заступленіемъ Богоматери тамошнюю обитель отъ вражескихъ нападеній.

²⁷⁾ «Мѣсяцесловъ православнаго воина», стр. 121, съ мн. дополненіями.

10-е марта.—Ильинская икона Божьей Матери въ Троицкой обители близъ Чернигова; на иконѣ имѣется надпись: «Въ 1662 году (?) было нашествіе татаръ на градъ Черниговъ, но къ сему чудотворному образу не могли прикоснуться руки нечестивыхъ» ²⁸⁾).

14-е марта.—Оеодоровская икона Божіей Матери, явленная 16-го августа 1239 года Костромскому князю Василию; нынѣ находится въ Костромскомъ Успенскомъ соборѣ; предъ этой иконой инокиня Марѳа благословила сына своего Михаила Оеодоровича Романова на царство.

12-е апрѣля. — Муромская икона Божіей Матери; съ помощью этой иконы бл. князь Константинъ смирилъ бунтовщиковъ муромцевъ.

21-е мая.—Владимірская икона Божіей Матери; по преданію, икона написана Евангелистомъ Лукою; въ V вѣкѣ она была принесена изъ Іерусалима въ Константинополь, а въ XII вѣкѣ—сначала въ Кіевъ, а затѣмъ во Владиміръ (1160 г.); отъ имени этого города она и получила свое именованіе. По многимъ историческимъ воспоминаніямъ эта икона стяжала великую славу и князь Андрей Боголюбскій бралъ эту икону въ свой походъ противъ волжскихъ болгаръ и разбилъ ихъ въ 1163 году ²⁹⁾. Воспоминаются: *21-го мая*—избавленіе Москвы заступленіемъ Богоматери отъ Крымскаго хана Махметъ-Гирея въ 1521 году—видѣніемъ непріателю многочисленнаго русскаго воинства, яко бы подходящаго къ Москвѣ; *23-го іюня*—избавленіе Руси отъ Ордынскаго хана Ахмата въ 1480 году; *26-го августа*—избавленіе Москвы отъ нашествія полчищъ Тамерлана (1395 г.), когда татары занимали Рязанское княжество. Въ это тяжкое для Россіи время было рѣшено

²⁸⁾ Тамъ же, стр. 121.

²⁹⁾ Икона Владимірской Божіей Матери была и большой семейной иконой Царя Алексѣя Михайловича, работы Симона Ушакова. Какъ мы говорили (статья первая—стр. 152), на старинныхъ иконахъ до XVIII вѣка встрѣчались изображенія лицъ не канонизованныхъ и на только что упомянутой иконѣ среди святыхъ имѣются изображенія князя Іоанна Калиты (основатель Московскаго Успенскаго собора) и Царя Алексѣя Михайловича, царицы и двухъ старшихъ царевичей въ нимбахъ—сіяніи округъ главъ («идея государства переплеталась съ вездѣсущей тогда религіозностью»). Заслуживаетъ вниманія фактъ, что въ царствованіе Императора Николая I явилась необходимость Синодальнаго распоряженія (указъ 5-го октября 1832 г.) духовнымъ консисторіямъ «къ непремѣнному исполненію»—«*о воспрещеніи имѣть въ церквахъ царскіе портреты и др. изображенія, кромѣ св. образовъ*». Указъ вызванъ случаемъ усомнѣнія Государемъ Императоромъ своего портрета въ Вѣлгородскомъ соборѣ («Троицкій монастырь», стр. 15—16, прил. Н. II. *Сенаторскій*).

икону перенести изъ Владиміра въ Москву и именно 26-го августа съ Великимъ Княземъ Васи́ліемъ Димитріевичемъ «весь градъ (Москва) изыде въ срѣтеніе (на встрѣчу) Ея». Въ этотъ же самый день Тамерланъ, стоявшій уже на берегахъ Дона, увидѣлъ во снѣ шествіе святителей, а надъ нимъ Жѣну въ багряныхъ ризахъ, сіяющую «паче солнца молніезрачными лучами», окруженную тьмами воиновъ. Грозно обративъ свой взоръ на Тамерлана, Она повелѣла ему оставить предѣлы Русской земли. Совѣтъ изъ приближенныхъ разъяснилъ Тамерлану, что видѣнная имъ свѣтоносная Жена — Заступница христіанъ — Богоматерь и что при ея помощи русскимъ — татарамъ «не одолѣть». Тамерланъ немедленно повелѣлъ своимъ полчищамъ идти назадъ.

По преданію, съ отшествіемъ иконы г. Владиміръ сталъ падать, а Москва (со срѣтеніемъ иконы) — возвышаться: «засвѣтилась... зажглась свѣча воску яраго въ каменной Москвѣ».

...Запримѣтили
Люди русскіе
Сдалека ее;
Ободрились
На нее глядятъ,

Богу молятся..
А она горитъ,
Разгорается
Свѣтитъ всей Руси...

Въ превосходномъ по художественному исполненію изданіи *народной картинки* на 14-е мая 1896 года, по случаю Св. Коронаванія Ихъ Императорскихъ Величествъ, «каѳедры Исаіевскаго собора» (издатель ген. Богдановичъ) сказано, что: «Чудотворная икона Пресв. Богор. Владимірскія, начертанная рукою апостольскою, издревле, въ дни вступленія на престолъ и въ радостныя и трудныя времена отечества, была Святымъ знаменемъ нашихъ Государей» и что «и нынѣ, въ великій день Своей царственной жизни, по примѣру Державныхъ предковъ, Государь и Государыня молитвенно склонились передъ этой благодатной Святыней».

Подъ нѣкоторыми народными картинками-изображеніями Владимірской Иконы Божіей Матери помѣщаютъ тропарь празднику Срѣтенія иконы (26-го августа):

«Днесь свѣтло красуется славнѣйшій градъ Москва, яко зарю солнечную воспріемши, Владычице, чудотворную Твою икону, къ ней же нынѣ мы притекающе и молящеся, Тебѣ взываемъ сице: О, Пречудная Владычице Богородице, молися изъ Тебѣ воплощенному Христу Богу нашему, да избавитъ градъ сей и вся грады и страны христіанскія неведимы отъ всѣхъ навѣтъ врагѣихъ...».

26-е іюня. — Тихвинская икона Божіей Матеріи, по преданію писана св. Евангелистомъ Лукою; заступленіемъ Богоматери

Тихвинскій монастырь (Новгородской губ.) въ 1613—1614 гг. побѣдоносно выдержалъ многократныя нападенія шведовъ, пытавшихся разрушить г. Тихвинъ за то, что на царство былъ избранъ Михайль Ѳеодоровичъ Романовъ, а не шведскій королевичъ («Войск. Святцы», стр. 89). Когда шведы окружали монастырь и устремлялись на штурмъ стѣнъ, то братія прибѣгала къ защитѣ Богоматери чрезъ св. икону и икона была обносима по стѣнамъ; шведы тогда видѣли яко бы идущее отъ Москвы русское воинство и невѣдомое имъ небесное воинство и бѣжали отъ монастыря. Особенно славная «чудесная» побѣда была одержана 14-го сентября 1614 года.

Въ народныхъ изданіяхъ имѣется множество изображеній Тихвинской иконы Божіей Матери и между прочимъ съ чудесами отъ нея; среди послѣднихъ указывается «Обнесеніе Святѣицы вѣокругъ монастыря во время шведской осады».

Одно изъ изображеній иконы снабжено подписью, поясняющей, что «въ 1617 году Царь Михайль Ѳеодоровичъ послалъ пословъ договариваться со шведами о мирѣ (въ Столбовѣ). Послы царскіе, прибывъ въ Тихвинъ, «идя на великое дѣло», «велѣли игумену отпѣть молебень передъ чудотворною иконою» и молили «Богоматерь о мирѣ» и имѣли въ порученномъ дѣлѣ успѣхъ.

Въ народныхъ «листахъ» изданы молитвы, а также тропари кондаки и икосы изъ праздника святой иконѣ.

Въ молитвѣ Богоматери именуется: «града и страны нашея всемогущая заступница!»; одно изъ прошеній читается: «...испроси у Бога Сына Твоего пастыремъ нашимъ ревность и бдѣніе о душахъ, градоправителемъ мудрость и силу, судьямъ правду и нелицепріятіе, наставникомъ разумъ и смиренномудріе...».

Въ кондакѣ (гласъ ѳ) поется: «...Просвѣтивши страну сію Твоего честнаго образа явленіемъ чудесно спаси въ мирѣ въ благовременствѣ Вѣрнаго Императора нашего и вся Христіаны...».

8-е іюля. — Казанская икона Божіей Матери; явленіе иконы послѣдовало въ 1579 году. Празднованіе св. чудотворной иконы установлено въ 1612 году на 22-е октября, въ память избавленія Москвы заступленіемъ Богоматери отъ нашествія поляковъ. Чудотворный образъ былъ принесенъ въ Москву Казанскимъ ополченіемъ и во время военныхъ дѣйствій въ 1613 году находился при войскахъ князя Пожарскаго, воодушевляя воиновъ особыми чудесными знаменіями милости Божіей; въ Казань былъ отосланъ списокъ съ иконы.

Со времени изгнанія поляковъ изъ Москвы и съ восшествіемъ

на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича, Казанская икона Божіей Матери сдѣлалась семейною въ Царскомъ родѣ («Войск. Святцы», стр. 222). Въ 1710 году икона была перенесена въ С.-Петербургъ и съ 15-го сентября 1811 года находится въ столичномъ Казанскомъ Соборѣ.

Счастливый удѣлъ—поднять въ Казани съ земли въ минуту чудеснаго обрѣтенія иконы Царицы Небесной, показать ее народу и затѣмъ съ крестнымъ ходомъ перенести ее въ сосѣдній храмъ—выпалъ на долю приходского священника, впослѣдствіи ставшаго Патріархомъ всея Россіи Ермогена, нынѣ новоявленнаго священно-мученика.

28-е іюля.—Смоленская икона Божіей Матери, иначе называемая «Одигитрія»—«Путеводительница», такъ какъ сопутствовала въ походахъ еще греческимъ императорамъ; по преданію написана Евангелистомъ Лукою; принесена изъ Византіи въ XI вѣкѣ.

Съ этой иконою связаны многія воспоминанія о покровѣ Царицы Небесной надъ Русскою землею ³⁰⁾.

Искони смоляне почитали Пресвятую Богородицу покровительницею города Смоленска и особо чтили этотъ Ея святой образъ. Защищая отъ нападенія враговъ свой городъ, смоляне говаривали: «Стоимъ за градъ, и домъ Пресвятыя Богородицы»; икона помѣщалась въ Благовѣщенской церкви. Ко дню освѣщенія «Смоленской крѣпостной стѣны 1602 года», по приказу царя Бориса Годунова, съ иконы былъ сдѣланъ увеличенный снимокъ, который и былъ помѣщенъ надъ главными крѣпостными воротами (Днѣпровскими—Фроловскими, Государевыми или Царскими).

Чудотворная икона «неизмѣнно служила предметомъ горячихъ почитаній и источникомъ духовной бодрости и нравственныхъ силъ»; «въ годъ Отечественной войны почитаніе иконы еще болѣе возросло—съ этого времени она становится святыней не только Смоленска, но и всего народа русскаго, и особенно всего православнаго воинства».

Передъ оставленіемъ Смоленска нашими войсками 5-го августа 1812 г., подъ вечеръ, икона Богоматери была вынесена изъ

³⁰⁾ Нижепомѣщаемыя данныя о Смоленской иконѣ Б. М. заимствуются изъ капитальнаго труда В. М. Вороновскаго «Отечественная война въ предѣлахъ Смоленской губерніи» (Спб. 1912); изданіе Смоленскаго земства. («Святцы указываютъ, что при арміи въ 1812 году находилась «не чудотворная икона, а другая изъ мѣстныхъ» Помѣщаемыя свѣдѣнія несходны съ данными «Войсковыхъ святцевъ» (напр., стр. 145).

Благовѣщенской церкви двумя офицерами съ командою. Въ сопровожденіи войска и народа она была перенесена къ арміи, на Покровскую гору, къ Георгіевской церкви и здѣсь всю ночь на 6-е августа, передъ иконой служили молебны, а 6-го августа утромъ икона была препоручена батареей № 1 ротѣ 3-й артиллерійской бригады подполковника Глухова. Защищая въ холстѣ, она возилась передъ ротой на ходу разбитого заряднаго ящика, при 3-й пѣхотной дивизіи генерала Коновницына. Во время похода при икопѣ состояли штабсъ-капитанъ Богдановичъ, поручикъ Гречъ, подпоручикъ Реанъ.

Въ ожиданіи битвъ и послѣ сраженій предъ чудотворной иконой усердно молилось наше воинство, вѣра укрѣпляла духъ войскъ и вела ихъ къ побѣдамъ.

Передъ Бородинской битвой св. икону торжественно пронесли по рядамъ войскъ и служили молебны. Трепетно-благоговѣйное настроеніе охватывало войско, когда сообщалось, что несутъ «Смоленскую Матушку», что живо описано Л. Н. Толстымъ («Война и Міръ», т. III, стр. 277—279).

По словамъ генерала Коновницына, «войска съ благоговѣніемъ зрѣли посреди себя образъ сей и почитали его благоприятнымъ залогомъ Всевышняго милосердія».

Послѣ очищенія Смоленской губерніи отъ непріятеля, чудотворная икона, по распоряженію князя Кутузова, была возвращена въ Смоленскъ—духовенству, при письмѣ генерала Коновницына; въ письмѣ, между прочимъ, указано, что: «да водворится она (икона) на прежнемъ мѣстѣ и прославляется въ ней Руси Богъ, чудесно карающій на конецъ кичливыхъ враговъ, нарушающихъ сноко йстве народовъ».

8-е августа.—Толгская икона Божіей Матери; въ числѣ чудесъ, свершенныхъ иконою по заступленію Богоматери, было исцѣленіе Царя Іоанна Грознаго, больного ногами. Въ тронарѣ имѣется прошеніе: «...Императора нашего Николая Александровича, и архіереевъ, и вся російскія народы отъ всѣхъ бѣдъ избавляй, но велицѣй Твоей милости»; въ кондакѣ: «...столпомъ бо огненнымъ являючи предстательство, неусыпное и теплое за ны къ Богу возсылаеши моленіе, имже Благовѣрнаго Императора нашего, Николая Александровича, и все наслѣдіе Его отъ всякихъ бѣдъ избави...».

19-е августа.—Донская икона Божіей Матери; въ 1380 г.

донскіе казаки, прибывъ на помощь Великому Князю Дмитрію Іоанновичу, при выступленіи его въ походъ противъ Мамаю, принесли съ собою эту икону. Въ день Куликовской битвы икону обносили по рядамъ воиновъ для ободренія и испрошенія помощи Богоматери противъ татаръ и побѣда была одержана, Мамай былъ разбитъ на берегахъ рѣки Дона, по коему и икона получила свое именованіе. Затѣмъ, при Царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, въ 1591 г. къ Москвѣ подступилъ крымскій царевичъ Нурадинъ и расположился уже на Воробьевыхъ горахъ. Царь прибѣгъ къ покрову Пресвятой Богородицы, повелѣвъ совершить крестный ходъ вокругъ города съ иконою Донской Божіей Матери, а затѣмъ икона была установлена среди стана войскъ. На утро началась битва, но татары, устрешенные чудесно видимыми имъ русскими воинствами обратились въ бѣгство, оставивъ своихъ убитыхъ, раненыхъ и весь свой станъ. На мѣстѣ этой битвы былъ въ 1592 году воздвигнутъ Донской монастырь.

8-е сентября.—Знаменская (Курская-коренная) икона Божіей Матери; при набѣгѣ татаръ въ 1385 г. была разсѣчена пополамъ, но осталась неповрежденной. Въ 1687 г. сопутствовала въ походѣ «Большому полку», а для другихъ полковъ были сняты копіи съ нея.

11-е сентября.—Каплуновская икона Божіей Матери; икона была съ войсками Петра Великаго въ битвѣ подъ Полтавою.

7-е октября.—Псково-Печерская икона Божіей Матери; воспоминается избавленіе помощью Богоматери г. Пскова отъ нашествія французовъ въ 1812 году.

12-е октября.—Калужская икона Божіей Матери; воспоминается избавленіе помощью Богоматери г. Калуги отъ нашествія французовъ въ 1812 году.

27-е октября.—Икона «Знаменія» Божіей Матери; заступленіемъ Богоматери во время осады въ 1170 г. Новгорода Велп-каго суздальцами, эта икона, вынесенная противъ непріятеля на городскую стѣну, обратила враговъ вспять. Въ тропарѣ празднику испрашивается: «миръ граду твоему (Новгороду) даруй».

Среди особо чтимыхъ русскимъ народомъ святыхъ иконъ Богоматери слѣдуетъ назвать еще Почаевскую икону Божіей Матери. Эта икона привезена въ Россію изъ Царьграда въ 1559 г. и составляетъ главную святыню Почаевской лавры на Волыни.

Почаевская обитель, заступленіемъ Богоматери—явленіемъ Ея въ сонмѣ ангеловъ надъ обителью, чудесно была избавлена отъ осады турецкихъ войскъ въ 1675 г.

Изображеніе осады и явленія Богородицы хранится въ обители и издано въ народной картинѣ (хромо-литогр. Е. И. Фесенко, Одес.).

Въ народномъ «листь» имѣется «Пѣснь въ честь Почаевской иконы Пресвятой Богородицы», въ которой и воспѣвается, какъ Богоматерь:

Спасла Обитель свою отъ злыхъ враговъ,
Въ Почаевѣ, гдѣ Ея икона,
Много творить Она выше закона:
Она всѣхъ удивила, какъ турокъ побѣдила... ³¹⁾.

На одной изъ картинокъ—изображенія Почаевской лавры, съ святой иконой—помѣщается изображеніе мѣстночтимого Св. Я р о пол ка, князя Владиміра Волынскаго, держащаго въ рукахъ, вмѣстѣ съ св. Іуліаніей, княжной Ольшанской, храмъ-соборъ св. обители ³²⁾.

«Мѣсяцесловъ православнаго христіанскаго воина» указываетъ (8-е апрѣля) явленную (792 г.) И с п а н с к у ю икону Божіей Матери, оказавшую помощь испанскому королю Пелагію въ борьбѣ его съ сарацинами, но эта икона не имѣетъ никакого отношенія къ жизни и судьбамъ Россіи.

Въ Русско-японскую войну появились въ народномъ обращеніи изображенія и «листы» съ описаніемъ иконы «Торжество Пресвятыя Богородицы»,—*«въ благословеніе и знаменіе торжества христіанскому воинству Дальней (sic) Россіи отъ святыхъ обителей Кіевскихъ и 10.000 богомольцевъ и друзей»* ³³⁾.

Вкратцѣ исторія этой иконы слѣдующая: за два мѣсяца до начала войны въ Кіево-Печерскую лавру пришелъ на богомолье старикъ матросъ—изъ севастопольцевъ и во снѣ ему было явленіе Богоматери, открывшей, что вскорѣ откроется тяжелая война и въ началѣ на долю Россіи выпадутъ многія скорби. Богоматерь приказала изготовить образъ, точно изображающій видѣніе старика и отправить святыню въ нортъ-артурскую крѣпость, обѣщая помощь, покровительство и побѣду русскому воинству тотчасъ по прибытіи образа къ указанному мѣсту.

³¹⁾ Листъ № 50—1901 г. хромо-литогр. Е. И. Фесенко. Одесса.

³²⁾ Хромо-литогр. М. Т. Соловьева—1894 г. (Моск.).

³³⁾ Типо-литогр. Руманова, Спб. 1904 г.—«листъ» (съ изобр. иконы), подъ заглавіемъ: «Чудесное явленіе Богородицы и обѣщаніе побѣды русскимъ надъ японцами» (Печ. позв. духовн. цензурой Спб. 28-го мая 1904 г.).

По разсказу старика, онъ видѣлъ во снѣ Богоматерь, стоявшую спиною къ заливу моря. Въ рукахъ Богородицы былъ продолговатый платъ съ сиреневою каемкою, а посреди плата Нерукотворенный ликъ Спасителя. Хитонъ Божіей Матери былъ синій, а верхнее одѣяніе коричневое. Съ правой стороны надъ Ея пречистымъ ликомъ Архистратигъ Михайлъ, а съ лѣвой — Архангелъ Гавріиль. Надъ Нею Ангелы держатъ въ облакахъ карту (?), увѣнчанную короною изъ двухъ перекрещивающихся радугъ съ крестомъ наверху. Еще выше безплотныя силы поддерживаютъ облака, на которыхъ Господь Саваоѣ съ надписью по сіянію: «Да будетъ едино стадо и единъ пастырь». «Обѣ стопы Богоматери попираютъ обнаженные и отточенные обоюдоострые мечи».

Сонъ и видѣніе старика стали извѣстны богомольцамъ, стекшимся тогда въ лавру, и какъ только пришли первыя извѣстія о войнѣ отъ 10.000 богомольцевъ стали поступать «жертвы» — по пятаку (болѣе отъ одного лица не принималось) на необходимые матеріалы къ написанію и сооруженію иконы. Всѣ работы были исполнены безвозмездно. Исполненіе вышло высоко - художественное.

Образъ былъ пересланъ въ Петербургъ на имя члена Адмиралтействъ Совѣта вице-адмирала Верховскаго для отправленія по назначенію. По желанію адмирала, монахини Новодѣвичьяго монастыря сдѣлали съ иконы точную копію.

Высота образа съ рамою 2 арш. 1¹/₂ верш., а ширина — 1¹/₂ арш.

IV. Крестъ Господень и особые святыя иконы, праздники и памяти.

Народное почитаніе распространяется и на нѣкоторыя другія иконы, прославленные бывшими отъ нихъ чудесами во спасеніе и славу нашихъ отечества и воинства, при памятованіи происшедшихъ чудесъ особыми празднованіями.

1-го августа празднуется Происхожденіе древъ честнаго и животворящаго Креста Господня. Тропарь этого праздника есть молитва:

«Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояніе Твое, побѣды благовѣрному Императору нашему Николаю Александровичу на сопротивныя даруя и Твое сохраняя крестомъ Твоимъ жительство».

Со времени Императора Петра I-го эта молитва признается молитвой за Царя и Отечество.

Изображеніе Честнаго и Животворящаго Креста одно изъ распространеннѣйшихъ среди народныхъ картинъ; обыкновенно въ подписи печатается: Молитва Честному Кресту, съ прошеніемъ на «прогнаніе всякаго супостата» ³⁴⁾.

Въ народныхъ «листахъ» нерѣдки стихиры и переложенныя изъ нихъ (съ славянскаго языка) стихи:

Иже крестомъ ограждаемы,
Врагу противляемся...

Празднованіе въ г. Саратовѣ 300-лѣтія начала царствованія Дома Романовыхъ ознаменовано постановкой въ мѣстномъ соборѣ для всенароднаго поклоненія Креста «царскаго моленія» — Царя Михаила Ѳеодоровича, святыни, передъ которой молился самъ Родоначальникъ благополучно царствующей династїи. Этотъ «святой и животворящій крестъ съ мощами» былъ всемилостивѣйше пожалованъ въ потомственное владѣніе боярину Измайлову, какъ гласить сохранившаяся на это пожалованіе царская грамота 7130 г. (— 5508) = 1622 года, чтобы: «сіе царское жалованіе и благословеніе по немъ, дѣтямъ и внучатамъ и правнучатамъ и роду ихъ было неподвижно»..., дабы «дѣти его, внучатаи правнучата и кто по нихъ рода ихъ будетъ и взирая бы на побѣдоносное оружіе на сей святыни и животворящій крестъ Господень и на Нашу Царскую и неизреченную милость, и впредь также бы стояли противъ враговъ креста Христова и Нашего непріятеля твердо, и мужественно и непоколебимо, а за всѣ бы свои службы и за всякіе нужные терпѣнія надѣялись бы отъ Бога и Пречистыя Его Богоматери въ ономъ вѣкѣ вѣчнаго воздаянія, а отъ Насъ Великаго Государя Нашего Царскаго въ себѣ жалованья»... ³⁵⁾.

Крестъ былъ пожалованъ боярину Артемію Измайлову «за труды и раны» въ Смутное время и за участіе его съ другими послами въ переговорахъ съ поляками, въ результатъ которыхъ состоялось освобожденіе изъ плѣна отца Царя Михаила Ѳеодоровича — Филарета Никитича, патріарха всея Россіи.

По описанію мѣстныхъ газетъ, крестъ помѣщенъ въ кіотѣ, размеромъ одинъ аршинъ, врѣзанъ въ золоченую доску. Самый крестъ четырехконечный, серебряный, позолоченый, древней чеканки. Съ

³⁴⁾ Знаменіе Креста Господня празднуется 7-го мая, а Воздвиженіе Честнаго и Животворящаго Креста — 14-го сентября.

³⁵⁾ «Новое Время», № 13276.

четырехъ сторонъ креста размѣщены серебропозлащенные гнѣзда, съ вложенными въ нихъ частицами мощей четырнадцати угодниковъ. Риза креста кованая, серебропозлащенная, художественной работы.

Храмъ села Бородина—«безмолвный свидѣтель боя» (книга протоіер. С. В. *Страхова*. М. 1912) хранить даръ Государя Императора Александра II (Наслѣдникомъ Цесаревичемъ) св. Крестъ, который былъ «въ крестовыхъ походахъ» (XIII в.).

Того же 1-го августа совершается празднованіе Всемилостивому Спасу Христу Богу нашему и Пресвятой Богородицѣ Маріи.

По благочестивому обычаю русскихъ князей-воиновъ, Великій Князь Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, выступая въ 1161 году на войну съ волжскими (камскими) болгарами, имѣлъ при войскѣ св. Крестъ, иконы Спасителя и Божіей Матери, и передъ этими святынями въ канунъ битвы, обычно, приносились воинами молитвы Господу Силь.

Идя въ рѣшительный бой съ твердою вѣрою на помощь Бога, Князь увидѣлъ осіяніе войска своего свѣтомъ, исходящимъ отъ иконъ Спасителя и Божіей Матери. Болгары были разбиты. Вскорѣ стало извѣстнымъ, что и греческому воинству въ сраженіи ихъ съ сарацинами видимы были отъ таковыхъ же святыхъ иконъ тѣ же знаки Божіей помощи. И вотъ, властители обѣихъ православныхъ странъ установили молитвенное празднество «въ память потомству» 1-го числа августа мѣсяца—«Всемилостивому Спасу и Пресвятой Богородицѣ».

Народныя картины даютъ многія изображенія по этому празднеству. Историческія свѣдѣнія о существованіи иконы Всемилостиваго Спаса восходятъ ко времени Князя Андрея Боголюбскаго (1157—1174 гг.). Чудотворная икона Спаса находится въ Москвѣ, въ часовнѣ Давидовей пустыни (Серпуховская ул.), у Москворѣцкаго моста.

Въ широкомъ обращеніи «Изображеніе иконы Господа нашего Иисуса Христа», находящейся въ домѣ Петра I-го въ С.-Петербургѣ—«Нерукотвореннаго Спаса». Какъ извѣстно, икона сопровождала Царю въ походахъ противъ шведовъ и была съ нимъ въ битвѣ подъ Полтавой.

Въ молитвѣ св. иконѣ читается:

«Помилуй, Господи, и спаси рабовъ Твоихъ отъ гнѣва, труса, потопа, огня, меча и мора. Сохрани православныхъ отъ нахожденія иноплемениковъ...».

Образъ «Нерукотвореннаго Спаса» — на убрусь — издревле изображался на древнихъ русскихъ знаменахъ и былъ изображенъ на стягъ Великаго Князя Димитрія Іоанновича въ Куликовской битвѣ. Такое же знамя было у Царя Іоанна Грознаго при взятіи Казани и копія съ *этого знаменнаго образа* сохранилась и до настоящаго времени въ Казанской военно - кремлевской церкви.

Къ числу особыхъ памятей—воспоминаній церковнаго и государственнаго значеній относятся: 1) Воспоминаніе избавленія Церкви и Державы Россійской отъ нашествія галловъ (французовъ) и съ ними 20 языковъ въ 1812 году, для чего установленъ особый молебенъ 25-го декабря ³⁶⁾ и 2) Постъ и поминовеніе православныхъ воиновъ, за Вѣру, Царя и Отечество на брани убіенныхъ,—29-го августа (память Усѣкновенія главы Предтечи и Крестителя Господня Іоанна); это день «приличѣйшій, въ разсужденіи пострадавшаго за истину Предтечи Господня, для принесенія въ оный молитвы и о подобно положившихъ животъ свой за вѣру и отечество». Это поминовеніе *церковнаго* установленія. По Высочайшему же повелѣнію въ 22-й день августа 1903 года положено: «въ войсковыхъ частяхъ, управленіяхъ, учрежденіяхъ и заведеніяхъ, имѣющихъ своихъ священниковъ, совершать въ Дмитріевскую субботу (предъ 26-мъ октября) служеніе панихидъ по усопшимъ воинамъ, за Вѣру, Царя и Отечество на брани животъ свой положившимъ».

«Дмитріевская суббота»—память св. великомученика Димитрія Солунскаго, принявшаго вѣнецъ мученичества за вѣру Христову въ 306 году; память его благоговѣнно чтится у всѣхъ славянскихъ народовъ (у сербовъ — онъ предстатель храбрыхъ юнаковъ) и искони на Руси.

Поминовеніе въ эту «Дмитріевскую субботу» установлено Великимъ Княземъ Димитріемъ Іоанновичемъ Донскимъ, за побѣду на Куликовомъ полѣ—въ вѣчное поминовеніе всѣхъ павшихъ *въ этой битвѣ* воиновъ; въ настоящее время, по Все милостивѣйшей волѣ Государя Императора, упомянутое древнее установленіе

³⁶⁾ Въ массѣ старыхъ и новыхъ народныхъ картинъ по событіямъ Отечественной войны даны картины: «Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ—въ прославленіе Господа за спасеніе Россіи въ 1812 году».

распространено на всѣхъ воиновъ, «кто душу свою положить за други своя» ³⁷⁾).

Въ обращеніи къ св. Дмитрію Солунскому тропарь гласитъ: «Вся вселенная, великомученикъ, имѣетъ тебя въ несчастіяхъ заступникомъ, побѣждающимъ народы»...

Существуетъ *установленная св. Церковью* для воиновъ «Молитва передъ сраженіемъ», внесенная и въ «Краткій молитвенникъ для православныхъ воиновъ», издаваемый «по благословенію Святѣйшаго Правительствующаго Синода», при чемъ пояснено, что молитвы, помѣщенные «во второмъ отдѣленіи» молитвенника, гдѣ именно помѣщена и названная молитва,—всякій православный христіанинъ обязанъ (sic) приносить Богу и святымъ Его въ опредѣленное время дня и при различныхъ случаяхъ, къ каковымъ относится, разумѣется, и случай *моленія передъ сраженіемъ*.

Молитва эта слѣдующая:

«Спаситель мой! Ты положилъ за насъ душу Свою, чтобы спасти насъ; Ты заповѣдалъ и намъ полагать души свои за друзей нашихъ, за близкихъ намъ. Радостно иду я исполнять святую волю Твою и положить жизнь свою за Царя и Отечество. Вооружи меня крѣпостью и мужествомъ на одолѣніе враговъ нашихъ, и даруй мнѣ умереть съ твердою вѣрою и надеждою вѣчной и блаженной жизни въ Твоемъ Царствѣ.

Мати Божія! Сохрани меня подъ покровомъ Твоимъ. Аминь».

Такъ было установлено издавна. Но въ 1905 году появилась «Новая (sic) молитва передъ сраженіемъ», безъ указанія *къмъ она составлена* и одобрена ли она св. Церковью и почему старая молитва какъ бы, значить, отмѣняется; къ «новой» молитвѣ приобщенъ «объяснительный текстъ» священника П. Левашева; кѣмъ, наконецъ, эта молитва издана—тоже неизвѣстно ³⁸⁾.

Отмѣчаемъ этотъ фактъ; казалось бы, онъ заслуживаетъ разъясненія, ибо прежде всего возникаетъ вопросъ: сохраняетъ ли *обязательную* (по молитвеннику) силу старая молитва и не исключаетъ ли новая молитва возможности или, такъ сказать, умѣстности

³⁷⁾ «Памятка къ Дмитріевской субботѣ» (сост. и изд. П. Шевелев. Спб. Госуд. тип.), съ прекрасными рисунками, вышла уже 4-мъ изданіемъ (ц. 30 коп.); посвящена «Русскому народу и воинству».

³⁸⁾ Молитва издана въ видѣ настѣнной таблицы большого формата (Спб. 1905. Экономическая типо-литограф.). Цѣна 25 коп.

нынѣ чтенія воинами старой молитвы³⁹⁾. И разъясненіе тѣмъ болѣе необходимо, что бывшія публикаціи объ изданіи «новой» молитвы связываютъ «поступленіе таблицы (молитвы) въ продажу» словомъ «согласно»—съ Высочайше утвержденнымъ 29-го декабря 1901 г. Положеніемъ объ обученіи нижнихъ чиновъ.

Войскамъ извѣстно и другое изданіе: «Моленіе воина передъ сраженіемъ» (изданіе А. Е. Рябченко), съ текстомъ старой «Молитвы передъ сраженіемъ» (Спб. 1904. Ц. двѣ коп.).

Закончить настоящую статью намъ доводится въ великіе дни прославленія патріарха всея Россіи Ермогена († 17-го февраля 1612 г.) «яркаго свѣтильника Церкви Россійской и усерднаго молитвенника и печальника за народъ русскій», всю жизнь пламенѣвшаго ревностью о благополучіи и процвѣтаніи Родины. Пророческимъ голосомъ возвѣстилъ онъ русскому народу волю Божию къ избранію на царство Михаила Ѳеодоровича Романова; имъ было поднято и народное движеніе на освобожденіе Москвы изъ рукъ поляковъ. Издревле чтимый угодникъ Божій, св. Ермогенъ оказалъ множество чудесныхъ знаменій, совершавшихся у его гробницы.

Вся праведная жизнь, подвиги и благодатная по отшествіи въ горній міръ помощь прибѣгавшимъ къ его заступленію уже давно открыли народныя ревность и любовь къ Святителю⁴⁰⁾.

12-го мая настоящаго года патріархъ Ермогенъ сопричтенъ къ лику святыхъ. Въ виду состоявшагося его прославленія, Святѣйшій Синодъ утвердилъ для церковныхъ службъ нижеслѣдующіе молитву, тропарь и кондакъ новоявленному священномученику Ермогену.

Молитва.

Великій угодниче Христовъ, святителю отче нашъ Ермогене! Къ тебѣ, молитвеннику теплому и предстателю предъ Богомъ непостыдному, усердно притекаемъ въ нуждахъ и скорбѣхъ нашихъ, утѣшенія и помощи просяще. Въ древнюю годину искушеній, внемла обышедше, обыдоша страну нашу нечестивые врази, Господь яви тя Церкви своей столпа непоколебима и людемъ россійскимъ пастыря добра, душу свою за овцы положивша и лютыя волки далече отгнавша. Нынѣ убо призри и на ны,

³⁹⁾ Въ старой молитвѣ заключается обращеніе къ заступничеству Богоматери, что такъ свойственно русской душѣ. а въ новой этого обращенія нѣтъ вовсе; но объяснитель текста молитвы указываетъ, что «Русь святая съ упованіемъ взираетъ.. особенно на Св. Богородицу».

⁴⁰⁾ «Дѣяніе Святѣйшаго Синода», 14-го апрѣля 1913 года.

недостойная чада твоя, умиленною душею и сокрушеннымъ сердцемъ тебе призывающія. Кръпость бо наша въ насъ оскудѣ и вражія ловленія и сѣти обыдоша насъ. Помози намъ, заступниче нашъ. Утверди насъ въ вѣрѣ святѣй: научи насъ всегда творити заповѣди Божія и вся преданія церковная, отъ отецъ намъ заповѣданная. Укрѣпи благовѣрнаго Царя нашего, Богомъ даннаго, и научи насъ любити Его нелицемѣрно. Пастыремъ нашимъ буди архипастырь, воинамъ вождь духовный, болящимъ врачъ, печальнымъ утѣшитель, гонимымъ заступникъ, юнымъ наставникъ, всѣмъ же благосердый отецъ и за вся теплый молитвенникъ. Яко да молитвами твоими ограждаеми, непрестанно воспоемъ и прославимъ все-святное имя Живоначальныя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа во вѣки вѣковъ. Аминь.

Тропарь.

Россійскія земли первопрестольниче и неусыпныхъ о ней къ Богу молитвениче! За вѣру Христову и паству твою, душу свою положивъ, державу Царей нашихъ утвердилъ еси и страну нашу отъ нечестія избавилъ еси. Тѣмъ же вопіемъ ти, спасай насъ молитвами твоими, священномучениче Ермогене, отче нашъ.

Кондакъ.

Темницею и голодомъ изнуряемъ даже до смерти вѣренъ пребылъ еси, блаженне Ермогене, малодушіе отъ сердецъ людей твоихъ изгоняя и на общій подвигъ вся призывая. Тѣмъ же и нечестивыхъ мятежъ низложилъ еси и скипетры царства утвердилъ еси, да вси зовемъ ти: радуйся заступниче Россійскія земли.

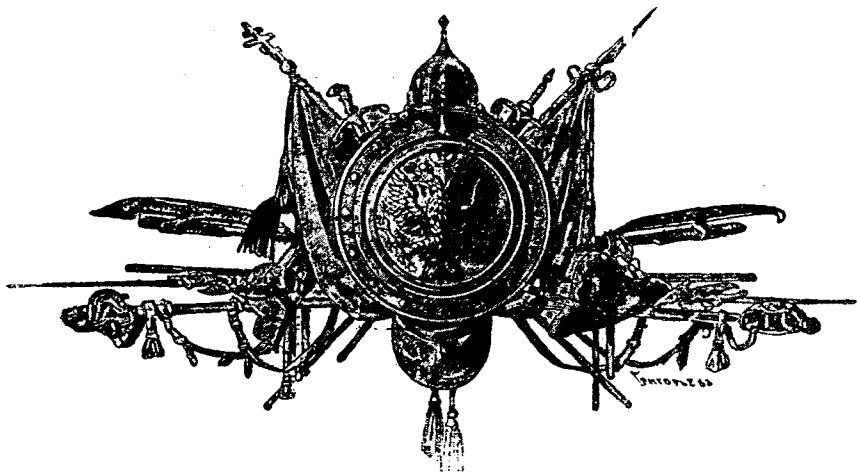
Незабвенны должны быть слова великаго Святителя къ грозившимъ ему врагамъ:

— «Да будутъ благословенны борцы за Русь Православную, а измѣнникамъ проклятіе!»

Велика, глубока, неисточна вѣра Русскаго народа и пламенная любовь его къ своимъ Государямъ и Отечеству. Вотъ строфы народнаго поэта (И. К. Кондратьева):

Слава Богу, храмамъ Божиимъ,
Слава всѣмъ святымъ мѣстамъ!
Слава нашимъ, православнымъ,
Позолоченнымъ крестамъ!
И еще—на годы долгіе,
Въ ночь и въ ясную зорю,—
Слава Бѣлому, Могучему,
Православному Царю!

Л. Б. Евдокимовъ.

Унтеръ-офицерство прусской арміи и прусскія унтеръ-офицерскія школы въ 1869 г.

1869 годъ, когда я былъ посланъ для знакомства съ французскою и прусскою арміями, непосредственно слѣдовалъ за введеніемъ у насъ короткихъ сроковъ службы.

Въ тѣ времена субалтернъ-офицеры, исполняя фронтковыя обязанности, совсѣмъ не занимались ни образованіемъ, ни воспитаніемъ, ни вообще внутренней жизнью солдата. Это лежало всецѣло на ротныхъ командирахъ, на командирахъ эскадроновъ и унтеръ-офицерствѣ. И если бы какой-нибудь молодой офицеръ вздумалъ сунуть свой носъ во внутреннюю жизнь своей роты или эскадрона, то такой поступокъ былъ бы сочтенъ неприличнымъ вторженіемъ въ чужую сферу дѣятельности, вторженіемъ, обиднымъ для ротнаго или эскадроннаго командира.

Даже дежурному по полку было неловко распоряжаться и находить безпорядки во внутренней жизни солдатскаго житья-бытья, если эти безпорядки не были кричащими, не били въ глаза, не подрывали дисциплины. Приходилось даже дежурному по полку ограничивать свою дѣятельность только поверхностнымъ наблюденіемъ за порядкомъ, обходомъ частей, да пробой солдатской пищи.

Не было, однимъ словомъ, ничего похожаго на ту интенсивную работу, которую выполняетъ въ данное время субалтернъ-офицерство. Все лежало, напротивъ того, на ротныхъ и эскадронныхъ командирахъ и еще болѣе на фельдфебеляхъ, да на унтеръ-офицерахъ.

Понятно, поэтому, отчего вопросъ о правильной постановкѣ унтеръ-офицерства являлся въ моихъ глазахъ вопросомъ перво-степенной важности и отчего я поставилъ себѣ одной изъ задачъ познакомиться съ разрѣшеніемъ его какъ у пруссаковъ, такъ и у французовъ.

Послѣдніе, однако, не дали ровно ничего поучительнаго и даже скорѣе представили много отрицательныхъ сторонъ отношеній солдата къ унтеръ-офицерству и послѣдняго къ офицерамъ.

Совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ явили себя пруссаки.

Вообще изъ поѣздки своей я вынесъ глубокое убѣжденіе, что французская армія при встрѣчѣ съ пруссаками обречена на катастрофу.

Убѣжденіе это, прямо и рѣзко, въ двухъ публичныхъ докладахъ выраженное, навлекло на меня много нареканій въ пруссофильствѣ. Такъ высоко стоялъ тогда престижъ французской арміи, о которой до меня всѣ наши военные агенты давали свѣдѣнія только восторженныя.

Результатомъ знакомства съ постановкой вопроса объ унтеръ-офицерахъ, какъ непосредственныхъ инструкторахъ и учителяхъ солдата въ Пруссіи, явились написанныя тогда же, въ 1869 г., предлагаемыя при этомъ замѣтки о прусскомъ унтеръ-офицерствѣ и прусскихъ унтеръ-офицерскихъ школахъ.

Не знаю, въ какомъ положеніи этотъ вопросъ находится нынѣ въ германской арміи, но постановка его и до Франко-прусской войны была такъ основательна, что, полагаю, эта работа Мольтке и Роона до сихъ поръ не потеряла большихъ измѣненій.

Считаю не лишнимъ, для характеристики прусской дисциплины того времени и отношеній пруссаковъ къ русскимъ, сказать, какимъ образомъ получена была мною табель Потсдамской унтеръ-офицерской школы.

Когда, пріѣхавъ въ школу, разумѣется въ мундирѣ, я отрекомендовался начальнику ея, почтенному капитану 45-лѣтняго возраста, съ сильною просьбою, то онъ, въ виду того, что видѣлъ передъ собою русскаго подполковника, несмотря на его молодость,

счелъ своимъ долгомъ относиться къ нему, какъ къ своему начальнику.

Когда мы стали обходить казармы и въ каждой комнатѣ дежурный юнкеръ, надѣвъ каску, обращался къ нему съ рапортомъ, то онъ дѣлалъ шагъ въ сторону и указывалъ юнкеру на меня, какъ на лицо, которому слѣдуетъ рапортовать.

И я долженъ былъ, приложивъ руку къ козырьку, принимать рапорты молодыхъ людей.

Осмотрѣвъ школу, я пожелалъ познакомиться съ бюджетомъ ея и мы пошли въ канцелярію, гдѣ мнѣ предъявлены были всѣ документы, а когда я попросилъ карандашъ, листъ бумаги и началъ дѣлать для себя нѣкоторыя выписки, то капитанъ просилъ меня не безнокоиться и только указать на интересующіе меня документы, копии которыхъ мнѣ будутъ доставлены на слѣдующій же день.

И дѣйствительно, на слѣдующій день я получилъ довольно объемистый конвертъ и притомъ, къ крайнему моему изумленію, при форменномъ рапортѣ капитана такого-то подполковнику Витмеру. Рапортъ этотъ хранится у меня до сихъ поръ.

Унтеръ-офицерство прусской арміи и прусскія унтеръ-офицерскія школы.

Дѣйствующая армія въ Пруссіи, какъ всѣмъ, конечно, извѣстно, играетъ роль школы, черезъ которую проходитъ все народонаселеніе государства. Курсъ этой школы продолжается всего три года, послѣ чего солдатъ поступаетъ на 4 года въ резервъ и затѣмъ, въ продолженіе 5 лѣтъ, числится въ ландверѣ. Ясно, что для того, чтобы школа дала, въ такой непродолжительный срокъ, прочные результаты, ей нужны дѣятельные наставники; отсюда постоянная и весьма основательная забота прусскаго правительства: дать арміи свѣдущихъ и дѣльныхъ унтеръ-офицеровъ. Но если бы эти ближайшіе наставники солдата, эти инструкторы, выбывали по истеченіи обязательныхъ трехъ лѣтъ дѣйствительной службы, то, натурально, армія никогда бы ихъ не имѣла; отсюда заботы правительства заинтересовать этихъ людей къ продолженію срока службы. Эта послѣдняя цѣль достигается: 1) почетнымъ положеніемъ унтеръ-офицера въ арміи, 2) широкимъ обезпеченіемъ его потребностей во время службы и 3) карьерой впереди по выслугѣ опредѣленнаго количества лѣтъ.

1) Положеніе прусскаго унтеръ-офицера въ арміи дѣйствительно весьма почетно; онъ стоитъ совершенно внѣ произвола своихъ непосредственныхъ начальниковъ; начальники смотрятъ на него, какъ на ближайшаго помощника, рядовые—какъ на начальника, при встрѣчѣ съ которымъ они должны отдавать честь. И, надо сознаться, прусскіе унтеръ-офицеры стоятъ нисколько не ниже своего іерархическаго положенія; насколько же внимательны въ этомъ отношеніи начальники, примѣромъ можетъ служить слѣдующій отзывъ одного изъ эскадронныхъ командировъ, вызвавшагося показать мнѣ вновь строящіяся казармы въ Потсдамѣ. Офицеръ этотъ, какъ видно, вполне хозяинъ своей части, находилъ, между прочимъ, что новыя казармы не вполне удобны, потому что комнаты слишкомъ велики—каждая на 10 или 11 человѣкъ—и что прежнія казармы, въ которыхъ комнаты были человѣка па 4, на 5, на 6, были болѣе удобны и въ гигиеническомъ отношеніи и относительно дисциплины. На замѣчаніе же, что, по моему мнѣнію, несравненно легче имѣть надзоръ за людьми, когда они менѣе раздроблены, онъ возразилъ:

«Прежде мы размѣщали унтеръ-офицеровъ каждаго взвода отдѣльно, теперь, при большихъ комнатахъ этого сдѣлать нельзя. точно также, какъ невозможно соединить унтеръ-офицеровъ цѣлаго эскадрона: они были бы слишкомъ удалены отъ своихъ людей; такъ что поневолѣ придется размѣстить ихъ вмѣстѣ съ рядовыми.

— Но, чѣмъ же это дурно: надзоръ будетъ еще лучшій.

«Да, пожалуй, но между рядовыми много людей съ большими средствами, сыновей богатыхъ фермеровъ; находясь вмѣстѣ съ ними, унтеръ-офицеры могутъ быть поставлены иногда въ непріятное положеніе, какъ люди со средствами болѣе ограниченными, притомъ сосѣдство богатаго рядового можетъ даже подчасъ повредить и дисциплинѣ».

Отзывъ этотъ вполне характеризуетъ взглядъ прусскихъ начальниковъ на значеніе въ арміи унтеръ-офицеровъ, такъ же какъ и внимательность пруссаковъ къ вопросамъ, повидимому, мелочнымъ, но въ которыхъ часто заключается самая суть дѣла.

2) Потребности унтеръ-офицера обезпечены несравненно шире, нежели рядового: рядовой получаетъ отъ 2½ до 3 талеровъ въ мѣсяцъ, унтеръ-офицеръ, смотря по разрядамъ,—отъ 4½ до 12, фельдфебель же до 18 и даже до 20 талеровъ, тогда какъ гвардей-

скій поручикъ получаетъ только 25 талеровъ ¹⁾; фельдфебелю дается притомъ прекрасная квартира; по крайней мѣрѣ, мнѣ самому удалось видѣть въ Потсдамѣ квартиру женатаго фельдфебеля, состоявшую изъ четырехъ комнатъ.

Но главнѣйшимъ средствомъ для привлеченія къ продолженію службы способныхъ и опытныхъ людей служить—3) перспектива карьеры впереди, по выслугѣ извѣстнаго, довольно продолжительнаго срока. Карьера эта, однако, отнюдь не офицерское званіе. Нѣтъ, въ этомъ отношеніи пруссаки очень строги, и унтеръ-офицеръ можетъ получить офицерскій чинъ только за военные подвиги. Но офицерское званіе поставлено въ арміи такъ высоко и считается чѣмъ-то столь недосыгаемымъ для обыкновеннаго смертнаго, что, когда, послѣ кампаніи 66-го года, хотѣли произвести нѣкоторыхъ храбрецовъ въ офицеры, они отказались, чтобы не зализать, какъ говорится, воронѣ не въ свои хоромы. Итакъ, не только маршальскій жезлъ, но даже первая офицерская звѣздочка недосыгаема для прусскаго унтеръ-офицера. Какая же карьера впереди?

Каждый унтеръ-офицеръ, послѣ 12 лѣтъ службы, *получаетъ право на занятіе одной изъ общественныхъ должностей*: по счетной части при желѣзныхъ дорогахъ, въ почтовомъ вѣдомствѣ и т. п. И эта перспектива считается дѣйствительно *карьерой* ²⁾, для 32-лѣтняго бѣдняка (пруссаки поступаютъ на службу 20 лѣтъ, добиваются же унтеръ-офицерства и остаются въ арміи на 12-лѣтній срокъ все люди не богатые), такъ какъ содержаніе въ этихъ должностяхъ вполне обеспеченное, жизнь въ Пруссіи—дешева, а потребности ограничены.

Но чѣмъ можетъ быть гарантированъ человѣкъ, что, за годъ, за два до достиженія цѣли, ему не откажутъ въ выслугѣ опредѣленныхъ 12 лѣтъ, и чѣмъ можетъ быть гарантированъ начальникъ, что человѣкъ, оставленный на продолжительный срокъ, строго будетъ выполнять всѣ свои обязанности?

Пруссаки не относятся слегка къ подобнымъ вопросамъ, не обходятъ ихъ, не оставляютъ мѣста произволу, но рѣшаютъ весьма вни-

¹⁾ Всѣ эти свѣдѣнія и цифры почерпнуты мною изъ устныхъ бесѣдъ съ прусскими офицерами. Весьма можетъ стать, что они вѣрны только приблизительно; по крайней мѣрѣ, въ прилагаемой табели Потсдамской школы содержаніе фельдфебеля показано въ 15 талеровъ, съ прибавкою 2 талеровъ добавочнаго содержанія.

²⁾ Подлинное выраженіе одного изъ прусскихъ офицеровъ.

мательно, равно ограждая какъ частный интересъ, такъ и интересъ служебный. Каждый ротный командиръ имѣетъ право оставить на службѣ только того солдата (изъ выслужившихъ 3-лѣтній срокъ), который *имѣетъ данныя на производство въ унтеръ-офицеры* ³⁾.

Между остающимся на службѣ и ротнымъ командиромъ, по обоюдному согласію, заключается контрактъ, возобновляемый по *обоюдному же согласію* каждый годъ; но, если человѣкъ прослужилъ уже 9 лѣтъ, если онъ доказалъ, такимъ образомъ, свои способности, усердіе и близокъ къ достиженію цѣли, то на слѣдующіе годы достаточно только его согласія, ротный же командиръ отказать ему въ продолженіе службы *не имѣетъ права*, и онъ можетъ быть уволенъ только по суду—мѣра высоко справедливая и осмотрительная.

Перечисливъ мѣры, которыми прусское правительство привлекаетъ и удерживаетъ въ арміи способныхъ людей, на продолжительные сроки, обратимся къ тѣмъ даннымъ, которыя оно отъ нихъ требуетъ и, затѣмъ, къ мѣрамъ, какими старается оно сдѣлать возможнымъ, или облегчить достиженіе требуемыхъ данныхъ.

Отъ cadaго унтеръ-офицера требуется, чтобы, помимо данныхъ нравственныхъ, умственныхъ и физическихъ, онъ былъ вполне знакомъ съ обязанностями, уставами и законоположеніями, сколько-нибудь касающимися круга его дѣятельности; затѣмъ, требуется умѣнье читать, писать и 4 правила ариметики. Требованія общаго образованія, какъ видите, вовсе не широкія, особенно если взять въ расчетъ общій уровень образованія въ сѣверной Германіи; но пруссаки не задаются слишкомъ широкими цѣлями, требуютъ только необходимаго, зато въ этомъ послѣднемъ бываютъ настойчивы.

Какъ ни незначительны эти требованія, народонаселеніе восточныхъ провинцій, дающихъ главнѣйшій матеріалъ для прусскаго унтеръ-офицерства ⁴⁾, не вполне подготовлено для удовлетворенія имъ. Чтобъ помочь этому—устроены полковыя школы.

³⁾ Иначе для какой potreбы оставлять въ арміи-школѣ человѣка уже обученнаго, который не можетъ притомъ обучить другихъ? Этимъ же достигается и другая цѣль: бѣднякъ, для котораго унтеръ-офицерское званіе можетъ составить карьеру, будетъ лѣзть изъ кожи вонъ, чтобы удовлетворить требуемымъ условіямъ.

⁴⁾ Изъ западныхъ провинцій, особенно рейнской, добывающихся унтеръ-офицерскаго званія весьма немного, такъ какъ тамъ сильно развита фабричная и заводская дѣятельность, дающая прибыльный заработокъ.

Занятія полковыхъ школъ начинаются съ окончаніемъ лѣтнихъ занятій, поэтому близко познакомиться съ ними я не могъ, но, судя по разсказамъ, онѣ сильно напоминаютъ наши полковыя унтеръ-офицерскія школы гвардейскихъ войскъ, только дѣло ведется здѣсь съ бѣльшимъ постоянствомъ и внимательностью, столь свойственнымъ пруссакамъ. При этомъ, однако, успѣхи образованія въ разныхъ частяхъ бываютъ далеко не одинаковы, а много зависятъ отъ личнаго взгляда полковыхъ командировъ на значеніе образованія въ арміи.

Предметы преподаванія опредѣляются вышеприведенными требованіями унтеръ-офицерскаго экзамена, съ добавленіемъ дробей, именованныхъ чиселъ, тройного правила, географіи и исторіи собственнаго отечества. Эти послѣдніе предметы, не составляя существенной необходимости для служебной дѣятельности унтеръ-офицера, преподаются ему съ тѣмъ, чтобы облегчить его положеніе впослѣдствіи, при занятіи одной изъ общественныхъ должностей, а также, чтобы поддерживать въ арміи память о славномъ прошедшемъ. Способъ преподаванія — преимущественно практическій. Такъ, изъ ариометики, даютъ на экзаменахъ вопросъ въ такомъ, напримѣръ, родѣ:

На одного человѣка требуется 2 арш. $4\frac{3}{4}$ верш., — сколько потребуется на роту?

Изъ географіи: «вамъ поручено вести партію изъ Потсдама въ Кобленцъ, какую дорогу вы выберете, какіе встрѣтите по пути города и рѣки?»

Изъ исторіи знакомятъ преимущественно съ подвигами прусскихъ войскъ, что, конечно, должно прекрасно дѣйствовать на духъ арміи, сохраняя въ ней славныя ея преданія ⁵⁾. Что этимъ послѣднимъ средствомъ пруссаки вовсе не пренебрегаютъ, въ этомъ можно убѣдиться, даже при бѣгломъ осмотрѣ прусскихъ казармъ, гдѣ вы встрѣтите картины иногда въ квадратную сажень величиною, писанныя масляными красками и изображающія различныя битвы и подвиги пруссаковъ. Мнѣ пояснили при этомъ, что лучшія картины — подарки членовъ королевской фамиліи.

Прусское правительство понимаетъ, однако, что образованіе унтеръ-офицеровъ въ полкахъ, при краткихъ срокахъ службы и при множествѣ строевыхъ занятій, дѣло не легкое даже для прус-

⁵⁾ Инструкція Потсдамской унтеръ-офицерской школы объ исторіи говоритъ, что она преподается «для возбужденія патріотизма и воинскихъ добродѣтелей».

ской добросовѣстности и настойчивости. Чтобы облегчить эту задачу и, вѣроятно, также, чтобы дать болѣе единства образованію унтеръ-офицеровъ и придать этимъ чинамъ въ арміи болѣе вѣса и солидарности, оно учредило унтеръ-офицерскія школы: одну—въ Потсдамѣ, другую—въ Шлихѣ, третью—въ Биберихѣ, и въ сентябрѣ настоящаго года (1869 г.) откроетъ четвертую школу—въ Вейсенфельсѣ⁶). Всѣ эти школы предназначаются для пѣхоты, кавалерія же унтеръ-офицерскихъ школъ пока еще не имѣетъ.

Мнѣ удалось осмотрѣть только одну изъ этихъ школъ—Потсдамскую, и, опять-таки, время для знакомства съ нею было самое неблагоприятное, потому что на лѣто классныя занятія вовсе прекращаются.

Потсдамская школа помѣщается въ концѣ города, въ прекрасномъ 4-этажномъ зданіи, съ обширными подвалами, дворомъ, садомъ и манежемъ.

Начальникъ школы—капитанъ.

Личный составъ и бюджетъ школы видны изъ прилагаемой таблицы (стр. 139—141).

Курсъ въ школѣ продолжается три гола; слѣдовательно, она ежегодно выпускаетъ нѣсколько менѣе трети списочнаго состава, т. е. нѣсколько менѣе 165 человѣкъ, считая убыль въ теченіе трехъ лѣтъ, а принимаетъ нѣсколько болѣе трети списочнаго состава (по той же причинѣ, т. е. по причинѣ убыли людей во время пребыванія въ школѣ). Поступать въ школу имѣютъ право всѣ молодые люди отъ 17 до 20 лѣтняго возраста, достаточно крѣпкаго тѣлосложенія, послѣ предварительнаго испытанія, заключающагося въ умѣньш читать, писать и въ знаніи первыхъ четырехъ правилъ ариеметики.

Такъ какъ желающихъ поступить въ школу бываетъ обыкновенно болѣе открывающихся вакансій, то пріемъ производится по конкурсу, на основаніи результатовъ экзамена и наружнаго осмотра, причемъ послѣдній заносится въ особую графу, которая, какъ выраженіе физическихъ силъ молодого человѣка, играетъ въ этомъ конкурсѣ видную роль. И основательно, потому что для военнаго человѣка прежде всего нужно здоровье, безъ котораго, будь онъ хоть геній, для военнаго дѣла онъ все-таки не годится.

Выдержавшіе экзаменъ, но не поступившіе въ школу по неимѣнію вакансій, сохраняютъ право поступленія на слѣдующій годъ.

⁶) Школа эта уже открыта. (Позднѣйшее примѣчаніе).

ТАБЕЛЬ

Потсдамской унтеръ-офицерской школы.

1-го октября 1867 года.

Число людей.	ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ.	Годовой окладъ.		Вычетъ въ пенсiон. капиталъ.	Ежемесячный расходъ.		
		Каж-дому.	Всѣмъ.		расходъ.		
		Т а л е р ы.			Зильб. грош.	Пфе-ниги.	
I. Жалованье.							
1	Командиръ	1.800	1.800	35	147	2	6
18	Офицеровъ, въ томъ числѣ 4 ротныхъ командира и 1 адъютантъ	300	5.400	54	445	15	—
Итого . . .		—	7.200	89	592	17	6
1	Штабъ-лекаръ			Ежемесяч. окладъ.			
1	Помощн. его						
1	Казначей						
		Ежемесяч. окладъ.					
		Тал.	Зильб. грош.				
4 фельдфебеля		15	—	—	60	—	—
42	20 сержантовъ съ содержи- мемъ 1-го класса	10	15	—	210	—	—
	18 то же 2-го класса	8	15	—	153	—	—
1	Баталiонный барабанщикъ	6	15	—	6	15	—
16	Музыкантовъ (8 горнистовъ и 8 барабанщиковъ)	3	—	—	48	—	—
496	60 обучающихся ефрейто- ровъ	3	15	—	210	—	—
	436 обучающихся рядовыхъ	3	—	—	1.308	—	—
16	Рабочихъ	3	—	—	48	—	—
	1 оружейникъ	—	—	—	19	5	—
571							
Прикомандированныхъ:							
4	Унтеръ-офицера — помош- ника для обученiя гимна- стики въ продолженiе iюля, августа и сентября	5	—	—	20	—	—
4	Унтеръ-офицера съ содер- жанiемъ 3-го класса	5	—	—	20	—	—

Число людей.	ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ.	Ежемесячн. окладъ.		Вычетъ въ пенсiон ка-пталъ.	Ежемесячный расходъ.		
		Каж-дому.	Всѣмъ.		Талеры.	Зильб. грош.	Пфен-ниги.
20	деньщиковъ для офице-ровъ и казначей. Прикоман-дированные унтеръ-офицеры и рядовые числятся по спи-скамъ при войскахъ.						
599	II. Добавочное содержаніе.						
	Адъютанту	6	—	—	6	—	—
	4 ротныхъ командира . . .	20	—	—	80	—	—
	14 субалтернъ-офицеровъ, въ томъ числѣ и адъютантъ.	8	—	—	112	—	—
	Офицеру производящему слѣдствія	3	—	—	3	—	—
	4 учителя фехтованія . . .	1	—	—	4	—	—
	4 фурыера	1	—	—	4	—	—
	47 унтеръ-офицеровъ, въ томъ числѣ баталіонный ба-рабанщикъ и прикомандиро-ванные унтеръ-офицеры . .	2	—	—	94	—	—
	4 унтеръ-офицера для обу-ченія гимнастики въ продол-женіи іюля, августа и сен-тября	4	—	—	16	—	—
	III. Валовая денежная смѣта.						
599	1. Общіе расходы	—	—	—	80	15	—
599	2. На поправку оружія . . .	—	—	—	22	15	—
	3. Столовые субалтернъ-офицерамъ, исключая рот-ныхъ командировъ	—	—	—	25	—	—
	4. Мелкіе расходы:						
	на штабъ	—	—	—	8	—	—
	на 4 роты	3	—	—	12	—	—
	6. Экстраординарные рас-ходы, въ томъ числѣ: при-бавка обучающимся, испол-няющимъ обязан. унтеръ-офи-церовъ, деньги на покупку книгъ и учебныхъ пособій, вознагражден. учительскимъ помощникамъ и ежемѣсячная уплата 100 талеровъ добавоч-наго годового содержанія статскому учителю Нюрен-бергу	—	—	—	155	—	—
	Итого . . .	—	—	—	3.380	7	6

Число людей.	ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ.	Ежемѣсячн. окладъ.		Вычетъ въ пенсіон. капиталъ.	Ежемѣсячный расходъ.		
		Каж-дому.	Всѣмъ.				
		Тал.	Зильб. грош.	Талеры.	Зильб. грош.	Пфениги.	
	Отсюда вычесть:						
	Жалованье 8 прикомандированныхъ унтеръ-офицеровъ по 5 тал.—40 тал. и 20 прикомандированныхъ рядовыхъ, по 3 тал.—60 тал.	—	—	—	100	—	—
	Остается . .	—	—	—	3.280	7	6
	Къ этому прибавить:						
	Ежегодное содержаніе въ 400 талеровъ, служащаго при Потсдамской унтеръ-офицерской школѣ статскаго учителя Нюренберга за вычетомъ 4 талеровъ въ пенсіонный капиталъ	—	—	—	33	—	—
	Итого . . .	—	—	—	3.313	7	6
	Что составляетъ въ годъ .	—	—	—	39.759	—	—
	Прибавить пенсіонный вычетъ	—	—	—	93	—	—
	Итого . . .	—	—	—	39.852	—	—
	Отсюда вычесть добавочное содержаніе за 9 мѣсяцевъ 4 унтеръ-офицерамъ помощникамъ для обученія гимнастики, по 16 талеровъ ежемесячно ?)	—	—	—	144	—	—
	Остается . .	—	—	—	39.708	—	—

?) Эти унтеръ-офицеры, какъ видно изъ этой же таблицы, приглашаются только на 3 мѣсяца.

Трехгодичный курсъ школы дѣлится на три класса. На каждый, слѣдовательно, приходится около 165 человѣкъ, но такъ какъ такое число учениковъ было бы неудобно въ одной аудиторіи, каждый классъ дѣлится въ свою очередь на четыре отдѣленія, по числу ротъ.

Занятія школы и предметы въ ней преподаваемые слѣдующіе:
Чтеніе съ дешифрированіемъ рукописей.

Каллиграфія.

Нѣмецкій языкъ съ орфографіей и правильной разстановкой знаковъ препинанія.

Составленіе рапортовъ и разнаго рода военныхъ бумагъ.

Сочиненія на заданныя темы и сжатая изложенія рассказаннаго.

Ариѳметика съ дробями, именованными числами и тройнымъ правиломъ, причемъ обращается особенное вниманіе на рѣшеніе задачъ въ умѣ.

Исторія Германіи со временъ христіанства и исторія Бранденбурга и Пруссіи въ эпизодическомъ изложеніи тѣхъ преимущественно событій, гдѣ выказывалась воинская доблесть и патріотизмъ прусскаго народа, причемъ *предлагается обучающимъ выставять въ возможно выгодномъ свѣтъ біографію королевскаго дома* ⁸⁾.

Необходимыя свѣдѣнія изъ *физической и всеобщей географіи*; преимущественно же географія Германіи, которую предлагается излагать въ связи съ исторіею. При этомъ изученіи обращаютъ особенное вниманіе на мѣстности, служившія полями для битвъ.

Топографія, преимущественно въ практическомъ ея примѣненіи: чтеніе плана, изученіе мѣстности, составленіе по ней плана письменное описаніе ея и изустное изложеніе видѣннаго ⁹⁾, выборъ мѣста для аванпостовъ и разстановка ихъ, какъ на планѣ, такъ и на мѣстности, выборъ путей для разѣздовъ и маршей въ сферѣ унтеръ-офицерскаго круга дѣятельности и т. п.

Изученіе уставовъ и военныхъ постановленій.

Законъ Божій.

Пѣніе, которому учатъ также въ полкахъ, потому что оно составляетъ «любимое развлеченіе нѣмцевъ» ¹⁰⁾.

Фронтное образованіе.

Гимнастика.

⁸⁾ Такъ гласитъ имѣющаяся у меня инструкція преподавателямъ.

⁹⁾ Весьма полезное упражненіе.

¹⁰⁾ Выраженіе инструкціи.

*Стрѣльба.**Различныя ремесла.*

Преподавателями школы служатъ находящіеся въ ней офицеры и унтеръ-офицеры, получающіе за труды свои нѣкоторую добавку къ содержанію, что видно изъ вышеприведенной табели.

По окончаніи курса въ школѣ, только два-три человѣка, особенно себя заявившіе, выпускаются въ войска прямо унтеръ-офицерами; всѣ же остальные—рядовыми и производятся въ унтеръ-офицеры уже въ войскахъ,—прекрасное постановленіе: войскамъ унтеръ-офицеровъ не навязываютъ, имъ только помогаютъ, даютъ матеріалъ для замѣщенія унтеръ-офицерскихъ вакансій, которымъ начальники частей *могутъ*, но *не обязаны* воспользоваться. Это же самое постановленіе хорошо еще въ томъ отношеніи, что юноша, даже вполне достойный, прежде чѣмъ сдѣлается начальникомъ въ какой-нибудь части, познакомится, сольется съ нею, пойметъ ея духъ и требованія своего будущаго назначенія и тогда только его получить.

И за то войска вполне довольны своими унтеръ-офицерскими школами и постоянно просятъ только о томъ, чтобы имъ присылали возможно болѣе матеріала, ими вырабатываемаго.

Принципъ этотъ—никакой части и никакому обществу ничего не навязывать со стороны—проведенъ у пруссаковъ во всемъ; такъ, ученикъ военной школы, кончившій въ ней курсъ и имѣющій такимъ образомъ право на производство въ офицеры, получаетъ офицерскій чинъ только въ такомъ случаѣ, *если офицерское общество удостоитъ его принять въ число своихъ членовъ*.

Каждый ученикъ унтеръ-офицерской школы, за полученное имъ образованіе, обязанъ прослужить во фронтѣ не менѣе 6 лѣтъ (по два года за каждый годъ школы).

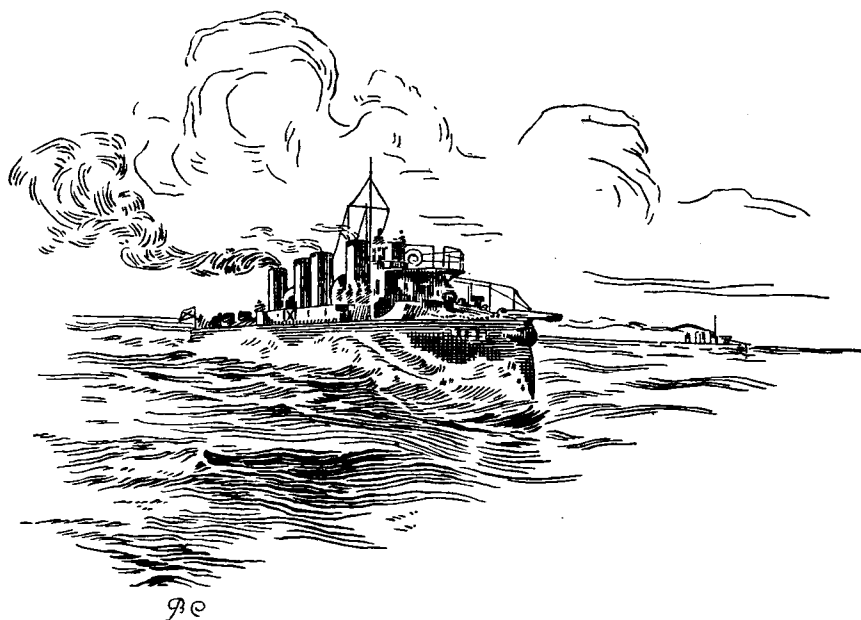
Добавимъ, наконецъ, что, и по выпускѣ учениковъ своихъ, школа не прерываетъ сношеній съ ними, и всѣ части войскъ обязаны, въ продолженіе трехъ лѣтъ, присылать въ школу о каждомъ изъ нихъ аттестаціи—въ какой мѣрѣ тотъ или другой воспитанникъ оказался полезнымъ на службѣ и оправдалъ школьную аттестацію. Это дѣлается, конечно, какъ для руководства самой школы, чтобы она знала на какіе предметы и на какіе характеры должна впредь обращать свое вниманіе, такъ и для того, чтобы побудить ее къ возможной внимательности относительно подготовки и выпуска молодыхъ людей, потому что получить официальное извѣщеніе, что подго-

товленный и рекомендованный школою воспитанникъ для службы не годится,—конечно, не особенно пріятно.

Мы ограничиваемся этимъ краткимъ очеркомъ, потому что прусскія унтеръ-офицерскія школы, представляющія собою нѣчто въ родѣ кадетскихъ корпусовъ и вполнѣ пригодныя для Пруссіи, не могутъ, какъ намъ кажется, служить образцомъ для нашего отечества, точно такъ же, какъ вполнѣ достойны подражанія тѣ разумныя основанія, на которыхъ зиждется унтеръ-офицерство прусской арміи и которыя съ замѣчательною послѣдовательностью проведены во всѣхъ мелочахъ прусскаго военного устройства.

А. Витмеръ.

ПИСЬМА ИЗЪ СИБИРИ.

I.

Находясь въ предѣлахъ Сибирскаго военнаго округа, я, благодаря счастливымъ обстоятельствамъ, выпавшимъ на мою долю, имѣлъ возможность въ достаточной степени познакомиться съ обширной территоріей, входящей въ составъ этого округа. И дѣйствительно: дистанція отъ Тобольска до Чугучака, измѣряемая не одною тысячею верстъ, смѣло можетъ быть причислена къ дистанціямъ «огромнаго размѣра» если къ этому прибавить значительныя уклоненія въ сторону отъ означенной линіи, Обь, Барнаулъ, Зайсанъ, то и выйдетъ, что въ общемъ вся площадь, на которой пришлось поѣздить, быть можетъ превзойдетъ собою площадь Франціи, Германіи и вообще любой европейской державы.

Конечно, во время этихъ поѣздокъ пришлось встрѣтиться съ интересными людьми, пришлось выслушивать ихъ интересные рассказы, пришлось видѣть мѣста, дивныя по красотѣ и достойныя

изученія геологовъ и археологовъ; вообще много, много интереснаго во всѣхъ отношеніяхъ пришлось видѣть и слышать, какъ и всегда это, между прочимъ, бываетъ со всякимъ человѣкомъ, коль скоро онъ входитъ въ близкое общеніе съ людьми и съ природою; послѣдняя вѣдь книга съ вѣчно раскрытыми страницами, на которыя вотъ уже въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій устремлены глаза человѣка. И не могутъ эти глаза до сихъ норъ разобрать и понять ни одной изъ великихъ тайнъ, записанныхъ на страницахъ этой книги невѣдомыми пока для человѣка буквами.

Отчего же не подѣлиться своими впечатлѣніями съ читателемъ, тѣмъ болѣе, если принять во вниманіе, что вообще какъ-то объ этихъ мѣстахъ маловато пишутъ и говорятъ.

Но съ чего же начать? Вотъ, напримѣръ, уголокъ между М. Какпекты, Зайсаномъ и Чугучакомъ; здѣсь распростерлись огромныя долины: Зайсанская, Эмельская, Чиликтинская, протянулись могучіе хребты: Сауръ, Манракъ и Тарбагатай; здѣсь высится чудная по своимъ очертаніямъ гора Караджалъ, которая, какъ громадный шатеръ, съ незапамятныхъ временъ красуется среди полного безмолвія окружающей ее мѣстности; здѣсь плещется о пологій берегъ волна Зайсанскаго озера; то тихо и нѣжно шепчетъ она въ теченіе тысячелѣтій таинственную сказку о пережитыхъ ею временахъ глубокой древности, то глухо реветъ она и стонетъ, разбиваясь сѣдою пѣною о берегъ, какъ бы плача въ безысходной тоскѣ, то чуть замѣтно колышется, качая на своей гладкой поверхности бѣдные рыбацкіе челны и отражая въ себѣ и чистое лазурное небо, и туманные силуэты далекаго Алтая, и бѣлый парусъ рыбацкаго челнока. Хорошо здѣсь! Воздухъ чистъ, просторъ безконеченъ. А люди? Это дѣти—наивныя, въ большинствѣ случаевъ, добрыя и симпатичныя; еще почти не тронутыя тлетворнымъ вліяніемъ цивилизаціи, они пасутъ свои стада среди безконечнаго простора и знаютъ того Бога, которому такъ хочется молиться среди этой мирной тишины.

Если вы поѣдете изъ Устькаменогорска въ Зайсанъ, и будете ѣхать лѣтомъ, то вамъ придется проѣхать верстъ 150 среди чудной горной мѣстности. Горы здѣсь безлѣсны; онѣ то скалисты, то пологи, среди нихъ находится много долинъ, безлюдныхъ и молчаливыхъ. Не знаю, будутъ ли эти горы и эти тихія долины красивѣе, когда на нихъ поселится человѣкъ, но и теперь онѣ безконечно прекрасны. На нихъ зеленѣетъ трава, растутъ цвѣты и ихъ

колышетъ вѣтерокъ—и никто ихъ не трогаетъ, никто не тревожить. А ночью какъ здѣсь хорошо! Луна озаряетъ эти безмолвныя горы и долины своимъ нечальнымъ свѣтомъ; звѣзды «съ нѣжною тоскою» глядятъ съ безконечной высоты; туманъ таинственнымъ саваномъ стелется надъ сонно-журчащимъ ручьемъ и невольно припоминается: «Горныя вершины спятъ во тьмѣ ночной; тихія долины полны свѣжей мглой. Не пылитъ дорога, не шумятъ листы. Подожди немного, отдохнешь и ты». Красота, доступная нашему земному пониманію есть только чуть слышное эхо дивной небесной гармоніи—и каждый изъ насъ рано или поздно, но будетъ въ состояніи улавливать звуки этой гармоніи. «Подожди немного, отдохнешь и ты»....

Вотъ вы пріѣхали на послѣднюю станцію передъ Какпектами. Одинокъ она пріютилась среди узкой долинки, сдавленной по бокамъ скалистыми безлѣсными горами. Въ нѣдрахъ этихъ горъ много золота. Тутъ и тамъ въ окрестностяхъ станціи есть пріиски, которые, какъ говорятъ, ведутъ свои дѣла очень хорошо. Одинъ изъ этихъ пріисковъ расположился, какъ разъ на дорогѣ, верстахъ въ 5, не доѣзжая до станціи. Принадлежитъ онъ одному изъ обывателей Какпекты, сколотившему, благодаря этому пріиску, изрядный капиталецъ. Пріискъ оборудованъ очень неважно: пара массивныхъ и наполовину деревянныхъ бѣгуновъ катается по дну огромнаго чугуннаго таза и дробитъ въ муку золотоносные комья и камни; сюда же, въ этотъ чугунный тазъ, рабочій постепенно подсыпаетъ золотоносную землю, которая кучей сложена тутъ же. Тотъ же рабочій время отъ времени подливаетъ изъ пузырька подъ бѣгуны ртуть, которая лучше отдѣляетъ золото. Въ тазъ проведена вода, которая и дѣлаетъ свое дѣло, смѣшиваясь подъ бѣгунами съ землею и вытекая по широкому, снабженному поперечными углубленіями, жолобу. Бѣгуны приводятся въ движеніе парюю лошадью, подгоняемыхъ мальчишкой-киргизомъ. Вотъ и все оборудованіе этого пріиска. Управляющій пріискомъ очень любезный господинъ; онъ готовъ показать вамъ не только все, что вамъ покажется интереснымъ на пріискѣ, но познакомить васъ даже съ своими конторскими книгами, и изъ этихъ книгъ вы убѣдитесь, что каждый день здѣсь, несмотря на такія примитивныя приспособленія, намывается отъ $\frac{1}{2}$ фунта до фунта съ нѣсколькими золотниками чистаго золота. Можно хорошо вести свои дѣла при такой добычѣ!

Выработанное въ теченіе сутокъ золото старательно собирается и изъ него получается блестящій серебристый комокъ, мягкій, какъ тѣсто. Это ртуть, смѣшавшаяся съ золотомъ. Если вы возьмете кусокъ этого тѣста и начнете растирать его между пальцами, то почувствуете, что въ немъ содержится множество какихъ-то мелкихъ крупинокъ: это и есть золото.

Необходимо удалить ртуть, чтобы получить чистое золото. Вы думаете, что для этого здѣсь имѣются какія-либо особыя приспособленія съ химическими препаратами? Напрасно: ничего подобного здѣсь нѣтъ. Имѣется только простая жаровня, старая и прожженная, такая же самая, на которой въ какой-нибудь Смоленской или Тамбовской губерніи мелкопомѣстная помѣщица у себя въ садикѣ варить варенье; имѣется еще желѣзная сковорода—вотъ и всѣ приспособленія, если не считать нѣсколькихъ сухихъ прутьевъ, которые для этого «торжества» успѣлъ наломать тутъ же тотъ самый мальчикъ-киргизъ, который важно передъ этимъ сидѣлъ на вагѣ и совершалъ круговыя путешествія, подгоняя кнутомъ лошадей, приводящихъ въ движеніе бѣгуны.

Въ жаровнѣ разводится огонь, ставится сковорода, на нее кладется тѣстообразный комокъ золота и начинается «священнодѣйствіе». Управляющій и конторщикъ смотрятъ на эту операцію совершенно спокойно: они уже заранѣе на глазъ опредѣлили выручку съ точностью одного золотника. Мальчишка-киргизъ относится болѣе участливо къ этой операціи: онъ разинулъ ротъ и распустилъ слюни отъ ожиданія. И лишь только напоминаніе о томъ, что надо подложить въ жаровню прутьевъ выводитъ его время отъ времени изъ философски созерцательнаго настроенія.

Ртуть, наконецъ, испарилась и на сковородкѣ оказывается поздраватая и совершенно желтая лепешка, какъ двѣ капли воды, похожая на яичницу. Когда эта «яичница» остынетъ, то ее, конечно, не ѣдятъ, а кладутъ сначала на вѣсы и, записавъ вѣсъ въ книгу, заворачиваютъ въ бумагу и сверху помѣчаютъ о томъ, что этотъ кусокъ «яичницы» добытъ такого-то числа и года тамъ-то и что вѣсъ его такой-то.

Самая золотоносная земля подвозится сюда съ пріиска, который находится отсюда верстахъ въ трехъ. Тамъ, на самомъ пріискѣ, нельзя обрабатывать землю за неимѣніемъ воды. Работа не трудная: золотоносный пластъ достаточно мягокъ; бери лопату и копай безъ натуги; мѣсто сухое, такъ что, стоя по колѣно въ водѣ, работать не

приходится, какъ это нерѣдко бываетъ на многихъ пріискахъ. Самая земля желта, какъ охра. Работаютъ почти исключительно киргизы, которые тутъ же и живутъ въ своихъ до невозможности грязныхъ юртахъ со своими еще болѣе грязными женами и дѣтьми. Хозяинъ пріиска, видимо, не обижаетъ рабочихъ: кормить ихъ хорошо, давая вволю хлѣба и мяса; за работу платитъ по-Божески. Около того мѣста, гдѣ промываютъ золото, находится нѣсколько глубокихъ ямъ, наполненныхъ переработанной уже землей. Управляющій и туда васъ сводитъ и, если поинтересуетесь, то объяснить вамъ, что въ этой отработанной землѣ содержится очень много золота, но что его невозможно выдѣлать при томъ примитивномъ способѣ обработки, который практикуется не только на этомъ пріискѣ, но и на всѣхъ прочихъ, находящихся въ этой мѣстности; землю же эту теперь не бросаютъ, во-1-хъ, потому, что быть можетъ въ будущемъ хозяинъ пріиска рискнетъ поставить свой пріискъ на болѣе раціональныхъ началахъ, а во-2-хъ, еще и потому, что быть можетъ въ то время, пока хозяинъ, вращая перстами около своего чрева, будетъ раздумывать о затратахъ своего капитала для болѣе правильной постановки дѣла, найдется какой-нибудь нѣмецъ или еврей, который, не вращая перстами, купитъ за грошъ сначала остатки, а потомъ и самый пріискъ и заставитъ хозяина «утюжить» отъ досады себѣ бороду. Частенько подобное случается съ нашими «толстосумами».

Но довольно о пріискахъ, вотъ уже станція Караджалъ. Лошади готовы. Ямщикъ-киргизъ надѣлъ уже свой малахай, несмотря на то, что день очень жаркій, и ждетъ, когда вамъ заблагоразсудится сѣсть и ѣхать дальше. Вы садитесь, малахай тоже вскакиваетъ на облучекъ. «И-и-хо-хо-о-о!» лихо кричитъ онъ и пара топчихъ лошадокъ, ободренная этимъ молодецкимъ крикомъ, сразу пускается вскачь и съ версту отмахиваетъ полнымъ карьеромъ. Мелькаютъ телеграфные столбы, поднимается облако пыли. «И-и-хо-хо-о-о», покрикиваетъ ямщикъ и помахиваетъ при этомъ кнутикомъ, не обращая вниманія ни на пыль, ни на тряску, отъ которой страдаютъ бока сѣдока. Кто любитъ бѣшеную ѣзду—тому пріятно.

Верстахъ въ 10 отъ станціи горы раздвигаются и открывается необъятный просторъ Зайсанской долины. До самаго горизонта распростерлась эта долина и кажется, что на краю ея небо слилось съ землей и дальше уже некуда идти.

Лѣвѣе дороги огромнымъ шатромъ высится Караджаль-гора, замѣчательная, во 1-хъ, своей формой, издали совершенно напоминающей палатку, а, во-2-хъ, потому, что про нее среди киргизъ существуетъ немало легендъ. Двѣ изъ этихъ легендъ мнѣ удалось узнать и ими теперь я подѣлюсь съ читателемъ, предоставляя ему судить о красотѣ киргизскаго народнаго эпоса.

Вотъ первая изъ этихъ легендъ: Давно, давно, когда киргизы не были грѣшны передъ Богомъ, и когда Богъ любилъ ихъ какъ дѣтей своихъ, Онъ далъ имъ силу и могущество и боялись ихъ тогда другіе народы, которыхъ Богъ любилъ не такъ, какъ киргизъ.

И далъ Онъ киргизамъ земли и царство ихъ простиралось отъ края до края земли.

Былъ тогда у нихъ мудрый ханъ, который правилъ всѣмъ царствомъ такъ хорошо и мирно, что всѣ были счастливы.

И позавидовалъ ему шайтанъ за то, что онъ хорошо правилъ и всѣ были довольны. И началъ онъ думать какъ бы повредить хану и его царству.

И началъ шайтанъ шептать ему на ухо: собери воиновъ земли твоей и поди съ ними къ народамъ, которые вокругъ тебя; убивай и жги все, что тебѣ попадется, и когда полонишь земли ихъ, то царство твое протянется отъ восхода до захода и отъ полуночи до полудня и не будетъ тогда другого хана на всей землѣ, который могъ бы равняться съ тобою силой и могуществомъ.

Послушался ханъ совѣта нечистаго. И возгорѣлся въ немъ духъ гордости. Собралъ онъ своихъ воиновъ и пошелъ съ ними полонить чужія земли.

Много народу перебилъ, много ауловъ разорилъ и сжегъ и много набралъ плѣнныхъ въ рабы себѣ, а когда кончилъ воевать, то приказалъ построить огромный и богатый шатеръ и созвалъ къ себѣ на пиръ всѣхъ сподвижниковъ своихъ.

Долго пировалъ ханъ съ сподвижниками въ шатрѣ; много кумысу выпили они и, наконецъ, хмѣль одолѣлъ ихъ. Захотѣлось хану и гостямъ его крови человѣческой, потому что всѣ они привыкли къ ней, когда полонили чужія земли.

Приказалъ тогда ханъ привести къ шатру всѣхъ плѣнныхъ, а воинамъ своимъ приказалъ обнажить мечи, чтобы рубить головы приведенныхъ. Но едва онъ отдалъ этотъ приказъ, какъ окаменѣлъ этотъ шатеръ и схоронилъ на вѣки подъ своимъ толстымъ каменнымъ кровомъ хана и его гостей.

И до сей поры стоитъ этотъ шатеръ и бѣжить изъ подъ него чистый и прозрачный источникъ изъ слезъ, которыя проливаютьъ заключенные, оплакивая передъ Богомъ грѣхи свои.

Вторая легенда гласитъ слѣдующее: Жилъ былъ киргизъ-богатырь и у него было два сына—тоже богатыри. Пошелъ разъ младшій сынъ купаться въ Иртышъ и утонулъ въ рѣкѣ. Долго искалъ отецъ трупъ сына своего, но не могъ найти его въ быстрыхъ волнахъ.

И сказалъ онъ: надо запрудить рѣку, чтобы перестала вода струиться по камнямъ; очистится тогда русло рѣки отъ воды и я найду трупъ сына моего.

Началъ онъ тогда кидать въ воду камни и скалы, но сколько ни кидалъ, а вода все бѣжала и ревѣла, пѣнясь по обломкамъ скалъ.

Не осилить мнѣ рѣки, подумалъ старикъ и позвалъ сына своего, чтобы посоветовалъ ему—что дѣлать, чтобы остановить воду.

Пришелъ сынъ и увидѣлъ, что одними камнями не остановить воды и сказалъ онъ отцу: Батюшка! не осилить намъ рѣки; если будемъ кидать, тѣмъ свирѣпѣе она будетъ ревѣть и пѣниться; развѣ не видишь ты, какъ свирѣпѣетъ волна за то, что ты хочешь загородить ей дорогу, и теперь она сильнѣе тебя, потому что бѣжить черезъ преграду, которую ты ставишь ей; поставь же ей на дорогу большую гору и она смирится поредъ тобой.

Понялъ старикъ, что сынъ говоритъ дѣло, и начали они тутъ же искать большую гору, но сколько ни искали, а найти не могли, потому что кругомъ были не горы, а степи.

И сказалъ сынъ отцу: Батюшка! пойдемъ въ Тарбагатай, тамъ горы высоки и вершины ихъ небо на себѣ держать; возьмемъ одну такую гору и принесемъ сюда.

Послушался опять старикъ. Пошли они въ Тарбагатай, выломали тамъ огромную гору и понесли ее къ Иртышу.

Несли цѣлый день, а къ вечеру утомились, поставили гору, а сами легли отдохнуть.

Батюшка! сказалъ сынъ: ночь такъ тиха и прекрасна и звѣзды на небѣ горять и сонъ не смежаетъ очей моихъ, отпусти меня въ аулъ повидаться со своею возлюбленной.

Не пуцу, сказалъ отецъ, будешь ласкать женщину—сила пропадетъ. Какъ на утро понесемъ гору, когда силы у тебя не будутъ?

И поклялся сынъ, что не будетъ ласкать своей возлюбленной, и тогда отпустилъ его отецъ.

Утромъ вернулся сынъ и пошелъ съ отцомъ къ горѣ, чтобы нести ее къ Иртышу.

Взялся отецъ за свой край и поднялъ его; взялся и сынъ, но не могъ поднять его; сила оставила его, потому что не сдержалъ онъ клятвы своей.

И нашель тогда на отца гнѣвъ, и убилъ онъ тутъ же сына своего клятвopеступника, да и самъ съ тоски наложилъ на себя руку.

Такъ гора эта и до сего дня стоитъ все на томъ же мѣстѣ, потому что не было на свѣтѣ другого такого богатыря, который бы могъ сдвинуть ее. Вросла она на половину въ землю, но и теперь еще она выше всѣхъ сосѣднихъ горъ. Нѣкоторыя изъ этихъ горъ бѣлыя, потому что на нихъ вылилось молоко изъ груди матери богатыря, когда она, умирая, плакала надъ трупами мужа своего и сына.

Еще когда вы спускались по покрытымъ роскошными цвѣтами склонамъ сосѣднихъ съ Караджаломъ горъ, то вдали—верстахъ въ 15—вы должны были замѣтить какія то точки, сгруппированныя въ одномъ мѣстѣ на безконечно просторной долинѣ. Эта группа точекъ, по мѣрѣ приближенія къ ней, растетъ и, наконецъ, передъ вами ясно начинается обрисовываться человѣческое обиталище со всѣми атрибутами, ему свойственными. Вы видите группу самыхъ разнообразныхъ домовъ, начиная съ глиняныхъ мазанокъ съ плоскими крышами и кончая двухъэтажными домами съ балконами и расписными ставнями. Видите небольшую бѣлую церковь, стоящую на пригоркѣ на площадкѣ, видите и мечеть съ блестящимъ на солнцѣ полумѣсяцемъ, видите, наконецъ, единственное деревцо, уныло зеленѣющее гдѣ-то на окраинѣ и какъ-бы приглашающее васъ взглянуть на него и вмѣстѣ съ нимъ потосковать надъ его одиночествомъ. Вамъ начинаютъ уже попадаться засѣянные поля, которыя не встрѣчались на протяженіи 150 верстъ отъ самаго Устькаменогорска. А вотъ и поле, думаете вы и начинаете всматриваться въ него, рассчитывая испытать то радостное чувство, которое каждый испытываетъ при видѣ вспаханной нивы и золотистыхъ колосьевъ, растущихъ на ней. Но здѣсь едва ли охватить васъ это хорошее чувство, потому что это засѣянное поле, съ растущими на немъ вихрами хлѣба, заглушеннаго на половину плевелами, какъ нельзя яснѣе говоритъ вамъ о томъ, что тотъ человѣкъ, который пахалъ и сѣялъ его, дѣлалъ это не съ любовью, а какъ говорится, «спустя рукава». Выѣхалъ онъ въ поле, вскопалъ плугомъ первое попавшееся мѣсто и вскопалъ его крайне неряшливо, не-

брежно, не обриваявъ даже краевъ, посыпаль потомъ горстью зеренъ, да и ушелъ къ себѣ домой, видимо мало интересуясь тѣмъ, что у него на полѣ дѣлается. И растеть заброшенная пшеница; кормить ее неудобренная, но все же тучная, нива; жжетъ ее горячее южное солнце и, если не пошлетъ Богъ во время дождика, то оно спалитъ и пшеницу, и плевела, которые одинаково хорошо родить тучная почва. Какая же причина этого печальнаго явленія? Не кроется ли оно въ излишней нерадивости того же пахаря? Воздержимся, самое лучшее, отъ всякихъ категорическихъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ; скажемъ только одно, что весьма вѣроятно, что ваши личные разговоры съ мѣстными обывателями наведутъ васъ на печальныя по этому поводу сомнѣнія. Поѣзжайте въ любой носелокъ, или поговорите съ обывателями хотя бы, напримѣръ, о такомъ существенномъ для нихъ вопросѣ, какъ вопросъ о предстоящемъ урожаѣ. Въ большинствѣ случаевъ вы будете слышать все одну и ту же, какъ бы заученную, фразу: «а кто-жъ его знать—мы ня знаемъ». На вопросъ же, гдѣ они достаютъ хлѣбъ—въ большинствѣ случаевъ вамъ отвѣтятъ: «покупаемъ». Почему хлѣбъ плохо родится—опять: «ня знаемъ», почему не кладутъ удобренія—«ня знаемъ» и т. д. Почему не садите у себя въ поселкахъ деревья? На этотъ вопросъ отвѣчаютъ либо презрительной улыбкой—стоитъ ли, молъ, говорить о такихъ пустякахъ, либо, посмотрѣвъ удивленно вамъ въ глаза: вотъ, молъ, нашель о чемъ спрашивать, прибѣгнуть снова къ фразѣ, оканчивающейся отрицаніемъ «ня знаемъ». Вотъ, напримѣръ, хотя бы тутъ въ этихъ Какпектахъ—это одинокое, тоскливо пріютившееся на окраинѣ станицы, дерево своей зеленой и пушистой листвою говорить вамъ о многомъ. Оно говоритъ вамъ о томъ, что его взростила и вскормила мать сыра земля, и о томъ, что живущій тутъ человѣкъ ни разу не приложилъ рукъ своихъ, чтобы рядомъ съ нимъ посадить другое дерево, которое также бы раскинуло свои зеленыя вѣтви надъ его покосившимся домомъ и прикрыло бы его отъ жгучихъ лучей полуденнаго солнца. Оно говоритъ вамъ о тучности почвы и объ отсутствіи труда, и о многомъ, многомъ весьма грустномъ и печальномъ говорить вамъ это одинокое безпріютное и брошенное всѣми дерево.

Конечно, далеко не ко всѣмъ обитателямъ Сибири примѣнимо все то, что тутъ сказано. Есть тутъ много какъ коренного, такъ и пришлаго населенія, которое какъ говорится: «живетъ и Бога хва-

лить»; трудясь и работая, оно обставляет свой крестьянскій обиходъ во всѣхъ отношеніяхъ хорошо, добросовѣстно, и заслуживаетъ полного къ себѣ уваженія.

Вотъ небольшая рѣчка Какпектинка; въ ней расположилось стадо коровъ; нѣкоторыя изъ нихъ лежатъ въ водѣ, наслаждаясь прохладой подъ жгучими лучами солнца, нѣкоторыя не рѣшаются почему-то лечь и стоятъ, уныло и сонно обмахиваясь хвостами и пережевывая жвачку. Тутъ же на берегу играютъ полуголые темно-бронзовые киргизята; грязная баба идетъ съ ведрами за водой и, долго не думая, черпаетъ таковую въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ лежащей въ водѣ коровой.

Улица покрыта навозомъ и пылью; всклокоченный казакъ съ непроспавшейся фizioноміей стоитъ у воротъ, почесывается и зѣваетъ; на балконѣ одного изъ домовъ попригляднѣе стоитъ почти безъ одежды какая то растрепанная женщина, съ выраженіемъ полной апатіи на заплывшемъ жиромъ лицѣ.

Вотъ почтовая станція; самоваръ; разговоры—опять эти неслосные «ня знамъ и покупама». Скучно въ этомъ заброшенномъ углѣ, обреченномъ на спячку и прозябаніе. Скорѣй въ степь на просторъ—тамъ все же свободнѣе....

Въ яркихъ краскахъ давно уже обрисованы американскія преріи, пампасы, и тому подобныя привольныя мѣста, приволье которыхъ такъ сильно манитъ къ себѣ юношескую фантазію; но зачѣмъ намъ ѣздить въ Америку въ погонѣ за этимъ привольемъ? Поѣзжайте хотя бы въ Зайсанъ и на пути отъ Какпектовъ до этого города, т. е. на протяженіи 260 вер., вы все время можете думать, что путешествуете по какой-нибудь американской преріи, на которой пасутся стада дикихъ буйволовъ и мустанговъ. Хорошо, быть можетъ, въ Америкѣ, но, смѣло могу сказать, что и у насъ не плохо. Мнѣ пришлось проѣхать Зайсанскую долину по разнымъ направленіямъ—и по почтовому тракту, и далеко въ сторонѣ отъ него верхомъ по едва замѣтнымъ, натоптаннымъ пасущимися табунами, тропинкамъ, и какое разнообразіе встрѣчалъ я всюду на этой безконечной и на первый взглядъ однообразной равнинѣ!

То вы ѣдете по совершенно опаленной солонцеватой почвѣ, на которой не растетъ ни одна былинка, то сразу вдругъ вѣзжаете въ густыя заросли чіа, который покрываетъ васъ съ лошадыю, и вы ѣдете на протяженіи нѣсколькихъ верстъ сами не зная куда, ста-

раясь не потерять изъ виду еле замѣтную тропинку. Вы спросите, конечно: что такое этотъ чій? Чій—это высокая трава, имѣющая соломообразный стебель, оканчивающійся на верху густой метелкой. Сплошь и рядомъ этотъ чій достигаетъ болѣе сажени въ высоту и закрываетъ не только пѣшаго человѣка, но и всадника. Какова должна быть почва и каково солнце, которыя способны вскормить и взлелѣять подобную мощную растительность. Животныя не ѣдятъ чія и лишь только одинъ верблюдъ, который непрочь, кажется, питаться всѣмъ, чѣмъ угодно, не исключая и битаго стекла, не брезгаетъ и чѣмъ; лошади же ѣдятъ его иногда только зимой, когда ихъ уже сильно начнетъ одолевать голодъ, а глубокий снѣгъ мѣшаетъ имъ откапывать покрытую имъ траву. Киргизы эксплуатируютъ чій, дѣлая изъ него особыя узорчатыя плетенки для своихъ юртъ, но объ этомъ постараюсь сказать нѣсколько словъ послѣ. Въ настоящее же время, повидимому, чій играетъ огромную роль въ экономіи природы, такъ какъ, благодаря ему, съ каждымъ годомъ все растетъ и растетъ тучный слой перегноя, который, быть можетъ, и не въ очень далекомъ будущемъ будетъ давать обильные урожаи на нивахъ будущихъ пахарей.

И вотъ вы ѣдете по этому чію; сотни, а, быть можетъ, и тысячи крупныхъ бурыхъ оводовъ (паутовъ, какъ ихъ называютъ) преслѣдуютъ вашихъ лошадей, не давая и вамъ покоя. Вотъ вы выѣхали снова на полянку и передъ вами пасется огромный табунъ лошадей. Это почти тѣ же мустанги американскихъ степей. Попробуйте поймать одного изъ нихъ и навѣрно вамъ это не удастся. Но, положимъ, вы изловили его—попробуйте его осѣдлать; полагаю, что, если вы даже прошли высшую школу ѣзды, то она окажется безсильной, чтобы предотвратить васъ отъ паденія. Да и не ловите ужъ лучше сами «мустанга», а если вамъ такъ захочется это сдѣлать, то попросите одного изъ краснокожихъ доморощенныхъ «индѣйцевъ», которые все время пасутъ табунъ, гарцуя на своихъ поджарыхъ и неказистыхъ на видъ лошадакахъ. Вотъ передъ вами какая нибудь «кровавая рука» или «орлиный клювъ» въ образѣ киргиза. Присмотритесь къ нему: фizioномія у него совсѣмъ мѣдно-красная, носъ орлиный, на головѣ малахай, который имѣетъ что-то общее съ головнымъ уборомъ индѣйца. Сидитъ онъ на лошади чортомъ, скачетъ на ней, не видя передъ собою препятствій. Онъ даже постоянно неразлученъ и съ лассо, которое приспособлено у него въ видѣ петли на концѣ длинной палки. Скажите ему, чтобы онъ

поймалъ вамъ любую лошадь изъ табуна, и онъ сдѣлаетъ это безъ особеннаго труда: на скаку онъ заброситъ ей на шею петлю съ такою же ловкостью, съ какою умѣлъ это когда-то дѣлать настоящій американскій «орлиный клювъ». Скажите ему; чтобы онъ сѣлъ на пойманнаго дикаря, привыкшаго къ волѣ и простору, и онъ вскочитъ на него и, не подумавъ о сѣдлѣ, будетъ носиться по степи, пока конь не устанетъ и не обойдется.

А вотъ тамъ далеко, далеко на горизонтѣ видны какія-то точки. Вы ѣдете къ нимъ и мало-по-малу точки эти преобразовываются въ какіе-то купола—это юрты, въ которыхъ кочуютъ киргизы. Подѣзжайте къ нимъ, и вы встрѣтите идилію въ полномъ смыслѣ этого слова. Вотъ опять полуголые ребятишки играютъ въ какую-то совершенно вамъ незнакомую игру; вотъ молодая, довольно милостивая, хотя и грязная, киргизка (какая нибудь «Кумышпанка» — въ переводѣ серебро—имя, довольно распространенное среди киргизскихъ женщинъ) варитъ въ кругломъ чугуномъ котлѣ какую-то пищу; вѣроятно, готовить обѣдъ. Если вы любопытствуете, что она варитъ и спросите ее, то она застыдится, скажетъ вамъ: «бельмей» (не понимаю) и начнетъ даже закрываться отъ васъ широкимъ рукавомъ своей одежды. Посмотрите тогда въ котелъ сами и увидите, что варитъ она квашеное молоко, которое и составляетъ главный продуктъ питанія киргизъ лѣтомъ. Когда молоко сварится, она перельетъ его изъ котла въ деревянное, грязное и засаженное ведерко и поставитъ тутъ-же въ юртѣ, а въ котелъ нальетъ еще молоко и снова начнетъ варить, заготовляя такимъ образомъ запасъ для своей семьи.

Вотъ старая и безобразная киргизка сидитъ около одной изъ юртъ и ткетъ на первобытномъ станкѣ длинныя и толстыя шерстяныя тесемки, которыми она потомъ обматываетъ свою юрту, чтобы вѣтеръ не сдувалъ съ нея кошмы. И вообще много, много интереснаго и новаго встрѣтите вы, пробывъ хоть нѣсколько минутъ среди этихъ полудикихъ людей, которые по всей вѣроятности ничего, кромѣ своей бѣдной юрты — лѣтомъ и сложеннаго изъ камней зимовья—зимой, не видали.

А вотъ на краю кочевья расположилась группа молодыхъ дѣвушекъ. Лица ихъ дышатъ здоровьемъ, кровь играетъ на розовомъ загарѣ щекъ, черные глаза блестятъ, какъ угольки. Онѣ веселы; ничто ихъ не тревожитъ и не заботитъ. Онѣ смотрятъ на васъ, когда вы проѣзжаете, улыбаются, какъ бы желая сказать что-ни-

будь смѣшное. Наконецъ, одна изъ нихъ рѣшается и кричить вамъ въ догонку, вѣроятно, какой-нибудь комплиментъ съ ногъ спибательнаго свойства. Вы оборачиваетесь; всѣ онѣ разражаются громкимъ смѣхомъ и убѣгаютъ.

Тутъ-же пасутся большія стада барановъ, козъ и коровъ. Бараны ходятъ переваливаясь, таща за собой свои жирные курдюки; рогатый скотъ крупень и мясистъ; все это усиленно занято поглощеніемъ сочной степной травы. Стадо управляется пастухомъ, который важно возсѣдаетъ на спинѣ одной изъ коровъ и на ней-же совершаетъ объѣзды вокругъ пасомыхъ имъ четвероногихъ; онъ произноситъ время отъ времени какіе-то гортанные непонятные возгласы, а то вдругъ во всю глотку затынетъ какую-то пронзительную и визгливую мелодію, въ которой онъ, быть можетъ, выхваляетъ жирный овечій курдюкъ, всегда болтающійся у него передъ глазами, а, быть можетъ, и черныя очи своей «Кумышпанки», которая гдѣ нибудь въ юртѣ ожидаетъ, пока ея возлюбленный выплатитъ условленный заранѣе родителями «калымъ», въ видѣ нѣсколькихъ десятковъ лошадей, овецъ и верблюдовъ.

А вотъ вдали отъ стада пасутся флегматичные верблюды. Они почему то никогда не ходятъ совмѣстно съ прочими животными. Быть можетъ, сознавая свое безобразіе, они боятся оскорбительныхъ для себя лошадиныхъ, коровьихъ, овечьихъ каламбуровъ и пасмѣшекъ. Они скромненько собрались вдали отъ стада и, наклонивъ свои длинные и изогнутыя шеи, щиплютъ траву. Одинъ изъ нихъ поднялъ свою безобразную морду, на которую нельзя смотрѣть безъ жалости, уставилъ на васъ свои кроткіе глаза и, двигая изъ стороны въ сторону нижней челюстью, пережевываетъ жвачку, показывая длинные, желтые и безобразные передніе зубы.

Во всемъ этомъ виденъ полный покой и полное довольство — тѣ данныя, при наличности которыхъ всегда счастливо и беззаботно протекаетъ жизнь человѣческая. Промелькнетъ сначала счастливое дѣтство, минуетъ юность всегда съ сопутствующими ей радостями первой и чистой любви, а тамъ смотришь подкралась уже неумолимая старость, заставляющая человѣка подводить итоги жизни. Но гдѣ же эти итоги? Ихъ нѣтъ въ данномъ случаѣ. Жизнь текла хотя и беззаботно, но за то до тошноты однообразно: степь, юрта, зимовье, кумысъ, бараній жирный курдюкъ — вотъ всѣ ея итоги и стремленія: не было ни сильныхъ ощущеній, ни борьбы, ни нрав-

ственныхъ страданій, не было ничего такого, чѣмъ долженъ жить человѣкъ и на чемъ онъ долженъ воспитываться, дабы познать задачи своего призванія къ жизни. Такъ философствуютъ люди культуры; не такъ смотрять на жизнь свободныя дѣти степей. Кто правъ—не знаю.

Но довольно размышленій на грустныхъ темы. Чаша жизни и безъ того достаточно горька, не надо подливать въ нее еще горечи. Посмотримъ лучше по сторонамъ, не встрѣтятся-ли намъ чтонибудь еще интересное среди простора степи? Вотъ тамъ далеко въ сторонѣ надъ чѣмъ-то копаются двѣ человѣческія фигуры. Пойдемте посмотрѣть, что онѣ дѣлаютъ. Оказываются двѣ женщины: одна старуха, другая молодая; онѣ трудятся надъ постановкой юрты.

Прежде всего онѣ поставили на землю по кругу особые переплеты, сдѣланные изъ тонкихъ и легкихъ планочекъ. Эти переплеты, какъ равно и всѣ остальные части юрты, зимою сохранялись тщательно сложенными подъ навѣсомъ около зимовья, а лѣтомъ ихъ нагружаютъ на верблюда и перевозятъ съ мѣста на мѣсто. И онѣ поставили по кругу переплеты. Ихъ высота доходитъ до двухъ аршинъ; діаметръ-же образованнаго ими круга въ среднемъ около 12 арш. Затѣмъ онѣ начали привязывать къ верхнимъ концамъ переплета особыя, тонкія и длинныя искривленныя палки, утвердивъ предварительно вверху—въ центрѣ будущей юрты—большой деревянный обручъ, имѣющій около двухъ аршинъ въ діаметрѣ. Этотъ обручъ называется «чаноракомъ» и назначеніе его служить верхнимъ и единственнымъ окномъ юрты. По наружной окраинѣ чанорака продѣланы гнѣзда, въ которыя и вставляются верхними своими концами вышеозначенныя длинныя палки. Когда эти послѣднія укрѣплены, остовъ юрты окончательно готовъ; остается накрыть его какойнибудь покрывкой.

Для этого прежде всего берется особая плетенка, сдѣланная изъ стеблей чіа, между которыми съ помощью разноцвѣтныхъ, грубыхъ, шерстяныхъ нитокъ выплетены разные узоры, не лишенные красоты и оригинальности. Все это, конечно, самодѣльное. Эти плетенки навѣшиваются снаружи остова по тѣмъ переплетамъ, которые стоятъ вертикально по кругу. Послѣ этого берутся обыкновенныя войлочные кошмы и ими юрта окутывается со всѣхъ сторонъ, а чтобы онѣ не падали, поверхъ кошмъ юрта обматывается по различнымъ направленіямъ тѣми самыми длинными шерстяными тесемками, приготовленіемъ которыхъ была занята старуха киргизка,

которую вы уже видѣли работающею за первобытнымъ ткацкимъ станкомъ. Верхній кругъ—чаноракъ—всегда остается на половину открытымъ и только въ ненастье его закрываютъ. Днемъ черезъ это отверстіе прсникаетъ въ изобиліи свѣтъ, а ночью видно усѣянное звѣздами небо, какъ бываетъ оно видно въ отверстіе купола какой нибудь обсерваторіи. Дверь въ юрту замѣняется кускомъ кошмы или коврикомъ. Вотъ и вся установка юрты.

Случается нерѣдко такъ, что установленную уже юрту необходимо почему либо перетащить на другое мѣсто по близости; тогда нѣсколько женщинъ, войдя во внутрь юрты, поднимаютъ послѣднюю, взявшись за переплеты и тащатъ ее куда надо. Снаружи видны тогда только ихъ передвигающіяся ноги и кажется, что какая-то чудовищная черепаха совершаетъ передвиженіе по землѣ.

Внутренняя обстановка юрты въ большинствѣ случаевъ грязна и непривлекательна: грязныя постели, покрытыя рванымъ тряпьемъ и слегка возвышающіяся надъ уровнемъ почвы, располагаются у стѣнъ; тутъ-же стоятъ сундуки съ домашнимъ скарбомъ; разбросаны въ безпорядкѣ разныя кухонныя принадлежности: чашки, котлы, чайники, а иногда и самоваръ. Все это производитъ впечатлѣніе грязной пестроты и бѣдности. Въ нѣкоторыхъ юртахъ плетенками, сдѣланными изъ того-же чіа, отгораживается особое помѣщеніе и въ немъ ставится турсукъ (кожаный мѣхъ) съ кумысомъ. Лучше никогда не заглядывайте во внутрь этого мѣха; иначе получите отвращеніе къ кумысу, а онъ для здоровья очень и очень полезенъ.

Вотъ обстановка киргиза средняго достатка; у богачей-же, владѣющихъ табунами въ нѣсколько тысячъ голосовъ, юрта изукрашена коврами, мутаками, подушками и прочей роскошью.

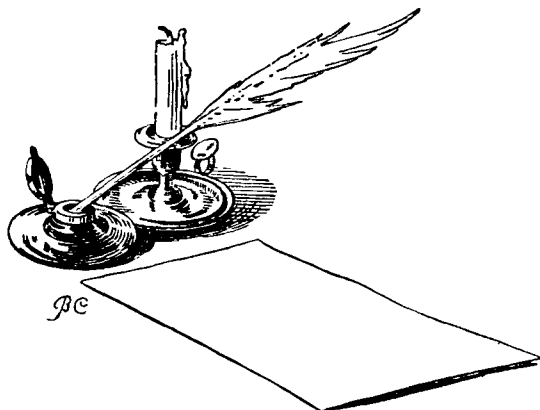
Но всѣ картины, подобныя вышеописаннымъ, вы увидите только въ томъ случаѣ, если сядете верхомъ и поѣдете по степи не по почтовому тракту, а далеко въ сторонѣ отъ послѣдняго. Ызда-же по почтовой дорогѣ ничего особеннаго не представляетъ. Правда, ѣдучи на почтовыхъ, можно любоваться горной панорамой далекаго Тарбагатая, который могучимъ хребтомъ протянулся къ югу отъ дороги. Въ особенности хороши эти горы раннимъ утромъ, когда восходящее солнце начинаетъ слегка румянить ихъ фіолетовыя вершины, когда воздухъ прозраченъ и чистъ до безконечности и когда жизнь въ степи пробуждается послѣ ночного отдыха. Чѣмъ ближе вы подъѣзжаете къ Зайсану, тѣмъ горы вырисовываются

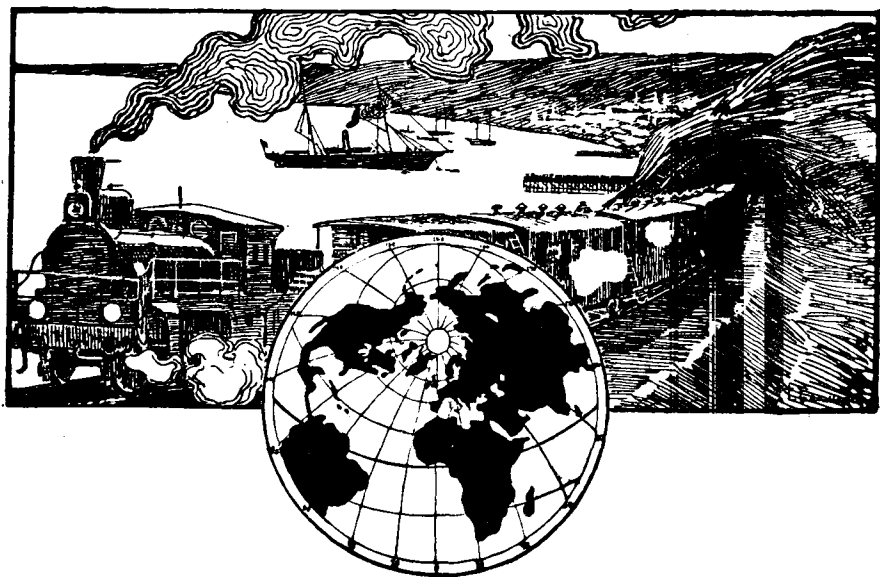
яснѣ и яснѣ. Къ Тарбагатаю присоединяется параллельный ему скалистый Монракъ, и дальше на самомъ горизонтѣ къ востоку начинаетъ постепенно обрисовываться могучій Сауръ. Взгляните по направленію къ сѣверу и въ той сторонѣ временами мелькнетъ серебристая поверхность воды. Это озеро Зайсанъ. Оно какъ-бы стыдится показать вамъ издали всю свою прелесть и, какъ застѣнчивая дѣвушка, старается все время скрыться отъ васъ и покажется вамъ во всей красѣ только тогда, когда вы подойдете къ нему вплотную. А за нимъ далеко далеко, чуть уловимыми для глаза силуэтами обрисовываются отроги Алтая, который на сотни тысячъ квадратныхъ верстъ надавилъ землю своей необъятной массой.

Хорошо здѣсь: воздухъ чистъ, люди добры и у васъ на душѣ становится свѣтло и радостно, какъ будто-бы душа ваша начинаетъ соприкасаться съ чѣмъ-то неизъяснимо прекраснымъ, о чемъ только можно мечтать и догадываться, живя среди вѣчной житейской сутолоки и суеты.

Л. Бѣльковичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ НИЗОВЬЯХЪ РѢКИ КАФЕРНИГАНА.

(Очеркъ горной Бухары).

Глава I.

Устье Кафернигана.—Видъ на Аму-Дарью.—Остатки моста.—Положеніе Айваджи.—
Легенда объ орлиномъ царѣ.

Безконечное волнующееся море камышей покрываетъ широкую долину, ограниченную горными хребтами Баба-тау и Койчи-тау, среди которой извивается теченіе рѣки Кафернигана, впадающаго около Айваджи въ красавицу Аму.

Слово Каферниганъ обозначаетъ въ переводѣ—невѣрное чудовище и рѣка, по справедливости, своею измѣнчивостью вполнѣ заслужила это названіе.

То спокойно протекая въ своихъ берегахъ и покрывая водою лишь дно русла, тихо плещутся волны рѣки, образуя изрѣдка въ особенно глубокихъ мѣстахъ незначительные водовороты и омывая цѣлый рядъ песчаныхъ отмелей, выступающихъ изъ подъ воды около береговъ.

То будто бѣшеная вздувается рѣка внезапно прибывшими съ верховьевъ водами и одна другой больше поднимаются огромныя мутныя волны, наполняя все русло до самыхъ краевъ. Съ шумомъ и сердитыми всплесками начинается прибывъ воды. Русло уже не вмѣщаетъ ея огромнаго количества и, дойдя до верха, мутныя волны выплескиваются изъ береговъ и, быстро струясь по цѣлому ряду старыхъ протоковъ, заполняютъ собою всѣ впадины; широко разливаются по сторонамъ, превращаясь въ колоссальной величины рѣку, съ ревомъ несущуюся среди острововъ, срывая ихъ и вынося въ Аму-Дарью.

Черезъ сутки прибывъ воды уменьшается, и рѣка снова входитъ въ свои берега, а окружающая равнина, покрытая мѣстами жирнымъ иломъ, носить на себѣ слѣды недавно бушевавшихъ волнъ, оставшихся кое-гдѣ въ видѣ довольно глубокихъ озеръ, которыя затѣмъ черезъ двѣ-три недѣли, подѣ дѣйствіемъ горячихъ лучей южнаго солнца, высыхаютъ и быстро покрываются вновь густою порослью молодыхъ камышей.

Съ началомъ лѣта, въ періодъ таянія снѣговъ въ горахъ Гиссарскаго хребта, вода прибываетъ болѣе равномерно, держась довольно долгое время на одномъ уровнѣ, находящемся въ полной зависимости отъ дождей въ горахъ.

Стали темнѣть облака на сѣверѣ, засверкали зигзагами молніи въ горахъ, полились потоки дождя и черезъ нѣсколько часовъ, снова поднимаясь въ верховьяхъ, несется огромная водяная масса, разливаясь и смывая на своемъ пути всѣ препятствія.

Реветъ, мечется Каферниганъ, какъ живой, то выбрасываясь изъ береговъ на равнину, то снова уходя въ берега клочущей волной; образуя водовороты, несется онъ къ Аму-Дарьѣ, выбрасывая на ея отмели свою добычу—труны утонувшихъ людей и животныхъ.

Съ скрипучими пронзительными криками кружатся чайки надъ отмелями, встревоженный видомъ утопленника. Почувявъ трупный запахъ, слетаются съ ближайшихъ горъ орлы и, описывая огромныя круги въ воздухѣ, парятъ надъ рѣкою, веселымъ клекотаніемъ сзывая товарищей, но измѣнчивая красавица Аму, ласково принимая даръ влюбленнаго въ нее Кафернигана, внезапнымъ всплескомъ своей волны смываетъ трупъ съ отмели и погружаетъ его въ свои пучины, моментально закрывая свою добычу песками и иломъ.

Невдалекѣ отъ впаденія Кафернигана въ Аму-Дарью, виднѣется широкая и высокая дамба, протянувшаяся перпендикулярно къ рѣкѣ и служившая въ далекомъ прошломъ началомъ моста, существовавшего въ то время черезъ Аму-Дарью.

Массы обломковъ кирпича и камня не въ далекомъ разстояніи отъ береговъ Кафернигана покрываютъ окрестности, служа подтвержденіемъ, что при впаденіи этой рѣки по обѣимъ ея берегамъ находились когда то многочисленныя поселенія, занимавшіяся земледѣліемъ, но обработанныя поля давно уже затянуло иломъ и лишь кое-гдѣ виднѣющіеся остатки оросительныхъ каналовъ напоминаютъ о прежней жизни, которая еще въ началѣ XVII вѣка была здѣсь ключемъ.

Въ настоящее же время весь лѣвый берегъ Кафернигана до самыхъ горъ пустыненъ и лишь съ началомъ весны появляется нѣсколько кочевовъ со своими стадами барановъ, а затѣмъ, когда солнце сожжетъ степь, вновь вездѣ совершенно безлюдно.

Въ камышахъ, протянувшихся по обѣимъ сторонамъ рѣки, привольно живутъ камышевые олени, цѣлыми стаками появляющіеся днемъ на полянѣ. Ночью же среди тишины пустыни слышится ревъ тигра, выходящаго за своею добычею. Вой шакаловъ и лай гіенъ раздаются во всѣхъ направленіяхъ, образуя дикій концертъ, въ который порою врывается пронзительное мяуканье барсовъ и визгливый крикъ каракулака.

Озаренная лучами луннаго свѣта, поразительно красива пустыня, надъ которой темнѣютъ горы, служащія какъ бы рамкою необъятной по простору пустыни. Воды озеръ и рѣки Кафернигана отсвѣчиваютъ стальнымъ блескомъ, придавая особую красоту всему виду.

Въ сторонѣ на правомъ берегу вырисовываются бѣлыя стѣны пограничнаго поста Айваджа съ высокою башнею, виднѣющейся далеко со всѣхъ сторонъ, а около самой воды выступаетъ изъ густыхъ зарослей камышей небольшой домикъ русской постройки, служащій мѣстомъ жительства нѣсколькимъ пограничнымъ солдатамъ, служащимъ на переправѣ черезъ Каферниганъ, на которой поставленъ огромный желѣзный паромъ.

Нѣсколько лодокъ на берегу придаютъ этому уголку особую прелесть.

Яркій огонь костра, отсвѣчивая въ водахъ рѣки, разрѣзаетъ окружающую темноту, освѣщая часть берега съ цѣлымъ рядомъ

темныхъ пятенъ на желтоватомъ пескѣ. Это караванъ, ставшій на ночлегъ и ожидающій нашего прибытія, чтобы двинуться рано утромъ дальше.

Вѣхавъ въ полосу свѣта, я начинаю различать группу сидящихъ около камышей людей, одѣтыхъ въ туземные костюмы.

Высокій представительный узбекъ, замѣтивъ меня, быстро поднимается со своего мѣста и, подойдя ко мнѣ, отвѣшиваетъ поклонъ, прижимая правую руку къ сердцу, а затѣмъ складывая обѣ руки на животѣ.

— Кабадіанскій бекъ Сеидъ-Гани-Токсаба прислалъ встрѣтить полковника, узнавъ о его пріѣздѣ; я Абду-Кадиръ-мирахуръ, степенно обращается ко мнѣ посланецъ, сообщая свое имя и цѣль прибытія.

Слѣзши съ лошади послѣ ста слишкомъ верстнаго перехода, я занимаю мѣсто около костра на кошмѣ и съ удовольствіемъ беру поданную чашку съ зеленымъ чаемъ. Раньше, чѣмъ умыться и освободиться отъ толстыхъ слоевъ пыли, необходимо хоть полчаса вздохнуть.

— Бекъ спрашиваетъ, какъ здоровье полковника, и очень проситъ заѣхать въ Кабадіанъ, продолжаетъ мирахуръ, усаживаясь по моему приглашенію противъ меня. Давно не видалъ бекъ полковника и хотѣлъ бы поговорить со своимъ другомъ. Бекъ вѣдь такъ любить русскихъ!!...

— И я также его радъ повидать... Старый знакомый, еще лѣтъ десять тому назадъ, когда онъ былъ амлекларомъ въ Кулябѣ, его знавалъ. Веселый онъ и добрый человѣкъ.

Передо мною въ памяти сразу выросъ во весь ростъ этотъ симпатичный бухарецъ, такъ мало похожій на своихъ сослуживцевъ администраторовъ.

Происходя изъ торговцевъ, а не изъ родовой аристократіи, Сеидъ-Гани-бекъ и старшій его братъ случаемъ попали на службу эмира и быстро изъ незначительныхъ людей въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ выдвинулись, занявъ должности бековъ въ Кулябѣ и Кабадіанѣ. Лишь одинъ средній братъ, любитель спиртныхъ напитковъ, говорунъ и весельчакъ, остался въ чинѣ мирахура, состоя при старшемъ братѣ.

Я вспомнилъ, какъ родовые беки, ведущіе свое происхожденіе отъ знаменитыхъ военачальниковъ и эмировъ, съ сарказмомъ подтверждали: «морковью на базарѣ торговалъ, а теперь сталъ бе-

комъ... Эмира обошелъ и слово такое знаетъ». Съ сердечнымъ сокрушеніемъ вздыхали они о тепломъ мѣстѣ бека, дающемъ огромные доходы.

— Ну, а какъ бекъ здоровъ, хорошо живетъ въ Кабадіанѣ? задалъ я вопросъ.

— Ты самъ знаешь, тюра, Сеидъ-Гани всегда веселъ. На душѣ у него нѣтъ темныхъ дѣлъ, оттого онъ и спокоенъ, а жить ему трудно: людей мало—доходовъ мало. Безпокойся, очень скоро подать надо везти въ Бухару—боится не соберетъ сколько нужно.

Раздѣвшись и смывъ съ себя всю дорожную пыль, я чувствовалъ желаніе основательно закусить.

Блюдо дымящагося, аппетитно пахнущаго, плова появилось сейчасъ же, принесенное изъ камышей, гдѣ разложенъ былъ другой костеръ.

Мой джигитъ, быстро возобновивъ знакомство съ солдатами досталъ каравай свѣже испеченнаго хлѣба. Ужинъ оказался прекраснымъ.

На огонекъ костра подѣхалъ, живущій въ Айваджѣ, ротмистръ З., узнавшій о моемъ пріѣздѣ.

Старожилъ Аму-Дарьи, отлично знающій мѣстную жизнь, З. собщилъ мнѣ рядъ интересныхъ наблюденій надъ рѣкою Каферниганомъ.

— Помилуйте, жаловался опъ, вѣдь съ этой рѣкой ничего не подѣлаешь. Мы два уже раза строили домъ для помѣщенія людей на переправѣ. Кажется ставили достаточно далеко отъ берега и каждый разъ рѣка выходила изъ береговъ и исключительнымъ по размѣрамъ разливомъ смывала нашу постройку. Теперь построили еще дальше, но всетаки нѣтъ никакой увѣренности за ея цѣлость.

Сумасшедшая рѣка и постоянно доставляетъ намъ много хлопотъ съ паромомъ. Неожиданно иногда прибудетъ разомъ вода и сорветъ паромъ съ каната и понесетъ его въ Аму-Дарью. Весною были въ этомъ году морозы. Вынесло паромъ на отмель, а тамъ хватилъ морозъ, и онъ примерзъ такъ, что пришлось сотни двѣ рабочихъ нанимать, чтобъ его стащить и водворить на мѣсто. Наша переправа вѣдь служить только для своихъ; туземцы или переправляются вплавь или же на лодкахъ. Выше у Кабадіана поставленъ бекскій каюкъ.

Почти до самаго разсвѣта мы проболтали. Спать не хотѣлось и поэтому я съ большимъ интересомъ наблюдалъ за пробужденіемъ

природы. Блѣдная полоска свѣта на востокѣ быстро стала увеличиваться, расширяясь и захватывая весь горизонтъ; темнота, испугавшись, стала отступать, уступая свое мѣсто. Какъ будто струясь, задвигались слои воздуха, а туманы, поднимавшіеся надъ болотами, заколебались и побѣжали въ сторону, открывая постепенно рѣку.

Розовый оттѣнокъ появился на горизонтѣ, окрасивъ вершины горъ. Еще мгновеніе и край солнечнаго диска выдвинулся изъ-за вершины, и яркіе лучи побѣжали по небу, освѣщая всѣ окрестности ослѣпительнымъ блескомъ.

Напоивъ лошадей, мы двинулись по лѣвой сторонѣ рѣки, вытянувшись вереницею.

Вдали передъ нами виднѣлась темная горная вершина, а далѣе на краю горизонта вырисовывались снѣжныя вершины Гиссарскаго хребта, среди которыхъ особенно рельефно выступали горы Ходжа-Ипакъ-тау и Хозретъ-Султанъ.

Невысокая холмистая гряда поднималась параллельно берегу, а за нею, закрывая къ востоку горизонтъ, стояли горы Койчи-тау.

Обломки кирпича и глиняной посуды покрывали всѣ окрестности, служа остатками когда-то бывшей въ этой долинѣ человѣческой жизни.

Поднимаясь отвѣсною стѣною, невдалекѣ отъ берега стояла одинокая вершина, состоящая изъ известняковаго бѣлаго камня, сильно вывѣтрившагося и покрытаго темными впадинами, на которыхъ устроили свои гнѣзда орлы. Кружась вокругъ, они покрывали собою окрестные холмы, то неподвижно сидя нахохлившись, то поднимаясь и кружась въ воздухѣ.

Огромные грифы съ голыми шеями и широкимъ воротникомъ изъ перьевъ зорко посматривали на насъ своими злыми глазами. Желтоватые, бѣлые, сѣрые, черные орлы сидѣли группами, въ своей неподвижности дѣлаясь издали похожими на стада барановъ.

— Ну и орловъ здѣсь, просто на удивленіе откуда ихъ только такъ много собралось? изумлялся армянинъ-скупщикъ, ѣхавшій вмѣстѣ съ нами.

— Да это вѣрно, подтвердилъ Караулъ-Беги. Во всемъ здѣшнемъ краѣ ихъ всегда достаточно—и зимою и лѣтомъ. Любятъ они наши Гиссарскія горы и выводятъ въ нихъ своихъ птенцовъ, а потомъ, когда стада выходятъ на пастбища, они все время ихъ сопровождаютъ. Среди барановъ всегда много болѣзней. Каждый день ихъ, можетъ быть, не одна сотня дохнетъ въ стадахъ и тогда слета-

ются орлы со всѣхъ сторонъ на пиршество, оспаривая другъ у друга кусокъ добычи. Мгновенно разрываютъ они трупъ павшаго животнаго и, обмотавшись внутренностями, выпачканные кровью, несутъ въ когтяхъ куски мяса своимъ птенцамъ. У насъ говорятъ, что раньше въ Гиссарскихъ горахъ жилъ ихъ орлиный падишахъ.

— Развѣ у птицъ можетъ быть падишахъ? удивился скупщикъ.

— Отчего же нѣтъ? Аллахъ далъ всему живущему разумъ и поэтому въ томъ нѣтъ ничего необыкновеннаго.

Если тюрка желаетъ, я расскажу одну исторію, которую давно слышалъ, когда пришлось быть у подножья Хозретъ-Султана, куда въ лѣтнія жары сгоняются стада барановъ изъ всѣхъ ближайшихъ мѣстъ Кабадіанскаго, Динаускаго и Гиссарскаго бекствъ.

Высоки горы Гиссарскія, но среди нихъ еще выше поднимается Хозретъ-Султанъ, выступая своими снѣговыми вершинами, какъ будто взрослый человѣкъ между дѣтей. Среди дикихъ мрачныхъ ущелій, покрытыхъ зеленою мховъ, стоитъ онъ гораздо выше тѣхъ мѣстъ куда поднимаются наши узбеки и киргизы со своими стадами, даже выше тумановъ, носящихся надъ ущельями и облаковъ, окутывающихъ густымъ покровомъ начало вѣчныхъ снѣговъ. Тамъ высоко въ воздухѣ, смотря на вѣчное солнце, носятся одинокіе орлы, улетаая далеко отъ грѣшной земли и славя Аллаха, все создавашаго.

Борясь съ вихрями, поднимаются орлы въ недосыгаемыя высоты, гдѣ царитъ вѣчное безмолвіе и парятъ надъ всѣмъ горные духи.

Со всѣхъ сторонъ: съ нашихъ мѣстъ, съ равнинъ прекраснаго Шаршауза, изъ ущелій Дербента, съ низкихъ полей Куляба и даже съ береговъ далекаго Зарявшана можно видѣть вершину Хозретъ-Султана, который стоитъ всегда окруженный облаками, за которыми ярко блестятъ и переливаются на солнцѣ ослѣпительно бѣлые снѣга, покрывающіе его голову.

Но въ давнія времена не всегда онъ былъ пустыненъ и одинъ разъ въ сто лѣтъ на его высотахъ начиналась жизнь и слышался страшный шумъ крыльевъ и громкіе крики. И всѣ люди знали, что наступаетъ великій день начала новаго столѣтія, а вмѣстѣ съ этимъ на вершинахъ Хозретъ-Султана происходятъ выборы орлинаго царя.

Смѣлы и сильны орлы—нѣтъ птицы могучѣе ихъ. Нѣтъ храбрѣе никого изъ птицъ и даже человѣка не боятся они. Но и среди нихъ, какъ среди людей, есть болѣе сильные, въ тѣло которыхъ

Аллахъ вложилъ частицу чего-то, что отличаетъ ихъ отъ всѣхъ другихъ. Какъ и вездѣ, и у нихъ кто сильнѣе, тотъ славнѣе считается и первенствуетъ среди остальныхъ.

Слетались на выборы орлиного падишаха всѣ орлы со всѣхъ мѣстъ прекрасной земли, созданной Аллахомъ. Ихъ всегда было такъ много, что горы, ими покрытыя, казались живыми, такъ какъ на ихъ склонахъ вездѣ сидѣли орлы.

Какъ и раньше, съ тѣхъ норъ, какъ стоитъ свѣтъ, слетѣлись и на этотъ разъ орлы и каждый изъ нихъ, несясь по воздуху, несъ въ своихъ крѣпкихъ когтяхъ ту добычу, которая ему была подъ силу. И все принесенное складывали они у подножья орлиной скалы въ горахъ Хозреть-Султана, на которой сидѣлъ старый орлиный падишахъ, ироцарствовавшій столѣтіе и ожидавшій выбора себѣ преемника.

Сидя на тронѣ съ золотою парскою короною на головѣ, сотканною изъ золота, связанною солнечными лучами, старый орлиный падишахъ пытливымъ взоромъ осматривалъ каждую принесенную добычу. Хотя уже всѣ перья у него были сѣдые отъ долгой жизни, но крѣпко было его тѣло, остры огромные когти и сильны широкія крылья. Смѣлъ и строгъ былъ его взглядъ и бодро билось крѣпкое юношеское сердце въ высокой груди.

Со страхомъ смотрѣли на своего владыку всѣ орлы, безпрекословно подчиняясь его волѣ. Но въ этотъ часъ тяжело было на душѣ у стараго орлиного падишаха—власть привлекательна и жаль ему было разстаться съ величіемъ и почетомъ. Трудно казалось, бесконечно трудно, снять съ посѣдѣвшей головы золотую корону и, передавъ ее новому избраннику, самому удалиться на покой, гдѣ смиренно ожидать конца своей долгой и славной жизни, ибо по обычаю не могъ оставаться старый падишахъ въ горахъ Хозреть-Султана.

Онъ любовался послѣдніе часы, какъ прекрасное солнце освѣщало всѣ вершины, искрясь въ ледникахъ и снѣгахъ, переливаясь какъ радуга. Болѣло его сердце, что не увидитъ онъ больше родныхъ горъ съ ихъ мрачными ущельями, съ веселящими взоръ прекрасными долинами; не увидитъ больше водопадовъ, рѣкъ, ручьевъ и озеръ, въ водяную поверхность которыхъ любилъ онъ смотрѣть въ часы отдыха, видя свое отраженіе и любясь яркими лучами золотой короны, сіявшей на его головѣ. И все это останется въ прошломъ лишь, какъ тяжелое воспоминаніе для него, всѣми забы-

таго и-покинутаго, но надо было покориться. Онъ также все время помнилъ, что шаріатъ ¹⁾ сильнѣе всего на свѣтѣ и ему надо покориться. Онъ помнилъ не только свою власть, онъ также зналъ и обязанности, лежавшія цѣлое столѣтіе на его плечахъ.

Тяжело вздохнувъ, онъ далеко отогналъ отъ себя печальныя мысли и, встряхнувшись, сталъ осматривать всю добычу, сложенную у подножья престола, принесенную орлами. Онъ долженъ былъ самъ выбрать по ней того, кто окажется самымъ сильнымъ, могучимъ и смѣлымъ изъ всѣхъ орловъ.

Всѣ склоны горы были покрыты трупами круторогихъ сернь, сильныхъ архаровъ, огромныхъ кіиковъ, простыхъ барановъ, лебедей; тутъ лежало все, что только могли принести орлы со своей охоты.

Все это видѣлъ орлиный падишахъ, сравнивая одно съ другимъ и не поражаясь совершенно необычайными размѣрами и вѣсомъ принесенной добычи.

Но неожиданно и онъ остановился въ удивленіи, увидѣвъ, какъ позднѣе всѣхъ прилетѣвшій молодой орелъ, медленно и осторожно спускаясь съ вышины, положилъ къ ²⁾его ногамъ чудной красоты юную дѣвушку, принесенную имъ изъ далекихъ Загроскихъ горъ, лежащихъ на краю Иранской страны.

Видъ дѣвушки, смотрѣвшей на него испуганными глазами, на минуту смутилъ стараго орлинаго падишаха, но онъ сейчасъ вспомнилъ свои обязанности и прерывающимся отъ волненія голосомъ во всеуслышаніе объявилъ имя своего преемника—могучаго орла, принесшаго такую, невиданную ³⁾никогда и никѣмъ изъ орловъ, добычу.

И новый орлиный падишахъ разомъ, величественно взмахнувъ крыльями, приблизился къ подножью престола, чтобы принять корону и, украсивъ ею свою голову, занять на немъ мѣсто, отпраздновавъ вступленіе свое на престолъ пиршествомъ изъ принесенной всѣми орлами добычи. Но живые человѣческіе глаза, смотрѣвшіе на орловъ, мѣшали и тревожили ихъ душевное спокойствіе.

Растерзать живую дѣвушку или столкнуть ее въ пропасть не могли орлы, ибо Аллахъ вложилъ величіе и благородство въ ихъ сознаніе... Не хотѣли они также омрачать веселый день избранія дурнымъ дѣломъ, пролитіемъ крови любимѣйшаго изъ созданий Аллаха—человѣка.

¹⁾ Шаріатъ—законъ.

Долго сидѣли орлы въ молчаніи, пока не приняли рѣшенія—отнести молодую красавицу обратно на то мѣсто, откуда ее похитилъ могучій новый орлиный падишахъ. Но никто не смогъ бы кромѣ него самого выполнить такой подвигъ, а поэтому онъ же долженъ былъ отнести ее въ далекую Иранскую страну.

Собралъ снова всю свою силу молодой орлиный падишахъ и, схвативъ своими желѣзными когтями за поясъ прекрасную дѣвушку, понесся съ нею къ вершинамъ Загроскихъ горъ въ Иранскую страну, а старый падишахъ остался на высотѣ своего престола, ожидая его возвращенія вмѣстѣ со всѣмъ орлинымъ народомъ. Закружились орлы въ воздухѣ, видя силу и могущество избраннаго ими новаго падишаха, и понеслись за нимъ слѣдомъ, сопровождая своего избранника торжествующими криками.

И остался старый орелъ на зысокой скалѣ одинъ всѣми покинутый, размышляя о своемъ прошломъ величій, съ которымъ придется ему черезъ самое короткое время разстаться навсегда. Угрюмый съ камнемъ на дунѣ остался онъ со своими черными мыслями, готовясь снять золотую корону, сотканную изъ лучей солнца, и отдать ее другому.

Горько ему было сознавать, что онъ, который столѣтіе занималъ первое мѣсто и стоялъ выше всѣхъ, долженъ уступить его никому неизвѣстному иранскому орлу.

Не могла смириться съ этимъ его гордая душа: «лучше умереть въ блескѣ славы, чѣмъ жить въ забвеніи», рѣшилъ онъ и, взмахнувъ своими широкими крыльями, плавно понесся надъ горами, поднимаясь все выше и выше въ то царство безмолвія, окружавшее вершины Хозретъ-Султана, куда никогда не поднимались орлы.

Уже орлиная скала едва чернѣла, гдѣ то страшно далеко, внизу подъ нимъ.

Сложивъ разомъ свои могучія крылья, старый орлиный падишахъ, какъ камень, быстро кинулся внизъ, разсѣкая воздухъ, и черезъ минуту его тѣло съ глухимъ стукомъ ударилося о вершину скалы, обагривъ все вокругъ теплою кровью и усыпавъ разлетѣвшими перьями, далеко вокругъ, всю подошву горы.

Описывая широкую дугу въ воздухѣ, упала золотая корона падишаха и разлетѣлась на тысячи кусковъ, ввидѣ сіяющихъ брызгъ, осыпавшихъ ущелья Хозретъ-Султана.

Всѣ животныя, горные козы и бараны, пасшіеся на склонахъ горъ, въ смертельномъ ужасѣ, ослѣпленные этими искрами, разбѣ-

жались по долинамъ, ища спасенія, и даже легкія облака, окружавшія орлиную скалу, быстро унеслись прочь и спрятались въ ущельяхъ.

А великій Хозретъ-Султанъ, тысячелѣтія привыкшій видѣть славу орлинаго падишаха, тяжело вздохнувъ, весь содрогнулся и затряслась земля вокругъ по всѣмъ равнинамъ и попадали строенія, воздвигнутыя людьми въ ближайшихъ и дальнѣйшихъ отъ него мѣстахъ.

Черныя тучи, быстро несясь по небу, заколебались, загремѣлъ громъ, засверкали молніи и весь Хозретъ Султанъ окутался темными тучами въ знакъ своей печали.

Жалобно завылъ вѣтеръ въ ущельяхъ, оплакивая смерть орлинаго падишаха, а изъ тучъ, какъ капли слезъ, полился дождь. Въ долинахъ же несмолкаемымъ плачемъ заплакали стайки шакаловъ.

Долго потомъ вернувшіеся орлы отыскивали орлинаго падишаха и золотую, сотканную изъ лучей солнца, корону. Но нигдѣ ея не было.

Съ тоскливыми криками звали они стараго падишаха, носясь около орлиной скалы, но затѣмъ, понявъ, что случилось что-то необыкновенное, разлетѣлись снова во всѣ стороны и каждый, захвативъ себѣ отдѣльную гору, сталъ надъ нею царствовать и съ тѣхъ поръ орлы перестали выбирать себѣ падишаха, считаясь такими же свободными, какъ вѣтеръ, гуляющій на вершинахъ Хозретъ Султана, куда уже не слетаются, какъ раньше, орлы со всего свѣта. Оттого теперь каждый орелъ самъ себѣ падишахъ.

Глава II.

Овцеводство.—Змѣи.—Пророкъ Магометъ и змѣя.

Съ интересомъ прослушавъ это преданіе, отзывавшееся глубоко стариною, я занялся осмотромъ окрестностей.

Все время съ лѣвой стороны тянулись заросли камышей, а съ правой разстилалась широкая равнина, ограниченная темными горами Койчи-тау, составлявшими водораздѣлъ между рѣками Каферниганомъ и Вахшемъ.

Издали горы казались мрачными и совершенно пустынными безъ всякихъ признаковъ растительности.

Желая провѣрить свое впечатлѣніе, я обратился къ Караулъ Беги.

— Есть ли растительность въ тѣхъ горахъ, навѣрное знаетъ Абдукадиръ-бекъ?

— Да, тюра. Горы носятъ свое названіе, получивъ его отъ огромнаго числа барановъ, пасущихся на ихъ высотахъ. Кой — овца. Сюда сгоняютъ большое число стадъ со всѣхъ мѣстъ, такъ какъ весною много хорошихъ травъ растетъ по горнымъ склонамъ, но въ горахъ также есть небольшія долинки съ родниковою водою, а въ ущельяхъ встрѣчаются кустарники и деревья, хотя ихъ немного.

Чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ выше эти горы, но зато склоны ихъ болѣе отлоги, а такія каменистыя вершины, какъ здѣсь, чередуются съ мягкими горами. Въ этихъ мѣстахъ больше всего живутъ киргизы рода Локай, разводящіе табуны лошадей, а кромѣ того многіе изъ нихъ владѣютъ многочисленными стадами барановъ.

Испуганныя стукомъ конятъ, изъ подъ ногъ лошадей все время выскакивали красивыя разноцвѣтныя ящерицы и, остановившись невдалекѣ, провожали насъ любопытными глазами.

Порою, извиваясь своимъ блестящимъ тѣломъ, дорогу переползали небольшія змѣи, оставляя на песокѣ слѣды своего движенія. Свернувшись въ кольцо и сердито шипя, эти гады производили отталкивающее впечатлѣніе.

— Однако, какъ ихъ здѣсь много! Навѣрное часто кусаютъ людей?

— Да, тюра, въ рѣчной долинѣ сыро и змѣи любятъ эту сырость; оттого ихъ и много, но только опаснѣе тѣ, которыя живутъ въ пескахъ. Аллахъ сотворилъ ихъ въ наказаніе и на страхъ людямъ. И даже однажды пророкъ Магометъ Печать-пророковъ едва не былъ укушенъ такою же ядовитою гадиною, которая страшно зла и неблагодарна, такъ какъ ея дѣйствіями управляетъ всегда самъ иблисъ²⁾).

Однажды, совершивъ ранній намазъ, пророкъ вышелъ полюбоваться восходомъ солнца и посмотреть на пробужденіе всего живущаго послѣ ночного отдыха.

Уже всѣ животныя, воздавъ славу ихъ Сотворившему, спѣшили найти себѣ пищу. Стаи птицъ кружились въ воздухѣ, высматривая

²⁾ Иблисъ — нечистый.

себѣ добычу. Жуки и насѣкомыя ползали по землѣ и все радовало взоръ пророка, спокойно шествовавшего среди прекрасной долины и размышлявшего о величїи Творца всего міра.

Но неожиданно пророкъ вынужденъ былъ остановиться, такъ какъ услышалъ жалобное шипѣніе и, взглянувъ на землю, увидѣлъ, что маленькая красивая змѣйка, извиваясь кольцами, быстро ползла къ нему навстрѣчу.

«Посланникъ Божій, жалобно заговорила она, свернувшись и поднимая свою голову. Спаси твореніе Всемогущаго, не дай ему погибнуть. Мой врагъ близко и сейчасъ меня уничтожить».

Темная тѣнь въ это время закрыла лучи солнца и, посмотрѣвъ вверхъ, увидѣлъ пророкъ большого аиста, несшагося по воздуху, широко раскинувъ свои крылья, и преслѣдовавшего змѣю.

Стало жаль пророку живой твари. Недолго думая, протянулъ онъ надъ змѣею свою руку, вытянувъ мизинецъ. Поняла змѣя и, сверкнувъ на солнцѣ своей блестящей чешуей, прыгнула вверхъ и, какъ драгоценное кольцо, обвилась вокругъ пальца. Не посмѣлъ аистъ тревожить пророка, взмахнулъ крыльями и понесся дальше, отыскивая себѣ другую добычу.

Видя, что опасность для змѣи миновала, захотѣлъ пророкъ пустить ее на землю, но сердито зашипѣла змѣя:

«Ошибаешься, пророкъ, ты забылъ, что моею волею управляетъ самъ иблисъ и за всякое добро я всегда плачу зломъ, а потому я должна укусить тотъ палецъ, который служилъ мнѣ убѣжищемъ во время опасности».

Вытянула змѣя свою шею, открыла ротъ и только что хотѣла вонзить свои ядовитые зубы въ палецъ пророка, какъ въ это время быстрымъ прыжкомъ прыгнула вверхъ кошка, сопровождавшая посланника Бога въ его прогулкѣ, и, схвативъ змѣю за шею, откусила ей голову. И тѣмъ спасла по волѣ Аллаха его пророка—Печать всѣхъ пророковъ.

Посмотрѣлъ пророкъ на свой палецъ, который съ укоромъ обратился къ нему:

«Я самый маленькій изъ пальцевъ, служащихъ тебѣ, хозреть³⁾, какъ же могъ ты подвергнуть меня такой большой опасности?»

Задумался пророкъ, признавъ справедливость его жалобы, и, чтобы вознаградить его, обратившись къ собравшимся около него правовѣрнымъ, сказалъ:

³⁾ Хозреть—святой.

«Украшайте всегда мизинецъ на лѣвой рукѣ украшеніемъ прекраснымъ».

И стали съ тѣхъ поръ всѣ мусульмане носить на этомъ пальцѣ кольца съ драгоценными камнями, смотря на нихъ и вспоминая при этомъ доброту пророка и его милосердіе къ каждой твари.

Небольшой кишлакъ Шахъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ кибитокъ съ камышевыми загонами для скота, являлся единственнымъ населеннымъ пунктомъ на лѣвой сторонѣ недалеко отъ впаденія Кафернигана въ Аму-Дарью, находясь въ верстахъ десяти отъ его устья.

Пользуясь влагою отъ разливовъ рѣки, арабы, составляющіе население кишлака, воздѣлываютъ небольшіе участки для посѣва джунгары и ячменя; тутъ же виднѣются довольно значительные баштаны съ зрѣющими ароматными дынями.

Нѣсколько куртинъ деревьевъ, растущихъ около арыка, являются остатками когда-то многолюднаго кишлака. Старая ирригаціонная система, орошавшая поля, давно пришла въ упадокъ и лишь кое-гдѣ на мѣстахъ прежнихъ садовъ виднѣются кусты имбиря, мощно поднимающагося своими прямыми стеблями надъ поверхностью земли и глубоко проникающаго въ ея толщу своими корнями, ища влагу.

Почти вся равнина въ давнее время была заселена арабами, завоевавшими страну въ V и VI вѣкѣ и выбравшими для своихъ поселеній самыя богатые и плодородныя земли.

Живя отдѣльно отъ узбековъ и киргизовъ, несмотря на истекшій огромный періодъ свыше тысячелѣтнаго существованія, арабы сохранили почти въ чистотѣ свой типъ и лишь въ языкѣ и обычаяхъ появилось у нихъ много заимствованій отъ ближайшихъ сосѣдей.

Представляя собою вначалѣ господствующій классъ, арабы долгое время держались совершенно отдѣльно отъ мѣстнаго населенія, не смѣшиваясь съ нимъ, и лишь впослѣдствіи они стали брать себѣ женъ изъ ближайшихъ сосѣднихъ племенъ, хотя въ то же время до сихъ поръ случаи выдачи ихъ дочерей въ замужество за узбековъ и киргизовъ крайне рѣдки, а за таджиковъ никогда не встрѣчаются.

Привлеченные богатствами Бухарскаго государства, первые арабскіе завоеватели произвели рядъ набѣговъ на страну исключительно съ цѣлью захватить возможно больше добычи, причемъ, не вмѣшиваясь совершенно въ дѣла внутренняго управленія, они

за собою оставляли лишь сборъ податей, сохранивъ всѣ мѣстныя власти на своихъ мѣстахъ и въ то же время совершенно не интересуясь дѣлами религіозными, къ которымъ они относились съ полнымъ безразличіемъ въ теченіе едва ли не двухъ столѣтій. Позднѣе, подъ вліяніемъ развитія фанатизма, появилось стремленіе къ прозелитизму, вызванному отчасти и государственными соображеніями.

Начавъ укрѣплять свое владычество въ странѣ и встрѣтивъ глухое недовольство къ себѣ со стороны мѣстныхъ жителей, исповѣдававшихъ буддизмъ и христіанство, со значительной примѣсью стороннихъ вѣрованій, арабы вынуждены были начать борьбу съ этимъ упорствомъ, воспитаннымъ на націоналистическихъ воззрѣніяхъ.

Поддерживая своихъ князей и ихъ династіи, свергнутыя съ престоловъ арабами, туземныя племена неохотно принимали мусульманство, въ силу чего таковое вводилось не убѣжденіемъ, а лишь силою.

Постоянно опасаясь за прочность своего положенія во враждебной странѣ, арабы выработали особую систему наблюденія за жителями, поселивъ въ каждомъ домѣ туземца араба, которому поручалось не только принимать мѣры къ присоединенію его къ мусульманству, но наблюдать за каждымъ его шагомъ.

Это тяжелое время, пережитое народомъ, отразилось на взглядахъ и его отношеніяхъ къ арабамъ, которые даже тысячелѣтіе позднѣе все еще оставались недоброжелательными. Но постепенно время сгладило внѣшнюю рознь, хотя и не ассимилировало эти племена между собою.

Какъ потомки племени, изъ котораго происходилъ пророкъ, а затѣмъ, какъ завоеватели страны, арабы до сихъ поръ смотрятъ съ нѣкоторой снисходительностью и превосходствомъ на узбековъ и киргизъ.

— Много ли арабовъ въ ханствѣ, не знаетъ ли Караулъ-Беги? задалъ я вопросъ своему спутнику.

— Да, тюра, достаточно; ихъ кишлаки есть вездѣ, но больше всего около Каршей, Шахризьбса и Бухары. Вездѣ, гдѣ только есть старинныя мазары на могилахъ святыхъ людей, около нихъ живутъ ихъ потомки, носящіе званіе шейховъ и наблюдающіе за ихъ могилами. Много также среди нихъ и ишановъ, Сеидовъ, которые выдають себя за потомковъ пророка, есть также и Алиды, потомки Ширъ-Али-Льва Божьяго, но только кто знаетъ, одинъ

Аллахъ знаетъ, кто изъ нихъ настоящій, а кто обманщикъ. Люди имъ вѣрятъ, а они живутъ поэтому хорошо! Вѣдь узнать, тюра, обманщика трудно; онъ самъ всегда себя хорошимъ человѣкомъ показываетъ, надо быть мудрымъ какъ имамъ Маликъ, чтобы разгадать человѣка.

— А кто это имамъ Маликъ? спросилъ я разговорчиваго Караулъ-Беги.

— Имамъ Маликъ былъ великій хозретъ, котораго любилъ самъ халифъ Гарунъ-аль-Рашидъ за его мудрость, а въ его дѣлахъ всегда видно было произволеніе Всевышняго. Звали его Абу-Абдалла-Маликъ-Бекъ-Аннасъ и родился онъ въ великомъ святомъ городѣ Мединѣ въ 94 г. Ходжры (716 по Р. Х.) при халифѣ Сулейманѣ, а училъ его Сахинъ-ибнъ-Саидъ, послѣдній изъ жившихъ въ то время людей, видѣвшихъ своими глазами самого пророка Магомета—Печать всѣхъ пророковъ.

И передалъ ему учитель все, что зналъ о жизни пророка, а имамъ Маликъ записывалъ каждое его слово, все время ведя строгую жизнь и постясь четыре дня въ недѣлю. Даже самъ имамъ Абду-Ханифа любилъ съ нимъ бесѣдовать, а когда Медину посѣтилъ великій халифъ Гарунъ-аль-Рашидъ, чтобы поклониться могилѣ пророка, имамъ Маликъ его встрѣтилъ. Много слышалъ о немъ калифъ и, желая послушать самъ поученія имама, сказалъ ему:

— О, Маликъ, окажи милость, приходи ко мнѣ каждый день и поучи моихъ сыновей преданіямъ о жизни пророка.

Но не согласился на это имамъ Маликъ и отвѣтилъ:

— О, халифъ, наука такъ возвышенна, что вмѣсто того, чтобы идти къ кому-нибудь, сама она требуетъ, чтобы шли всѣ къ ней.

Увидѣлъ халифъ, что правъ былъ имамъ, и послалъ къ нему своихъ двухъ сыновей, которые сдѣлались учениками имама Малика, сѣвъ среди другихъ, учившихся у него.

Много книгъ написалъ имамъ Маликъ, пока не умеръ въ глубокой старости, еще при жизни сдѣлавшись хозретомъ, т.-е. святымъ.

Глава III.

Шааръ-Туузъ.—Чаршамбе.—Каракулевое овцеводство и торговля каракулемъ.

Ширина долины скрадывалась въ значительной степени горными хребтами, виднѣвшимися съ обѣихъ сторонъ, между кото-

рыми разстояніе повидимому было не менѣе пятидесяти слишкомъ верстъ.

На правомъ берегу рѣки вырисовывались группы растительности, обозначавшія кишлаки, среди которыхъ виднѣлись войлочные кибитки, указывавшія, что населеніе этого района не отвыкло отъ кочевой жизни, любя проводить большую часть года въ перепосныхъ, а не въ постоянныхъ жилищахъ, которыя главнымъ образомъ служатъ для зимняго времени.

— Давно здѣсь люди живутъ? указаль я на кишлакъ Хошади, лежащій прямо противъ насъ по другую сторону рѣки.

— Нѣтъ, тюра, не больше лѣтъ жизни взрослого человѣка. Въ книгахъ написано, что здѣсь прежде много городовъ было, но потомъ люди ушли и долгое время лишь звѣри бродили по этимъ мѣстамъ. Затѣмъ, когда эмиръ ходилъ войной на Гиссаръ, и наказывалъ не слушающихъ его воли, много народа оттуда ушло и поселилось здѣсь на берегахъ Кафернигана, вдали отъ грознаго Астанокѹла-Кушъ-Беги намѣстника эмира въ Гиссарѣ.

Среди камышей и тугаевъ людямъ было хорошо жить. Сюда ушли тѣ, кто боялся веревки и ножа, но за то здѣсь Афганистанъ недалеко и можно было, перебравшись на гунсарахъ черезъ Аму, кое-что захватить у афганцевъ, плохо оберегающихъ свои стада.

Соберется нѣсколько лихихъ батырей и ночью отобьютъ лошадей, быковъ и барановъ и перегонятъ ихъ на Бухарскую сторону, а иногда, если посчастливится, и товаръ у проезжихъ купцовъ отнимутъ. Въ Кабадіанѣ или Гиссарѣ продадутъ и долго послѣ этого живутъ хорошо богатыми баями.

— А Кабадіанскій бекъ развѣ не мѣшалъ имъ? спросилъ я, съ любопытствомъ смотря на Караулъ-Беги, видимо съ удовольствіемъ вспоминавшаго жизнь прирѣчнаго населенія, къ которому онъ самъ принадлежалъ.

— Тюра, ты самъ знаешь, кто же не любитъ деньги, отвѣтилъ Караулъ-Беги. Кому доставалась большая добыча, тотъ самъ бека не забывалъ, зная что у него большой расходъ. И бекъ этихъ людей не трогалъ... Да и для чего? Каждый изъ нихъ самъ по себѣ. Бекъ за порядкомъ смотреть, а они въ Бухарѣ непорядка не дѣлали.

— Развѣ никогда не бывало? А какъ же я слышалъ въ Курганъ-тюбе, что по здѣшнимъ дорогамъ и до сихъ поръ ѣздить для купцовъ съ товарами не безопасно?

— Это такъ, тюра. Иногда бываетъ, что обидятъ купца. Но только дѣлаютъ такое дѣло большіе люди Кургантюбинскаго бека.

Но только теперь плохо стало, вздохнулъ онъ съ большимъ сожалѣніемъ, съ тѣхъ поръ, какъ поставили солдатъ уруссовъ на границѣ, переправляться въ Афганистанъ стало труднѣе.

Кишлаки Чуянцы и Саятъ были почти закрыты отъ насъ огромными зарослями камышей, среди которыхъ все время встрѣчались небольшія озера и болота съ массою мелкой рыбы, сновавшей въ прозрачной отстоявшейся водѣ. Водяные пауки торопливо скользили по поверхности, а огромныя стрекозы и цикады носились въ воздухѣ, наполняя окрестности своимъ стрекотаніемъ. Огромныя зеленныя лягушки съ любопытствомъ выглядывали изъ воды, дружнымъ хоромъ ведя свой концертъ и на минуту лишь прерывая его, услышавъ стукъ копытъ нашихъ лошадей.

Камыши были настолько велики, что закрывали совершенно всадника, сидящаго на лошади, и не давали возможности видѣть окрестности, за исключеніемъ гряды темныхъ горъ на горизонтѣ.

Порою ломая сухія заросли и шелестя камышами, мимо насъ проносился испуганный олень. Положивъ свои вѣтвистые рога на спину и вытянувъ шею, красивое животное сильными прыжками уходило въ заросли, съ ужасомъ смотря на группу людей своими печальными черными глазами. Нѣсколько разъ собаки съ громкимъ лаемъ кидались за ними вслѣдъ, но, наткнувшись на стебли камыша, мѣшавшіе ихъ бѣгу, съ сконфуженнымъ видомъ возвращались обратно.

Хлопая крыльями, съ рѣзкими криками срывались красныя фазаны и, поднявшись на воздухъ, перелетали дальше, прячась въ густыхъ заросляхъ. Утки цѣлыми стайками покрывали небольшія озера, ныряя въ воду при нашемъ приближеніи, а затѣмъ, вынырнувъ, уносились вверхъ, долго описывая широкіе круги въ воздухѣ... Длинноногіе кулики расхаживали по отмелямъ, а бѣлыя чайки и рыболовы все время носились надъ нами, своими унылыми пронзительными криками непріятно дѣйствуя на настроеніе.

Въ кишлакѣ Шааръ-Тузѣ пришлось стать на отдыхъ. Лошади значительно утомились, а полуденное солнце уже давало себя чувствовать.

Зеленые снопы сочнаго клевера, срѣзаннаго наканунѣ, были положены лошадямъ, поставленнымъ на приколахъ и накрытымъ теплыми попонами съ капорами для предохраненія отъ солнечныхъ лучей.

Мы сами устроились подъ навѣсомъ, гдѣ продувалъ вѣтеръ и кисловатый айранъ ⁴⁾, поданный въ огромной мискѣ, давалъ возможность утолить жажду.

Напротивъ на противоположномъ берегу рѣки видѣлся кишлакъ Баккы, окруженный небольшою растительностью.

Рядомъ съ нами поднимались по арыку кусты инжира, красивые побѣги котораго съ сочными зелеными листьями выгодно выдѣлялись среди остальныхъ породъ кустарниковъ.

Представляя собою растеніе, распространенное по всей Азіи, инжиръ въ Бухарскомъ ханствѣ встрѣчается преимущественно въ садахъ; въ видѣ отдѣльныхъ кустовъ и особыхъ плантацій туземцы его не разводятъ. Родиной инжира считается Малая Азія, гдѣ особенно много разводятъ его въ окрестностяхъ Смирны, откуда ежегодно вывозится на нѣсколько милліоновъ рублей сушеной винной ягоды.

По внѣшнему виду плодовъ инжиръ бываетъ двухъ сортовъ: плоской формы лимонно-желтаго цвѣта съ мякотью бѣлаго и фіолетоваго цвѣта и слегка удлиненной формы съ мякотью розоваго цвѣта. Представляя собою крайне выгодное растеніе, не требующее особаго ухода, инжиръ имѣетъ всегда сбытъ, а потому крайне желателенъ для культивированія въ ханствѣ. Лучшими условіями для развитія этого растенія являются глинистая почва съ значительною примѣсью песку, обильное орошеніе и большой зной, при отсутствіи лѣтнихъ осадковъ. Разводится оно крайне легко при посредствѣ посадки черенками и уже на пятый годъ даетъ плоды. Для предохраненія же кустовъ отъ вымерзанія необходимо на зиму пригибать побѣги къ землѣ и засыпать ихъ землею, что легко исполнимо, благодаря большой гибкости инжира.

Давая урожай до 150 пудовъ сушеной винной ягоды съ десятины и не требуя особаго ухода, инжиръ является крайне выгоднымъ для владѣльца, принося до 300 слишкомъ рублей чистаго дохода съ такого участка, а потому на культуру этого растенія обращено особое вниманіе, для чего и производятся въ широкихъ размѣрахъ опыты на Кавказѣ на Сухумской опытной станціи.

До кишлака Чаршамбе протянулись, засѣянные пшеницею и джунгарою, участки, но видимо земледѣліе во всемъ этомъ районѣ, благодаря такой малой заселенности, занимаетъ крайне незначительную площадь пригодной для него земли и огромныя про-

⁴⁾ Айранъ—изъ кислаго молока.

странства плодороднаго леса, могущія быть легко орошенными, остаются неиспользованными, заростая тугаями и густымъ камышемъ. Почти все время встрѣчаются заброшенные арыки, а открытыя мѣста усыпаны остатками кирпича и глянѣной посуды, служащими лучшимъ доказательствомъ, что край этотъ въ прошломъ былъ густо населенъ.

— Нѣтъ ли гдѣ либо развалины прежнихъ городовъ, не знаетъ ли Караулъ-Беги?

— Есть, тюра, старыя калы; ихъ вездѣ очень много, но время все разрушило и лишь холмы, насыпанные людьми, остались нѣмыми памятниками прошлой жизни. Люди иногда находятъ разные деньги очень старыя, но только это не мусульманскіе государи ихъ дѣлали. У насъ нѣтъ такихъ муллъ, которые могли бы прочитатъ надписи на нихъ. Если деньги серебряныя, то ихъ армянинъ покупаетъ, когда пріѣзжаетъ за скотомъ и хлѣбомъ осенью, а мѣдныя пули ничего не стоятъ. Хочешь, тюра, возьми, у меня ихъ много, протянуль онъ мнѣ цѣлую гость мѣдяковъ, на которыхъ передомною замелькали надписи именъ различныхъ бактрійскихъ царей, окружающія изъѣденные временемъ портреты на монетахъ.

Мѣстность между тѣмъ приняла волнистыя очертанія, составлявшія собою южный конецъ хребта Боба-тау, являющагося однимъ изъ многочисленныхъ отроговъ Гиссарскихъ горъ. На противоположномъ берегу весь горизонтъ былъ закрытъ горами Койчи-тау, мрачно темнѣвшими своими вершинами.

Безснѣжныя, покрытыя травами, горы Койчи-тау лишь въ восточной и южной части представляютъ собою каменистыя пустынные горы, почти лишенныя растительности, и въ тоже время на своихъ склонахъ и долинахъ имѣютъ прекрасныя пастбища, покрытыя густыми сочными травами, на которыхъ съ половины мая появляются стада барановъ, пригоняемыхъ съ выжженныхъ къ этому времени равнинъ.

Помимо обыкновенныхъ барановъ въ этой части ханства встрѣчается большое количество такъ называемыхъ каракулевыхъ овецъ.

Привезенная въ далекое время арабами изъ Аравіи, каракулевая овца отлично акклиматизировалась въ Средней Азіи, гдѣ, въ особенности въ Бухарскомъ ханствѣ, ея разведеніе упрочилось и достигло значительныхъ результатовъ въ отношеніи улучшенія этой породы внимательнымъ подборомъ производителей.

Сохранивъ среди бухарцевъ свое названіе арабы, т. е. аравій-

ская, порода эта у русскихъ получила особое наименованіе каракульской отъ имени озера Кара-Куля (чернаго озера) съ городомъ того же имени, лежащимъ невдалекѣ отъ г. Бухары, около котораго, главнымъ образомъ, и сосредоточивается торговля каракулевыми шкурками.

Каракулевая овца принадлежитъ къ числу крупныхъ представителей, отличаясь по своему складу отъ другихъ разновидностей. Покрытая густою шерстью коричневаго и свѣтло-сѣраго цвѣта, съ мордою и ногами чернаго цвѣта, каракулевая овца не имѣетъ курдюка на хвостѣ и встрѣчается во всей степной части Бухарскаго ханства и по берегамъ Аму-Дарьи, но главнымъ мѣстомъ ея разведенія является безбрежная степь Урта-Чуль, лежащая между г. Бухарой, Каршами и Каракулемъ, а кромѣ того Керкинское, Кабадіанское и Курганъ-Тюбинское бекства.

Пожилой киргизъ съ небольшою сѣдою бородою, одѣтый въ сильно поношенный халатъ, сдѣлавъ почтительный куадукъ, подошелъ къ Караулъ-Беги и, сказавъ нѣсколько словъ ему, протянуль цѣлый пучекъ какихъ то палочекъ съ зарубками, сдѣланными ножомъ.

Караулъ-Беги, взявъ ихъ въ руки, сталъ внимательно пересчитывать.

— Что это такое? спросилъ я, заинтересовавшись, этого правдивнаго.

— Вотъ видишь, тюра, пришелъ человѣкъ, который за барантой смотритъ—бекъ приказалъ сосчитать, сколько теперь есть шкурокъ на продажу.

— А когда начинаютъ рѣзать барашковъ?

— Рано, тюра, съ марта мѣсяца. Самыя лучшія шкурки получаютъ отъ очень молодыхъ; ихъ иногда рѣжутъ въ тотъ же день, когда рождаются, а то черезъ 7—8 дней. Шкурки очищаютъ, просаливаютъ, затѣмъ растягиваютъ и высушиваютъ на солнцѣ. А мясо ѣдятъ. Прежде были недороги, а теперь все дороже и дороже становятся эти шкурки; отъ 70 до 100 р. за десятокъ купцы платятъ, а есть такія шкурки, что за одну можно получить 25—50 руб... Но, тюра, говорятъ, что въ большихъ городахъ ихъ продаютъ еще дороже.

Я вспомнилъ всѣ условія торговли каракулемъ и долженъ былъ согласиться.

Скупкою каракуля, помимо мѣстныхъ бековъ, покупающихъ ихъ и принимающихъ также за подать и затѣмъ сдающихъ главному

казначео ханства, въ Бухарѣ занимаются армяне, перепродающіе ихъ особымъ торговцамъ, являющимся агентами нѣсколькихъ крупныхъ русскихъ фирмъ. Весь скупленный каракуль (эмирскій отправляется съ особыми чиновниками) привозится на Нижегородскую ярмарку, гдѣ покупается въ Москву и за границу. Но самая выдѣлка и краска шкурокъ производятся почти исключительно за границею въ г. Лейпцигѣ и уже оттуда въ отдѣланномъ видѣ онѣ ввозятся снова въ Россію.

Общее число вывозныхъ шкурокъ достигаетъ 2 милліоновъ штукъ, цѣна которыхъ выражается въ 15—18 милліоновъ руб.

Каракулевое овцеводство крайне выгодно, такъ какъ овца ежегодно приноситъ одного-двухъ ягнятъ, стоимостью отъ 6 до 10 руб., въ зависимости отъ качества шкурокъ. Кромѣ того даетъ шерсть, которая стрижется два раза въ годъ, весною и осенью. Часть молока употребляется на выдѣлку масла и сыра. Средняя цѣна каракулевой овцы отъ 15 до 20 руб., бараны же продаются по цѣнѣ до 50 руб. Предѣльный возрастъ овцы отъ 7 до 10 лѣтъ.

Всѣ эти выгодныя стороны каракулеваго овцеводства привлекли къ нему особое вниманіе овцеводовъ юга Россіи, Бессарабіи и Кубанской области, которые, выписавъ изъ Бухары производителей, начали разведеніе этой породы на югѣ Россіи.

Удачный опытъ покупки нашелъ подражателей въ лицѣ земства Полтавской губ., а затѣмъ администраціи Закаспійской области и даже Румынскаго правительства. И по всѣмъ даннымъ каракулевая овца, при помощи метизаціи съ мѣстными породами, разведется во многихъ мѣстахъ южной Россіи.

Обыкновенно, въ этомъ случаѣ дѣлается въ стадѣ замѣна обыкновенныхъ барановъ каракулевыми; затѣмъ получаемые метисы вновь съ ними скрещиваются, устраняя при этомъ неудачныхъ, благодаря чему въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ все стадо превращается въ каракулевое, получая типъ, малоотличающійся отъ настоящаго.

Кишлакъ Чаршамбе, судя по базару, имѣлъ не особенно многочисленное населеніе, хотя вокругъ кишлака и лежали обработанныя поля. Напротивъ недалеко на лѣвомъ берегу расположенъ кишлакъ Башъ-Тимуръ, получившій, повидимому, свое названіе отъ головы арыка, выведеннаго изъ рѣки. Обыкновенная переправа лежала выше Кабадіана, на дорогѣ изъ г. Ширабада въ Курганъ-Тюбе, но такъ какъ намъ тогда, пройдя верстъ сорокъ по правому берегу и переправившись черезъ рѣку, вновь пришлось бы возвращаться къ Кабадіану, то я рѣшилъ попытаться переправиться противъ кишлака Башъ-Тимуръ.

Срѣзавъ нѣсколько толстыхъ сноповъ камыша и связавъ ихъ крѣпко вмѣстѣ, я сѣлъ на этотъ плотъ, положивъ на него вещи, и, держа лошадь въ поводу, оттолкнулся палкою отъ берега. Быстрое теченіе моментально подхватило плотъ и понесло его внизъ. Лошадь, фыркая и храпя, плыла сзади, вытянувъ по водѣ голову и все время внимательно смотря на меня своими умными глазами.

Проплывъ четверть версты, плотъ сталъ описывать по теченію широкой кругъ, постепенно приближаясь къ противоположному берегу, и, наконецъ, попавъ въ сильную струю, понесся около самаго берега, обрывомъ спускавшагося къ водѣ. Замѣтивъ невдалекѣ пологій скатъ, я схватился за вѣтви кустарниковъ, росшія надъ самою водою, и, выбросивъ предварительно вещи на берегъ, выскочилъ самъ, а затѣмъ съ большимъ трудомъ, скользя и падая, вытянулъ лошадь.

Переправа, казавшаяся такой легкой съ берега, оказалась очень опасной и, выйдя на берегъ, я чувствовалъ себя утомленнымъ и совершенно разбитымъ. Мои люди переправились также хорошо, но всѣ мы долго лежали на берегу, отдыхая.

— Отчего же Караулъ-Беги не сказалъ мнѣ, что переправа такая опасная и трудная?

— Когда тюра меня спрашивалъ, можно-ли, я отвѣтилъ «иншалахъ», по нашему, какъ Богъ дастъ... Кончилось хорошо, слава Аллаху, а на такой переправѣ въ благополучномъ концѣ увѣреннымъ быть никогда нельзя. Но тюра не обратилъ на это слово своего вниманія.

Весь лѣвый берегъ былъ покрытъ засѣянными полями. Глубокіе многоводные арыки несли массу воды, орошая широкую равнину, по которой протекала рѣка, струясь среди низкихъ береговъ и отдѣливъ отъ себя широкий протокъ, начинавшійся около переправы Башъ-Чарбагъ.

Большая растительность разстилалась по всей равнинѣ, среди которой виднѣлись куртины деревьевъ и сады, окружавшіе сакли широко разбросанныхъ по ней кишлаковъ.

Глава IV.

Кабадіанъ.

Самый городъ Кабадіанъ былъ видѣнъ разстилавшимся у подножья довольно высокаго холма, на которомъ построена старая крѣпость—кала, являвшаяся резиденціей прежнихъ Кабадіанскихъ мировъ.

Насчитывая свыше двухъ съ половиной тысячъ лѣтъ своего существованія, Кабадіанъ дѣлается извѣстнымъ со времени его осады войсками Александра Македонскаго въ III вѣкѣ до Р. Х. Несмотря на такую древность, остатковъ прежней жизни, въ видѣ старинныхъ построекъ, въ немъ найти нельзя. Время и люди разрушили все, что находилось на поверхности земли, и лишь въ ея нѣдрахъ, засыпанные золою пожаровъ и прикрытые слоемъ наносной земли, погребены остатки фундаментовъ и стѣнъ, находимыхъ нынѣшними его жителями при производствѣ земляныхъ работъ.

Масса монетъ, оружіе, глиняная посуда, прекрасно обожженные изразцы съ глазурью всѣхъ цвѣтовъ почти постоянно попадаютъ при устройствѣ новыхъ арыковъ, указывая на существованіе древняго города, постройки котораго были разбросаны на огромномъ пространствѣ прирѣчной долины, омываемой съ одной стороны водами рѣки Кафернигана, а съ другой огромнымъ протокомъ, выведеннымъ изъ нея и представляющимъ по количеству воды также цѣлую рѣку.

Примыкая къ подножію отдѣльно стоящей горной вершины, носящей названіе Кабадіанъ-тау, Кабадіанъ когда-то составлялъ особое независимое владѣніе, которое китайскій монахъ Сюань-Цзань, посѣщавшій въ III вѣкѣ, называетъ Кіо-хо-уеп-па.

Находясь вдали отъ Бухары, Кабадіанскій миръ то былъ совершенно независимъ, то подчинялся мирамъ Гиссарскимъ, съ которыми находился въ родствѣ, и, наконецъ, ведя постоянную борьбу съ афганскими ханствами Ташъ-Курганомъ и Кундузомъ, онъ одно время былъ захваченъ афганцами, долго считавшими это бекство принадлежащимъ къ территоріи Афганистана и ведшихъ войну изъ за него съ бухарскими эмирами.

Долголѣтнее владычество афганцевъ, переселившихся въ значительномъ числѣ въ Кабадіанъ, отразилось также и на внѣшнемъ видѣ города, въ которомъ въ большемъ количествѣ встрѣчаются постройки афганскаго типа съ куполообразными крышами. Лишь въ концѣ прошлаго столѣтія Кабадіанское бекство, какъ и всѣ земли, лежавшія на правомъ берегу Аму-Дарьи, вновь было возвращено Бухарѣ и съ тѣхъ поръ бухарскій бекъ поселился прочно въ городѣ, подчиненномъ также и гиссарскому Кушъ-Беги, пользующемуся по отношенію этого пограничнаго бекства властью генераль-губернатора.

Населеніе Кабадіанскаго бекства особенно пестро по своему составу: киргизы, узбеки, афганцы, цыгане, индусы, арабы посе-

лились въ немъ разновременно, привлекаемые одни массою свободныхъ земель, а другіе, ища убѣжища внѣ Афганистана, гдѣ надъ многими тяготѣли различные преступленія.

Находясь на прямой дорогѣ между афганскими городами Кундузомъ, Ташъ-Курганомъ и бухарскимъ городомъ Гиссаромъ, Кабадіанъ игралъ раньше значительную роль въ торговлѣ, но въ послѣднее двадцатилѣтіе, съ постройкою Самаркандско-Термезской дороги и возникновеніемъ Керковъ и Термеза, торговое движеніе стало совершаться черезъ эти города, чему способствовало отсутствіе хорошихъ путей сообщенія между Кабадіаномъ и Гиссаромъ, а также и другими сосѣдними съ ними городами.

Узкія кривыя улицы, пересѣкавшіяся въ различныхъ направленіяхъ, подтверждали, что городъ, какъ и всѣ бухарскіе города, построенъ былъ безъ всякаго плана, и населеніе, осѣдая въ немъ, строило въ центрѣ свои жилища скученно, оставляя лишь небольшіе между ними проходы; по мѣрѣ же удаленія отъ торговой части къ окраинамъ, постройки ставились въ большемъ другъ отъ друга разстояніи, примыкая къ большимъ дворамъ и садамъ.

Большая главная мечеть изъ сѣраго жженаго кирпича мрачно возвышалась передъ нами, заканчиваясь куполомъ; въ серединѣ заросшаго травой двора съ колодцемъ, окруженнымъ куртиною деревьевъ, виднѣлась медрессе, съ массою небольшихъ дверей, выходившихъ на террасу.

Старая мечеть невольно раньше всего привлекла мое вниманіе и, рѣшивъ ее осмотрѣть, я остановилъ лошадь передъ главными воротами во дворѣ.

Нѣсколько прохожихъ, заинтересовавшись моимъ пріѣздомъ, подошли ближе и, замѣтивъ, что я хочу слѣзть съ лошади, тотчасъ же бросились помогать, придерживая лошадь подъ уздцы и почти подъ руки сняли меня съ сѣдла, поставивъ на землю.

Въ мечети было много народу. Стоя правильными рядами на пыновкахъ, босые, сосредоточенно-важные мусульмане собрались для вечерней молитвы. Впереди виднѣлся старикъ имамъ съ бѣлою серебряною бородою. То стоя неподвижно и вполголоса произнося слова моленій, то падая ницъ на землю и долго лежа неподвижно, старикъ молился истово и глубокою вѣрою свѣтились его темные глаза. Какъ по командѣ, глядя на его движенія, вся огромная толпа людей становилась на колѣни, дѣлала земные поклоны, бросая въ тоже время взгляды по сторонамъ и, повидимому, выполняя обрядовую сторону религіи совершенно механически.

Приложивъ большіе пальцы рукъ къ своимъ ушамъ и раскрывъ ладони въ знакъ того, что уши открыты для слушанія слова Божьяго, имамъ долго стоялъ въ такомъ положеніи, какъ красивое изваяніе, затѣмъ, раскрывъ старую книгу въ кожаномъ переплетѣ, внятнѣе привычнымъ речитативомъ сталъ читать очередную суру ⁵⁾ Корана. И вся толпа зашептала слѣдомъ за нимъ слова пророка, сказанныя много вѣковъ тому назадъ.

— Аллахъ Акбаръ—Великъ Богъ! уже громкимъ возгласомъ закончилъ старикъ чтеніе, съ благоговѣніемъ закрывая книгу и кладя ее на мѣсто.

— Благословеніе Аллаха да сопутствуетъ путешествующимъ, привѣтливо обратился онъ тутъ же ко мнѣ, подходя ближе. Прошу сдѣлать милость и отдохнуть подъ кровлею дома, посвященнаго Творцу Вселенной.

Сопровождаемые нѣсколькими муллами, мы вышли на террасу, гдѣ тотчасъ же была разостлана кошма и поставлено нѣсколько чайниковъ и чашекъ для чая, среди приготовленнаго достархана.

Прихлебывая горячій зеленый кокъ-чай, я съ большимъ удовольствіемъ вступилъ въ разговоръ съ симпатичнымъ и начитаннымъ имамомъ.

Вокругъ насъ присѣло довольно много муллъ, съ интересомъ прислушивавшихся къ нашему разговору.

Съ большимъ знаніемъ и полнымъ отсутствіемъ фанатизма старикъ очень охотно отвѣчалъ на всѣ вопросы, интересовавшіе меня, касавшіеся мусульманской религіи.

— Отчего это такъ, невольно удивился я, почтенный имамъ находить возможнымъ бесѣдовать со мною, невѣрнымъ, о дѣлахъ вѣры, а между тѣмъ другіе, къ которымъ я обращался съ этимъ, всегда уклонялись и не хотѣли говорить?

— Ахъ, тюра, это лишь потому, что мало кто знаетъ все то, о чемъ ты спрашиваешь. Тотъ же, кто много учился, можетъ почти на все отвѣтить и всякое дѣло для него ясно. Разумѣется, не всякому дана такая мудрость, какъ имаму АбуЮсуфу, да прославится его имя во вѣки, но все же есть знающіе и теперь люди. Ты слыхалъ о немъ, тюра?

Онъ былъ великій мудрецъ. Звали его Якубъ-Бенъ-Ибрагимъ-Бенъ-Хабибъ-Аль-Куфа, но всѣ привыкли къ его короткому имени Абу-Юсуфъ. Жилъ онъ въ царствованіе высоко-мудраго халифа—Гарунъ-аль-Рашида, который сдѣлалъ его казіемъ (судьею) въ

⁵⁾ Сура—глава.

Багдадѣ, а затѣмъ и возвелъ въ должность кази-уль-куззатъ—все-равно, какъ въ Бухарѣ кази-каллянъ.

И не было въ то время казія мудрѣе его. А на каждый самый трудный вопросъ онъ могъ дать правильный отвѣтъ и даже самъ халифъ пользовался, когда нужно, его совѣтами въ дѣлахъ. И всегда рѣшеніе Абу-Юсуфа было правильно и согласно съ шаріатомъ.

Вотъ самъ посуди, до чего онъ былъ мудръ.

Однажды, во время одной изъ своихъ прогулокъ, проходилъ халифъ мимо садовъ своего родного брата Ибрагима. Цвѣли розы въ саду, распространяя аромат, и журчали фонтаны, уменьшая жару и насыщая горячій воздухъ свѣжестью своихъ холодныхъ брызгъ. Все вокругъ было красиво и такъ радовало взоръ, что великій халифъ засмотрѣлся, а въ это время, снявъ съ себя покрывало и ставъ на краю водоема, внезапно изъ-за зелени вышла красивая дѣвушка—наложница Ибрагима. И было ея стройное тѣло такъ красиво, что зажглась огнемъ желанія кровь въ жилахъ у халифа и захотѣлъ онъ имѣть ее во что бы то ни стало.

Жаль было Ибрагиму продавтъ женщину, доставлявшую ему много утѣхъ, но, ничего не подѣлаешь, воля халифа священна и хотя онъ и назначилъ за нее страшно дорогую цѣну, думая, что пожалѣетъ денегъ халифъ, но ошибся. Приказалъ Гарунъ-аль-Рашидъ уплатить и въ ту же ночь захотѣлъ сдѣлать красавицу своей наложницей.

Смутились всѣ окружающіе его люди—нельзя было сдѣлать такого грѣха, ибо по шаріату братъ не можетъ жить съ наложницею своего брата, пока она не прошла черезъ руки другого. Но не хотѣлъ халифъ, чтобы кто-либо владѣлъ до него красавицею. И обратился онъ тогда за разрѣшеніемъ вопроса къ казію Абу-Юсуфу.

Недолго размышлялъ казіи. Зналъ онъ шаріатъ и сейчасъ же посовѣтовалъ своему повелителю выдать ее замужъ за раба, съ условіемъ, чтобы онъ послѣ свадьбы сейчасъ же бы выдалъ ей разводъ.

Такъ и сдѣлали все. И женщина сдѣлалась женою раба, но самъ рабъ, какъ только увидѣлъ красавицу, забылъ свое обѣщаніе и не захотѣлъ ей дать развода. Рѣшилъ онъ, что лучше самому съ такой красавицей остаться, чѣмъ давать ей разводъ и отдавать другому, хотя и предлагалъ ему халифъ за это 100 тысячъ золотыхъ тия⁶⁾.

⁶⁾ Монета—въ 5 рублѣй.

Снова обратился тогда халифъ къ казію Абу-Юсуфу.

Призвалъ казіи всю силу своей памяти и далъ снова правильный совѣтъ.

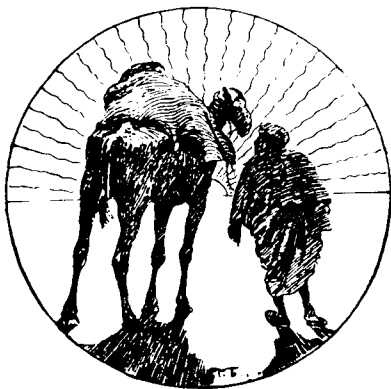
«Подарить раба женщинѣ, на которой онъ женился, потому что по шаріату такой бракъ признавался уже недѣйствительнымъ, такъ какъ свободная мусульманская женщина не можетъ быть женою своего раба».

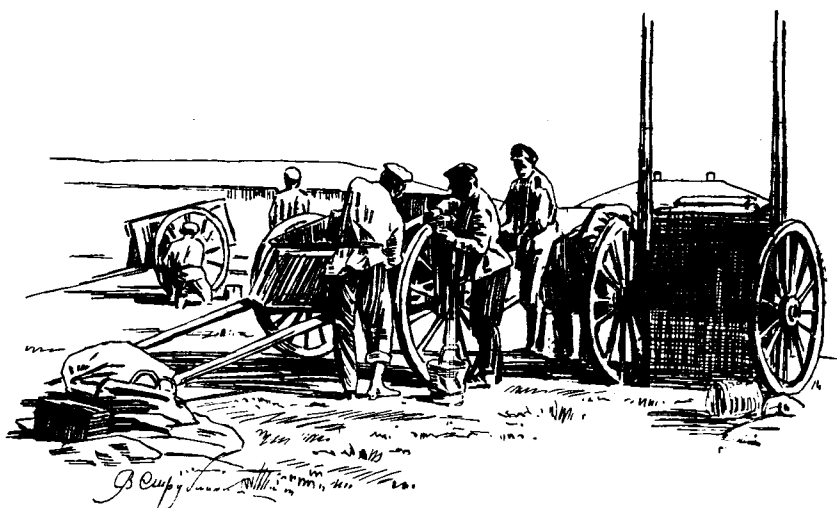
Обрадовался очень халифъ, написалъ бумагу, что дарить раба красавицѣ; приложилъ къ ней свою печать и тогда казіи Абу-Юсуфъ сейчасъ же выдалъ ей разводъ, а въ тотъ же вечеръ наложница Ибрагима, какъ уже бывшая замужемъ за другимъ, сдѣлалась наложницей его брата халифа. И всѣ люди славили мудраго казія, для котораго не было ничего неизвѣстнаго....

Подивившись въ душѣ тонкостямъ мусульманской казуистики, которая и въ настоящее время въ такомъ большомъ ходу среди законовѣдовъ всего Востока, я, посидѣвъ еще немного, простился съ радушнымъ старикомъ и направился къ беку.

Д. Логофетъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Капитанъ Воиновъ.

естокая и неумолимая смерть тихо коснулась насъ своимъ мертвящимъ дыханіемъ, бурно всколыхнувъ многолюдный полковой муравейникъ своимъ страшнымъ и гнетущимъ, двойнымъ горемъ.

Застрѣлился капитанъ Воиновъ вмѣстѣ съ младшей дочерью нашего полковника Вѣрочкой Евичъ, лишь недавно окончившей мѣстный институтъ съ золотою медалью...

Застрѣлились при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ, въ каретѣ, въ одиннадцать часовъ вечера, возлѣ нашихъ казармъ; онъ—изъ моего револьвера Ногана, а она—изъ его браунинга....

Вотъ это-то обстоятельство, что застрѣлился онъ изъ моего, подареннаго мнѣ отцомъ, Ногана сильно гнететъ и особенно мучаетъ меня, а, между тѣмъ, развѣ могъ я что-либо предположить два дня тому назадъ, когда онъ, такой веселый и смѣющийся, подошелъ ко мнѣ въ читальной комнатѣ и попросилъ мой Ноганъ, «чтобы срав-

нить, что лучше, браунингъ, только что имъ прибрѣтенный, или старый форменный Ноганъ?», что онъ рѣшилъ покончить счеты съ жизнью?

Правда, Воиновъ былъ боленъ наслѣдственной чахоткой, но вѣдь не могло же это быть причиною самоубійства?

Говорятъ — романическая подкладка, приводятъ различныя предположенія, догадки, но все эти стереотипныя, банальныя опредѣленія загадочной и двойной смерти, принесшей столько ужаснаго, не поддающагося никакому описанію горя бѣдной любящей семьѣ Вѣрочки Евичъ, развѣ можетъ что-либо опредѣлить, сказать, внести хоть какой-нибудь лучъ свѣта въ ту тяжелую и мрачную атмосферу, что надвинулась надъ родными и надъ нашимъ полкомъ?

Съ мучительною тоскою уныло входилъ я послѣ панихиды къ себѣ домой, какъ вдругъ возлѣ садовой калитки встрѣтилъ знакомаго почтальона, подавшаго мнѣ какой-то запечатанный большой конвертъ.

Я вошелъ въ свой баракъ и вскрылъ пакетъ, въ которомъ нашелъ письмо и тетрадь. Быстро разрываю письмо и наскоро пробѣгаю глазами:

«Дорогой мой Александровъ, прими отъ уходящаго отъ жизни друга Георгія его дневникъ и не поминай меня лихомъ!

Твой Воиновъ».

Небольшая тетрадь, на внутренней обложкѣ которой вклеенъ портретъ Вѣрочки Евичъ, вся исписана мелкимъ, яснымъ, хорошо знакомымъ, почеркомъ погибшаго друга, у котораго я предполагалъ быть шаферомъ....

Я всматриваюсь въ ея портретъ.

Оригинальный поставъ русой красивой головки. Грустные большіе глаза. Что-то особенно чистое, возвышенное и нетронутое въ ея задумчивыхъ, правильныхъ чертахъ и въ тонкомъ нѣжномъ овалѣ лица, на которомъ, казалось, застыла грустная предсмертная улыбка.

Какая-то сила потянула меня вдругъ къ дневнику, въ его страницы, въ бездну мелкихъ и тонко исписанныхъ строкъ, заставила меня углубиться въ душу такъ рано ушедшаго милаго друга.

Наскоро перелистываю страницы, нетерпѣливо пробѣгая пытливыми глазами, словно ища тамъ отвѣта на страшный, мучительный

вопросъ, и вотъ натыкаюсь на описаніе нашего большого полкового бала, на которомъ онъ сдѣлалъ ей предложеніе.

Передъ мною вдругъ открылось многое неясное, открылась чужая замкнутая душа, открылись длинныя мучительныя страницы сердце раздирающей драмы и я, полный ихъ сильныхъ, свѣжихъ и яркихъ впечатлѣній, взявъ въ руки перо, хочу передать ихъ въ свободномъ пересказѣ.

* * *

Была обыкновенная, холостецкая, пятница на другой день послѣ нашего большого полкового бала.

Воиновъ сидѣлъ одинъ, впотьмахъ, въ золотой гостиной. Въ полуоткрытую дверь изъ бѣлой двухсвѣтной залы вмѣстѣ со звуками струннаго оркестра, игравшаго на хорахъ, падалъ яркій бѣлый снопъ электрическаго свѣта прямо на картину занимавшую всю противоположную стѣну золотой гостиной.

Играли любимыя имъ аріи изъ «Пиковой дамы».

Изъ отдаленной столовой доносился неясный шумъ ужинающихъ и быстрые, торопливые шаги прислуги по сосѣдному коридору.

Передъ его утомленными глазами проносились впечатлѣнія вчерашняго бала.

Вчера другой видъ имѣла эта темная гостиная Людовика XIV. Вчера она была вся залита ослѣпительнымъ моремъ электричества, падавшаго съ большой хрустальной люстры, сіяющій свѣтъ которой какъ-то особенно оттѣнялъ эту комнату, гдѣ въ углахъ въ высокихъ стильныхъ бра—юбилейномъ подаркѣ дамъ полка, ярко горѣли стеариновые свѣчи, распространяя свой мягкій ласкающій свѣтъ.

Два большихъ зеркальных трюмо, отражая, множили красивые туалеты нарядныхъ дамъ, блестящіе военные мундиры, строгіе фраки штатскихъ.

На старомъ, почернѣломъ отъ времени и рѣдкомъ по исполненію, полотнѣ картины, отъ этого сильного яркаго свѣта были видны не только самыя мельчайшія детали парадныхъ формъ трехъ Императоровъ, но и отдѣльныхъ лицъ Государевой свиты, бѣлаго дворцоваго зданія и зеленыхъ лепестковъ вѣковыхъ деревьевъ громаднаго парка.

Старые жалованные портреты, смотрящіе сегодня такъ холодно и строго, улыбались вчера ласковой царственной улыбкой.

Уголь гостиной, гдѣ онъ теперь сидѣлъ, съ гобеленами, массивными креслами, хрупкими ажурными стульями, маленькими изящными столиками и большимъ стильнымъ столомъ, былъ особенно ему дорогъ и милъ своею притягательною силою, такъ какъ тамъ сидѣла она, его Вѣрочка, съ ея модной прической и слегка прищуренными, серьезными, точно гипнотизирующими глазами.

Это она, такая красивая и изящная, на богатомъ фонѣ этой золотой гостиной, цвѣтовъ, блестящихъ дамскихъ туалетовъ, большихъ зеркалъ, нѣжнаго гобеленоваго экрана — подарка дочери полка и пушистаго французскаго ковра, въ которомъ такъ мягко утопала ея пожка, вмѣстѣ со звуками торжествующей бальной музыки, наполняли его душу какимъ-то нервнымъ трепетомъ перваго волненія, первой поры свѣтлой и радостной любви.

А въ большомъ, веселомъ, бѣломъ, залитомъ ликующими огнями залѣ, гдѣ шелъ традиціонный балъ, ввозился въ это время матросами—мальчиками изъ школы солдатскихъ дѣтей типичный Петровскій ботикъ, съ массою котильонныхъ вещицъ и украшеній, орденовъ, сувенировъ, букетовъ цвѣтовъ и жетоновъ, въ видѣ золотыхъ щитиковъ съ датою бала и полковымъ значкомъ.

Въ дверяхъ и на лѣстницѣ съ средневѣковымъ рыцаремъ стояли, отдавая честь, нижніе чины полка, одѣтые въ оригинальныя и пріятно ласкающія глазъ боевыя формы старыхъ давно прошедшихъ эпохъ.

Воиновъ все это помнить, хотя и не можетъ подробно рассказать, ибо рассказать балъ, какъ и рассказать сраженіе, невозможно—вспоминается ему вдругъ почему-то фраза изъ штудируемаго имъ Гамильтона, но онъ хорошо помнить свое настроеніе, мысли, этотъ безумный непрекращающійся вихрь сладкаго и упоительнаго вальса и ихъ короткую бесѣду въ полковомъ музеѣ подъ большимъ портретомъ талантливаго его основателя и перваго хранителя.

Здѣсь, въ тишинѣ хранилища сѣдой двухсотлѣтней полковой старины, такъ умѣло собираемой и бережно съ усердной любовью хранимой, имъ овладѣло, наконецъ, глубоко въ душѣ лелѣянная рѣшимость просить ея руки.

Она согласилась.

Это была чудная и вдохновенная минута слиянія ихъ молодыхъ и любящихъ душъ.

Сегодня она должна была переговорить съ родными и дать отвѣтъ.

Онъ сидѣлъ въ углу гостиной, тихій и серьезный, рѣшившій наиболѣе трудный моментъ своей жизни. Въ больной груди его все ликовало, нѣло и улыбалось. Онъ чувствовалъ себя счастливымъ, бесконечно счастливымъ, любящимъ, спокойно переживающимъ радостное блаженство вчерашнихъ минутъ.

Какъ это было?

И онъ въ сотый разъ, подробно, наслаждаясь остановками и захватывающими воображеніе прошедшими минутами, снова повторялъ себѣ вчерашнее объясненіе.

Воиновъ всталъ и, пройдя по комнатѣ, зажегъ электричество и вчерашняя картина вдругъ снова ярко встала передъ нимъ во всѣхъ ея подробностяхъ.

Онъ сѣлъ на диванъ, на ея мѣсто и, закрывъ лицо руками, погрузился въ мечты.

Прямо передъ нимъ на мраморной доскѣ стола стоялъ *sur-tout de table*, наполненный вчерашними цвѣтами, которыя еще были достаточно свѣжи и наполняли воздухъ сильнымъ запахомъ левкоевъ, чайныхъ розъ и пряной гвоздики.

Онъ долго смотрѣлъ на этотъ юбилейный подарокъ дамъ, въ которомъ принимала участіе и она, его милая, славная Вѣра.

Ему доставляло какое-то пріятное и неизъяснимое удовлетвореніе дотрагиваться до его частей, до бронзового ободка съ выгравированными факсимиле участвующихъ дамъ и ея милымъ дѣтскимъ росчеркомъ, В. Евичъ, и до нѣжныхъ благоухающихъ лепестковъ ея любимыхъ чайныхъ розъ.

Воиновъ опустилъ разгоряченный лобъ на гладкій, холодный мраморъ стола и снова принялся за свои нескончаемыя длинныя думы и за жгучую мучительную мысль о томъ, имѣть ли онъ больной наслѣдственной чахоткой, съ однимъ только легкимъ по увѣреніямъ врачей, раненый въ голову, нравственное право на счастье, на жизнь съ нею, милою дорогой Вѣрочкой, такой чистой, молодой, жизнерадостной, только что вступившей въ широко открытую дверь новой, совсѣмъ невѣдомой для нея, жизни?

Какой-то голосъ внутри его говорилъ: нѣтъ! но сердце, душа, только вчера пережитыя впечатлѣнія, вся свѣжесть только что прошедшей минуты, оставившей такое дивное радостное настроеніе,

отвѣчали: да! и пѣли, перегоняя другъ друга, о любви и возможномъ еще счастьѣ...

Онъ всталъ, потушилъ электричество, прикрылъ дверь гостиной и снова сѣлъ на свое прежнее мѣсто еще болѣе скорбный и угнетенный, чѣмъ прежде, тяжелымъ длиннымъ роємъ неотвязчивыхъ думъ и воспоминаній, что тѣснили его голову, словно тяжелымъ желѣзнымъ обручемъ...

Воиновъ досталъ свой карманный приборъ для куренія опиума, къ которому онъ пристрастился въ долгомъ плѣну у японцевъ; изъ маленькой фарфоровой чашечки высыпалъ нѣсколько зеленоватыхъ одурманивающихъ зернышекъ и, устроившись поудобнѣе въ глубокомъ мягкомъ креслѣ, затянулся сладкими и опьяняющими парами такъ знакомаго ему чудодѣйственнаго наркоза... Прошла одна только минута, а уже всегдѣ его сразу стало какимъ то слабымъ, легкимъ и неосязаемымъ, почти безплотнымъ; въ груди, въ больной чахоточной груди, уже не ощущалось того глухого и унылаго чувства, которое такъ угнетало и мучило его, а мысли, только что еще такія ясныя, трезвыя, спокойныя и серьезныя, стали какими то свободными, отрывистыми и прозрачными, какъ тѣ воздушныя облачка, что такъ легко испаряются при первыхъ яркихъ лучахъ ранняго солнышка, и такими же болѣзненно-назойливыми, какъ тонкія черныя жала мохнатыхъ шмелей, словно впивающихся въ больной затуманенный мозгъ...

Чувство жути и страха охватывало его, и пять минутъ тому еще назадъ свѣжій, бодрый и анализирующій умъ вдругъ сразу сдалъ въ своей ясности, послѣдовательности и логичности.

Чувство ужаса овладѣло всѣми его чувствами и желаніями, но въ тоже время онъ сталъ воспринимать совсѣмъ еще незнакомыя, новыя и рѣзкія мгновенія невыразимо болѣзненнаго сліянія съ прекраснымъ сказочнымъ міромъ грезъ и сновидѣній...

Вотъ туманно промелькнулъ образъ Вѣры, словно путеводный маякъ въ густой морской мглѣ, и снова мучительно-сладостная истома, снова забытье, снова грезы, властно вступающія въ свои права...

Онъ еще пробовалъ бороться съ собой, слѣдить за своими мыслями и настроеніями, мелькающими какъ частые телеграфные столбы во время хода курьерскаго поѣзда, возстановляя съ неимоверными усиліями образъ своей спасительницы Вѣры... Но безрезультатно!..

Онъ силился закричать, силился нарушить этотъ страшный

кошмаръ. . Но привычное дѣйствіе опиума, словно могучая и неудержимо надвигающаяся океанская волна уже стремительно обрушилась на его обезсиленный мозгъ.

Знакомый міръ причудливо-художественныхъ красокъ уже окружалъ его своими сложно-запутанными арабесками, странно-загадочными рисунками какихъ то набросковъ, схемъ, штриховъ, фестоновъ, характерныхъ узоровъ, страшныхъ небывалыхъ кошмаровъ и далекихъ неясныхъ представленій золотого дѣтства...

Въ яркихъ воспоминаніяхъ проходили передъ нимъ картины и образы давно угасшей жизни, давно умершихъ лицъ, давно забытыхъ мелочей, дорогихъ и милыхъ тѣпей и беззаботныхъ сновъ счастливой юности...

Прошлое, будущее, вся жизнь его, онъ самъ, все это стало однимъ остро-болѣзненнымъ ощущеніемъ какого-то сложнаго и неопредѣленнаго чувства...

Послѣдніе проблески сознанія отлетѣли отъ него и онъ погрузился въ неоднократно имъ уже извѣданную сладкую и упоительную нирвану. Нескончаемый рядъ блуждающихъ представленій и картинъ его минувшей жизни. Война. Думы передъ нею... Разставаніе съ полкомъ, товарищами, ротой, мечты о смерти за отчизну.

Что сулитъ мнѣ будущее? Какую смерть несетъ? Вотъ первое, что бросилось ему въ голову по дорогѣ на театръ военныхъ дѣйствій. Но только не смерть подъ полковымъ знаменемъ, ибо полкъ остался въ Россіи...

Ляоянъ, Мукденъ... Кровавое, кошмарное сраженіе, раны, плѣнъ и снова мечты о полкѣ и товарищахъ, снова дорогія воспоминанія о немъ, вызывавшія у него умиленные слова:

«Полкъ, мой старый полкъ, мой любимый родной полкъ, моя семья, моя мечта, мои всегдашнія о тебѣ думы!»

Томительное пребываніе въ далекомъ плѣну и дружба съ ученымъ докторомъ-китайцемъ, такъ образно открывавшимъ передъ нимъ плѣнительныя картины великаго ученія Конфуція...

Картина возвращенія въ Россію съ уже дающей себя чувствовать наслѣдственной чахоткой и неизлѣчимою страстью къ опиуму, картина жизни въ любимомъ полку, встрѣча съ семействомъ полковника Евичъ и Вѣрочкой, только что окончившей мѣстный институтъ съ золотой медалью.

Это уже не была та Вѣрочка, которую онъ оставилъ, уѣзжая на Востокъ, такой хрупкой и неоформившейся дѣвочкой съ не по

дѣтски серьезными глазами, а была прелестная и обворожительная дѣвушка—гордость и украшеніе семьи, предметъ настойчивыхъ ухаживаній многочисленныхъ кавалеровъ, вызывавшая цѣлыя бури вполне заслуженныхъ восторговъ при каждомъ своемъ появленіи на балахъ сезона...

Ему она сразу отдала преимущество передъ другими и въ немъ сразу вспыхнула настоящая страсть и большое, серьезное чувство.

Воиновъ бывалъ вездѣ, гдѣ бывала Вѣра, и вечеръ былъ для нихъ не вечеръ, если онъ или она не встрѣчались, но ихъ взаимныя симпатіи не были еще высказаны до этого бала въ памятную годовщину послѣдняго боя полка...

Онъ боялся, что согласіе родныхъ не будетъ дано изъ за его болѣзни и ея молодости.

— Что сдѣлать? Какъ быть? Но вѣдь она любить его, любить!!

.

— Ваше скородіе, а ваше скородіе! звалъ его, настойчиво шевеля за рукавъ, служитель собранія.

Сказка оборвалась...

Воиновъ очнулся, вздохнулъ и, широко открывая отяжелѣвшія, словно свинцомъ налитыя вѣки, недоумѣвающе посмотрѣлъ вокругъ себя, а солдатъ въ это время въ третій разъ докладывалъ:

— Ваше скородіе, отъ полковника Евича записка! Воиновъ попробовалъ взять себя въ руки и встряхнуться, но, промывавъ что то вродѣ:—хорошо, ступай! взялъ записку и, не выдержавъ, снова закрылъ глаза... Очарованіе продолжалось...

Лились отдаленные тихіе звуки какой-то нѣжной и убаюкивающей мелодіи, распространяя тонкій сладкій ароматъ, дышали розы, въ широкія окна падалъ мягкій лунный свѣтъ, чередовались думы...

Это было рѣдкое и необъяснимое состояніе, испытываемое лишь курильщиками опиума, познавшими сладостное блаженство этихъ нестерпимо острыхъ минутъ и радость сліянія съ безсмертной силой божественнаго забытья...

— Что ты, Воиновъ, никакъ опять за опиумъ? говорилъ вездѣ-сущій капитанъ Велимжовъ, тормоша его что есть силы за плечи. Это-же форменное безобразіе! Воиновъ! Больной, ему надо серьезно лѣчиться, смотрѣть за собой, беречься, а онъ—опять за старое!..

Сколько стоило усилій и напряженія воли, чтобы хоть немного отучиться, а онъ — снова за свое!..

Это чортъ знаетъ, что такое! И дернула-же тебя нелегкая попасть въ проклятый плѣнъ къ японцамъ и сдружиться тамъ съ этимъ твоимъ ученымъ докторомъ китайцемъ.

Эхъ, Воиновъ, Воиновъ!.. Да встань-же, наконецъ! Иди, умойся, выпей кофе и пойдемъ къ Евичъ, они насъ приглашаютъ!

— Къ Евичъ? Вѣрѣ?.. Ты думаешь? протеревъ глаза, переспросилъ Воиновъ.

— Ну, конечно, куда-же мы иначе съ тобою дѣнемся сегодня? Да вотъ и записку отъ нихъ ты держишь въ рукахъ... Нераспечатанная... На вотъ, прочитай!

— Отъ Вѣроньки! пронеслось у Воинова въ головѣ и онъ, собравъ всѣ силы, всталъ, потянулся и принялся за записку:

«Милый, милый Жорикъ, писала Вѣра, приходи сегодня, жду, не дождусь! Мама почти согласна, говорить только, что нужно подождать и полѣчиться тебѣ!

Твоя, вся твоя Вѣра».

— Идемъ Викторъ, идемъ, дорогой дружище, идемъ славный менторъ, дай только умыться!

— Ну вотъ, и давно-бы такъ, а то пропалъ и три битыхъ часа нигдѣ не найти его, словно въ воду канулъ... У... у... влюбленный!..

* * *

Осенній вѣтеръ скоро будетъ завывать, стряхнетъ плоды и листь съ деревьевъ, сомнетъ цвѣты и станетъ ихъ сметать. Кошь хочешь рвать цвѣты, рви ихъ сегодня, — ты завтра можешь опоздать.

Митсуне.

— Добро пожаловать, ваше высокоблагородіе! привѣтствовалъ Воинова, по заведенному въ домѣ обычаю встрѣчать гостей, денщикъ полковника Евича, высокій и красивый солдатъ его роты, въ синей курткѣ безъ погонъ, снимая съ него пальто и пашку и принимая фуражку и перчатки.

— Да вы-бъ, вашбродъ, въ гастиныя пожалте!

— Нѣтъ, Петренко, я лучше пройду къ барышнѣ.

— Знаю, знаю, почему туда ходишь-то. думалъ, глядя ему въ слѣдъ, Петренко. Ну ходи, ничего, ходи, барышня замѣчательна,

добрящая, богатая, не даромъ валомъ такъ и валять всѣ, словно мухи на медъ; ловкачи, что и говорить, но мы восьмую не выдадимъ; нѣтъ шалишь, не прозѣваемъ! Хорошій, ахъ, какой хорошій ротный, не даромъ люди-то души въ немъ не чають! Вчерась сказывали въ ротѣ-то: ты, Петренко, мотри, во, подсобляй ротному, рота вся, какъ есть, радеюнька этому будетъ, опять же и иконой благословляютъ... Дай Богъ счастья ему сердешному! Офицерство сказываютъ, я слышалъ, больной чахоткой—да, Богъ милостивъ!..

А Воиновъ, тихо ступая, шелъ въ это время въ ея комнату, забывши все и вся и помня только объ одномъ, о своей Вѣрѣ...

Вотъ она сидитъ въ бѣломъ изящномъ платьѣ, облегающемъ ея легкую и хрупкую фигуру, сидитъ, словно нѣжная фарфоровая куколка, какихъ такъ любили ставить подъ стекло въ гостиной наши бабушки.

Красота всей ея фигуры, русой милой головки, шеи, маленькихъ дѣтскихъ ручекъ и большихъ красивыхъ глазъ разомъ встала передъ нимъ, снова, какъ и каждый разъ, поражая его своей задушевной чарующей прелестью.

Что-то чистое, нетронутое, возвышенное и почти религіозное было розлито въ ея задумчивыхъ, серьезныхъ правильныхъ чертахъ и тонкомъ нѣжномъ овалѣ лица.

Она сразу замѣтила его и поднялась ему навстрѣчу, вся ласковая, нѣжная, трепетная.

— Милый мой!

— Вѣрочка, дорогая, чудная!

Воиновъ крѣпко сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ, крѣпко расцѣловалъ разгоряченное лицо, красивые лучистые глаза и замолкъ, словно виноватый.

— Наконецъ-то! Почему ты такъ поздно, что случилось?! шептали ея полураскрытыя губы... Но какой видъ у тебя, что ты милый? Больной? Бѣдный, бѣдный!... А глаза? Но, ради Бога, что съ тобою? Да ты такимъ еще и не былъ никогда!.. Да говори-же, говори! Что съ тобою?

— Такъ, ничего, Вѣрунчикъ. Просто не спалъ послѣ бала, вотъ и все!

— Нѣтъ, тутъ что-то не то, милый мой, ты, какъ будто, сегодня какой-то замкнутый?!

— Нѣтъ, нѣтъ, успокойся, Вѣрочка. Все хорошо и ничего у меня не болитъ, а ты вотъ лучше сыграй мнѣ что-нибудь, а я отдохну здѣсь у тебя въ креслѣ за твоимъ письменнымъ столомъ.

— Ну хорошо! Разъ ты этого хочешь—я сыграю. Всѣ далеко и заняты своимъ весельемъ и я, милый мой Жорикъ, сыграю тебѣ то, что ты такъ любишь.

Она сѣла къ стоящему тутъ же роялю—подарку отца послѣ окончанія института и скоро звуки дорогого инструмента завладѣли имъ, увлекли къ сладкимъ прежнимъ думамъ, мечтамъ о Вѣрѣ....

Чудный призракъ далекаго и яснаго счастья всталъ сразу передъ нимъ въ звукахъ рояля.

Казалось, осенній вѣтеръ гуляетъ по широкому запущенному саду, бѣшено мчится по дорожкамъ, обрываетъ, рветъ и захлестываетъ жалобно крутящимися желтыми листьями старый покинутый домъ его далекаго милаго дѣтства.

И мчится дальше вѣтеръ, хочетъ ворваться во внутрь, въ покосившіяся двери, забитыя окна, давнымъ давно остывшій каминъ, у котораго такъ любила собираться его семья.

Стихли звуки, смѣнились нѣжнымъ тихимъ шопотомъ, мягкимъ шелестомъ зеленой листвы въ ясную лѣтнюю ночь, когда новый мѣсяцъ начинаетъ таинственно плести свои причудливыя сѣти.

Нѣжно лаская и убаюкивая, они звали въ безбрежную ширь радости, покоя, неземного, божественнаго счастья.

Старая, темная церковь съ мягко мерцающими лампадами у знакомыхъ почернѣлыхъ образовъ вдругъ ярко встала передъ нимъ, рисуя давно забытыя картины.

Это слова стараго, сѣдого, полковаго батюшки, благословляли его одинокаго и больного. Это горячая, пламенная молитва Вѣры, чистой и вѣрующей Вѣры, оплела его, какъ тончайшая сѣть паутины, какъ мельчайшая ткань занавѣсей, что покрывали окна ея комнаты.

Онъ вспомнилъ себя маленькимъ мальчикомъ, задыхающимся отъ крупа, которому вдругъ полегчало по молитвѣ матери, положившей ему подъ подушку освященную на гробницѣ св. Митрофанія бархатную скуфью, и онъ снова почувствовалъ себя слѣпо жаждущимъ такого-же исцѣленія, какъ и прежде, такого-же восстановления здоровья, силы, бодрости духа.

Мысль, какъ-бы перерождаясь въ немъ, производила какой-то небывалый приливъ религіознаго чувства, словно его подхватывала и уносила могучая волна большого, свѣтлаго подъема духа и, въ порывѣ его, онъ вдругъ снова сталъ мучительно думать о томъ, какъ поступить?

Жениться на ней, такой чистой, здоровой и цѣломудренной, ему, больному и пристрастившемуся къ опиуму, да что же онъ дѣлаетъ? Да имѣть ли онъ нравственное право?

Воиновъ всталъ съ своего мѣста и нервно заходилъ по комнатѣ большими шагами.

Но что же дѣлать, что?

— Что съ тобою, Жорикъ мой?

Воиновъ остановился, провелъ рукою по лбу и, собравшись съ мыслями, сказалъ:

— Да вотъ, все думаю о томъ, будешь-ли ты счастлива со мною? и онъ припалъ своими воспаленными губами къ ея тонкимъ длиннымъ пальцамъ, ставъ передъ нею на колѣни, весь скорбный, измученный своей тоскою...

Такъ протекла минута.

— Жорикъ мой, глупенькій, отвѣчала Вѣра, какъ только можешь ты все это говорить, какъ ты можешь думать, что я несчастлива? Да я такъ счастлива, какъ никто никогда еще не былъ счастливъ! Можетъ быть, другимъ, и я это знаю, даже и холодно отъ моего счастья, но мнѣ, вѣришь-ли, милый, мнѣ жарко отъ него, и что-бы тамъ ни было, но я не измѣню тебѣ, никогда не измѣню, не смотря ни на что!. Но надо идти, Жорикъ, вдругъ спохватилась она, слышишь насъ зовутъ, завтра снова увидимся!..

Онъ хотѣлъ поцѣловать ее на прощанье, но въ дверь кто-то постучалъ и предупредительный голосъ Петренко сообщилъ:

— Барышня—просятъ въ гостиную.

Воиновъ направился къ дверямъ, но Вѣра обвила его шею руками и прижалась къ нему, вся полная любви, ласки, довѣрія...

— Милый, милый Жорикъ, о еслибы ты зналъ, какъ я безумно люблю тебя, любила и раньше, когда ты еще не обращалъ на меня вниманія, а я была еще институткой передъ твоимъ отъѣздомъ на этотъ противный Востокъ

Но тутъ раздался звукъ шпоръ и легкое покашливаніе и черезъ минуту, въ дверяхъ комнаты, показалось симпатичное, доброе лицо полковника Евича.

— Здравствуйте, батенька, спѣшите въ гостиную, съ какой-то ласковой интонаціей въ голосѣ привѣтствовалъ онъ Воинова; слышалъ, батенька, слышалъ. Ну что-же, я согласенъ, вотъ только

поправляйтесь и Господь да благословить васъ! Ну теперь идемъ къ намъ, тебя давнымъ давно ждутъ, не дождутся.

И полковникъ, расцѣловавшись съ Воиновымъ, отправился вмѣстѣ съ нимъ въ гостиную, черезъ столовую, гдѣ накрывали большой богато убранный столъ...

* * *

Скоро конецъ разлуки... Душа уже видитъ во снѣ блестящія крыши Касуги, и домъ на родной сторонѣ, и всякій листъ на деревьяхъ, и на дугу цвѣты, и дальняго лѣса контуры въ серебряномъ цвѣтѣ луны.

Абено Накамаро.

Письмо Воинова къ Вѣрѣ:

Меранъ.

«Съ тяжелымъ чувствомъ грусти разстался я съ тобою. Такъ мало времени мы знали другъ друга и такъ скоро сошлись.

Это бываетъ тогда, когда духовныя струны одного сердца бьются въ униссонъ со струнами другого, когда люди имѣютъ общій имъ сродственный мѣръ понятій, взглядовъ, привычекъ, настроеній.

Насъ познакомилъ и соединилъ вмѣстѣ—полкъ. Полкъ, мой старый славный полкъ далъ мнѣ тебя родимую, чудную, милую Вѣру.

Общность нашихъ полковыхъ взглядовъ, обычаевъ, традицій скрѣпила наши родственныя полковыя души.

Ты и я—дѣти офицеровъ полка. Но твой отецъ, любимый и уважаемый всѣми, живъ, а мой—остался на полѣ брани; его я не помню, но полкъ, полкъ помнитъ его въ своемъ музеѣ и знаетъ такъ же хорошо, какъ мы всѣ твоего отца. Разказы о смерти моего отца всегда наполняли мою душу свѣтлой радостью, съ затаенною мечтою также погибнуть во славу русскаго оружья.

Но судьба сулила мнѣ иначе!

Я вернулся съ войны только раненымъ.

Здѣсь въ Меранѣ я скучаю по полку и тоскую по тебѣ, никакъ не умѣя свыкнуться съ мыслью, что тебя тутъ нѣтъ.

Мнѣ всюду слышится твой голосъ и порою кажется, что вотъ, вотъ я увижу тебя.

Кругомъ меня—все чужое, холодное и бездушное. Чуждая мнѣ обстановка, чуждыя привычки, порядки и я, ни во что не желая

входить, только и живу радостною мыслью о тебѣ и о нашемъ далекомъ полку.

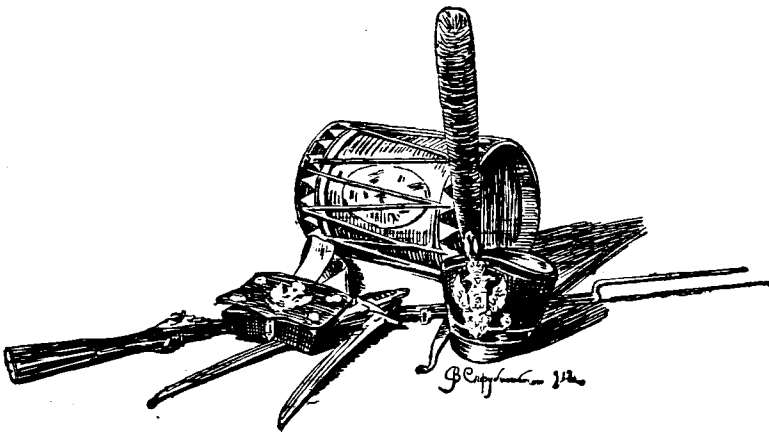
Я не помню, какъ началось наше сближеніе, я знаю только одно, что хорошо мнѣ было съ тобою!

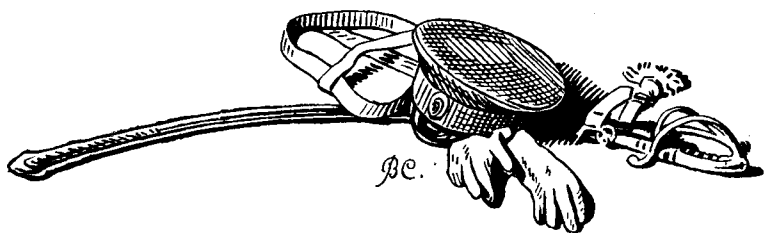
Вспомни только балъ; вѣдь не было сказано ни одного слова особеннаго, не было никакихъ клятвъ и увѣреній, но все это какъ-то чувствовалось и висѣло въ воздухѣ. Всѣ чувства мои полны тобою и воспоминаніями, какъ все это было.

Твое послѣднее письмо такъ меня тронуло, что я все хожу и думаю о немъ и о скоромъ свиданіи съ нѣжнымъ безконечно дорогимъ другомъ, связывающимъ меня, одинокаго и больного, съ этимъ печальнымъ и скучнымъ міромъ. Скорѣй бы конецъ разлуки нашей!

А. Лангъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Спортъ за границей.

Олимпійскія игры въ Афинахъ въ 1896 г. привлекли въ Грецію массу молодежи всѣхъ странъ, которая унесла отсюда самое отрадное впечатлѣніе, и волна увлеченія спортомъ охватила мало по малу всѣ государства; невольно зародилось желаніе у каждаго имѣть и у себя свой стадіонъ, у себя торжественно ознаменовывать благородные праздники здороваго спорта.

И вотъ мы видимъ огромные чудные стадіоны въ Стокгольмѣ, Лондонѣ, Римѣ и теперь въ Берлинѣ; Швеція, Англія, Италія и Германія горячо повели впередъ дѣло оздоровленія своей молодежи и, понятно, уже пожинаютъ плоды своей разумно направленной энергіи.

Само собою разумѣется, что нѣмцы, устраивая свой новый стадіонъ, пожелали сдѣлать его наиболѣе отвѣчающимъ всѣмъ современнымъ требованіямъ, какъ по размѣрамъ и планировкѣ, такъ и съ чисто внѣшней стороны, чтобы красивымъ проявленіямъ мощи и ловкости человѣческаго тѣла соотвѣтствовала и красивая декорація этого театра здороваго спорта.

Прилагаемые рисунки показываютъ видъ стадіоновъ: Афинскаго (рис. № 1), Стокгольмскаго (рис. № 2), Римскаго (рис. № 3),

Лондонскаго (рис. № 4) и Берлинскаго (рис. № 5); самый маленький изъ нихъ первый.

Если греческій и итальянскій стадіоны, окруженные чудной природной декораціей, гдѣ многое напоминаетъ о быломъ величіи Греціи и Рима, блещутъ мраморомъ и убранствомъ; если шведскій и англійскій служатъ выраженіемъ искренняго, но дѣлового увлеченія спортомъ этихъ націй: то новѣйшій германскій стадіонъ, скованный изъ желѣзо-бетона, съ огромнымъ бассейномъ для плаванія (100 × 22 метровъ), съ украшающими его статуями, самый большой по размѣрамъ, является соединяющимъ обдуманную и сознannую широкую програму всестороннихъ спортивныхъ состязаній съ красивой жизнерадостной внѣшностью.

Невольно хочется высказать пожеланіе, чтобы и въ Россіи возможно скорѣе былъ устроенъ подобный же храмъ спорта и тѣмъ былъ бы данъ толчекъ и у насъ методическому развитію дѣла оздоровленія нашей молодежи.

Въ здоровомъ тѣлѣ здоровый духъ!

Интересъ къ разнымъ видамъ спорта въ обществѣ въ настоящее время очень великъ и иностранные спортивные журналы полны статей и рисунковъ, дающихъ возможность судить не только о развитіи спорта вообще, но и о стремленіи повсюду къ возможно болѣе научной постановкѣ дѣла физическаго развитія молодежи.

№ 768 журнала «*Vie au grand air*» даетъ въ этомъ отношеніи много интереснаго матеріала.

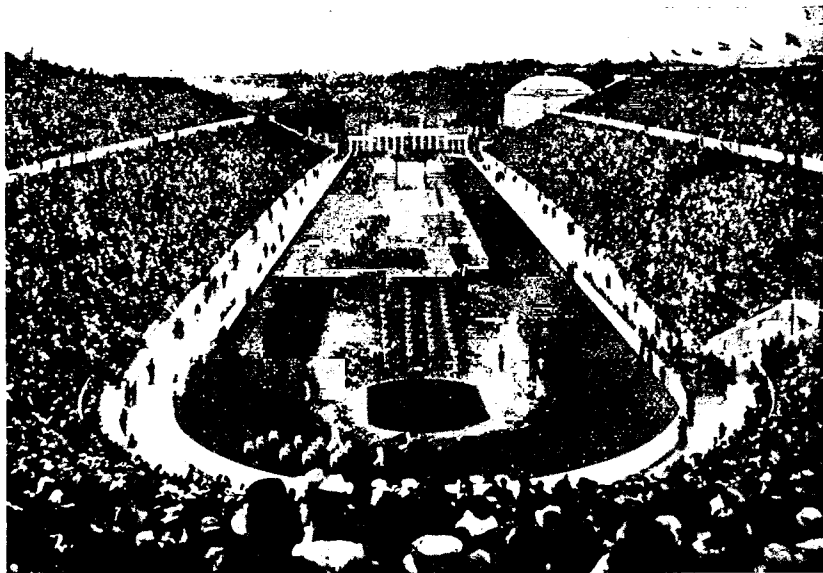
Отмѣтимъ въ числѣ поучительныхъ замѣтокъ этого журнала одну изъ нихъ о томъ, какъ надо втягивать въ работу дѣтей.

Если ребенокъ никогда не хвораетъ, говоритъ авторъ ея профессоръ Расинъ, это еще не значить, что его здоровье хорошо. Есть дѣти, запертые въ домахъ, которые, будучи очень нѣжными, анемичными, не могутъ быть названы больными; но попробуйте ихъ заставить заняться физическими упражненіями, быть съ непокрытой головой на солнцѣ, раздѣтыми на воздухъ и т. п., и сейчасъ же появятся лихорадка и всевозможныя заболѣванія, жадно набрасывающіяся на, если можно такъ сказать, физиологически обездоленнаго ребенка.

Само собою разумѣется, что дѣти этой категоріи не втянуты въ работу, не пользуются полнымъ здоровьемъ.

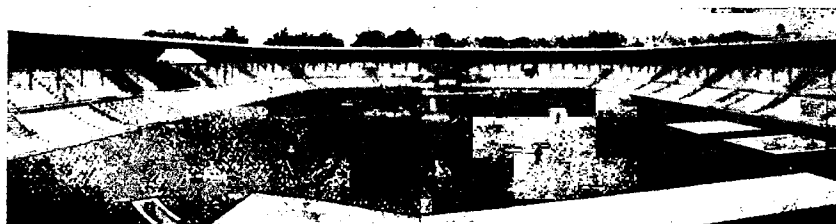
Быть втянутымъ, для ребенка 10—15 лѣтъ, это значить — сдѣлать въ день, не чувствуя усталости, 14—22 километра нѣшкомъ

Рис. № 1.

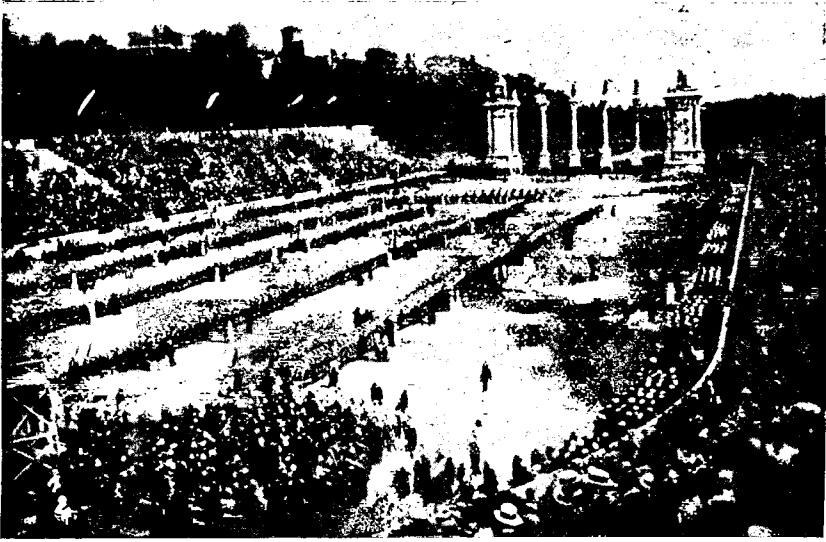
ГРЕЦІЯ. Видъ Аѣинскаго стадіона во время Олимпійскихъ игръ въ 1906 г

Рис. № 2.

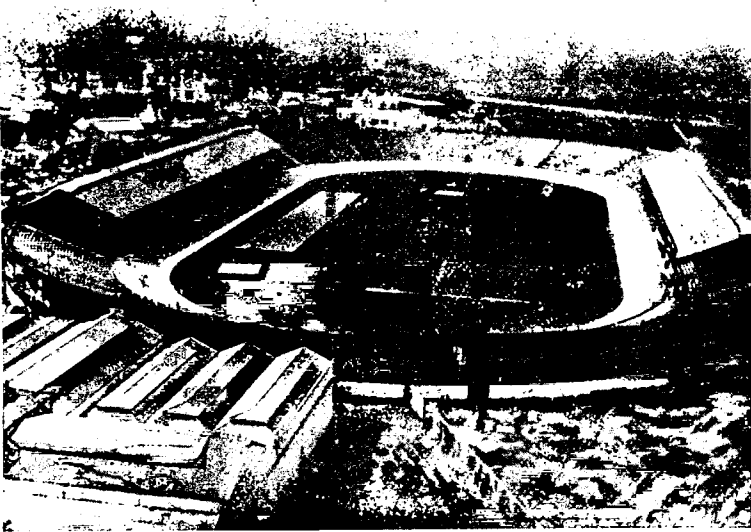
ШВЕЦІЯ. Видъ Стокгольмскаго стадіона.

Рис. № 3.

ИТАЛІЯ. Видъ Римскаго стадіона въ день его открытія.

Рис. № 4.

АНГЛІЯ. Видъ Лондонскаго стадіона.

или 20—45 километровъ на велосипедѣ, съ отдыхомъ въ часть завтрака; это значить—принимать участіе во всѣхъ играхъ своего возраста; это значить — на берегу моря бѣгать, таскать камни, рыться въ песокъ большую часть дня, имѣя лишь потребность вздремнуть послѣ обѣда.

Что же надо дѣлать, чтобы втянуть ребенка въ работу?

Онъ долженъ быть большую часть дня на свѣжемъ воздухѣ; онъ долженъ ежедневно заниматься физическими упражненіями, сообразными его возрасту, силѣ и темпераменту.

До 2 лѣтъ. Ребенокъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, положенный голымъ на одѣяло, довольствуется движеніемъ своихъ рученокъ и ножекъ въ разныхъ направленіяхъ; кладите его такъ каждый день и онъ самъ, безъ посторонней помощи, продѣлаетъ свой маленький урокъ физическаго развитія.

Потомъ, позднѣе, онъ пожелаетъ передвигаться на четверенькахъ, какъ собака или кошка, которыхъ онъ видитъ, а затѣмъ ему удастся, въ одинъ прекрасный день, уцѣпившись за стулъ, стать на ноги. Сколько тутъ для него радости! Въ этотъ день ему удалось очень сложное упражненіе, требующее согласованія работы многихъ мускуловъ; дальше его успѣхи будутъ идти очень скоро: сначала выработается чувство равновѣсія, а затѣмъ онъ сдѣлаетъ и свои первые шаги...

Дайте же тутъ работать самой природѣ и не старайтесь упредить ее, желая возможно раньше научить его ходить, придерживая за поясъ или прямо руками; подождите, когда онъ самъ, одинъ, постарается это сдѣлать, и тогда только помогите ему.

Отъ 2 до 5 лѣтъ. Игры въ саду или во дворѣ совершенно удовлетворяютъ его потребности въ движеніи. Но ребенокъ не долженъ играть одинъ, а непременно съ другими; онъ тогда и побѣгаетъ, и будетъ пытаться ускользнуть или поймать товарища. Ребенка надо какъ можно меньше кутать, но зимой онъ долженъ быть въ шерстяномъ.

Никомъ образомъ не наказывать ребенка, если онъ вернется въ разорванной одеждѣ; это можно считать платой за хорошее здоровье.

Отъ 5 до 7 лѣтъ. Два кризиса для ребенка: *перемѣна среды* (физическая бездѣятельность школы послѣ привычки къ свободѣ движеній, насильственный отдыхъ, который для живого, здороваго ребенка является пыткой) и *быстрый ростъ*.

Тутъ могутъ появиться уже маленькіе дефекты: искривленіе

позвоночника, подача плечъ впередъ; отъ носки вещей болѣе сильной рукой одно плечо дѣлается выше другого.

Надо приучать работать обѣими руками, правильно сидѣть.

Начиная съ 6 лѣтъ, надо каждые два мѣсяца взвѣшивать ребенка, отмѣчать его ростъ, объемъ груди во время глубокаго вдыханія и выдыханія; тоже самое въ талии и на бедрахъ. При вдыханіи животъ долженъ подниматься, вслѣдствіе давленія на полость живота опускающейся діафрагмы.

И отецъ и мать должны почаще осматривать голымъ своего ребенка; особенное вниманіе должно быть обращено на позвоночникъ и на умѣнье дышать.

Полезно заставлять ребенка повторять исполненныя въ школѣ гимнастическія упражненія; это будетъ его маленькій ежедневный урокъ дома.

Какъ спортъ — небольшіе прыжки не раздѣляя ногъ, бѣгъ съ обручемъ, прогулка съ матерью хотя бы одинъ день въ недѣлѣ, а въ воскресенье съ отцомъ и матерью; игры съ товарищами, съ братьями или сестрами.

Какъ гимнастика — плавательныя движенія, подниманіе ноги и всѣ виды равновѣсія, стоя на одной ногѣ съ движеніемъ или безъ движенія рукъ и т. п.

Каждый день теплый или холодный (въ зависимости отъ температура) душъ...

Что можно сюда прибавить? Что школьный возрастъ у насъ побольше, что къ свѣжему воздуху и душамъ мы не имѣемъ большой склонности, что... да словомъ то, что въ области систематическаго втягиванія въ работу мы не только въ отношеніи дѣтей, но и взрослыхъ, нѣкогда въ массѣ ничего не дѣлаемъ и смотримъ на это не какъ на насущный вопросъ, а какъ на что-то не серьезное, не нужное.

Охъ, пора взяться за умъ!

Наступленіе теплой погоды оживило дѣятельность воздухоплатователей; начались состязанія, пробы новыхъ аппаратовъ, установливаніе новыхъ рекордовъ...

Въ томъ же журналѣ «*Vie au grand air*» Грехемъ Уайтъ высказываетъ свои мысли по поводу аэроплана будущаго.

По его мнѣнію, лѣтъ черезъ 20, воздушные корабли достигнутъ скорости 250—300 миль въ часъ. Затѣмъ подъемная сила ихъ бу-

детъ громадна, такъ какъ это цѣликомъ зависитъ отъ мощности двигателя.

«Туманъ неизвѣстности», до сей поры окутывавшій на войнѣ противника, будетъ разсѣянъ новыми машинами. Воздушные корабли, снабженные станціями искрового телеграфа, будутъ немедленно ориентировать военачальника, которому останется руководить дѣйствіями своихъ войскъ, сидя въ палаткѣ, надъ картами страны и донесеніями искрового телеграфа, воздушныхъ развѣдчиковъ.

Что касается несчастныхъ случаевъ съ летчиками, то, по мнѣнію Уайта, въ 90 изъ 100, они имѣютъ причиной самого пилота.

Дѣло въ томъ, что надо соображать и рѣшаться очень быстро, а не всякій на это способенъ.

«Revue de l'aviation» (№ 77) приводитъ удивительную фотографію не менѣе удивительнаго полета (см. рис. № 6).

1-го апрѣля, капитанъ Обри (Aubry) взлетѣлъ въ Лонгви на аппаратъ Депердюссень-Клержэ (60 HP) при очень сильномъ вѣтрѣ.

Во время полета сильный ударъ вѣтра сбросилъ его съ сидѣнья на руль, аппаратъ сталъ падать, но новый порывъ вѣтра совершенно перевернулъ аппаратъ, такъ что около 200 метровъ онъ пролетѣлъ вверхъ колесами.

Не потерявъ самообладанія, капитанъ Обри уцѣпился за аппаратъ и ему удалось замедлить ходъ, поднять носовую часть аппарата кверху и повернуть его снова, послѣ чего, онъ, въ нѣсколькихъ километрахъ далѣе, спокойно опустился на землю.

Кубокъ Поммери въ октябрѣ этого года перейдетъ въ собственность послѣдняго побѣдителя.

Въ настоящую минуту таковымъ является Гійо (Guillaux), поставившій рекордъ однодневнаго перелета—1.253 километра.

Въ этотъ семестръ, какъ говорятъ французы, на этотъ кубокъ было сдѣлано 16 полетовъ, покрывшихъ въ общемъ около 10.000 километровъ.

Интересно прослѣдить постепенное развитіе дальности полета по всѣмъ семестрамъ этого приза.

1-й семестръ (30-го апрѣля 1911 г.): Ведринъ (Парижъ—Пуатье)—336 километровъ.

2-й семестръ (31 октября 1911 г.): Ведринъ (Парижъ—Ангулемъ)—400 километровъ.

3-й семестръ (30-го апрѣля 1912 г.): Беделъ (Вилла-кублэ—Біарицъ)—645 километровъ.

4-й семестръ (31-го октября 1912 г.): Докуръ (Валансьенъ—Біарицъ)—852 километра.

5-й и предпоследній семестръ (30-го апрѣля 1913 г.): Гійо (Біарицъ—Колумъ)—1.253 километра.

Полетъ послѣдняго былъ совершенъ слѣдующимъ образомъ:

Отправленіе изъ Біарица—4 ч. 42 м. утра.

Остановка въ Бордо—5 ч. 55 м. у.; 180 килом.

Отправленіе изъ Бордо—6 ч. 35 м. утра.

Остановка въ Вилла-кублэ—10 ч. 35 у.; 675 килом.

Отправленіе изъ Вилла-кублэ—12 ч. 36 м. дня.

Остановка въ Атъ (Ath)—2 ч. дня; 900 килом.

Отправленіе изъ Атъ—4 ч. дня.

Прибытіе въ Колумъ—7 ч. веч.; 1.253 килом.

Если вычесть остановки, получается средняя скорость въ часъ около 140 километровъ.

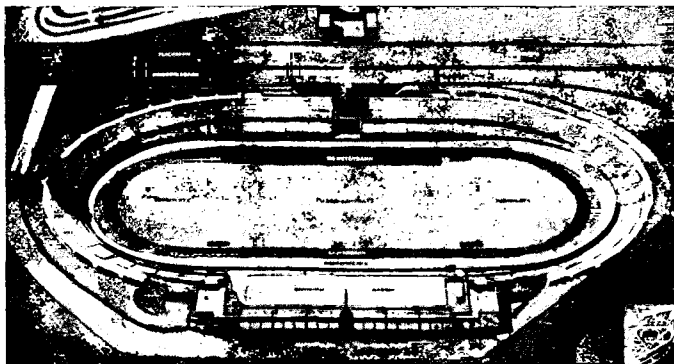
Какъ говорить самъ герой перелета, два раза онъ чувствовалъ себя совсѣмъ больнымъ изъ-за страшнаго вѣтра и долженъ былъ вслѣдствіе этого спускаться на землю; надъ Антверпеномъ потерялъ очки и страдалъ глазами; далѣе Бредъ летчикъ не имѣлъ карты, летѣлъ по буссоли и только туманъ и близость ночи заставили его опуститься въ Колумъ, хотя бензина было еще на часъ полета.

Интересно побѣдитъ ли этого безстрашнаго летчика въ дальнѣйшемъ неутомимый Бриндежонъ де-Мулинэ, совершающій теперь свой удивительный перелетъ изъ Парижа въ Петербургъ?

Бронскій.

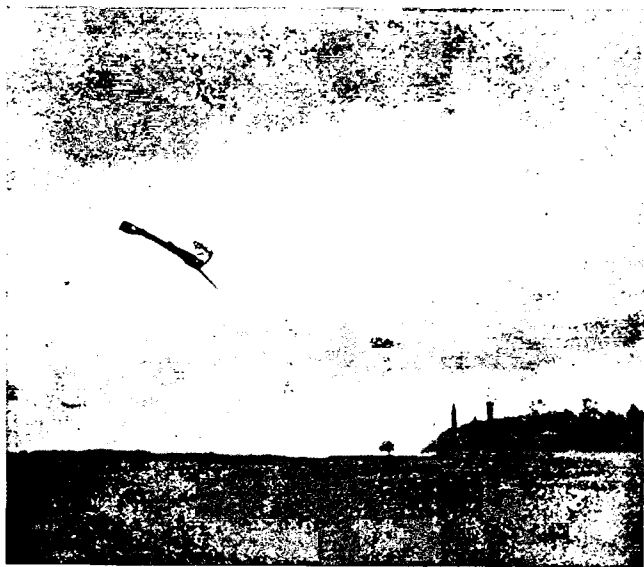

Рис. № 5.

ГЕРМАНИЯ. Видъ Берлинскаго стадіона, открытаго 8-го іюня н. с. 1913 г.

Рис. № 6.

ФРАНЦІЯ. Удивительный полетъ капитана Обри, во время котораго аппаратъ вѣтромъ былъ перевернутъ вверхъ колесами.

БИБЛИОГРАФІЯ.

ОБЗОРЪ ИНОСТРАННЫХЪ ВОЕННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Выяснивъ на примѣрѣ Франціи эпохи шестидесятыхъ годовъ, какъ подготавливается пораженіе, капитанъ А. Тарлэ въ «*Journal des Sciences militaires*» развиваетъ противоположную мысль—какъ Германія подготавливаетъ войну.

Встрѣча побѣжденныхъ съ побѣдителями на полѣ Седанскаго сраженія великолѣпно описана Мельхіоромъ-де-Вогюэ. Ночью, мимо германскихъ биваковъ, ведутъ полки французскихъ плѣнныхъ, и передъ ними сотни тысячъ голосовъ сливаются въ одинъ, исполняя вечернюю молитву. Хоралъ Лютера звучалъ со всего горизонта, занятаго нѣмцами. Передъ усталыми и разрозненными на многія политическія партіи французами какъ бы всталъ народъ, говорившій однимъ голосомъ. Несмотря на предшествовавшія сильныя впечатлѣнія, плѣнные вновь содрогнулись и поддались жуткому впечатлѣнію: не сотни пушекъ, опоясавшихъ Седанъ, и не массы пѣхоты одолѣли Францію, а коллективная душа этой арміи, религіозной и патріотичной, глубоко убѣжденной, что поддержка Всевышняго не оставитъ ряды войскъ престарѣлаго короля.

Тарлэ останавливается на могущественной поддержкѣ, которую официальная Германія получила со стороны выдающихся мыслителей и поэтовъ. Если Бисмаркъ, проводя военный законопроектъ въ 1863 г., твердымъ голосомъ заявилъ ландтагу, что домъ Гогенцолерновъ не уступитъ большинству палаты, такъ какъ прусскіе короли еще не выполнили своего назначенія, то ему вторилъ Гегель, пропагандировавшій, что жизнь государства представляетъ большую цѣнность, чѣмъ жизнь отдѣльныхъ лицъ.

Жестокій переломъ пережила Германія въ 1806 г., послѣ Иены, когда Фихте изъ космополита обратился въ горячаго патриота. Патриотическіе стихи Арндта до сихъ поръ сохраняются въ школьныхъ учебникахъ. «Тамъ, гдѣ рукопожатіе стоитъ клятвы, гдѣ вѣрностью искрятся глаза, гдѣ любовь царитъ въ сердцахъ, тамъ, мужественный германецъ—родина твоя». И черезъ строчку—бей французовъ. Эти мысли не завяли. Престарѣлый профессоръ военного искусства, Вагнеръ, помѣстилъ недавно въ офиціозной «Norddeutsche Allgem. Zeit.» призывъ къ оружію, къ борьбѣ, къ мужественной встрѣчѣ грозящихъ опасностей. Пусть колеблются женщины и плачутъ трусы. Горячую ненависть каждый обязанъ воспитать въ своемъ сердцѣ къ врагамъ отечества. Насъ бояться, и мы не рѣшимся! Вмѣсто того, чтобы ударить нѣмецкимъ кулакомъ, когда дѣло идетъ объ отечествѣ? и т. д.

Въ Германіи наука характеризуется утилитаризмомъ, стремленіемъ къ немедленному практическому приложенію; это не цѣль, а средство. И наука широко использована для подготовки къ войнѣ. У Трейчке мы найдемъ мысль о томъ, что «божественное призваніе на лицо всюду, гдѣ представляется удобный случай напасть на сосѣда и раздвинуть свои границы». Ницше устанавливаетъ принципъ, что народъ гибнетъ, когда онъ свой долгъ смѣшиваетъ съ общимъ понятіемъ о долгѣ. Гансъ Дельбрюкъ по поводу поддѣлки Бисмаркомъ Эмской депеши пишетъ: «да будетъ благословенна рука, начертавшая эти строчки».

Преподаваніе въ начальныхъ школахъ исходитъ изъ установленнаго нѣмцами начала, что, не базируя преподаваніе на шовинизмъ, слѣдуетъ, однако, подчеркивать, какіе сосѣди всегда нарушали миръ и еще его нарушатъ; ученикамъ нужно напомнить подвиги ихъ предковъ 1813 и 1870 гг. и подтвердить, что на ихъ долю также придется сражаться со старымъ врагомъ. Нужно, чтобы ученики знали не только исторію отечественной для нѣмцевъ войны 1813 г., но и похода 1870 г., такъ какъ будущая завоевательная война по характеру будетъ ближе къ послѣдней.

Исторія, преподаваемая въ начальныхъ школахъ—это повѣсть о цивилизаторской роли Германіи, окруженной злыми врагами, которые жгли нѣмецкіе города и грабили деревни; въ вознагражденіе за великую реформацію, за крупное идейное движеніе, во главѣ котораго стали нѣмцы съ Лютеромъ, лихіе люди громили ихъ землю неслыханнымъ образомъ 30 лѣтъ.

Образованіе ферейновъ для пропаганды необходимости увеличенія арміи, чествованіе дней побѣдъ въ 1870 г., какъ національныхъ праздниковъ, проповѣдь пангерманистовъ, доходящихъ въ своемъ увлеченіи до требованія очистки состава нѣмецкаго народа

отъ лицъ не германской расы, глубокое уваженіе къ арміи, традиція, открывающая входъ ко двору простому подпоручику, тогда какъ къ гражданскимъ лицамъ относятся весьма разборчиво,—все это различные элементы германской подготовки къ побѣдѣ. Въ наброскахъ Тарлэ они живо мелькаютъ передъ нами, какъ грозные призраки, въ противовѣсъ легкомысленнымъ французскимъ выпадамъ о патріотическихъ игрушкахъ, объ отвратительности казарменной жизни, о безразличіи къ общественному дѣлу. Впрочемъ, послѣдніе годы вызвали и во Франціи рѣзкій поворотъ.

«Vierteljahrshefte für Truppenführung und Heereskunde» даетъ прекрасную статью генераль-маіора Фрейтагъ-Лорингофэна о недавно скончавшемся фельдмаршалѣ графѣ Шлиффенѣ, начальникѣ прусскаго генеральнаго штаба въ періодъ 1891—1905 гг. Хотя онъ принадлежалъ къ тому поколѣнію офицеровъ, которыхъ война 1870 г. застала уже въ канитанскомъ чинѣ, графъ Шлиффенъ сдѣлалъ, по существу, мирную карьеру. Во время Мецской операціи онъ сторожилъ побережье Балтійскаго моря.

То, что мы считаемъ германской доктриной, въ сущности является ученіемъ графа Шлиффена, хотя и пустившимъ глубокіе корни за его 14-лѣтнюю работу во главѣ германскаго генеральнаго штаба, но, съ уходомъ графа Шлиффена, все болѣе становящимся достояніемъ исторіи, а въ жизни уступающимъ мѣсто болѣе умѣреннымъ взглядамъ его преемника. Шлиффенъ былъ страшно трудолюбивъ, въ противоположность Мольтке, не игралъ въ карты; однимъ изъ его созданий явилась тяжелая полевая артилерія и полевая гаубицы, встрѣченныя чрезвычайно враждебно первоначально и въ Германіи, но затѣмъ появившіяся и въ другихъ арміяхъ.

Шлиффенъ не былъ фарисеемъ; въ молодости онъ любилъ повеселиться самъ, а подъ старость весьма снисходительно относился къ веселю молодыхъ офицеровъ. Въ работѣ онъ любилъ не ограничиваться докладами оберъ-квартирмейстеровъ, а входилъ въ непосредственное соприкосновеніе съ дѣлопроизводителями; иногда онъ приходилъ самъ за справками въ дѣлопроизводство и работалъ тамъ. Къ старости у него, однако, выработалось нѣсколько презрительное отношеніе къ людямъ, которое его біографъ стремится нѣсколько загладить. Въ оцѣнкѣ военной исторіи онъ крупно расходился съ Мольтке, умышленно сохранившимъ въ официальной исторіи войны 1870 г. цѣлый рядъ легендъ, разрушить которыя, съ патріотической точки зрѣнія Мольтке, было бы кощунственно. Шлиффенъ находилъ, что онъ болѣе свободенъ, чѣмъ его великій предшественникъ, въ разборѣ войны, такъ какъ главные дѣятели уже сошли въ могилу; между

тѣмъ армія, которая не относится критически къ своему боевому прошлому, а рисуетъ его исключительно розовыми красками, безъ промаха идетъ навстрѣчу новой Іенѣ или Седану. Эти мысли въ подлинникѣ слѣдовало бы усвоить всѣмъ полковымъ историкамъ, которые вмѣсто того, чтобы облегчить работу историка войнъ, воздвигаютъ препятствія на пути правильной оцѣнки минувшаго. Не явилась ли, напримѣръ, ложная историческая разработка боя подъ Горнымъ Дубнякомъ одной изъ тѣхъ данныхъ, за которыя потомъ пришлось дорого расплачиваться?

Односторонность—эта слабость, присущая именно крупнымъ людямъ, въ высшей степени характерна для Шлиффена; онъ всегда уклонялся круто въ одномъ направленіи, давалъ схему—и одно время эта схема была неизбѣжной принадлежностью нѣмецкаго военного мышленія, которой даже завидовали сосѣди. Крупное его произведение, написанное имъ на восьмомъ десяткѣ лѣтъ жизни, Канны, представляетъ именно изслѣдованіе всей новѣйшей военной исторіи подъ угломъ зрѣнія необходимости охвата и даже окруженія во что бы то ни стало, цѣной какой угодно растяжки фронта; отсутствіе резерва ставится полководцу въ заслугу. Наполеонъ, который такъ часто накапливалъ резервы и рвалъ центръ, жестоко подчасъ критиковался Шлиффеномъ, который не останавливался въ прямолинейномъ приложеніи своей схемы ни передъ какимъ авторитетомъ.

Шлиффенъ былъ, несомнѣнно, крупный, смѣлый и оригинальный мыслитель. Какъ не сходенъ онъ съ другимъ крупнымъ писателемъ, фонъ-деръ-Гольцемъ, который воскурилъ фиміамъ принцу Фридриху-Карлу даже за бездѣйствіе его, вмѣсто преслѣдованія, послѣ первой побѣды надъ Луарской арміей, который никогда не давалъ схемы, а всегда балансировалъ между двумя противоположными идеями, который послѣ болгарскихъ побѣдъ писалъ о турецкой арміи прямо противоположное изложенному годомъ ранѣе мнѣнію!

Для русскаго читателя изученіе біографіи Шлиффена, затронутой здѣсь лишь вскользь, крайне интересно и потому, что позволяетъ заглянуть въ тайники работы прусскаго генеральнаго штаба, въ которыхъ складывается его всемірная репутация.

Въ томъ же журналѣ помѣщена статья барона Мэркенъ-цу-Герать о главнѣйшихъ европейскихъ кавалерійскихъ школахъ. Авторъ нѣсколько свысока относится къ нашей работѣ въ области кавалерійскаго спорта и полагаетъ нужнымъ упомянуть о ней только потому, что долгое время у насъ работалъ Филисъ. Въ привлеченіи къ намъ французскаго офицера на роль инструктора, въ успѣхѣ пропаганды у насъ италіанской системы ѣзды, авторъ видитъ основаніе

для утверждения, что объ единой русской доктринѣ ѣзды не можетъ быть и рѣчи.

Весьма любопытны всякому кавалеристу тѣ компетентныя характеристики, которыя авторъ даетъ французской, бельгійской, шведской, австрійской и итальянской офицерскимъ кавалерійскимъ школамъ. Въ каждой изъ нихъ имѣются свои плюсы. Въ ѣздѣ по мѣстности и въ прыжкахъ преимущество на сторонѣ итальянцевъ; легенда о томъ, что они пользуются особо подобранными лошадьми, отрицается. Свои головоломные спуски съ обрывовъ и прыжки черезъ неслыханныя препятствія итальянцы дѣлаютъ на обыкновенной ремонтной лошади всевозможныхъ породъ. Корень успѣха заключается не въ лошади, а въ выѣздкѣ и въ лихости ѣздоковъ. Итальянцы показали, что предѣлы силы лошади были до того неизвѣстны.

Не радуютъ автора англичане; эти истинные спортсмены отвергаютъ цирковые приемы обученія—тщательную выѣздку, прекрасно поставленную во Франціи, не гонятся за изяществомъ посадки. Климатъ Англіи позволяетъ носиться круглый годъ по полямъ; но полевая верховая лошадь знаетъ и черную, водовозную работу, которая уже составляетъ безусловное препятствіе для тонкостей ѣзды. Родина кровныхъ лошадей, спорта и въ частности стипль-чеза не признаетъ манежа...

Въ числѣ пожеланій автора статьи, помѣщенной въ органѣ прусскаго генеральнаго штаба, любопытно отмѣтить требованіе учрежденія, кромѣ сѣти школъ ѣзды для юныхъ кавалерійскихъ офицеровъ, особой верховой академіи, въ которую бы командировались лишь особенно способные ѣздоки и которая служила бы рассадникомъ инструкторовъ для офицеровъ, и окончаніе которой давало бы тѣ же права и преимущества, какъ и окончаніе военной академіи... Именно стремленіе къ спортивному совершенству немногихъ, а не къ подъему средняго уровня искусства ѣзды въ кавалеріи, увлеченіе олимпійскими играми и международными состязаніями составляетъ слабое мѣсто автора: онъ, въ своихъ описаніяхъ кавалерійскихъ школъ, охотно идетъ на среднюю ремонтную лошадь, но въ среднемъ кавалерійскомъ офицерѣ видитъ серьезное препятствіе для процвѣтанія тонкостей искусства. Это чисто берейторская, но не военная точка зрѣнія.

Въ числѣ причинъ турецкихъ пораженій любопытны грѣхи турецкаго государства, указанные еще въ 1883 г. генераломъ Нюксъ; на нихъ ссылается генераль Пала въ послѣднемъ выпускѣ «*Journal des Sciences militaires*». Каждый турокъ въ отдѣльности имѣлъ много существенныхъ добродѣтелей, которымъ могли только завидовать паразиты, жившіе въ Турціи за счетъ турокъ. Честный въ дѣ-

лахъ, надежный въ своихъ личныхъ отношеніяхъ, турокъ часто на практикѣ доказываетъ свое великодушіе и порядочность. Но эти индивидуальныя черты исчезаютъ, если изучать не отдѣльныхъ лицъ, но народъ въ его цѣломъ. Административный безнорядокъ, отсутствіе правосудія и серьезнаго контроля, злоупотребленія бюрократіи, лживость въ дипломатическомъ отношеніи, восточный «авось», да еще на подкладкѣ религіознаго фанатизма—вотъ язвы общественной жизни Турціи. Отсюда неизбежность иностранцевъ во всякомъ предпріятіи въ Турціи. Идетъ ли вопросъ о постройкѣ желѣзной дороги, дворца, закладкѣ копи, выдѣлкѣ пушекъ, или просто о веденіи бухгалтеріи торговаго дома—турокъ не можетъ довольствоваться своими соотечественниками, ему надо призвать на помощь иностранцевъ... Затѣмъ варяги призваны были въ армію...

Заканчивая свой этюдъ о Оракійскомъ походѣ, полковникъ Дебриеръ ставитъ въ вину болгарскому управленію лишь одно упущеніе—отсутствіе резерва въ сраженіи Люле-Бургасъ—Бунаръ-Гиссаръ. Это замѣчаніе важно потому, что многіе склонны во всемъ подражать побѣдителямъ, даже въ ихъ уклоненіяхъ отъ тактической истины, обусловленныхъ, вѣроятно, самыми почтенными мотивами. Такъ, многіе изъ того обстоятельства, что генералу Радко Дмитріеву пришлось въ самомъ началѣ сраженія выдвинуть 6-ю дивизію въ первую линію и остаться безъ всякаго резерва, дѣлаютъ выводъ, по опыту послѣдней войны, о ненужности резервовъ въ рукахъ полководца на современномъ полѣ сраженія. Между тѣмъ, болгарская армія, несмотря на всю доблесть и упорство, пережила крайне тяжелый кризисъ, который могъ окончиться и катастрофой, при нѣсколько большемъ порядкѣ на сторонѣ турокъ. Во всякомъ случаѣ стратегическій резервъ—бригаду 3-й дивизіи, двинутую къ Бунаръ-Гиссару, пришлось импровизировать, и опытъ этого сраженія свидѣтельствуетъ, что импровизированнаго въ послѣднюю минуту резерва недостаточно для того, чтобы добиться подавляющаго успѣха. Несмотря на всю подверженность турецкой арміи паникѣ, уничтожить ее не удалось.

Въ «l'Illustration» помѣщенъ прекрасный и чисто французскій очеркъ академика Анри Лаведана «Остріе», основывающійся на книгѣ Этьена Роза «Офицеръ».

Эта книга посвящена памяти брата автора, Жака Роза, поручика 2-го полка спаговъ.

Въ 1907 г. авторъ получилъ телеграмму о смертельной ранѣ, полученной его братомъ въ бою съ племенемъ Бени-Снасенъ. Этьенъ Розъ отправился въ Марокко, чтобы привезти и похоронить въ род-

ной Франціи тѣло брата. Собралъ всѣ воспоминанія очевидцевъ о послѣдней лихой конной атакѣ брата, всѣ мелкія вещицы на память о немъ—разбитые и остановившіеся въ минуту смерти часы, окровавленную одежду, Розъ разрылъ свѣжую могилу. Фургонъ съ печальными останками повстрѣчался съ генераломъ Ліотэ, стоявшимъ во главѣ французскихъ войскъ. Ліотэ, знавшій убитаго офицера, высказался о немъ, какъ о выдающемся воинѣ. Розъ воспользовался случаемъ и просилъ Ліотэ розыскать саблю брата, держа которую обнаженной, онъ врѣзался въ непріятельское расположеніе; эта сабля была бы безконечно дорога для него и для матери, старухи изъ Вандеи, стойчески принявшей извѣстіе о смерти сына за отечество; но мароканцы похитили саблю. Ліотэ далъ слово, что заставитъ непріятеля отдать этотъ дорогой трофей.

Черезъ нѣсколько недѣль племя Бени-Снасенъ должно было смириться и, какъ непремѣнное условіе подчиненія, Ліотэ потребовалъ выдачи всѣхъ вещей поручика Розъ. Револьверъ, сѣдло и пальто были возвращены безпрекословно, но саблю они долго скрывали, какъ цѣнный трофей, увѣряя, что не нашли ее. Генераль Ліотэ прибѣгъ къ угрозамъ. Наконецъ, ему принесли исковерканный обломокъ; добраго куска конца клинка не хватало. Генераль Ліотэ съ той твердостью, которую можетъ себѣ позволить побѣдитель отъ поверженнаго врага, приказалъ представить ему и остріе. Арабскій старѣйшина доложилъ, что у нихъ нѣтъ острія, что оно осталось въ груди араба, похороненнаго гдѣ то у Уджы. Ліотэ повторилъ: «я хочу остріе». И арабы разрыли свою могилу, и на колѣняхъ поднесли заржавѣвшее въ черной крови остріе. Сабля изъ двухъ морально спаянныхъ кусковъ, сабля потерянная и вновь отбитая, теперь водворена во Францію, въ домъ крѣпкой французской семьи въ Турени. И во всякомъ большемъ дѣлѣ, когда замѣшаны патетическіе, острые, болѣзненные интересы, желѣзная фраза генерала Ліотэ, какъ девизъ, должна воскреснуть въ памяти: «*La pointe! Il me faut la pointe. Je veux la pointe.*».

Подполковникъ Рагенау, заканчивая въ «*Revue militaire générale*» статью объ изученіи военнаго дѣла во Франціи и о подготовкѣ къ высшему командованію, развиваетъ горькую истину: всякій офицеръ генеральнаго штаба, въ тотъ моментъ, когда, оставивъ академическую скамью, онъ окунается въ жизнь какого-либо штаба, испытываетъ и разочарованіе, и сожалѣніе. Сожалѣніе—о той богатой интеллектуальной жизни, которою онъ дышалъ школьные годы, богатой не только разборомъ съ кафедры интересныхъ вопросовъ, но и обмѣномъ идей между товарищами, офицерами разныхъ родовъ войскъ,

въ числѣ коихъ много высоко одаренныхъ. Разочарованіе—потому что школьная подготовка имѣла въ виду исключительно подготовку къ войнѣ, а штабная служба мирнаго времени представляетъ совершенно отличныя требованія. Штабы разрабатываютъ массу вопросовъ, имѣющихъ самое отдаленное родство со службой въ полѣ. Отъ длинныхъ часовъ присутствія необходимо урвать время и для верховой ѣзды, и для самостоятельныхъ занятій по военному искусству, подъ угрозой потерять всякій обликъ подготовленнаго къ войнѣ офицера; сколькихъ талантливыхъ вождей жизнь передѣлала въ законченныхъ бюрократахъ, для которыхъ капризы приказовъ по военному вѣдомству не представляли никакихъ тайнъ!

Масса работы теряется въ штабахъ совершенно даромъ, вслѣдствіе крайне неэкономной іерархической организаціи дѣлопроизводства, которую ни одно частное предпріятіе никогда не допустило бы. Въ штабѣ корпуса, напримѣръ, вопросы, разрѣшаемые командиромъ корпуса, проходятъ черезъ начальника штаба, его помощника, начальника отдѣленія, прежде чѣмъ достигнуть разрабатывающаго ихъ первоисточника—капитана или поручика генеральнаго штаба. Тотъ же вопросъ послѣдовательно освѣщается съ пяти точекъ зрѣнія. И чѣмъ индивидуальность каждаго выражена ярче, чѣмъ больше души вкладываютъ эти офицеры въ разсмотрѣніе проходящихъ вопросовъ, тѣмъ больше шансовъ, что ихъ мнѣнія разойдутся, работа растрачивается на взаимную критику и перечеркиваніе, а рѣшеніе чаще всего является компромиссомъ, слѣдовательно, посредственнымъ. Не достаточно ли было бы одного офицера—для разработки вопроса, командира корпуса—для принятія важнѣйшихъ рѣшеній, и его начальника штаба—для рѣшеній второстепенной важности? А сколько теперь тратится времени на поиски такой гибкой редакціи, которая бы сочетала все разнообразіе мнѣній? Не переписывается ли теперь иное письмо въ штабахъ по четыре раза, тогда какъ опредѣленное указаніе, данное ответственнымъ начальникомъ, спасло бы отъ этого расхищенія времени и усилій?

Мѣры, принятія теперь во Франціи для дальнѣйшаго преуспѣянія офицеровъ окончившихъ академію; въ ихъ спеціальныхъ знаніяхъ, слѣдующія: переписку въ штабахъ стремятся переложить на нестроевыхъ офицеровъ; въ каждомъ штабѣ корпуса ведутся занятія съ офицерами; разъ въ годъ начальники корпусныхъ штабовъ съѣзжаются для выработки обобщающихъ положеній; наконецъ, установленъ особый курсъ для выдающихся офицеровъ. Все это Рагенау признаетъ недостаточнымъ. Способность усвоенія, ассимиляціи—это чисто юношескій талантъ. По мѣрѣ того, какъ человѣкъ зрѣетъ, онъ становится болѣе способнымъ приложить на практикѣ свои способности, все, что онъ приобрѣлъ жизненнымъ опытомъ—и

эта высокая практическая цѣнность работника сохраняется до тѣхъ поръ, пока онъ въ физическомъ и умственномъ отношеніи не пойдетъ къ закату. Но приобретать новыя познанія ему физиологически становится трудно гораздо раньше. Тѣ подполковники и майоры, приближающіеся уже къ пятидесятилѣтнему возрасту, которыхъ собираютъ на 6 мѣсяцевъ въ особый курсъ, уже мало способны и къ изученію военной исторіи, и къ теоретическому обученію—въ формѣ сообщеній; программа занятій разумно ограничивается чисто практическимъ, прикладнымъ характеромъ, работа ведется исключительно въ видѣ изученія конкретной обстановки. И такъ какъ каждый изъ этихъ пожившихъ уже офицеровъ имѣетъ свое собственное тактическое и стратегическое міровоззрѣніе, выкованное двадцатилѣтней самостоятельной работой послѣ окончанія академіи, то было бы слишкомъ самонадѣянно рассчитывать въ короткое время сгладить противорѣчія и создать среди нихъ единство взглядовъ. И такъ какъ этотъ курсъ не имѣетъ штатнаго состава руководителей, а представляетъ лишь періодически собирающійся центръ занятій, то, разумѣется, на этомъ курсѣ можно познакомиться со взглядами нѣсколькихъ высшихъ руководителей арміи, но двинуть изученіе стратегическихъ вопросовъ и создать стратегическую доктрину такой временный курсъ не въ состояніи.

Французскій генеральный штабъ, въ противовѣсъ прусскому, имѣетъ въ виду исключительно разработку теоретическихъ мѣропріятій и сохраняетъ чисто дѣловой характеръ; тотъ школьный характеръ, которымъ отмѣчена организація прускаго большого генеральнаго штаба, вовсе отсутствуетъ во Франціи; подготовка къ вышему командованію игнорируется. Офицеръ, назначаемый въ оперативное дѣлопроизводство, не получаетъ никакой особенной стратегической подготовки, а ему нужны самыя широкія стратегическія познанія. Правда, теперь, передъ переводомъ въ *Etat-major de l'armée* (наше главное управленіе генеральнаго штаба) офицеры предварительно выдерживаютъ пробный испытаніе причисленія. Однако, этотъ стажъ имѣетъ чисто канцелярскій характеръ. Онъ позволяетъ усвоить практику дѣлопроизводства; такъ въ конторѣ нотаріуса или адвоката отбываютъ цензъ клеркомъ, чтобы изучить практику дѣла, но эта работа въ конторѣ не можетъ, конечно, замѣнить широкую юридическую подготовку. Такъ и въ оперативномъ отношеніи: канцелярскую часть вопросовъ сосредоточенія одолѣваютъ въ совершенствѣ, но эта канцелярія не возмѣститъ отсутствія стратегической подготовки. А между тѣмъ теперь даже генія Наполеона оказалось бы недостаточнымъ, чтобы распорядиться современной сложной машиной вооруженныхъ силъ, если бы у него не оказалось достаточнаго числа стратегически подготовленныхъ подчиненныхъ. Незнаніе стра-

теги ведетъ часто къ дѣтскимъ обобщеніямъ вопросовъ направленія усилія милліонныхъ армій—и, во всякомъ случаѣ, къ несовершеннымъ и натянутымъ рѣшеніямъ.

Трудность вопроса заключается въ томъ, что военное дѣло, съ стратегической точки зрѣнія, должно изучаться еще съ молодю; въ тоже время не только бесполезно, но и опасно направить способности и усилія значительной части офицеровъ къ изученію задачъ, которыхъ имъ никогда не придется разрѣшать; важнѣйшая опасность заключается въ томъ, что ихъ вниманіе къ вопросамъ гораздо болѣе ограниченнаго значенія, съ коими имъ придется повседневно имѣть дѣло, будетъ притуплено.

Правительство отвергло во Франціи созданіе въ академіи третьяго курса, на которомъ небольшая кучка лучшихъ по успѣхамъ офицеровъ работала бы въ области стратегіи, такъ какъ не пожелало создавать уже на школьной скамѣ будущихъ полководцевъ. Но какой-то стратегическій закоулокъ въ генеральномъ штабѣ долженъ быть созданъ. Рагенау предлагаетъ создать какъ бы третій курсъ академіи на отлетѣ, для прохожденія его капитанами въ годъ, предшествующій производству въ штабъ-офицерскій чинъ.

Полный туманъ въ стратегіи тяжело отзывается и на тактикѣ, обусловливаетъ въ ней шатаніе, весьма замѣтное въ послѣдніе годы.

При одинаковомъ оружій, съ солдатами, одушевленными равнымъ чувствомъ долга, самопожертвованіемъ, окончательный успѣхъ будетъ вырванъ той стратегіей, начальники коей, въ интеллектуальномъ отношеніи, представляютъ болѣе крупную величину. Высшее командованіе должно быть подготовлено уже въ мирное время къ своей трудной задачѣ—такъ, по горькому опыту войны 1870 года, распространяется военный министръ въ докладѣ по бюджету 1911 года....

Статья г. Тувиля, долгое время наблюдавшаго въ Турціи жизнь арміи, очерчиваетъ въ невыгодномъ свѣтѣ работу германскихъ инструкторовъ. Письма турецкихъ офицеровъ, командированныхъ въ германскую армію, заключали часто жалобы на германскіе методы обученія и содержали критическіе отзывы о германскихъ офицерахъ. Германскому посланнику въ Константинополь приходилось непрерывно бороться съ заявленіями турецкихъ офицеровъ, наносившими удары престижу германской арміи и болѣе одобрявшими французскіе порядки. Нѣмецкіе инструкторы въ турецкой арміи наткнулись на сопротивленіе офицеровъ, находившихъ ихъ способъ обращенія съ солдатами слишкомъ грубымъ. Такъ, Имгофъ-пашѣ, главному инструктору турецкой артилеріи, и двумъ молодымъ офицерамъ, оскорбившимъ при исполненіи служебныхъ обязанностей турецкихъ

офицеровъ, учившихся у нихъ, пришлось вернуться въ Германію. Самъ фонъ деръ Гольцъ наткнулся на оппозицію и открыто заявилъ въ дипломатическомъ салонѣ, что онъ не узнаетъ болѣе старыхъ учениковъ, послушныхъ его голосу и внимательныхъ къ совѣтамъ.

Если вѣрить французскому автору, то главное стремленіе реформаторовъ турецкой арміи было направлено къ полученію заказовъ на армію германской промышленностью. Автомобили—грузовозы, тяжелыя четырехколесныя лазаретныя линейки, прожекторы, и многія другія произведенія современной техники, имѣвшія совершенно второстепенное значеніе на бездорожномъ Оракійскомъ и Македонскомъ театрахъ борьбы, были навязаны туркамъ, вмѣсто коренной реорганизациі ихъ арміи. Въ разрѣзъ мнѣнію всѣхъ германскихъ инструкторовъ, Турція рѣшилась заказать горную артилерію во Франціи, у Крезо, и это обстоятельство вызвало угрозу германскаго императора, что онъ воспретитъ прикомандированіе турецкихъ офицеровъ къ германской арміи.

Если нѣмецкіе офицеры, находившіеся въ турецкой арміи (напримѣръ, Хохвехтеръ въ своемъ трудѣ—«Въ огнѣ съ турками»), поютъ панегирики проводнику германскаго вліянія, Мухтару-пашѣ, сыну великаго визиря, командовавшему III корпусомъ подъ Киркилисе и Бунаръ-Гиссаромъ, то Шерифъ-паша считаетъ его важнѣйшимъ дезорганизаторомъ турецкой арміи. Размышленія его о войнѣ напечатаны въ «Мешерутъенѣ», франко-турецкомъ журналѣ.

12 офицеровъ на баталіонъ недостаточно. Бой ведется лежа, и самый опытный офицеръ въ стрѣлковой цѣпи не сумѣетъ распространить свое вліяніе больше, чѣмъ на 30—40 солдатъ. Если въ ротѣ нѣтъ на лицо 4 офицеровъ, то 60—80 солдатъ не имѣютъ въ бою офицера-руководителя, и это сейчасъ же сказывается...

Турецкіе офицеры, почти всѣ франкъ-массоны и члены комитета «Единеніе и Прогрессъ», оскорбляли подчасъ религіозное чувство солдатъ. Нижніе чины, покорные исламу, были скандализированы видомъ офицеровъ, принимавшихъ алкоголь—за стаканами «раки».

«Revue militaire générale» помѣщаетъ начало обширнаго изслѣдованія о сраженіи на р. Шахъ подполковника Буца, характеризующаго эту операцію, какъ «наступленіе—оборону». Генераль де-Лакруа въ предисловіи отмѣчаетъ, что такъ, дѣйствительно, можно опредѣлить робкое наступленіе русскихъ, приведшее къ разброскѣ усилій, къ безсвязнымъ дѣйствіямъ, къ ошибочному представленію о маневрѣ, что и привело къ отрицательному результату.

Французскіе историческіе труды, къ сожалѣнію, печатаются съ большимъ запозданіемъ; такъ настоящая работа ожидала очереди свыше двухъ лѣтъ. Авторъ ея 18 мѣсяцевъ провелъ въ Манчжуріи съ русскими войсками, переболѣлъ сердцемъ при каждомъ отступленіи, въ Мукденскомъ погромѣ отчетливо разсмотрѣлъ призракъ будущаго натиска Германіи на Францію—Мароккескихъ осложнений. Неудачи русскихъ онъ считаетъ неудачами и французовъ, и потому проситъ снисхожденія у русскаго читателя, которому попадутся написанныя имъ строки, если въ нихъ окажется нѣсколько слишкомъ живыхъ выраженій.

Мы будемъ слѣдить за его статьями, но выскажемся нѣсколько позже.

А. Сбѣчинъ.

«Rivista militare italiana» 1913 г. Февраль.

По итальянскимъ официальнымъ «Общимъ правиламъ употребленія крупныхъ боевыхъ единицъ» и «Правиламъ веденія боя» полевая артилерія должна поддерживать дѣйствія пѣхоты во всѣхъ ихъ фазисахъ, соображая съ таковыми и подчиняя имъ собственныя дѣйствія. При этомъ: тяжелыя гаубицы поражаютъ войска, находящіяся, какъ на ближнихъ, такъ и на дальнихъ дистанціяхъ, и расположенныя позади закрытій или въ складкахъ мѣстности; обстрѣливаютъ укрытія и зданія, приведенныя въ оборонительное состояніе; въ послѣдней фазѣ боя, когда атакующая пѣхота сойдется съ пѣхотою обороняющагося на близкое разстояніе, пользуются крутизною своей траекторіи для содѣйствія пѣхотѣ до послѣднихъ предѣловъ возможности. Тяжелыя пушки поражаютъ легкую артилерію непріятели и тѣмъ облегчаютъ дѣйствія собственной легкой артилеріи; поражаютъ войска на дальнихъ разстояніяхъ; разрушаютъ прикрытія большого сопротивленія. Легкія пушки поражаютъ живыя цѣли, какъ открытыя, такъ и находящіяся позади слабыхъ или недостаточно высокихъ закрытій; эти же пушки наиболѣе пригодны для слѣдованія за пѣхотою во всѣхъ фазисахъ боя.

Преднославъ эти официальныя указанія, капитанъ Roberts de Genago, въ статьѣ подъ заглавіемъ «Полевая легкія гаубицы и тяжелыя пушки», говорить:

Выясняя свойства тяжелыхъ орудій полевой артилеріи, названныя Правила указываютъ, что изъ числа ихъ только гаубицы могутъ продолжать стрѣльбу во время послѣдней фазы боя безъ вреда своей пѣхотѣ; пушки же, обладающія пологою траекторіею, должны

прекращать стрѣльбу заблаговременно и лишены потому возможности оказывать пѣхотѣ эту драгоцѣнную помощь. Отсюда самъ собою слѣдуетъ выводъ, что для возможности содѣйствія пѣхотѣ во всѣхъ фазисахъ боя легкая полевая артилерія должна имѣть не однѣ только пушки, но также и гаубицы. Разница въ вѣсѣ между полевой пушкою и полевой гаубицею легкой артилеріи совершенно ничтожна, и послѣдняя имѣетъ полную возможность не только содѣйствовать операціямъ пѣхоты, какъ выше изложено, но также и слѣдовать за нею всюду, подобно легкой полевой пушкѣ. Изъ сравненія 75-миллиметровой пушки съ 105-миллиметровою гаубицею видно, что гаубица имѣя всего лишь около 200 килограммъ лишняго вѣса, обладаетъ, сверхъ крутой траекторіи полета снаряда, также большею дальностью и дѣйствительностью стрѣльбы.

На тяжелую полевую пушку возлагается Правилами пораженіе легкой артилеріи непріятеля и облегченіе тѣмъ операцій своей легкой артилеріи, но выполненіе такой задачи весьма затрудняется многими причинами. Число такихъ пушекъ невелико, и распоряжаются ими начальники артилеріи крупныхъ единицъ, а потому прибытіе ихъ къ мѣстамъ назначенія можетъ часто замедлиться въ ущербъ успѣху операціи. Орудійные щиты получили нынѣ широкое распространеніе, а опыты, производившіеся въ нѣкоторыхъ арміяхъ, убѣждаютъ, что стрѣльба по такимъ щитамъ гранатою возможна далеко не во всѣхъ случаяхъ. Сравнивая 120-миллиметровую тяжелую полевую пушку съ 105-миллиметровою легкой гаубицею въ отношеніи дальности стрѣльбы, вѣса снарядовъ, вѣса шрапнелныхъ пуль и числа ихъ, свойства траекторій, нельзя не придти къ общему выводу въ пользу гаубицы. На полигонныхъ опытахъ шрапнель такой гаубицы поражала поставленные позади щитовъ болванки при стрѣльбѣ съ 6.000 метровъ даже при употребленіи выгнутыхъ щитовъ, а при стрѣльбѣ съ разстоянія отъ 4.000 до 5.000 метровъ число пораженныхъ болванокъ составило 87%.

Войска, не производящія стрѣльбы, пользуются для укрытія всѣми подходящими мѣстными предметами. При незначительномъ протяженіи послѣднихъ, значеніе ихъ можетъ быть иногда парализовано надлежащими маневрами или удлиненіемъ фронта, но если непріятель укрывается позади длинныхъ горныхъ хребтовъ, плотинъ и т. п. или же хорошо укрытъ въ траншеяхъ, то является необходимою стрѣльба по крутой траекторіи. Въ виду же того, что очень мѣткая стрѣльба въ полевомъ бою не всегда достижима, приходится возмѣщать недостатокъ мѣткости увеличеніемъ числа выстрѣловъ, а это послѣднее болѣе исполнимо для легкой мортиры, нежели для тяжелой, имѣющей меньшее количество боевыхъ припасовъ. Офіціальныя итальянскія Правила также обращаютъ вниманіе на малое количе-

ство боевыхъ припасовъ тяжелыхъ полевыхъ орудій и трудность снабженія ихъ и указываютъ, какъ общее правило, что тяжелую полевую артилерію выгоднѣе обращать противъ артилеріи непріятеля, а легкую противъ его пѣхоты. Если полевая легкая артилерія состоитъ только изъ пушекъ, то ей часто приходится выжидать для стрѣльбы случаевъ, когда непріятельскія войска откроются, и затѣмъ рассчитывать на достоинство матеріальной части и искусство личного состава.

Кромѣ солидныхъ укрытій въ особо важныхъ пунктахъ, служащихъ для опоры маневрирующихъ войскъ, инженерными войсками устраиваются на поляхъ сраженій укрытія поспѣшнаго характера, прикрывающія головы стрѣлковъ отъ пораженія сверху и обезпечивающія имъ спокойствіе духа, необходимое для мѣткой стрѣльбы. Обстрѣливаніе этихъ послѣднихъ укрытій, получающихъ иногда очень большое развитіе, тяжелыми гаубицами повело бы къ напрасной тратѣ тяжелыхъ снарядовъ и отвлекло бы таковыя гаубицы отъ болѣе соответственныхъ имъ цѣлей. Легкія гаубицы калибромъ отъ 10 до 12 сантиметровъ, обильно снабженныя боевыми припасами, могутъ тутъ принести наибольшую пользу.

Неимѣніе въ полевой артилеріи легкихъ гаубицъ составляетъ такой капитальный пробѣлъ, что нѣтъ по вопросу вооруженія ни одного современнаго серьезнаго трактата, который бы на немъ не останавливался и не признавалъ его крайне прискорбнымъ. По причинамъ, выше достаточно выясненнымъ, не можетъ этотъ пробѣлъ быть заполненъ и тяжелыми гаубицами, которыя слѣдуютъ, къ тому же, обыкновенно въ хвостѣ колоннъ, что не даетъ начальнику отряда увѣренности въ ихъ содѣйствіи пѣхотѣ тамъ, гдѣ необходима стрѣльба по крутой траекторіи.

По мѣрѣ того, какъ непріятельскій ружейный огонь приобретаетъ первенствующее значеніе и становится главнымъ препятствіемъ наступленію, артилерійскій огонь атакующаго переносится на пѣхоту непріятеля, какъ на главную цѣль; этотъ огонь доводится, затѣмъ, по мѣрѣ сближенія съ непріателемъ, до высшей степени напряженія, хотя бы батареямъ атакующаго приходилось для этого придвинуться къ непріятелю на близкія разстоянія. Въ теченіе всего этого времени, а въ особенности въ рѣшительный періодъ атаки, легкія гаубицы будутъ, по вышевыясненнымъ причинамъ, полезнѣе тяжелыхъ. Тяжелыя пушки обратятъ свой огонь на батареи непріятеля, сохранившія еще возможность вредить атакующей пѣхотѣ, хотя та же задача можетъ быть вполне удовлетворительно выполнена тяжелыми и легкими гаубицами при стрѣльбѣ по наиболѣе пологимъ траекторіямъ. При уснѣхѣ атаки, какъ и при ея неудачѣ, многочисленныя и подвижныя батареи легкихъ гаубицъ принесутъ больше

пользы, нежели небольшое число тяжелыхъ пушекъ. Пользуясь своею подвижностью, гаубицы быстро займутъ отвоеванныя позиціи и, обстрѣливая впереди лежащія закрытія и складки мѣстности, весьма затруднятъ непріятелю контръ-атаки.

При атакѣ непріятельскихъ позицій тяжелымъ полевымъ пушкамъ могутъ представиться цѣли съ самаго начала, но трудность снабженія ихъ боевыми припасами заставляеть и тутъ очень беречь послѣдніе, между тѣмъ какъ для атаки выгодно держать обороняющіяся войска въ состояніи постоянного нравственнаго напряженія и вести для того непрерывную энергичную стрѣльбу. Кромѣ того, и значительное удаленіе тяжелыхъ пушечныхъ батарей отъ своей пѣхоты представляетъ невыгоду въ нравственномъ отношеніи, такъ какъ пѣхота, не видя ни батарей, ни результатовъ ихъ стрѣльбы, можетъ счесть себя лишенною содѣйствія артилеріи. Является, наконецъ, необходимость въ обстрѣливаніи укрытыхъ батарей обороны. По всѣмъ этимъ причинамъ преобладаніе въ числѣ орудій, обстрѣливающихъ позицію, должно принадлежать не пушкамъ, а гаубицамъ.

При оборонѣ позицій всѣ роды орудій полевой артилеріи могутъ найти примѣненіе. Пушки могутъ съ большимъ успѣхомъ обстрѣливать непріятельскія батареи, занявшія позиціи, а гаубицы принесутъ большую пользу при пораженіи непріятельской артилеріи, находящейся въ движеніи, а также обозовъ и складовъ боевыхъ припасовъ. Тамъ, гдѣ требуется подвижность и большое число выстрѣловъ, особо полезны будутъ легкія гаубицы; онѣ же принесутъ большую пользу, обстрѣливая складки мѣстности и другія прикрытія, которыми будетъ пользоваться атакующій. Стоя на вооруженіи укрытыхъ батарей, онѣ могутъ спасти позицію и привести къ неудачѣ самую блестящую атаку противника.

Въ заключеніе авторъ высказывается за совершенную необходимость въ полевой артилеріи легкой гаубицы и признаеть, что при наличности въ этой артилеріи легкой пушки и тяжелой гаубицы введеніе легкой гаубицы несравненно нужнѣе введенія тяжелой пушки.

Въ статьѣ подъ заглавіемъ «Грудь или стѣна» капитанъ Ferlito Вонассогі приводитъ слова Галилея изъ его трактата по фортификаціи 1593 года: «Всѣ эти мѣры могутъ только продлить агонію, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что при надлежащей настойчивости непріятеля онъ все же овладѣетъ крѣпостью». Далѣе авторъ даетъ длинный рядъ примѣровъ, подтверждающихъ преимущество атаки надъ обороною, какъ въ сухопутныхъ, такъ и въ морскихъ операціяхъ, и затѣмъ высказываетъ:

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что для того, чтобы остановить полетъ орла или ястреба, выгоднѣе пользоваться ружьемъ, нежели сѣтью, а соотвѣтственно тому и ассигнуемые кредиты слѣдуетъ рас-

ходовать на усовершенствованіе вооруженія и усиленіе активныхъ средствъ борьбы. Сверхъ денежной стоимости и значительнаго времени, потребнаго на ихъ сооруженіе, форты страдаютъ еще тѣмъ существеннымъ недостаткомъ, что они становятся устарѣвшими раньше ихъ окончанія. По мѣрѣ увеличенія силы и размѣровъ, крѣпости нуждаются все въ болѣе многочисленныхъ гарнизонахъ, а крѣпости, какъ Парижъ или Бухарестъ, требуютъ для обороны такихъ количествъ войскъ, которыя и безъ фортификаціонныхъ сооруженій могутъ дать отпоръ непріятелю. При прежнихъ малочисленныхъ арміяхъ, малыхъ территорияхъ, скудныхъ путяхъ сообщенія, укрѣпленія могли прикрывать операціонныя базы арміи, теперь же они не могутъ выполнить и этой задачи. Исторія даетъ множество примѣровъ, когда крѣпости подчиняли себѣ операціи армій въ полѣ, искажали планъ дѣйствій и вредно дѣйствовали на духъ войскъ.

Изъ числа невыгодъ, присущихъ крѣпостямъ, авторъ останавливается на нижеслѣдующихъ: снабженіе крѣпостей гарнизонами идетъ въ ущербъ силѣ полевыхъ армій; гарнизоны не могутъ двинуться на встрѣчу непріятелю съ цѣлью атаковать послѣдняго, а потому не могутъ одержать побѣды. Многія изъ нужныхъ непріятелю свѣдѣній о крѣпости легко имъ собираются заблаговременно. Опредѣляютъ въ нѣкоторой части планъ кампаніи и тѣмъ выдаютъ его непріятелю. Дорого стоятъ. Служатъ ловушками арміямъ. Лѣсныя заросли и другіе мѣстные предметы передъ крѣпостями облегчаютъ операціи непріятеля. Крѣпости могутъ быть непріателемъ обойдены. Въмѣсто служебнаго онѣ получаютъ иногда самостоятельное значеніе и стѣсняють дѣйствія армій. Крѣпости располагаются по необходимости въ нѣкоторомъ удаленіи отъ границы, и часть территоріи уступается такимъ путемъ непріятелю съ самаго начала войны.

Кромѣ того помѣщены въ обзорѣваемомъ выпускѣ статьи:

Капитана Giacomo Carpentieri подъ заглавіемъ «Кавказъ».

«Дисциплинарныя наказанія въ японской арміи».

Капитана Emanuele Niccolini, «Завоеваніе Египта англичанами».

Полковника Eugenio Caputo, «Описаніе итальянскихъ геодезическихъ и топографическихъ работъ въ Ливіи».

Окончена статья поручика Francesco Stroppa.

Помѣщено продолженіе статьи капитана A. Bindi.

В. Н.

ИНОСТРАННОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Австро-Венгрія. Пулеметы Шварцлозе и стрѣльба изъ нихъ.—*Франція.* Ночныя дѣйствія: уставъ и литература.—*Голландія.* Усиленіе арміи и береговыхъ укрѣпленій.—*Швеція.* Подготовка ландштурма.

Австро-Венгрія.

О пулеметныхъ командахъ, этомъ сравнительно новомъ, какъ бы вспомогательномъ родѣ оружія, въ послѣднее время много пишутъ въ иностранной военной печати.

Оно и понятно—оружіе страшное, осыпающее врага свинцовымъ (стальнымъ) дождемъ, но въ своемъ примѣненіи довольно сложное тѣмъ болѣе, что оно заключаетъ въ себѣ какъ бы элементы всѣхъ трехъ главныхъ родовъ войскъ: по свойству огня—это пѣхота, по примѣненію—это даже въ большой степени, чѣмъ кавалерія, «*l'arme du moment*», по способу передвиженія—оно ближе всего подходитъ къ артилеріи.

По поводу австрійскихъ пулеметовъ системы Шварцлозе завязалась оживленная полемика. Пулеметы эти изготовляются въ Австріи и отличаются, на примѣръ, отъ германской системы, меньшимъ числомъ составныхъ частей; другая особенность заключается въ томъ, что они перевозятся на выюкахъ. Въ послѣднее время въ военной печати часто появляется критика пулеметовъ Шварцлозе: указываютъ на частые случаи поломки частей, разрыва гильзъ и выпаданія пуль, имѣющаго послѣдствіемъ просыпку пороха изъ гильзы; особенно же подчеркивается неудобство сноса перевозки пулеметовъ на выюкахъ въ смыслѣ боевой готовности, такъ какъ передъ началомъ дѣйствія изъ пулеметовъ ихъ приходится разгружать и составлять.

Австрійскій капитанъ Мельцеръ издалъ руководство подъ заглавіемъ «Основанія для подготовки къ службѣ при пулеметахъ» и въ

одной изъ статей посвящаетъ 19 страницъ на обсужденіе недостатковъ системы и способовъ замѣны частей. Это подхватилъ въ своемъ трудѣ—«Пулеметы, техника и тактика ихъ» германскій майоръ Флекъ, который изъ этого обстоятельства дѣлаетъ выводъ о плохомъ состояніи матеріальной части пулеметовъ Шварцлозе. *Danzer's Armee Zeitung* съ негодованіемъ опровергаетъ это заключеніе и говоритъ, что пулеметы и патроны въ Австріи славятся своею прочностью и совершенствомъ, и даже подозреваетъ автора въ выступленіи въ цѣляхъ конкуренціи. Это, насколько помнится, чуть ли не первая размолвка между союзными военными кадрами.

Тотъ же журналъ протестуетъ противъ критики австрійскаго способа перевозки пулеметовъ и рекомендуемыхъ инструкціей «импровизацій» въ этомъ отношеніи; «критики умоляли бы», говоритъ журналъ, «если бы видѣли, какъ наши пулеметы устанавливаются на самыхъ трудныхъ позиціяхъ, какъ они переправляются черезъ широкія водныя преграды, какъ въ минуту необходимости сбрасываніемъ вспомогательныхъ матеріаловъ прислуга можетъ быть посажена верхомъ для быстрого передвиженія и т. д.».

Въ числѣ печатныхъ изданій о пулеметахъ можно указать на появившуюся въ 1913 г. въ Берлинѣ брошюру германскаго капитана ф. Меркатца—«Наши пулеметы; ихъ техника, теорія стрѣльбы и примѣненіе».

Въ военномъ журналѣ Штрефлера появляются подробные отчеты о стрѣльбѣ въ Австріи пѣхоты и пулеметовъ, позволяющіе судить о содержаніи и примѣненіи соотвѣствующихъ инструкцій.

Обученіе дѣйствію изъ пулеметовъ въ Австріи ведется чрезвычайно тщательно и систематично съ постепеннымъ переходомъ отъ легкаго къ болѣе сложному. Особенное значеніе придается упражненіямъ въ стрѣльбѣ съ «учебными патронами» (пули снабжены капсюлемъ съ зажигательнымъ составомъ; при паденіи пули составъ зажигается и развиваетъ сильный дымъ, что облегчаетъ наблюденіе). Прислуга при этомъ обучается быстрой наводкѣ и прицѣливанію, способамъ разсѣиванія огня по фронту и въ глубину, а также сочетанію разсѣиванія по фронту и въ глубину противъ цѣлей, занимающихъ косое направленіе къ линіи огня, затѣмъ различнымъ методамъ пристрѣлки противъ неподвижныхъ и двигающихся цѣлей и, наконецъ, наблюденію за дѣйствіемъ огня.

При этомъ обращается особое вниманіе на слѣдующія обстоятельства:

1) Сочетаніе службы «наблюдателя» съ дѣйствіями наводчика съ тѣмъ, чтобы поправки, указанныя наблюдателемъ, быстро приводились въ исполненіе; въ этомъ отношеніи особенно важно, чтобы наблюдатель, замѣтившій паденіе пули внѣ цѣли, умѣлъ быстро перевести свои наблюденія въ соотвѣствующую поправку.

2) Важно также, чтобы наблюдатель имѣлъ ясное представленіе о вліяніи мѣстности на положеніе и протяженіе снопа траекторій; для сего производится рядъ упражненій при трехъ различныхъ случаяхъ: когда мѣстность у цѣли возвышается, опускается или почти параллельна линіи прицѣливанія; чѣмъ больше мѣстность возвышается, тѣмъ глубина пораженія меньше; при обстрѣливаніи тонкихъ линій (цѣпи) это значенія не имѣетъ; при пристрѣлкѣ это обстоятельство приобретаетъ особенное значеніе.

3) При стрѣльбѣ съ разсѣиваніемъ огня особенное вниманіе обращается на его равномерность; если между различными группами цѣли имѣются значительные промежутки, то при разсѣиваніи огня онъ перебрасывается черезъ нихъ.

4) Во время пристрѣлки соблюдается, чтобы всѣ пулеметы стрѣляли по одной цѣли. При очень трудно различаемой цѣли требуется, чтобы начальникъ пулеметной команды самъ наводилъ одинъ пулеметъ.

5) Пристрѣлка при помощи недолетовъ примѣняется, когда цѣль находится на вершинѣ возвышенности или на опушкѣ лѣса, такъ какъ въ этихъ случаяхъ ясно видны только недолеты.

6) Пристрѣлка перелетами рекомендуется въ тѣхъ случаяхъ, когда по очертанію мѣстности впереди цѣли или закрытости ея (кусты) недолеты плохо видны или когда приходится стрѣлять по верху своихъ войскъ.

7) Пристрѣлка нѣсколькими высотами прицѣла производится тогда, когда, при благопріятныхъ условіяхъ наблюденія, всѣ пулеметы должны обстрѣливать одну цѣль. Тогда прицѣлы эшелонируются между пулеметами и послѣдніе стрѣляютъ не одновременно, а послѣдовательно одинъ за другимъ.

8) Пристрѣлка при помощи постепеннаго приближенія снопа траекторій къ цѣли производится только при очень благопріятныхъ условіяхъ наблюденія. Въ минуту достиженія цѣли снопомъ траекторій «наблюдатель» укрѣпляетъ зажимъ прицѣла.

9) При всѣхъ способахъ пристрѣлки, послѣ опредѣленія надлежащей дистанціи, производится еще «тонкая пристрѣлка». Вообще пристрѣлка пулеметовъ въ Австріи довольно сложная и требуетъ много времени (D. Officierblatt).

10) Послѣ пристрѣлки начинается дѣйствіе пулеметовъ, которое можетъ быть одиночнымъ—когда каждый пулеметъ совершенно самостоятельно обстрѣливаетъ свою особую цѣль, или же по отдѣленіямъ (пулеметнымъ), которое всегда примѣняется при разсѣиваніи огня или эшелонированіи прицѣловъ.

11) При томъ и другомъ способѣ дѣйствія допускается 4 вида огня: въ опредѣленную точку (Punktfeuer) противъ узкихъ и не-

глубокихъ цѣлей (напримѣръ, непріятельскихъ пулеметовъ), разсѣиваніе по фронту противъ длинныхъ цѣлей (стрѣлковыхъ цѣпей), разсѣиваніе въ глубину противъ узкихъ глубокихъ цѣлей и разсѣиваніе по фронту и въ глубину противъ «косыхъ» цѣлей.

12) Дѣйствіе изъ пулеметовъ безъ предварительной пристрѣлки примѣняется только противъ легко уязвимыхъ цѣлей и притомъ способныхъ быстро скрываться (напримѣръ, кавалеріи); для углубленія снопа траекторій въ этихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ стрѣльбѣ нѣсколькими прицѣлами или къ разсѣиванію огня.

13) Принципіально установлено, чтобы въ случаѣ прекращенія огня однимъ пулеметомъ, вслѣдствіе порчи его, сосѣдній пулеметъ тотчасъ же обстрѣливалъ кромѣ своей и цѣль умолкнувшаго, пока послѣдній вновь не заговорить.

Франція.

Извѣстный военный писатель генераль-маіоръ Балкъ въ *Militär Wochenblatt* разсматриваетъ господствующіе во Франціи взгляды на ночныя дѣйствія войскъ. Эти взгляды заслуживаютъ тѣмъ большаго вниманія, что они существенно отличаются отъ принциповъ, примѣняемыхъ въ большинствѣ другихъ армій, напримѣръ, германской, японской и др. Главное отличіе заключается прежде всего въ отсутствіи въ уставѣ точныхъ указаній для производства ночныхъ атакъ и въ предоставленіи полной самостоятельности младшимъ начальникамъ, а также въ движеніи ночью узкимъ фронтомъ въ сомкнутыхъ колоннахъ, тогда какъ въ другихъ арміяхъ для сего рекомендуются длинныя тонкія линіи, въ которыхъ люди по возможности сохраняютъ соприкосновеніе локтей или даже, взявъ другъ друга подъ руку, образуютъ непрерывную цѣпь.

Французы вообще, говоритъ авторъ статьи, не питаютъ склонности къ ночнымъ дѣйствіямъ, что подтверждается и военною исторіею, быть можетъ вслѣдствіе свойственной имъ впечатлительности, легко вызывающей панику.

Французскій уставъ 1904 г. главнымъ образомъ допускаетъ дѣйствія ночью для перехода открытыхъ пространствъ, находящихся подъ огнемъ противника, и для занятія исходныхъ позицій въ виду предстоящей днемъ атаки. Далѣе уставъ поясняетъ, что, такъ какъ ночью дѣйствіе огня почти равно нолю, то иногда съ малыми силами можно овладѣть опорными пунктами, атака которыхъ днемъ потребовала бы значительныхъ силъ. Только пѣхота примѣнима для ночныхъ дѣйствій; отъ кавалеріи и артилеріи она можетъ ждать поддержки только на разсвѣтѣ. Для ночной атаки необходимо точно указать опредѣленную цѣль, по возможности заранѣе обслѣдован-

ную, для достиженія которой потребовалось бы лишь самое простое движеніе; направленіе должно быть указано дорогою и яснымъ очертаніемъ пути (долина рѣки, лощина, опушка и т. п.). Если принимается атака нѣсколькихъ цѣлей, то каждая атака ведется самостоятельно; руководитель каждой группы указываетъ своей части задачу, пунктъ сбора и условные знаки. Войска двигаются сомкнуто соблюдая полную тишину, и атакуютъ, не стрѣлая, прямо въ штыки. Такія нападенія удобнѣе всего производить въ началѣ или въ срединѣ ночи и только когда они предшествуютъ большому сраженію—передъ разсвѣтомъ. При оборонѣ ночью уставъ рекомендуетъ сначала огонь для отраженія атаки, а затѣмъ контръ-атаку въ штыки. Вотъ и все; онъ не даетъ указаній относительно формы строя, дистанцій, мѣръ охраненія и различныхъ сноровокъ при ночныхъ дѣйствіяхъ, предоставляя рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ инициативѣ начальниковъ. Однако, такая задача не всѣмъ будетъ подъ силу и потому, въ виду большого значенія, приобрѣтеннаго ночными дѣйствіями послѣ манчжурской войны, весьма естественно, что во французской военной литературѣ было сдѣлано много попытокъ придти на помощь войсковымъ начальникамъ и установить детальныя основанія для производства ночныхъ атакъ.

Къ этимъ попыткамъ и обращается генераль-майоръ Балкъ. Полковникъ де Колинъ въ своемъ трудѣ «*L'infanterie au combat*» при значительныхъ силахъ совѣтуетъ образовать нѣсколько отдѣльных колоннъ, силою не болѣе 2 баталіоновъ, и имѣть общій резервъ. Если колонна состоитъ изъ 1 баталіона, то впереди идетъ 1 эшелонъ, назначаемый для штурма,—всего 1 рота, а въ 150 м. позади II эшелонъ изъ 3 ротъ, который поддерживаетъ I, при удачѣ атаки прорывается впередъ и занимаетъ оборонительную позицію. По командѣ «*en avant*» въ штыки бросается 1-я полурота I эшелона въ колоннѣ, соответствующей ширинѣ дороги; 2-я полурота слѣдуетъ позади въ томъ же строю. При неожиданномъ столкновеніи во время наступленія не слѣдуетъ стрѣлять, а прямо бросаться въ штыки. Эта простѣйшая форма построенія примѣняется часто.

Полковникъ де Фонклеръ, «*L'Instruction d'un régiment d'infanterie*» 1909, также рекомендуетъ ночныя атаки лишь ограниченными силами, не болѣе полка, для захвата отдѣльных пунктовъ. Въ авангардѣ въ 300—400 метрахъ впереди главныхъ силъ—1 баталіонъ; отъ него въ 300 м.—рота, а отъ послѣдней въ 100 м. впереди—взводъ. Главныя силы дѣлятся на «атакующую группу»— $\frac{1}{3}$ силъ (рота въ линіи взводныхъ колоннъ вдвоенными рядами), въ 100 м. позади поддержка— $\frac{1}{3}$ силъ за флангами атакующей группы для дѣйствія противъ фланга и тыла противника; наконецъ, еще въ 100—200 м. позади резервъ— $\frac{1}{3}$ силъ для поддержки атакующей части, увле-

ченія ея впередъ или принятія ея въ случаѣ неудачи. При сильномъ огнѣ противника—ложиться, потомъ по командѣ «en avant», вскочивъ, броситься въ штыки при барабанномъ боѣ и игрѣ горнистовъ. Слѣдуетъ замѣтить, что такое глубокое эшелонированіе можетъ повредить внезапности нападенія. При оборонѣ, кромѣ фронтальнаго отраженія атаки, рекомендуется произвести нападеніе въ флангъ противника или, по способу маршара Бюжо, занять въ тылу вторую позицію, пока противникъ атакуетъ передовую.

На маневрахъ 1911 г. въ юго-восточной Франціи была сдѣлана 2 баталіонами неудачная попытка ночной атаки высоты Монъ-Гедри. Она обнаружила недостаточность подготовки войскъ къ ночнымъ дѣйствіямъ и по поводу ея военный министръ Мессими 16-го октября 1911 г. издалъ приказъ слѣдующаго содержанія: «вслѣдствіе усовершенствованія огнестрѣльнаго оружія и способовъ развѣдыванія при помощи воздухоплаванія, ночныя дѣйствія пріобрѣтаютъ все большее значеніе въ смыслѣ обезпеченія операцій; они заключаются въ походныхъ движеніяхъ, бояхъ и занятіи такихъ позицій, доступъ къ которымъ днемъ затруднителенъ. Опытъ манчжурской войны показалъ, что ночные бои не даютъ рѣшающаго успѣха, такъ какъ соблюденіе связи между частями и руководство ими ночью крайне затруднительны и даже на сторонѣ побѣдителя части настолько перемѣшиваются, что использовать успѣхъ невозможно. Поэтому атаки среди ночи ничто иное, какъ внезапныя нападенія съ ограниченнымъ результатомъ. Напротивъ, ночныя движенія и атаки на разсвѣтѣ обѣщаютъ значительный успѣхъ, такъ какъ они могутъ служить для дальнѣйшаго развитія операцій. Этого рода предпріятія въ будущемъ часто будутъ примѣняться. Во всѣхъ иностранныхъ арміяхъ къ нимъ тщательно готовятъ, а потому и во французской арміи слѣдуетъ обратить вниманіе на этотъ вопросъ. Залогомъ успѣха такихъ предпріятій является тщательная подготовка ихъ со стороны начальниковъ и строгая дисциплина въ частяхъ войскъ».

Въ этомъ приказѣ снова даются лишь самыя общія основанія безъ какихъ-либо детальныя указаній. Опять для восполненія пробѣла выступаютъ военные писатели: полковникъ Бюжакъ со статьей «Exercices de nuit», въ *Spectateur militaire* (1912 г.), капитанъ Ледаанъ въ брошюрѣ «Operations de nuit», но особенно цѣнными вкладами въ литературу вопроса являются труды генераловъ Брюно «Considérations sur les marches et combats de nuit» и Трумелъ-Фаберъ «Le combat de nuit». Они оба требуютъ тщательной подготовки войскъ въ мирное время къ ночнымъ дѣйствіямъ, движенія въ колоннахъ и глубокихъ построеній при ночныхъ нападеніяхъ съ цѣлью не дать противнику опомниться послѣ первой атаки, а произвести нѣсколько послѣдовательныхъ атакъ.

Генераль Трюмелэ-Фаберъ составляетъ наступающій ночью отрядъ изъ 5 эшелоновъ: атакующую часть, поддержку, долженствующую парировать всякую задержку атаки, 1-й резервъ для отраженія фронтальныхъ контръ-атакъ, 2-й резервъ за флангами и, наконецъ, 3-й резервъ въ распоряженіи руководителя.

Для примѣра отъ баталіона атакующую часть составляютъ 2 взвода, слѣдующихъ рядомъ въ походныхъ колоннахъ; въ 50 м. позади еще 2 взвода въ такомъ же строю; еще въ 100 м. далѣе 1-й резервъ рота въ линіи взводныхъ колоннъ (походныхъ); далѣе въ 50 м. 2-й резервъ—рота по 2 взвода въ колоннахъ за флангами и, наконецъ, еще въ 150 м. позади—3-й резервъ, рота въ линіи взводныхъ колоннъ. Глубина построенія всего баталіона такимъ образомъ составляетъ 450 метровъ.

Движеніе болѣе широкимъ фронтомъ не рекомендуется; полкъ также двигается въ колоннахъ; атакующую часть составляетъ баталіонъ, прочіе эшелоны слѣдуютъ въ разстояніи 100—150 м. Дойдя до разстоянія въ 200—300 м. отъ позиціи противника, атакующая часть останавливается, насаживаетъ штыки и передовая полурота развертывается (ротный командиръ впереди, взводные—на флангахъ); вторая полурота (поддержка) остается во взводной колоннѣ; затѣмъ по командѣ «en avant»—штурмъ безъ стрѣльбы подъ звуки барабановъ и горновъ. Поддержка пробивается впередъ мимо вступившей въ бой 1-й линіи, а 1-й резервъ высылаетъ полуроту въ качествѣ поддержки; всѣ части отряда продолжаютъ движеніе; каждый послѣдующій эшелонъ старается пробиться впередъ мимо столкнувшихся частей. Контръ-атаки противника, фронтальныя и фланговые, встрѣчаются огнемъ изъ 4 шереножного строя. Важность охраненія фланговъ патрулями во время движенія особенно подчеркивается. На случай необходимости отступленія устанавливается особый сигналъ. Генераль Трюмелэ-Фаберъ основываетъ свои указанія на боевомъ опытѣ, приобрѣтенномъ имъ въ Тонкинѣ.

Изъ указаній генерала Брюно можно отмѣтить его совѣты для дѣйствія ночью при оборонѣ: атакованная часть, даже самая малая (напримѣръ застава), сначала встрѣчаетъ атаку огнемъ, а затѣмъ бросается впередъ въ штыки; стоящія въ сторонѣ отъ атакуемаго пункта поддержки, когда противникъ прорвался, бросаются ему во флангъ. Очень интересна роль, которую генераль Брюно приписываетъ кавалеріи при ночныхъ дѣйствіяхъ: въ ожиданіи нападенія она спѣшенно остается на боковыхъ дорогахъ, а когда получится донесеніе о наступленіи противника—съ мѣста по взводно атакуетъ галопомъ, по возможности въ разныхъ направленіяхъ. Такія атаки матеріально не обѣщаютъ успѣха, но моральное дѣйствіе ихъ будетъ громадное. Ночью кавалерія самый безобидный родъ войскъ и все

же страхъ передъ нею ночью во многихъ столкновѣнiяхъ имѣлъ рѣшающее значенiе; крикъ «кавалерiя буровъ» ночью 29-го октября 1899 г. при Никольсонъ-некѣ произвелъ настоящую панику въ колоннѣ полковника Карлетона; тоже случилось послѣ оставленiя русскими позицiи у Наншаня при отступленiи къ Мукдену и у японцевъ послѣ занятiя Санкойсекисана. Только одинъ англiйскiй уставъ въ этомъ отношенiи даетъ извѣстныя указанiя: «предпримчивая кавалерiя и ночью не должна упускать случая беспокоить противника съ цѣлью вызвать панику; при этомъ рекомендуется также стрѣлять, для введенiя противника въ заблужденiе (такой случай былъ на маневрахъ въ Индiи въ 1912 г. близъ Пуны: 2 баталiона на походѣ ночью были атакованы однимъ эскадрономъ; нападенiе было столь неожиданнымъ, что много людей разбѣжалось по кустамъ и канавамъ и было смято всадниками; 30 человекъ получили серьезныя поврежденiя и легли въ лазаретъ, а 107 отдѣлались болѣе легкими ушибами).

Только у одного французскаго автора г.-м. Балкъ нашелъ отступление отъ французскаго принципа атаковать ночью въ колоннахъ и узкимъ фронтомъ: капитанъ Бильяръ, «Education de l'infanterie», приводитъ примѣръ атаки высоты ночью двумя баталiонами въ 1-й линiи, имѣя каждую роту въ 2 эшелона и фланговые роты оттянутыми назадъ, а третiй баталiонъ позади въ резервѣ; но этотъ взглядъ является исключенiемъ. Изъ вышеизложеннаго извлеченiя изъ статьи г.-м. Балка явствуется, что французскiй уставъ и официальныя инструкцiи не даютъ какихъ-либо опредѣленныхъ указанiй для производства ночныхъ нападенiй и только въ военной литературѣ преобладающими принципами являются при ночныхъ атакахъ примѣненiе сравнительно малыхъ силъ, узкаго фронта и движенiя въ колоннахъ. По этому поводу можно отмѣтить, что давать шаблоны въ уставахъ вообще неосновательно, а для ночныхъ дѣйствiй оно тѣмъ болѣе опасно, что главный залогъ ихъ успѣха—внезапность и тайна. Если будетъ извѣстно, что противникъ ночью всегда атакуетъ узкимъ фронтомъ и двигается въ колоннѣ, то этому легко противодействовать стремительною контръ-атакою во флангъ; наоборотъ, если извѣстно, что онъ ночью всегда нападаетъ тонкими длинными линiями, то энергичный прорывъ такой линiи можетъ повлечь за собою неудачу всего предпрiятiя. Ночью какъ нельзя болѣе форма строя и организацiя предпрiятiя зависятъ отъ обстановки—отъ мѣстности, степени темноты, близости противника, степени его бдительности, моральнаго состоянiя войскъ и пр.; потому надо считать правильнымъ, что французскiй уставъ не даетъ детальныя указанiй относительно производства ночныхъ нападенiй. Но что уставъ можетъ и долженъ требовать—это тщательную одиночную и въ строю подго-

товку людей къ ночнымъ операціямъ, а также частыя упражненія младшихъ начальниковъ въ организаціи ночныхъ операцій при различныхъ обстоятельствахъ.

Голландія.

Политическая тревога лѣтомъ 1911 года, вызванная марокскимъ вопросомъ, и проникшія въ печать частныя разсужденія о возможности нарушенія нейтралитета Бельгіи и Голландіи въ случаѣ войны между ихъ могущественными сосѣдями, побудили эти государства обратить серьезное вниманіе на усовершенствованіе своихъ вооруженныхъ силъ. Въ Бельгіи палата депутатовъ недавно приняла законопроектъ объ усиленіи мирнаго состава арміи съ 42.000 до 55.000 человѣкъ и измѣненіяхъ въ организаціи арміи, дающихъ возможность выставить въ военное время, вмѣсто 180.000, армію въ 340.000 человѣкъ.

Въ Голландіи военный министръ Колинъ работалъ въ томъ же направленіи, достигъ увеличенія контингента съ 17.000 до 23.000 человѣкъ, провелъ новый законъ объ организаціи арміи, вступившій въ силу 1-го апрѣля сего года, и вновь внесъ въ палату проектъ объ усиленіи укрѣпленій въ устьяхъ Шельды.

Законъ о новой организаціи арміи главнымъ образомъ имѣетъ цѣлью ускореніе мобилизаціи арміи. До сихъ поръ пѣхота въ мирное время состояла изъ 12 полковъ по 4 баталіона 4-ротнаго состава, которые въ военное время развертывались каждый въ 6 баталіоновъ и 1 запасный баталіонъ; такимъ образомъ недоставало даже баталіонныхъ кадровъ, что должно было очень замедлить мобилизацію. Между тѣмъ Голландіи по своему географическому положенію очень важно именно въ самомъ началѣ столкновенія между сосѣдями быстро мобилизовать свою армію для охраны нейтралитета.

По новому закону каждый изъ 12 пѣхотныхъ полковъ имѣетъ въ мирное время 6 баталіоновъ, изъ коихъ 1, 2, 3 и 4 по 3 роты, а 5 и 6 по 2 роты и по 1 запасной ротѣ. Въ военное время число полковъ удваивается, ибо изъ cadaго полка 1, 2 и 5 и 3, 4 и 6 баталіоны формируютъ два отдѣльныхъ полка, каждый изъ 3 дѣйствующихъ и 1 запаснаго баталіона; дивизія въ военное время будетъ состоять изъ 3 бригадъ по 2 полка 3-баталіоннаго состава, а всего изъ 18 баталіоновъ, 1 полка кавалеріи, 1 полка артилеріи, 1 піонерной роты, 1 пулеметнаго отдѣленія съ 4 пулеметами и 1 велосипедной роты. Такихъ дивизій голландская армія будетъ имѣть всего 4; въ общемъ 72 баталіона пѣхоты.

Въ кавалеріи преобразованія не произошло; она по прежнему состоитъ изъ 4 полковъ по 4 эскадрона; кромѣ того, имѣется 2 эскадрона—депо и 1 эскадронъ ординарцевъ.

Организація артилеріи подверглась слѣдующему измѣненію: до сихъ поръ имѣлось 4 полка по 6 батарей или всего 24 полевыхъ батарей; кромѣ того, при каждомъ полку резервная батарея и, наконецъ, всего 2 конныя батареи. Боевую часть батареи составляли 6 орудій и 6 зарядныхъ ящиковъ, а второй эшелонъ образовывался изъ 3 зарядныхъ ящиковъ. Теперь каждая батарея въ полѣ дѣлится на 2 полубатареи (А и Б) по 3 орудія и 4 зарядныхъ ящика каждая; въ каждой второй эшелонъ составляютъ 3 зарядныхъ ящика; боевая батарея А имѣетъ, кромѣ того, повозку съ запасами. Каждая боевая батарея (А и Б) снабжена лѣстницей-вышкой, подзорною трубою, телефономъ и пр. Въ административномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ единицею является 6-орудійная батарея; также и обозъ—одинъ общій изъ 3 фуражныхъ, 1 багажной и 1 провіантской повозокъ. Всего въ батареѣ 26 повозокъ. Число снарядовъ на орудіе составляетъ 282 (прежде 190). Артилерійскій полкъ состоитъ изъ 3 дивизионовъ по 2 батареи 6-орудійнаго состава (или по 4 боевыхъ батареи по 3 орудія), всего изъ 36 орудій (прежде 24). Боевою батареею А командуетъ капитанъ (батареинный командиръ), а боевою батареею Б—поручикъ.

Въ виду увеличенія числа зарядныхъ ящиковъ при батареяхъ, существовавшія раньше при каждомъ полку 2 легкихъ парковыхъ колонны отпадаютъ.

Крѣпостная артилерія до сего времени состояла изъ 4 полковъ, въ каждомъ по 2 баталіона въ 5 ротъ. Такъ какъ такая схематическая организація не соответствовала расположенію крѣпостной артилеріи на укрѣпленныхъ позиціяхъ, то теперь 40 ротъ ея сведены въ группы различнаго состава, примѣнительно къ укрѣпленнымъ позиціямъ, и сформировано еще 17 резервныхъ ротъ. Кромѣ того, къ крѣпостной артилеріи принадлежитъ баталіонъ («korps») броневыхъ фортовъ въ 4 роты, минный баталіонъ въ 2 роты и понтонный баталіонъ изъ 2 ротъ.

Инженерный полкъ остался безъ измѣненій въ составѣ 1 піонернаго баталіона въ 4 роты, 1 баталіона войскъ сообщеній изъ 2 желѣзнодорожныхъ и 2 телеграфныхъ ротъ, а также 1 учебной и 1 запасной ротъ.

Въ военное время каждой армейской дивизіи, кромѣ перечисленныхъ частей, придается телеграфное отдѣленіе, санитарная рота, артилерійскій и пѣхотный паркъ съ боевыми припасами, интендантское, полевое лазаретное и понтонное отдѣленія.

Съ 1-го марта 1912 г. ежегодный контингентъ новобранцевъ былъ увеличенъ съ 17.000 до 23.000 человекъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, срокъ состоянія въ арміи («милиціи») уменьшенъ съ 8 до 6 лѣтъ, а въ ландверѣ съ 7 до 5 лѣтъ съ цѣлю омоложенія арміи. Сроки дѣй-

ствительной службы остались прежними—8½ мѣсяцевъ въ пѣхотѣ, крѣпостной артиллеріи и инженерахъ (15 мѣсяцевъ на броневыхъ фортахъ и въ минномъ баталіонѣ) и 24 мѣсяца въ конныхъ родахъ войскъ; затѣмъ установлено по 2 повторительныхъ сбора для состоящихъ въ запасѣ арміи и въ ландверѣ и, кромѣ того, при ежегодномъ контрольномъ сборѣ ландвера производится упражненіе въ мобилизаціи.

Составъ частей въ пѣхотѣ крайне слабый, а потому и подготовка ея очень ограниченная. Дисциплина и духъ войскъ хорошіе и исключительно оборонительную цѣль, для которой предназначается голландская армія, она въ состояніи выполнить.

Военное министерство заботится о снабженіи арміи всѣми современными техническими усовершенствованіями, какъ-то: полевыми кухнями, грузовиками для обоза, летательными аппаратами и пр. Окончательно принято для арміи полевое обмундированіе сѣро-зеленаго цвѣта.

Что касается укрѣпленныхъ пунктовъ, то въ послѣднее время было обращено значительное вниманіе на усиленіе «новой оборонительной линіи» по водянымъ системамъ къ югу и востоку отъ столицы, защищающей ее со стороны Германіи, которая въ связи съ подготовленнымъ наводненіемъ мѣстности въ значительной степени обезпечиваетъ Гаагу отъ покушеній съ юга. Затѣмъ въ этомъ году военный министръ вновь внесъ въ палату законопроектъ объ усиленіи укрѣпленій въ устьяхъ р. Шельды.

Относительно этого вопроса слѣдуетъ вспомнить, что когда въ 1911 году былъ внесенъ въ палату обширный проектъ укрѣпленія устьевъ Шельды, стоимость котораго была исчислена въ 25 милліоновъ гульденовъ, это обстоятельство вызвало большую тревогу въ англійской и французской печати, въ которой отмѣчалось, будто бы этотъ проектъ составленъ подъ германскимъ вліяніемъ для воспрепятствованія высадки англійскихъ войскъ въ случаѣ войны на континентѣ. Раздались протесты и со стороны Бельгіи, такъ какъ укрѣпленія Флиссингена загораживаютъ выходъ изъ р. Шельды въ море. Голландскій военный министръ взялъ проектъ обратно; вторичная попытка въ октябрѣ 1912 г. провести проектъ по уменьшенной программѣ (10,85 мил. гульденовъ) также потерпѣлъ неудачу. Теперь въ третій разъ внесенъ проектъ усиленія укрѣпленій въ устьяхъ Шельды, но всего на сумму 4.553.000 гульденовъ, и военный министръ категорически заявилъ въ палатѣ, что проектъ не возникъ подъ иностраннымъ внушеніемъ, не имѣетъ цѣлью запретить устья Шельды, а лишь—національную оборону страны.

Проектъ предусматриваетъ возведеніе форта у Флиссингена на сумму 3,35 милліоновъ, усиленіе артиллеріи на фортахъ Некъ-ванъ-

Голандъ, Юмуйденъ и Хельдеръ—730.000 и усовершенствованіе форта Кювдуэнъ—473.000. Форты предполагается вооружить 28-см. орудіями 45 калибровъ длины въ броневыхъ башняхъ; отъ калибра 30,5 см. (50 калибровъ длины) отказались, въ виду менѣе продолжительной службы этихъ орудій.

Хотя первоначальный проектъ береговыхъ укрѣпленій подвергся столь значительному сокращенію, голландское правительство надѣется, что пока этимъ можно удовлетвориться въ связи съ осуществленіемъ къ 1916 году программы усиленія флота, которая, исчисленная въ 13,29 милліона гульденовъ, обнимаетъ собою постройку 8 большихъ миноносцевъ, 14 броневыхъ лодокъ и 2 подводныхъ лодокъ. Изъ нихъ до сихъ поръ готовы 3 броневыхъ лодки, а постройка 4 миноносцевъ будетъ окончена въ текущемъ году.

Ш в е ц і я.

Въ Швеціи въ послѣднее время вниманіе общественнаго мнѣнія было въ значительной степени обращено на подготовку ландштурма (ополченія). Этому немало способствовала произведенная прошлою зимою на сѣверѣ страны пробная мобилизація, въ которой участвовали части мѣстнаго ополченія. Оно выказало много усердія во время происходившихъ послѣ сбора его небольшихъ полевыхъ упражненій (оборона пунктовъ, отраженіе десанта и пр.), но успѣхъ замѣчался только тамъ, гдѣ частямъ были приданы офицеры и унтеръ-офицеры постоянной арміи; при отсутствіи ихъ руководства дѣло не ладилося.

Дѣйствительно, для ландштурма, назначеніе котораго въ пограничныхъ и береговыхъ районахъ—по возможности задерживать противника до изготвленія и подхода частей арміи, военное вѣдомство дѣлаетъ крайне мало: страна раздѣлена на ландштурмные округа, въ центральномъ пунктѣ которыхъ назначается офицеръ—начальникъ округа, вѣдающій учетомъ ополченцевъ и храненіемъ запасовъ обмундированія и оружія; вотъ и все—сборовъ ополченія не установлено и оно не имѣетъ подготовленныхъ младшихъ начальниковъ, для коихъ сборы установлены только въ 4 года разъ; въ началѣ войны части ополченія на окраинахъ останутся безъ руководителей.

Это обстоятельство побудило вмѣшаться въ дѣло частную инициативу; въ округахъ, преимущественно окраинныхъ, стали возникать «союзы ополченцевъ» и «союзы младшихъ начальниковъ ополченія» съ цѣлью военной подготовки, какъ самаго ополченія, такъ главнымъ образомъ и руководителей его. Движеніе это получило болѣе прочное основаніе съ учрежденіемъ въ іюлѣ 1912 г. «Центральнаго союза

шведскихъ ландштурмныхъ обществъ». Назначеніе его содѣйствовать возникновенію новыхъ мѣстныхъ союзовъ и направлять дѣятельность существующихъ.

Управленіе центрального союза заботится также объ организаціи упражненій ополченцевъ и ихъ руководителей, поддерживая связь съ военными властями и съ стрѣлковыми обществами. Оно стремится къ тому, чтобы въ каждомъ округѣ ландштурма образовалось мѣстное «общество подготовки ополченія». Правленіе центрального союза состоитъ изъ предсѣдателя, 21 члена и 6 запасныхъ членовъ; отъ каждаго дивизіоннаго округа (ихъ 6) должно быть не менѣе 1 дѣйствительнаго и 1 запаснаго члена; правленіе изъ своей среды избираетъ вице-предсѣдателя и должностныхъ лицъ, а также исполнительную комиссію изъ предсѣдателя, 5 дѣйствительныхъ и 2 запасныхъ членовъ.

Въ мѣстныхъ «обществахъ» имѣются почетные, активные и пассивные члены. Условія для поступленія активнымъ участникомъ въ различныхъ обществахъ пока еще не одинаковы; въ нѣкоторыхъ принимаются «все начальники ополченія (офицеры и унтеръ-офицеры) или лица, достигшія 28-лѣтняго возраста»; въ другихъ—«всякое интересующееся дѣятельностью общества лицо», или же «все начальники ополченія или вообще лица, достигшія призывнаго возраста». Привести все это къ одному знаменателю—дѣло центрального правленія; прежде всего оно полагаетъ стремиться къ подготовкѣ «начальниковъ ополченія», но не ограничивать пріема возрастомъ или званіемъ лица.

Пассивными членами могутъ быть любыя неопороченныя лица шведской національности, мужчины или женщины.

Годовой взносъ въ среднемъ повсюду составляетъ около 2 кронъ (1 рубля) для активныхъ и 1 кроны для пассивныхъ членовъ. Внесшіе одновременно значительную сумму считаются постоянными членами.

Дѣлами мѣстнаго общества подготовки ополченія вѣдаетъ правленіе изъ предсѣдателя, 4 дѣйствительныхъ и 2 запасныхъ членовъ; его обязанности—содѣйствовать пѣли «общества», нести отвѣтственность за поступающія средства и при помощи казначея вести отчетность, составлять годовую программу занятій, представлять отчетъ общему собранію (обыкновенно въ маѣ) о дѣятельности общества, а ревизорамъ въ опредѣленный срокъ—денежную отчетность.

Что касается программы занятій для участниковъ общества, то она, конечно, въ значительной степени зависитъ отъ средствъ и другихъ обстоятельствъ; но въ общемъ полагается, чтобы участники собирались разъ въ недѣлю или нѣсколько разъ въ мѣсяцъ для изученія «Инструкціи ландштурму» въ теоріи и на практическихъ упражненіяхъ, для слушанія сообщеній, для военной игры, чтенія картъ,

упражнений въ командованіи и въ развѣдкѣ, въ стрѣльбѣ изъ винтовки или револьвера и пр., а также для обсужденія вопросовъ объ условіяхъ наилучшей обороны своего округа.

Задача центральнаго правленія въ будущемъ, между прочимъ, будетъ заключаться въ томъ, чтобы добиваться хотя бы незначительныхъ ассигнованій отъ казны, временной уступки винтовокъ, отпуска патроновъ, перевозки по льготнымъ билетамъ на желѣзныхъ дорогахъ и т. п.

Большое значеніе придается совмѣстной дѣятельности обществъ подготовки ополченія со стрѣлковыми обществами, какъ главныхъ управленій между собою, такъ и мѣстныхъ окружныхъ обществъ; ополченцы тогда могли бы пользоваться стрѣлбищами и винтовками стрѣлковыхъ обществъ, а послѣднія въ лицѣ ополченцевъ могли бы увеличить число своихъ участниковъ, за которыхъ они получаютъ пособіе отъ казны по 5,5 кроны на человѣка, выпустившаго не менѣе 50 пуль.

Примѣръ организаціи общества подготовки ландштурма, конечно, подаетъ стокгольмское общество, обладающее значительными средствами и находящееся у источника всѣхъ благъ—въ столицѣ. Оно недавно устроило состязаніе въ пробѣгѣ верхомъ съ производствомъ развѣдокъ въ теченіе 3 дней, а на Троицу организовало «мобилизацію» цѣлаго баталіона въ 500 человѣкъ съ полевыми упражненіями и боевой стрѣльбой.

Въ послѣднее время по частной инициативѣ возникла мысль на средства, собираемыя по подпискѣ, снабжать ополченіе пулеметами; два жертвователя уже передали стокгольмскому обществу на этотъ предметъ значительныя суммы въ 3.000 и 2.500 кронъ; стоимость «батарей» въ 6 пулеметовъ составляетъ 18.000 кронъ.

Описанное движеніе въ пользу подготовки ополченія возникло еще недавно и, конечно, находится въ зачаткѣ; особенно недостаетъ ему однообразія въ организаціи, достиженіе коего и составляетъ задачу центральнаго правленія, но можно съ увѣренностью сказать, что оно въ недалекомъ будущемъ получитъ значительное развитіе, такъ какъ подобнаго рода начинанія въ Швеціи не ограничиваются «первымъ порывомъ», а съ большою настойчивостью доводятся до осязательныхъ результатовъ, какъ показало грандіозное развитіе стрѣлковаго дѣла въ странѣ и недавняя всенародная подписка на постройку броненосца.

М. Ж.

Разсрочка дѣлается лишь при подпискѣ черезъ канцелярію своей части съ уплатою взносовъ черезъ нее. Непоступленіе взноса къ указанному сроку влечетъ за собою прекращеніе доставки изданія.

Войсковыя части и учрежденія, а также отдѣльные лица, сдающія въ редакцію подписку для себя на „Русскій Инвалидъ“, въ случаѣ присылки не полной годовой платы, будутъ зачисляться въ категорію подписчиковъ на сроки менѣе года, соответственно присылаемой каждый разъ суммѣ. „Военный Сборникъ“ будетъ высылаться лишь по полученіи полной годовой платы.

Плата за перемѣну адреса на «Русскій Инвалидъ» съ городского въ С.-Петербургъ на иногородный (внутри Имперіи) или обратно съ иногороднаго на С.-Петербургскій:

на 1 мѣсяцъ	30	коп.
„ 2 мѣсяца	50	„
„ 3 „ и выше	70	„

При временной перемѣнѣ С.-Петербургскаго адреса на иногородный (напр.. на время лагеря или на дачное время и проч.) первая перемѣна оплачивается по только что указанному тарифу, а обратная дѣлается бесплатно.

За всякую перемѣну иногороднаго адреса на иногородный уплачивается 20 коп.

За перемѣну городского С.-Петербургскаго адреса на таковой же городской платы не взимается.

При перемѣнѣ адреса ввутренняго (внутри Имперіи) на заграничный уплачивается разница между вышеуказанною подписною платою на соотвѣтственные сроки для внутреннихъ и заграничныхъ подписчиковъ. Перемѣна адреса заграничнаго на ввутренній дѣлается бесплатно.

Плата за каждую перемѣну адреса на «Военный Сборникъ»: С.-Петербургскаго городского на иногородный или обратно — 60 коп., иногороднаго на иногородный—20 коп.; за перемѣну городского С.-Петербургскаго на другой городской С.-Петербургскій—платы не взимается.

За перемѣну адреса ввутренняго на заграничный уплачивается по 15 коп. за каждый остающійся мѣсяцъ текущаго года.

Розничная продажа. Отдѣльные нумера «Русскаго Инвалида» продаются по 5 коп. въ конторѣ редакціи и пересылаются по почтѣ за 7 коп.

Отдѣльные книжки «Военнаго Сборника» продаются въ конторѣ редакціи по 60 коп. за книжку (съ пересылкою по 75 коп.), съ приложеніемъ «Военно-Историческаго Сборника» по 1 р. (съ пересылкою 1 р. 25 к.).

Плата за объявленія. Объявленія въ газетѣ «Русскій Инвалидъ» принимаются по тарифу 25 коп. за строку петита или мѣсто, ею занимаемое.

Казенными объявленіями, подлежащими оплатѣ по $\frac{3}{4}$ к. за букву, считаются согласно Цирк. Главнаго Штаба 1900 г. за № 282. только объявленія о вызовѣ наслѣдниковъ послѣ умершихъ генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ.

За разсылку объявленій взимается по 1 к. за первый лотъ вѣса объявленій и по четверть коп. за послѣдующіе лоты.

Объявленія въ «Военномъ Сборникѣ» принимаются по тарифу 20 рублей за страницу, за помѣщеніе одинъ разъ позади текста.

За разсылку отдѣльныхъ объявленій при книжкахъ «Военнаго Сборника» взимается по 15 рублей съ 1000 экземпляровъ, вѣсомъ до 1 лота каждый.

Главный редакторъ журнала «Военный Сборникъ» и газеты «Русскій Инвалидъ»

Ген. Шт. Генераль-Маіоръ **Виллевъ.**

Помощникъ Главнаго редактора, Ген. Шт. Генераль-Маіоръ **Прусанъ.**

А В Т О Р А М Ъ С Т А Т Е Й .

1. Авторамъ, присылающимъ свои статьи въ „Русскій Инвалидъ“ и „Военный Сборникъ“, редакція проситъ соблюдать слѣдующее:

1) Статьи должны быть написаны четко и только на одной сторонѣ страницы (другая должна оставаться чистою). Страницы должны быть перенумерованы (сшивать или брошюровать не надо). На написанной сторонѣ необходимо оставлять поля. Подъ статьей должно быть указано, какую подпись авторъ желаетъ видѣть подъ своей статьей въ печати; это можетъ быть полная фамилія автора, или только инициалы, или псевдонимъ и проч. Но ни чинъ, ни должность, ни званіе, въ силу циркуляра Главнаго Штаба отъ 17-го апрѣля 1908 года № 61, подъ статьями частнаго характера въ печати не допускаются ¹⁾).

2) Въ присланной рукописи, для свѣдѣнія редакціи, должны быть указаны: положеніе (чинъ, должность, мѣсто служенія, званіе), имя, отчество, фамилія и адресъ автора.

3) Необходимо указывать, гдѣ авторъ желаетъ бы напечатать свою статью: въ газетѣ или журналѣ, или же выборъ предоставляется усмотрѣнію редакціи.

О желаніи имѣть отдѣльные оттиски статей, печатаемыхъ въ „Военномъ Сборникѣ“, на первой страницѣ рукописи должно быть написано: „Прошу столько-то отдѣльныхъ оттисковъ“. До 20 оттисковъ безъ перекладки изготовляется бесплатно. Большее же число ихъ, но не болѣе 100, а также переверстка всей статьи въ брошюру, могутъ быть исполняемы лишь за счетъ авторовъ. О желаніи получить оттиски переверстанными необходимо заявлять на первой страницѣ рукописи.

О желаніи получить тѣ номера „Русскаго Инвалида“, въ которыхъ будетъ напечатана статья, необходимо оговаривать на первой страницѣ рукописи. Номера эти предоставляются авторамъ только за плату.

4) На рукописи должна быть помѣтка, указывающая, предоставляет ли авторъ свою статью за гонораръ или бесплатно. Статьи, не имѣющія такой отмѣтки, считаются бесплатными.

5) Рукописи, отправляемые почтою, должны быть отправителемъ оплачены полнымъ почтовымъ сборомъ. Не вполне оплаченной корреспонденціи, за которую почта требуетъ доплату въ двойномъ размѣрѣ, редакція не принимаетъ.

II. Для свѣдѣнія авторовъ сообщается:

1) Изъ присланныхъ статей редакція печатаетъ съ необходимыми редакціонными сокращеніями тѣ, которыя признаетъ подходящими, причемъ срокъ напечатанія не можетъ быть опредѣленъ заранее. Статьи, не предназначенныя къ печати, хранятся въ редакціи въ теченіе года и могутъ быть возвращены авторамъ по ихъ заявленіямъ лично или черезъ довѣреннаго, а также почтою на ихъ счетъ.

2) Ни въ какихъ объясненія о причинахъ ненапечатанія редакція не вводитъ.

3) Гонораръ за платныя напечатанныя статьи назначается редакціею по принятымъ ею нормамъ. Гонораръ уплачивается въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца за всѣ статьи прошедшаго мѣсяца.

¹⁾ Этотъ же циркуляръ воспрещаетъ упоминать въ полемикѣ официальное положеніе своего оппонента.